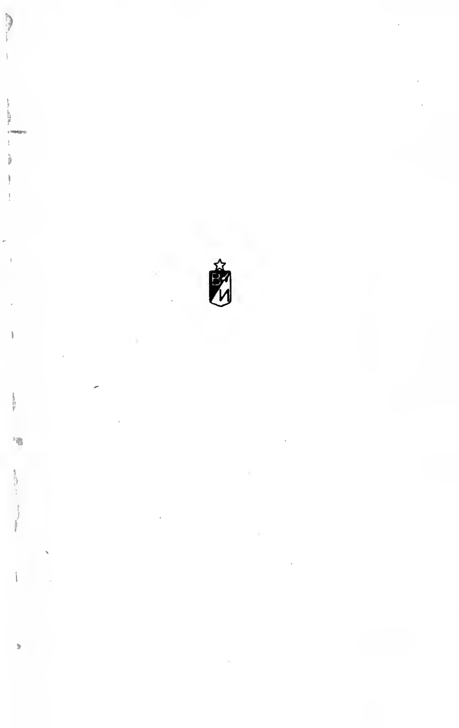
За кулисами японской капитуляции

Л. Брукс



L. BROOKS

BEHIND JAPAN'S SURRENDER

New York — 1968

Л. БРУКС

ЗА КУЛИСАМИ ЯПОНСКОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

Сокращенный перевод с английского

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва · 1971

9(M)72
Б89

Брукс Л.

Б89 За кулисами японской капитуляции. Сокращенный перевод с английского Ю. Азизова, В. Кудинова и А. Ветошкиной под редакцией И. Разумного с предисл. Б. Сапожникова. М., Воениздат, 1971.

336 с.

В книге освещаются важные военно-политические события, происходившие в Японии на заключительном этапе второй мировой войны. Автор приводит заявления видных государственных и политических деятелей и документы, характеризующие обстоятельства капитуляции Японии.

Книга представит интерес для широкого круга читателей.

1-12-2
45-70

9(M)72

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

26 июля 1945 года радиостанции военного министерства Японии приняли текст декларации, подписанной в Потсдаме главами правительств США, Англии и Китая. В декларации содержалось требование о безоговорочной капитуляции Японии. Текст был немедленно доложен военному министру генералу Анами, последний довел декларацию до сведения премьер-министра, который незамедлительно представил этот документ императору Японии — главнокомандующему вооруженными силами страны, государственному и духовному вождю японской нации.

Радисты военного министерства были строго предупреждены о чрезвычайной секретности принятого документа, однако вскоре ведущим офицерам армии и флота стало известно его содержание. И сразу же тайная организация «молодых офицеров» столичного гарнизона начала форсировать подготовку военного переворота с целью сместить «капитулянтское», по их мнению, правительство семидесятивосьмилетнего адмирала барона Кантаро Судзуки и образовать правительство военной диктатуры во главе с генералом Анами.

Несколько раньше, в апреле — мае 1945 года, после поражения японской армии в битве за Филиппины и высадки американской морской пехоты на острове Окинава усилилась деятельность так называемой «партии мира», которую возглавлял бывший премьер-министр, инициатор войны против Китая, ярый враг Советского Союза принц Коноэ. Эта «партия», в которую входили видные государственные и политические деятели, представители дворцовых и военных кругов Японии, искала пути заклю-

чения сепаратного мира с США и Англией. По поручению Коноэ японские дипломаты и журналисты за рубежом устанавливали контакты с официальными лицами из правительств Швеции, Швейцарии и Финляндии, предлагая им выступить посредниками в переговорах Японии с США и Англией о мире. При этом говорилось о готовности Японии отказаться от некоторых захваченных в ходе войны территорий Восточной и Юго-Восточной Азии. Гоминьдановскому правительству Чан Кай-ши обещали признать его суверенитет и независимость, а также оказать помощь в борьбе против Коммунистической партии Китая и народно-освободительных сил, действовавших под ее руководством.

«Миротворцы» громогласно заявляли, что в связи с ростом авторитета Советского Союза на международной арене и возросшей популярностью Красной Армии как армии освободительницы не только в Европе, но и в Азии неизбежно обострение отношений между союзниками по антигитлеровской коалиции. Сторонники Коноэ не скрывали своих надежд на разрыв союзнических отношений между США и Англией с одной стороны и СССР — с другой, особенно когда будут решаться вопросы послевоенного устройства.

Явной провокацией было и обращение японского правительства к правительству СССР с предложением о посредничестве в мирных переговорах Японии с США и Англией. Этот шаг был предпринят в мае 1945 года, уже после того как 5 апреля 1945 года Советское правительство денонсировало японо-советский договор о нейтралитете от 13 апреля 1941 года из-за систематического нарушения Японией условий этого договора.

Все попытки японских государственных и политических деятелей столкнуть между собой союзников по антигитлеровской коалиции потерпели крах. Народы мира хорошо знали о решающем вкладе Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгром германского фашизма и освобождение народов Европы от гитлеровской тирании. Они высоко оценили и готовность СССР прийти на помощь поднимающемуся национально-освободительному движению в колониях и зависимых от империализма странах Азии и Африки.

Государственные деятели западных союзников не могли не считаться с этими фактами, и, когда в Потсдаме

были разработаны условия безоговорочной капитуляции Японии, главы правительств США, Англии и Китая предложили Советскому правительству присоединиться и поставить свою подпись под декларацией и обращением к японскому правительству. СССР дал свое согласие.

Одобрение Потсдамской декларации Советским Союзом в корне изменило военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. В конце июля и в первой половине августа 1945 года в Японии шли беспрерывные заседания императорского совета, членов правительства и начальников штабов армии и военно-морского флота. Развернулась ожесточенная борьба по вопросу о том, принимать или не принимать условия безоговорочной капитуляции, продиктованные союзниками. В полночь 9 августа на совещании императорского совета премьер-министр Судзуки, до этого проявлявший колебания в вопросе о принятии условий Потсдамской декларации, заявил, что для Японии не осталось больше никакого выбора. Однако военный министр Анами, начальник генерального штаба армии Умедзу и начальник штаба ВМФ Тойода выступили против принятия формулы «безоговорочной капитуляции». Они считали необходимым развивать «стратегию войны на материке», мотивируя это тем, что Япония располагает значительной армией и достаточными резервами для ее пополнения. Выдвигалось требование создать прочную оборону островов собственно Японии и вовлечь в «добровольческую гражданскую армию» и отряды «камикадзе» всех, кто может носить оружие. Сторонники этих требований считали, что сам факт организации общенациональной войны во имя сохранения императорской формы правления и прерогатив священной особы заставит правительства США, Англии и СССР пойти на переговоры и соглашение с Японией.

По мере поступления удручающих сообщений из Маньчжурии, где Квантунская армия терпела поражение, а Советская Армия наступала, представители армейских и военно-морских кругов Японии стали выдвигать в качестве непременного условия принятия Потсдамской декларации и прекращения военных действий получение гарантий от правительства и военного командования союзников в том, что будет сохранена императорская форма правления, ограничены сроки оккупации Японии и размеры оккупируемой территории, а японское правительство

получит право самостоятельно решать вопрос о военных преступниках и мерах их наказания.

Фактически это означало отклонение условий Потсдамской декларации и провозглашение курса на затягивание проигранной войны. Под влиянием требований экстремистских кругов правительство Японии 10 августа обратилось к союзным державам с нотой, в которой заявило, что согласно с Потсдамской декларацией лишь при условии, если «указанная декларация не будет никоим образом ущемлять прерогативы его величества как суверенного правителя». 11 августа в Токио был получен ответ союзников, в котором говорилось, что с момента капитуляции Верховный главнокомандующий будет осуществлять контроль над действиями императора и японского правительства и что вооруженные силы союзников будут находиться в Японии до полного достижения целей Потсдамской декларации. И все же 12 авуста на закрытом заседании «большой шестерки» председатель Тайного совета барон Хиранума предложил текст личного обращения императора Японии к правительству Соединенных Штатов об изменении формулы безоговорочной капитуляции и сохранении монархических принципов государственного устройства Японии.

Это была опасная для Японии и для всего дела мира на Дальнем Востоке игра главных заправил реакционной политики японского империализма. Правящая верхушка страны помышляла лишь о том, как с помощью США и Англии спастись от гнева собственного народа, надеялась получить поддержку реакционных кругов США и Англии, запугивая их опасностью социальной революции в Японии.

Осознав, что продолжение войны лишь повлечет за собой ухудшение общего положения Японии, ее полную изоляцию от внешнего мира и потерю самостоятельности, император Хирохито поддержал предложение министра иностранных дел Того о безотлагательном принятии Потсдамской декларации и призвал страну «перенести непереносимое». Реакция «молодых офицеров» на решение императорского совета о принятии Потсдамской декларации была мгновенной. Руководители заговорщиков ночью явились на квартиру к военному министру Анами и предложили ему возглавить военный переворот, но тот не решился выступить против воли императора и отказался участвовать в заговоре.

О драматизме этих дней образно и живо рассказывается в предлагаемой читателю книге Л. Брукса «За кулисами японской капитуляции».

В душных подземельях, в бомбоубежищах — резиденциях императора и премьер-министра проходят в те августовские дни 1945 года заседания «большой шестерки» и правительства Японии. Автор приводит много интересных подробностей из биографий японских государственных деятелей и военных руководителей, решавших тогда судьбу страны. В книге рассказывается, как готовился к передаче по радио рескрипт о прекращении военных действий и принятии Японией условий безоговорочной капитуляции. В духе лучших традиций детективных романов описывается «охота» заговорщиков за записью рескрипта, чтобы не допустить его обнародования.

Содержание самого рескрипта мало интересовало автора. Он ни слова не говорит о том, что́ правящая верхушка Японии пыталась скрыть в этом рескрипте от японского народа, от солдат многомиллионной армии. В рескрипте указывалось, что для японских вооруженных сил сложилась неблагоприятная военная и международная обстановка, что император стремится предотвратить гибель японской нации. Однако ничего не сказано в рескрипте о том, кто повинен в трагедии страны.

Конечно, от императора, выражавшего прежде всего волю и интересы крупных монополий и помещиков Японии, нельзя было ожидать признания провала политики колониальных захватов, осуждения союза с гитлеровской Германией и фашистской Италией, многолетней антисоветской политики и подготовки войны против СССР. Не упоминается в рескрипте и то, что, несмотря на обязательства Японии по договору о нейтралитете от 13 апреля 1941 года, на дальневосточных границах Советского Союза постоянно поддерживалась напряженность, были скованы примерно 40 дивизий Красной Армии, отвлечены значительные силы и средства, столь необходимые на советско-германском фронте для разгрома гитлеровских агрессоров.

Конечно же, не случайно в рескрипте совсем не упоминается о вступлении Советского Союза в войну против Японии, хотя это была одна из важнейших причин, решительно повлиявших на принятие Японией условий безоговорочной капитуляции. Но признать этот факт — зна-

чит расписаться в антинародной политике японского правительства в отношении Советского Союза. Автор, следуя традициям буржуазной историографии, проводит через всю книгу мысль о том, что ни император, ни правительство Японии не могли остановить военную машину, изменить политику «зла» на политику «добра», поскольку судьба страны и народа якобы находилась в руках военщины. Брукс явно пытается доказать, что только руководители армии и флота, будто бы скрывшие от императора истинное положение в стране, виновны в проигрыше войны и вытекающих из этого последствиях.

Японские общественные отношения в конце второй мировой войны действительно характеризовались засилием военных кругов, их постоянным давлением на государственный и политический аппарат страны. Однако было бы наивно считать, что военные круги сами по себе осуществляли агрессивную внешнюю и реакционную внутреннюю политику. Вовсе нет. «Военная пружина» японского государства была лишь частью налаженного механизма монополистических кругов страны. Именно по их программе и в их интересах разрабатывались и осуществлялись агрессивные планы против народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Алчные монополии Японии («дзайбацу») шли вслед за армией в Китае и Малайе, на Филиппинах и в Индонезии. В 1945 году число крупнейших компаний с капиталом 5 млн. иен каждая достигло 800 (1,9% общего числа компаний), а их капитал составил 27,8 млрд. иен (72,4% общей суммы капитала всех компаний). За период с 1941 по 1945 год общая сумма капитала различных монополистических организаций возросла в 5—10 раз. В то время как народ терпел лишения, голод и терял своих сыновей на полях захватнических войн в интересах монополий, прибыли военного бизнеса росли с неимоверной быстротой.

Видимо стремясь показать, что главную вину за проигранную войну несут «отбившиеся от рук» армейские и военно-морские круги, а не монополии и государственный аппарат, автор красочно описывает во всех подробностях выступления путчистов из «молодого офицерства» и помогавших им старших офицеров и генералов.

Экстремисты не прекратили своих попыток добиться продолжения войны и после подписания 2 сентября 1945 года документа о безоговорочной капитуляции Япо-

нии. Отряды смертников, с ведома правительства специально созданные командованием армии и флота для «столетней войны за императора», не подчинились приказу о прекращении огня. Многие гарнизоны японских войск на территории Маньчжурии и северной части Кореи, несмотря на объявленный 14 августа рескрипт императора, продолжали оказывать сопротивление наступающим советским войскам. До 19 августа шли ожесточенные бои на Южном Сахалине и Курильских островах, и только в итоге решительных боевых усилий советских войск и флота были разгромлены 22 японские дивизии, потерявшие 80 тыс. солдат и офицеров убитыми.

Акты отчаяния «молодых офицеров» и их последователей в японских вооруженных силах, о которых так подробно рассказывает Брукс в своей книге, красноречиво свидетельствовали о крахе ультранационалистической и шовинистической морали и идеологии, многие годы насаждавшейся монополистическими кругами в армии и на флоте. Широкие массы японского народа в те августовские дни с безразличием отнеслись к сообщениям о самоубийстве генералов Анами и Хара, а также десятков других офицеров-заговорщиков, которые в своих предсмертных посланиях заявляли, что умирают верноподданными императора и берут на себя всю вину за поражение Японии в войне.

Простые люди Японии, однако, хорошо понимали, что в их страданиях и лишениях виновны прежде всего те, кто развязал войну во имя своих корыстных интересов, — монополисты, государственные и политические деятели, стоявшие у руля страны. Поэтому самоубийства обанкротившихся военных деятелей и националистически настроенных офицеров не вызвали скорби и сочувствия. Народ Японии скорбел о двух миллионах погибших на полях войны, о тысячах истребленных прогрессивных деятелей внутри страны.

Выполняя социальный заказ, Брукс совершенно пренебрегает значением вступления Советского Союза в войну против Японии, ничего не говорит о решающей роли разгрома Советской Армией ударной силы японского милитаризма — Квантунской армии в Маньчжурии. Как известно, буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны утверждают, что в августе 1945 года якобы не было нужды вступать Советскому Союзу в войну,

что, мол, японская военная машина была уже сломана и капитуляция Японии являлась неизбежной. Смысл этой фальсификации прост — умалить тот огромный вклад, который внесли Советские Вооруженные Силы в дело разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии.

Однако даже такой ярый враг Советского Союза, как Уинстон Черчилль, был вынужден признать, что если бы не вступление СССР в войну против Японии, то «огромная японская армия в Маньчжурии могла быть брошена на защиту островов собственно Японии». Об этом же свидетельствуют и планы англо-американского военного командования. В июле 1945 года военные консультанты Трумена и Черчилля в Потсдаме предусматривали следующие десантные операции: первый этап (операция «Олимпик») — десант соединений 6-й американской армии в южной части острова Кюсю в ноябре 1945 года; второй этап (операция «Коронет») — десант соединений 8-й и 10-й американских армий в восточной части острова Хонсю в марте 1946 года. Понимая, что кроме 2 350 тыс. солдат и офицеров кадровой армии для обороны территории собственно Японии будет привлечено все население, способное носить оружие, американские и английские военные эксперты считали явно недостаточной группировку в 5 млн. солдат, матросов и офицеров сухопутных войск и ВМФ. Они рекомендовали наращивать силы и создать абсолютный перевес над обороняющимися с расчетом разгромить Японию в 1947 году.

К августу 1945 года острова собственно Японии превратились в гигантский фронт круговой обороны, подвергающийся постоянному воздействию военно-воздушных сил США. Американская авиация хотя и завоевала господство в воздухе, однако несла ощутимые потери в результате противодействия японской истребительной авиации. По оценке американской разведки, японская ПВО располагала в тот период 6 тыс. самолетами. В то же время, как сейчас установлено, эффективной бомбардировке американской авиации не подвергались важные военные заводы. Часть этих заводов была эвакуирована и укрыта в горных районах страны в заранее подготовленных подземных помещениях, однако нехватка сырья, топлива и электроэнергии значительно снизила производительность и выпуск продукции на этих заводах сократился. До вступления Советского Союза в войну против Японии военно-

промышленная база Японии в Маньчжурии не подвергалась опасности с воздуха и продолжала выпускать продукцию для военных нужд. Здесь интенсивно шло строительство новых цехов и заводов.

Вступление Советского Союза в войну против Японии в корне изменило общую стратегическую обстановку в пользу союзников. В первые же дни военных действий была парализована работа на всех предприятиях военно-промышленной базы в Маньчжурии. Удар, нанесенный Советской Армией в нескольких направлениях, прорыв укрепленных поясов обороны и выход в центральный район Маньчжурии привели к быстрому разгрому Квантунской армии.

Умалить значение огромного вклада Советского Союза в ликвидацию опасности милитаризма на Дальнем Востоке не удастся никому. Народы Восточной и Юго-Восточной Азии, в частности китайский и корейский народы, будут всегда благодарны за помощь, которую им оказала Советская Армия в освобождении от японских поработителей.

Двадцать пять лет прошло после окончания второй мировой войны. В настоящее время народы Азии, в особенности народы Юго-Восточной Азии, оказались жертвами агрессии, развернутой американским империализмом. Агрессивные акции американской военщины получают поддержку монополистических кругов Японии. По дорогам Японии маршируют батальоны, полки и дивизии так называемых сил самообороны Японии, оснащенные самыми современными видами оружия. Военно-политический союз, заключенный между правительствами США и Японии, создает опасность возрождения японского милитаризма.

Книга Л. Брукса о последних днях острейшего кризиса в Японии будет прочитана с большим интересом. Читатель, который следит за современными внутриполитическими событиями в Японии, неизбежно задаст себе вопрос: учтены ли уроки второй мировой войны в Японии? На этот вопрос ответит время и главное действующее лицо в истории Японии — ее народ.

САПОЖНИКОВ Б. Г.

ГЛАВА 1

СУМЕРКИ ИЛИ «ГЕКОСАЙ» [1]?

Толпы народа в районе Вест-энда. Стихийное веселье

«Тысячи жителей Лондона, военнослужащие, мужчины и женщины, вопреки официальному заявлению, что всякие известия о капитуляции Японии должны быть приняты с осторожностью, устроили вчера вечером народное гулянье. От Олдуича до Оксфордской площади все главные улицы были заполнены людьми, празднующими окончательную, по их мнению, победу... Разноцветные флаги развевались на всех высоких зданиях, и вскоре залитые солнцем улицы, как ковром, покрылись обрывками газет и книг, которые бросали из окон.

Площадь Пикадилли и близлежащие улицы запрудил народ... Повсюду танцевали... Мужчины и женщины в военной форме и гражданском платье, взявшись за руки, цепочкой извивались в пляске между автобусами и фонарными столбами. Повсюду на фонарные столбы прикрепляли флаги союзников. Какая-то девушка, взобравшись на светофор, размахивала плакатом с надписью «Япония капитулирует».

Австралийские летчики с трудом прокладывали себе путь сквозь толпу в Олдуиче. Над группами раскачивающихся в такт песне людей, которых охватило безудержное веселье, лились популярные военные мелодии.

К семи часам, когда от токийского радио так и не последовало никакого подтверждения слухов о капитуляции, толпа стала постепенно редеть, и вскоре на засыпанных мусором улицах было едва ли больше пешеходов, чем

[1] Конец света. — *Прим. ред.*

обычно. Однако позже народ стал вновь прибывать в решимости продолжать праздник. Начались фейерверки» [1].

Война на Тихом океане окончилась. Окончилась ли?

Начиная с 11 августа, когда мир впервые услышал о том, что Япония якобы приняла предложенные союзниками условия капитуляции, во всех союзных странах, где бы люди ни собирались, повсюду говорили о победе. Однако праздновать победу было рано.

На фронте продолжали сражаться и умирать. В Японии лишь немногие знали о возможной капитуляции. Большинство же считало, что необходимо продолжать борьбу, даже если единственным оружием останется «дух Ямато». Те же, кто знал, что Япония находится на грани капитуляции, отвергали ее возможность и старались не думать об этом. Были и такие, кто не только отвергал капитуляцию, но и намеревался предотвратить ее. Делегация таких фанатиков вечером 13 августа прибыла к самому могущественному человеку в Японии.

Душным летним вечером шестеро одетых в военную форму мужчин остановились у дверей резиденции военного министра.

Троих из них здесь ждали. Все шестеро принадлежали к так называемым «молодым тиграм» — тем сорвиголовам, чье нетерпение, жестокость и необузданное честолюбие втянули Японию в военную авантюру и кто для устрашения оппозиции среди государственных деятелей захватил из их числа заложников.

Посетителям было явно не по себе, так как они хорошо понимали, на какой рискованный шаг решились. Они были делегацией от тех кругов, намерения которых грозили нации полным уничтожением. Военному министру генералу Корэтика Анами отводилось центральное место в намеченном ими плане.

Генерал Анами только что вернулся домой, намереваясь немного отдохнуть от заседаний, которым, казалось, не будет конца. Этот день он начал рано, с визита лорду — хранителю печати. Затем последовало заседание Высшего совета по руководству войной, где вечно велись ожесточенные споры, потом заседание кабинета министров

[1] «Таймс», 11 августа 1945 г. — *Прим. автора.*

в полном составе. Такая нагрузка при огромном нервном напряжении могла свалить с ног любого. Но Анами был крепким орешком, способным выдержать целый град ударов.

И этот день, 13 августа 1945 года, был насыщен событиями: непрерывная бомбардировка и обстрел центральных районов Японии авианосной авиацией противника, обстрел прибрежных городов корабельной артиллерией, мощное наступление советских войск в Маньчжурии и существенные неудачи на ряде фронтов от Бирмы до Сахалина. А день еще не окончился.

Анами стремительно вошел в приемную, обставленную в европейском стиле. Он приветствовал своих гостей широкой улыбкой. Ведь это были не столько его подчиненные, сколько верные последователи и ученики. Анами тем и снискал популярность в армии, что допускал с подчиненными откровенный и свободный обмен мнениями. Он был как бы главой семьи, а они в каком-то смысле — его сыновьями.

С каждым из шести посетителей Анами связывали одни идеалы, одна среда, одни привязанности. Все офицеры служили в управлении военных дел военного министерства [1], которое было мозгом всей японской военной организации.

Подполковник Масахико Такесита, руководитель отделения политических связей отдела по делам армии этого управления, был шурином генерала Анами, его давним соседом, а иногда и партнером по фехтованию. Такесита пользовался большим доверием военного министра.

---

[1] В составе министерства имелись управления военных дел, военной администрации, родов войск, личного состава и др.

Управление военных дел ведало планированием численности армии, мобилизационно-организационными вопросами, планированием военного бюджета, подготовкой страны к войне, вопросами вооружения и поддержания политических связей. В это управление входили отдел по делам армии, отдел военных приготовлений, а также другие отделы.

Управление военной администрации ведало вопросами организации тылового обеспечения войск.

Управление родов войск ведало вопросами организации и боевой подготовки войск.

Управление личного состава ведало военно-учебными заведениями, а также перемещениями офицерского состава. — *Прим. ред.*

Подполковник Масао Инаба являлся начальником отделения военного бюджета отдела по делам армии. Во всех своих речах, предложениях по бюджету и заявлениях в прессе Инаба постоянно высказывал точку зрения Анами. Верноподданный Инаба повторял мысли Анами с точностью копировальной бумаги.

Начальник отдела по делам армии управления военных дел полковник Окикацу Арао по возрасту был старшим из «молодых тигров» и возглавлял делегацию, явившуюся к военному министру.

Кроме того, в делегацию входили три молодых и восторженных почитателя Анами: майор Кендзи Хатанака, подполковник Дзиро Сиидзаки, оба — подчиненные Такесита, и подполковник Масатака Ида—подчиненный Инабы.

Хатанака привел сюда безграничный ультрапатриотизм. Ида и Хатанака были верными последователями экстремиста профессора Хираидзуми, который читал лекции в Токийском университете. Учение профессора представляло собой синтез историко-мифологических размышлений о судьбе Японии. Главным в учении Хираидзуми был тезис о том, что долг подданных империи — хранить императорскую форму правления, даже если император будет против этого. Военный министр когда-то сам посещал лекции Хираидзуми и организовал его выступления перед офицерами, служившими на Итигае[1] — японском Пентагоне.

Ида и Хатанака входили в группу, которой руководил Хираидзуми. Они и еще десять человек регулярно встречались на частных занятиях в доме у профессора. Ида и Хатанака посещали эти занятия не один год и жадно впитывали пьянящую смесь мифологии и ультранационализма. Хираидзуми оправдывал применение любых самых жестоких средств ради достижения священной цели. Профессор уже лет десять являлся одной из ведущих фигур в ультранационалистических кругах, а многие из наиболее преданных его учеников служили в армии.

Прошлой ночью Ида получил тревожное сообщение. Фракция, стоявшая за заключение мира, открыто заявила, что, убив генерала Анами, можно добиться окончания войны. Ида воспринял это сообщение как угрозу,

[1] Район Токио, где размещались важнейшие военные учреждения Японии — военное министерство, генеральный штаб армии, императорская ставка. — *Прим. ред.*

и в качестве меры предосторожности немедленно была усилена охрана резиденции военного министра. Беспокоясь за судьбу своего идола, Ида и Хатанака совершили в душный воскресный вечер довольно длительное путешествие в отдаленный пригород Токио Митака, чтобы убедиться в безопасности генерала Анами. Это была своеобразная демонстрация их преданности, и Анами оценил ее по достоинству.

Делегация из шести человек, явившаяся к Анами, представляла заговорщиков из управления военных дел и второго отдела генерального штаба армии. Цель группы была абсолютно ясна — провозгласить Анами военным диктатором Японии и продолжать борьбу против союзников. Это происходило в десять часов вечера, в Токио.

Анами имел лишь общее представление о цели их визита. 12 августа днем, как раз когда он спешил на заседание кабинета, члены этой делегации вежливо, но настойчиво попросили его задержаться. Такесита призвал военного министра отвергнуть условия Потсдамской декларации, продолжать войну и приказать войскам Восточного военного округа[1] подготовиться к введению военного положения. Кроме Такесита в кабинете Анами в это время находились заместитель министра генерал Вакамацу со своим секретарем подполковником Хиросе, начальник управления родов войск Насу, начальник отдела военных приготовлений подполковник Хиросато, секретарь Анами полковник Сабуро Хаяси и начальник отдела по делам армии полковник Арао. Анами очень торопился на заседание кабинета и приказал своему заместителю Вакамацу выполнить требования, изложенные Такесита. Вакамацу же мудро решил ничего не предпринимать, пока не получит дальнейших указаний.

Заговорщики пытались встретиться с Анами днем 13 августа, но попасть к нему оказалось невозможно — весь день он был на заседаниях. И вот наконец настал момент, когда они могли поговорить с генералом. Секретарь Анами полковник Хаяси, который сидел в углу комнаты, всем своим видом подчеркивал незаконность этой встречи. На его лице застыло выражение искреннего удивления.

[1] На территории Восточного военного округа находилась столица Японии Токио, в которой размещались все правительственные учреждения. — *Прим. ред.*

Полковник Арао, подкрепляя каждое свое слово кивком головы, заявил Анами, что, по их мнению, настал момент для государственного переворота. Поскольку члены правительства решили принять Потсдамскую декларацию, единственное, чем можно воспрепятствовать этому, так сменить правительство. Осуществить это нужно быстро, с минимальными потерями, и самое главное — необходимо обеспечить, чтобы новое правительство повело народ на «решающую битву за родину». Таков был замысел Арао и его пятерых спутников.

Анами слушал молча, с закрытыми глазами.

Весь план был основан на параграфе императорского указа, касающемся введения военного положения. Он давал право начальникам гарнизонов на местах в экстренных случаях вводить военное положение без санкции императора. Согласно задуманному плану намечалось ввести военное положение в Токио, «изолировать» императора от фракции, стоящей за заключение мира, и «предложить» императору издать такие указы, которые способствовали бы продолжению войны.

Теперь по форме и по существу положение напоминало обстановку, которая сложилась 90 лет назад, когда коммодор Перри прибыл к берегам Японии. Перри отправил тогда своих послов к военному правителю Японии сегуну [1]. И только через несколько лет, когда в Японию в качестве консула США прибыл Таусенд Харис,

---

[1] Сегун (дословно — великий полководец) — титул командующего армией в феодальной Японии, в руках которого фактически была сосредоточена вся власть в стране. Правление сегунов установилось после 1192 года, когда феодальный князь Йеритомо Минамото, разгромив в предыдущие годы войска соперничавшего с ним феодального дома Тайра, установил свою власть в стране и принудил императора присвоить ему титул сегуна. Номинально этот титул и в дальнейшем присваивался императором, однако сегуны — выходцы из богатых феодальных семей — обладали экономическим и военным могуществом и фактически были правителями страны, отведя императору роль марионетки — номинального суверена, полностью устраненного от участия в политической жизни.

Система сегуната существовала в Японии с конца XII до второй половины XIX века. В результате незавершенной буржуазной революции 1867—1868 годов система сегуната, ставшая основным оплотом пережитков феодализма в стране, была уничтожена; императору возвратили власть, правда, настолько в урезанном виде, насколько это было выгодно феодалам и самураям, а также молодой национальной буржуазии. — *Прим. ред.*

стало известно, что в стране есть император, который живет в Киото в изоляции, навязанной ему сегуном.

Революция 1868 года свергла правление сегуна и поставила императора в центр политической жизни. И хотя император не был наделен абсолютной властью, он стал главной фигурой в выполнении церемониальных и религиозных функций. Его основная функция как божественного сына неба, верховного жреца государственной религии состояла в том, чтобы подтверждать законность действий правительства.

И теперь небольшая группа заговорщиков намеревалась сделать так, чтобы только к их голосам прислушивался император и чтобы только по их усмотрению принимал необходимые решения.

План был прост. 1. Не подписывать капитуляции, пока не будут даны определенные гарантии относительно императора. Получить от императора санкцию вести переговоры с союзниками, пока не будут достигнуты желаемые условия мира. (Это означало отмену провозглашенного лично императором решения о необходимости принять условия Потсдамской декларации, продолжение военных действий до тех пор, пока союзники не примут требований японского военного командования, хотя говорить о принятии этих требований было совершенно нереально.) 2. Осуществить переворот, опираясь на право военного министра использовать гарнизоны города для обеспечения безопасности. 3. Изолировать императора во дворце, арестовать сторонников заключения мира (лорда — хранителя печати Кидо, премьер-министра Судзуки, министра иностранных дел и военно-морского министра), а затем объявить военное положение. 4. Обеспечить полную договоренность между военным министром, начальником генерального штаба армии, командующим войсками Восточного военного округа и командиром гвардейской дивизии.

Для успешного осуществления плана необходимо было добиться согласия военного министра генерала Анами. Он являлся центральной фигурой этого плана, и без него весь замысел мог провалиться. В стране не было другого, равного ему военного руководителя, вокруг которого могли бы объединиться силы оппозиции заключению мира.

Начальник генерального штаба армии также являлся

важной фигурой, потому что в случае его возражений всему могли бы помешать армейские части.

Командующий войсками Восточного военного округа контролировал положение в Токио, и поэтому его сотрудничество также было необходимо.

Дивизия императорской гвардии[1] формально подчинялась только императору и предназначалась для охраны императора и его двора. Так что если бы гвардейцы не участвовали в заговоре, нельзя было бы избежать боя во дворце. Поэтому согласие командира гвардейской дивизии также имело большое значение.

Заговорщики надеялись, что первые же предпринятые ими действия вызовут цепную реакцию и привлекут на их сторону всю армию.

В центре внимания заговорщиков, как и в центре всех их безграничных надежд, был Анами, который сейчас слушал их, сидя с закрытыми глазами. Время от времени, по мере того как ему объясняли план, он многозначительно бросал: «Я посвящу вашему делу всю свою жизнь» или изрекал: «Сейчас я хорошо представляю, что чувствовал Сайго[2]». (По широко распространенному преданию, Такамори Сайго против воли заставили возглавить и руководить единственным серьезным восстанием против режима Мэйдзи в 1877 году. Восстание было подавлено, а Сайго поплатился жизнью.)

Анами признался заговорщикам, что начиная с 9 августа, когда кабинет министров весь день обсуждал условия Потсдамской декларации, его не покидает чувство неудовлетворения поведением группы, выступающей за мир. Затем Анами попросил у полковника Арао текст плана и

---

[1] В Японии во время второй мировой войны императорская гвардия состояла из трех общевойсковых дивизий. В описываемый период две гвардейские дивизии находились на фронте и лишь одна в Токио. — *Прим. ред.*

[2] Такамори Сайго (1827—1877) — японский политический деятель, самурай из княжества Сацума, активный участник незавершенной буржуазной революции 1867—1868 годов. В период революции Сайго командовал войсками антисегунской коалиции. После революции — военный министр нового правительства. Выражая недовольство самураев падением их роли, требовал организовать поход на Корею. Получив отказ — правительство считало такой шаг преждевременным, — Сайго в 1873 году вышел в отставку. В 1877 году возглавил реакционный мятеж самураев в Сацума. После подавления мятежа покончил жизнь самоубийством. — *Прим. ред.*

в наступившей тишине стал внимательно его изучать. «А как насчет связи?» — вдруг спросил он.

Арао рассказал, что планируется отрезать дворец, отключить телефонную линию и закрыть ворота; будет захвачена широковещательная радиостанция и взята под контроль пресса.

Вытерев платком пот со лба, Анами произнес: «План плохо отработан». Он снова закрыл глаза, а потом добавил: «С одной стороны, я отлично представляю, что переживал Такамори, с другой — я поклялся отдать жизнь за императора». Из этих слов заговорщики заключили, что военный министр решил поддержать их.

Анами тяжело вздохнул и сказал: «План связи с дворцом имеет первостепенное значение. Его надо доработать. Я дам вам ответ после того, как все это обдумаю».

Однако отсрочка не устраивала собеседников Анами. Они настаивали, чтобы генерал принял решение сейчас, и уговаривали его отправиться в полночь в военное министерство и объявить о своем решении полковнику Арао. Анами согласился. Первоначально предусматривалось приступить к осуществлению заговора в полночь. Однако пришлось немного повременить, так как стало известно, что на десять часов утра назначено заседание кабинета. И заговорщики решили приурочить начало действий именно к этому моменту.

Обсуждение плана подходило к концу. Анами проводил гостей до крыльца, посоветовав не возвращаться всем вместе. «Будьте осторожны, — предупредил он, — может, они следят за вами». Высказав опасения по поводу агентов, Анами как нельзя лучше выразил свою враждебность по отношению к фракции сторонников заключения мира.

Был уже одиннадцатый час ночи, когда заговорщики покинули резиденцию Анами. Сгущались тучи, и все торопились успеть домой до дождя. Остался один Такесита. Он спросил напрямик, что Анами думает о плане переворота. Тот только пожал плечами и уклончиво ответил, что нельзя раскрывать все тайники своей души перед такой большой группой людей. Такесита хорошо знал его манеру разговаривать, и сейчас ответ генерала даже успокоил его. Он понял, что Анами действительно намерен принять участие в перевороте. Обрадованный, Такесита ушел, не замечая проливного дождя.

Секретарь Анами полковник Хаяси молча наблюдал

всю эту сцену, как и положено адъютанту японского генерала. Ответы Анами его не удовлетворили, он так и не понял намерений своего шефа. И когда все ушли, Хаяси сказал генералу об этом.

«Я не знаю, одобряете вы этот план или нет, но, поскольку я все слышал, у меня сложилось впечатление, что вы согласны с ними. Правда, вы не сказали, хорош план или нет, но вы так возбужденно обсуждали его, что мне кажется — они ушли с убеждением, что вы согласны. В народе все больше говорят о Потсдамской декларации. Я считаю, что бесполезно настаивать на продолжении войны, народ просто не пойдет на это».

Хаяси стремился точно определить главный вопрос. Японский язык — это язык намеков, подтекста и невероятной уклончивости. Он великолепен в поэзии, где несколькими словами можно сказать о многом, соединить подчас несовместимое, но порой, чтобы передать одно и только одно значение, ему нужно гораздо больше слов. Анами же и не пытался избежать недоразумений. Больше того, неточность языка только способствовала тому, чтобы его неверно поняли.

Военный министр бесстрастно посмотрел на Хаяси и ничего не сказал. Хаяси понял, что разговор окончен, извинился и ушел к себе. Его квартира была рядом. Анами вызвал своего ординарца, который каждый вечер делал ему инъекцию витамина. Затем последовала горячая ванна. День походил на длинный турнир кендо, и Анами необходимо было отдохнуть.

Древний ритуал фехтовального турнира кендо с его больно бьющими бамбуковыми мечами доставлял Анами большое удовольствие. Он даже получил пятый разряд в этом виде спорта.

Кендо — изнурительное состязание. Противники вооружены тяжелыми бамбуковыми палками, лицо, руки и корпус защищены доспехами. Каждый старается набрать очки и бьет другого по голове, шее, в бок или по правой руке. Но наивысшей победой в кендо считается, когда участник сохраняет полное спокойствие под градом ударов противника, не открываясь ни одному удару.

За время длительного словесного фехтования с министром иностранных дел Того, военно-морским министром Ионаи и другими сторонниками заключения мира Анами выиграл немного очков и получил хорошую трепку. Но

ему удалось сохранить полное спокойствие. Анами считал, что, будучи атакованным противником, он не открывался его ударам.

Полночь еще не наступила, а под покровом душной ночи, расплескивая на дорогах лужи, машина Анами неслась в министерство. Военного министра, как всегда, сопровождал полковник Хаяси. Генерал Анами готовился к встрече с полковником Арао. Как представитель заговорщиков, Арао ждал, что генерал наконец объявит свое решение об участии в перевороте. А переворот предопределит будущее страны — придет ли «Гекосай» — судный день, будут ли японские города превращены в руины, будет ли страна отброшена назад, к каменному веку, к натуральному хозяйству.

А в это время в Лондоне на Пикадилли, в Нью-Йорке на Таймс-сквер, в Сан-Франциско, Мельбурне и десятках других городов союзных государств вот уже три дня доверчивые, полные надежд, опьяненные миром люди пели и плясали, празднуя неофициальную победу над Японией. Военный министр знал об этом и, как многие его коллеги, надеялся, что это повлияет на союзные державы и вынудит их смягчить условия мирного договора. Решение Анами в эту ночь могло либо оборвать эти стихийные празднества, либо сделать их официальными.

Низвергнуть устои японской цивилизации — эта неповторимая возможность открылась сейчас перед Анами. Он мог совершить переворот, объявив военное положение. Мог свергнуть правительство, подав в отставку, чтобы потом возглавить военное правительство, что было бы неизбежно. Пользуясь диктаторской властью, которая в любом случае будет принадлежать ему, военный министр мог бы нейтрализовать фракцию сторонников заключения мира, изолировать императора и продолжать защиту национального государственного устройства (империю) до последнего вооруженного копьем японца в самом отдаленном уголке страны. Чем кровопролитнее будут последние бои, тем больше надежд, что союзники предъявят меньшие требования.

Анами мог сделать и другой ход, такой же сильный и также препятствовавший заключению мира. Он мог продолжать искусно затягивать принятие решения кабинетом и Высшим советом по руководству войной. Его неустанные, страстные выступления против принятия ус-

ловий Потсдамской декларации уже воспрепятствовали окончанию войны 10 августа, когда император решительно заявил, что условия должны быть приняты. Если Анами сумеет затянуть обсуждение на неопределенный срок, мирные переговоры с союзниками неизбежно провалятся.

Анами мог бы и не участвовать в заседаниях Высшего совета по руководству войной, он мог просто отказаться посещать их. И тогда все обсуждения застыли бы на мертвой точке, что вызвало бы падение кабинета. Анами мог отказаться скрепить своей подписью императорский рескрипт — официальный документ, провозглашающий принятие условий Потсдамской декларации, если таковой и будет составлен. Это сделает рескрипт недействительным и приведет к отставке правительства.

А пока японская армия действовала по приказу Анами от 10 августа:

«...Довести до конца священную войну в защиту земли богов... Сражаться непоколебимо, даже если придется грызть землю, есть траву и спать на голой земле. В смерти заключена жизнь — этому учит нас дух великого Нанко[1], который семь раз погибал, но каждый раз возрождался, чтобы служить родине. Этому учит нас неукротимый дух Токимуне[2], который не поддался уговорам и поспешил безжалостно сокрушить противника. Офицеры и солдаты нашей армии должны воспринять заветы Нанко и Токимуне и смело выступить против смертельного врага».

И вот в полночь 13 августа при вспышках зарниц военный министр прибыл в министерство. Вместе с ним

[1] Герой японской мифологии. — *Прим. ред.*

[2] Правитель Японии (сегун) Ходзе Токимуне в 1260—1285 годах возглавил оборону страны от монгольского нашествия. Монголы предъявили Японии свои требования, но Токимуне отказался признать суверенитет монгольского кагана Хубилая и казнил его послов.

В 1274 году состоялось первое выступление войск Хубилая против Японии. Флот завоевателей подошел к западному побережью острова Кюсю, однако смерть командующего и разразившийся ураган заставили монгольский флот отступить.

В 1281 году монголы предприняли вторую попытку вторгнуться в Японию. Два монгольских флота должны были соединиться у Кюсю. Один из флотов (с главными силами) опоздал, другой попытался высадиться, но японцы помешали этому. Кроме того, ко времени подхода главных сил пронесся сильнейший тайфун, который уничтожил большую часть кораблей завоевателей. Таким образом, вторжение не состоялось. — *Прим. ред.*

был его секретарь. Полковник Арао сгорал от нетерпения, дожидаясь генерала Анами. Хаяси остался у двери министра, а Арао и Анами прошли в кабинет.

Они закурили. Анами как бы между прочим одобрил защиту «нерушимого национального государственного устройства» (т. е. сохранение в Японии императорской формы правления) и поклялся в верности императору. Затем он заметил, что теперь, когда производительность военной промышленности упала ниже 60 процентов, стало трудно производить даже снаряды и патроны. На прощание Анами условился с Арао встретиться в семь утра, чтобы вместе отправиться к генералу Умедзу — начальнику генерального штаба армии и обсудить план заговора. Из всего этого Арао сделал вывод, что военный министр решил принять участие в заговоре и хочет убедить генерала Умедзу помочь им. Полковник был в восторге и поспешил сообщить эту радостную весть остальным участникам заговора.

Генерал Анами и Хаяси вновь сели в машину. Небо прояснилось. Светила луна. Кирпичные трубы, оголенные деревья и развалины отбрасывали длинные тени. По дороге домой военный министр рассказал Хаяси о беседе с Арао. «Я повторил ему то же, что сказал мне ты, — тихо произнес генерал. — Интересно, как он понял это? Понял ли он, что я против переворота? Как ты думаешь?»

При бледном свете луны Хаяси изучал лицо Анами. Он не видел ни малейшего волнения. У генерала были отличные нервы, и, несмотря на огромный круг обязанностей, Анами всегда казался совершенно спокойным. Они подъехали к официальной резиденции военного министра. Выходя из машины, полковник Хаяси еще раз подумал о фанатизме заговорщиков и уклончивости Анами. «Да, интересно», — произнес Хаяси, отдавая честь генералу.

Фигура Анами растворилась в мягкой августовской ночи.

Когда военный министр укладывался спать, его шурин Такесита и остальные заговорщики жадно внимали Арао. Теперь, когда с ними был Анами, они могли действовать дальше. Военный министр, несомненно, уговорит генерала Умедзу помогать им.

Однако до заседания кабинета министров и начала

операции, то есть до десяти утра, надо было успеть еще многое сделать. Оставался нерешенным вопрос о командующих гвардией и войсками Восточного военного округа. Заговорщики решили вызвать этих двух генералов и начальника кемпетай (военной жандармерии — этого всеобщего пугала) к военному министру сразу же после его разговора с Умедзу. Уж Анами сможет приказать им принять участие в перевороте! Если же они начнут колебаться, от них легко можно будет избавиться, а соответствующие приказы направить их заместителям.

Заговорщики отправили вызов, якобы от военного министра, генералу Танака — командующему войсками Восточного военного округа, генералу Мори — командиру гвардейской дивизии и генералу Окидо — шефу военной жандармерии. Им предписывалось явиться к генералу Анами в 7.30. Затем заговорщики стали готовить необходимые приказы и инструкции для войск.

Наконец-то они начали действовать! И может, меньше чем через сутки власть перейдет в их руки и не придется больше терпеть фракцию сторонников заключения мира! А тогда — продолжать войну, пока противник не согласится на разумные условия — условия армии.

ГЛАВА 2

НОВЫЙ ЛИДЕР — СТАРЕЙШИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

Руководителем Японии в этот решающий час был честный и преданный императору человек — семидесятисемилетний адмирал барон Кантаро Судзуки. Однако менее подходящую фигуру для руководства страной в момент ее наитяжелейших испытаний трудно представить!

К моменту вступления России в войну Судзуки уже несколько месяцев был премьером. За это время в стране произошли большие изменения, однако правительство, казалось, не замечало этого, и Судзуки часто можно было видеть за чтением Лао [1]. И это когда министр иностранных дел отчаянно старался поднять флаг перемирия...

1 апреля 1945 года, всего через неделю после падения острова Иводзима, союзные войска начали высаживаться на Окинаве. К 5 апреля был захвачен плацдарм. Японцы оказали только слабое сопротивление. В этот день Советский Союз денонсировал японо-советский пакт о нейтралитете. И в тот же день, 5 апреля, японский премьер генерал Куниаки Койсо подал в отставку.

Вечером этого дня Коити Кидо, лорд — хранитель печати, созвал Совет старейшин [2]. В него входили высшие государственные деятели — бывшие премьер-министры и председатель Тайного совета [3]. Все они в бытность свою

[1] Китайский мудрец, живший в VI—V веке до нашей эры. — *Прим. ред.*

[2] Не предусмотренная конституцией группа государственных деятелей при императоре, назначаемых им для консультаций по отдельным вопросам внутренней и внешней политики. — *Прим. ред.*

[3] Государственный орган, члены которого назначались императором. Тайный совет рассматривал и утверждал законы, международные договоры и назначения на государственные посты. — *Прим. ред.*

премьер-министрами Японии в каком-то смысле потерпели неудачу на этом поприще. Если Тодзио, например, не сумел выиграть войну, то принц Коноэ не сумел предотвратить ее. Попытка барона Хиранума ввести в действие японо-германский пакт окончилась неудачей. Адмирал Окада не сумел предотвратить мятеж военных в 1936 году. Коки Хирота не удержал в руках армию. Рейдзиро Вакацуки не смог ни задержать, ни остановить вторжение японской армии в Маньчжурию.

Единственным в этой группе, кто не был премьер-министром, являлся председатель Тайного совета барон Судзуки.

Кидо собрал Совет старейшин с целью узнать их мнение о том, кто должен занять место только что ушедшего в отставку премьера. Как обычно, лорд — хранитель печати предварительно поговорил с каждым в отдельности, чтобы результат встречи не оказался неожиданным.

Лорд — хранитель печати мобилизовал все свои недюжинные организаторские способности, добиваясь, чтобы премьером назначили адмирала Судзуки. Сначала Кидо отправил своего секретаря к адмиралу, чтобы заручиться его согласием, затем лорд — хранитель печати осторожно выяснил мнение императора и узнал, что у него нет никаких возражений против назначения Судзуки на этот пост. После этого Кидо обсудил кандидатуру Судзуки с тремя из семи членов Совета старейшин до заседания, и они согласились рекомендовать адмирала на этот пост.

И вот Совет старейшин приступил к обсуждению требований, которые предъявлялись будущему премьеру. Тодзио заявил, что новый кабинет должен быть последним. Судзуки поддержал его, сказав, что новое правительство любой ценой должно довести войну до конца. «Иначе глава кабинета будет считаться не справившимся со своими обязанностями».

За чаем высшие государственные деятели обсуждали, должен ли будущий премьер быть военным, состоящим на действительной службе, как Тодзио и Койсо. Тодзио утверждал, что на данном этапе только военный сможет управлять и жизнью внутри страны, и военными действиями. Судзуки же сослался на пример принца Ито, премьер-министра во время японо-китайской войны 1894—1895 годов, который не был военным.

Принц Коноэ выдвинул следующие условия: новый премьер должен быть человеком с безупречной репутацией и чистыми руками, не запятнанным прошлыми неудачами. Вся группа одобрила эти условия.

Судзуки предложил членам Совета старейшин всем вместе взять на себя ответственность руководить правительством. «Мы должны быть готовы пожертвовать собой во имя нашего государства, взять на себя всю ответственность и погибнуть в бою за его величество. Что касается поста премьер-министра, я предлагаю назначить принца Коноэ, как самого молодого из нас, поскольку этот пост требует очень большого физического напряжения. Все остальное сделаем мы».

Против этого возразили Коноэ и Хиранума. Они указали, что предложение Судзуки противоречит только что одобренным принципам. Когда Хиранума выдвинул кандидатуру Судзуки, его поддержали Коноэ и Вакацуки. Судзуки изобразил неподдельный ужас: «Я всегда считал, что участие военных в политике только вредит стране. Так было с Римской империей, так случилось с кайзером, таков был конец Романовых. Поэтому я считаю, что мне нельзя принимать участие в политических делах. Кроме того, я неважно слышу, так что прошу не выдвигать мою кандидатуру».

Судзуки мог бы упомянуть и другие причины: ему было уже почти восемьдесят лет, он действительно питал отвращение к политике, был человеком простодушным, даоистом[1] и всегда придерживался главной заповеди своей веры о том, что скромность есть высшая добродетель. Но напрасно старый моряк надеялся избежать мантии. Кидо и другие члены Совета старейшин настаивали на его согласии. Только генерал Тодзио довольно резко предупредил: «Если вы не будете осторожны, армия может отвернуться. А когда это случится, кабинет придется распустить».

«Если в такой момент, как сейчас, армия отвернется,

---

[1] Даоизм возник в I веке нашей эры. Эта религия чисто китайского происхождения. Она включает древние анемистические верования, культ неба и святых мудрецов, в том числе Лао Цзы. Одна из заповедей этого религиозного учения проповедует пассивное отношение к окружающему миру, отказ от активного вмешательства в него. — *Прим. ред.*

это чрезвычайно серьезно, — заметил Кидо. — А что, есть какие-нибудь опасения на этот счет?»

«Я бы сказал — есть», — резко бросил Тодзио, и это была несомненная угроза, что военные могут выйти из состава любого правительства, которое они не контролируют. Вероятно, только совместное правление армии и флота удовлетворило бы военных. Наверное, они даже предпочли бы военный переворот и введение военного положения.

Когда члены Совета направились к обеденному столу, лорд — хранитель печати отозвал Судзуки в сторону. «Вы только что высказались против своего назначения, но я умоляю вас во что бы то ни стало возглавить кабинет. Простите, что я так настаиваю, но вы видите, какая сейчас ситуация. Может, вы все-таки согласитесь?»

Судзуки, чувствуя себя, как в ловушке, сказал: «Я бы хотел отказаться, так как не нахожу в себе уверенности, что смогу выполнить эту работу».

Кидо, зная, что Судзуки туговат на ухо и потому всегда высказывается неопределенно, настаивал: «В настоящий момент наше положение настолько критическое, что я вынужден умолять вас принять великое решение и спасти нацию».

В этот отчаянный момент Японии нужен был военный и политический гений, который смог бы неблагоприятную обстановку превратить в преимущество, нужен был своего рода Александр Македонский. Однако вместо этого Япония поставила у власти престарелого моряка — героя войн 1894 и 1904 годов. Почтенный старец вот уже лет десять выполнял обязанности главного управляющего императорского двора, организуя государственные церемонии и проверяя правильность их оформления.

Почему же выбор пал именно на него? С точки зрения внутренней политики назначение Судзуки было выгодно во многих отношениях. Во-первых, народ почитал Судзуки как национального героя. Кроме того, старый моряк пользовался огромным доверием императора. «Перед Судзуки, — говорил Хирохито, — я могу раскрыть самые сокровенные мысли». В неофициальной обстановке его величество называл Судзуки «дядюшкой».

Были и другие, более тонкие причины, чтобы сделать Судзуки премьером. Он не принадлежал к военной клике. А это означало, что руководство армии и сторонники вой-

ны останутся не у дел. Судзуки был настолько далек от всех политических интриг, что и крайние шовинисты, и сторонники заключения мира втайне надеялись, что у них будет возможность маневрировать. Они считали, что, поскольку Судзуки не имеет собственной четкой линии в политике, его можно будет склонить на свою сторону или заставить принимать решения, разработанные другими.

Старый адмирал не вызывал ни антипатии, ни злобы, как это имело место с бывшими премьерами — генералом Тодзио и генералом Койсо. Тодзио стал непопулярен из-за своей жестокости и деспотизма. Койсо вызвал недовольство армии, двора и народа своей бестактностью. Судзуки же был широко известен как человек скромный, преданный своей даоистской вере, не подверженный честолюбивым и эгоистическим стремлениям.

Однако против его кандидатуры были и серьезные возражения.

«Военные круги сомневались, сможет ли он в таком возрасте принимать быстрые и эффективные меры в ответ на военные события в стране и за границей, — сообщал начальник управления по военным делам военного министерства. — Но в то же время в военных кругах не было сильной оппозиции против этого назначения, так как все хорошо знали, что Судзуки пользуется огромным доверием императора и, следовательно, его назначение может сыграть на руку военным, если он станет соглашаться с их предложениями. Кроме того, Судзуки был братом генерала Такао Судзуки, к которому в армии относились с большим уважением».

В качестве будущего премьер-министра Судзуки прежде всего позвонил своему другу бывшему премьеру адмиралу Окада, который уже девятнадцать лет не занимался политикой и семь лет назад ушел в отставку с действительной службы. Судзуки просил его стать новым военно-морским министром. Встревоженный и удивленный, Окада сейчас же отправился в официальную резиденцию премьер-министра.

Идея Судзуки была совершенно абсурдной: военные экстремисты настолько яростно выступали против Окада, когда он являлся премьером, что даже пытались его убить в 1936 году. Кроме того, Окада был адмиралом в отставке. Военным же министром и военно-морским министром

мог стать только военный, находящийся на действительной службе. Совершенно очевидно, что Судзуки не консультировался по этому вопросу с вершителями судеб на флоте (они бы высказались против Окада!), а это являлось абсолютно необходимым условием, если премьер рассчитывал па их сотрудничество.

Когда Окада прибыл в резиденцию премьер-министра, его опасения подтвердились. Он увидел там группу людей, «которые не часто держали в руках телефонную трубку», не говоря уже о том, чтобы ориентироваться в политических джунглях.

Окада стал по-отечески наставлять Судзуки. Было очевидно, что старый адмирал искал человека с политическим опытом, на кого бы он мог положиться. Окада порекомендовал ему Хисацуне Сакомидзу. Окада считал его довольно опытным. Сорокатрехлетний Сакомидзу в бытность Окада премьером служил у него личным секретарем и впоследствии продолжал интересоваться политикой. Теперь Сакомидзу был директором банковского и страхового отдела в министерстве финансов. Окада мог за него поручиться. К тому же Сакомидзу был его зятем. Судзуки назначил Сакомидзу главным секретарем кабинета, то есть, если можно так выразиться, коренной лошадью в упряжке.

По мере создания кабинета Окада и Сакомидзу информировали старого адмирала о политической жизни страны, и Судзуки с большим вниманием относился к их советам. Первая заминка, однако, случилась, когда дело дошло до армии.

Формируя кабинет, Судзуки согласно традиции обратился к уходящему в отставку военному министру маршалу Сугияма с вопросом, кого бы армия рекомендовала на пост военного министра в новом правительстве. Лично Судзуки хотел бы назначить генерала Корэтика Анами, который в бытность новоиспеченного премьера главным камергером императора служил адъютантом его величества. В те дни, пятнадцать лет назад, Судзуки близко знал Анами и относился к нему с уважением и доверием. Однако по традиции премьер должен был просить армию выдвинуть своего кандидата.

Предвидя это, военные лидеры не только выбрали кандидата, но и, как обычно, составили список условий. Если новый премьер отвергнет условия, военные отка-

жутся выдвинуть военного министра. А кабинет, конечно, не может существовать без военного министра!

Маршал Сугияма передал Судзуки список условий:

1. Продолжать войну до конца.

2. Соответствующим образом решить проблему объединения армии и флота.

3. Подготовить страну для решающей битвы на территории метрополии.

Вокруг этих пунктов разгорелись жаркие споры. Высказывались предположения, что Судзуки будет японским Бадольо и, подобно итальянскому маршалу, придет к власти лишь для того, чтобы затем попросить мира. Некоторые группировки в армии не возражали против переговоров о мире, но все были против безоговорочной капитуляции, равносильной, по их мнению, самоубийству нации. Таким образом, первый пункт требовал от нового премьера четкой позиции в этом вопросе.

Второй пункт был насущным вопросом для обоих видов вооруженных сил. С конца 30-х годов между армией и флотом постоянно возникали трения из-за ограниченных национальных ресурсов. Каждая сторона хотела отхватить себе большую долю промышленной продукции, чтобы увеличить свою мощь; каждая сторона пыталась превзойти другую в производстве самолетов и вооружения.

Объединение видов вооруженных сил стало крайне необходимым уже в 1940 году, но решение этого вопроса затягивалось. Молодые офицеры генерального штаба, понимая крайнюю необходимость объединения, развернули бурную деятельность. Например, майор Хатанака и подполковник Сиидзаки представили своему непосредственному начальнику написанную кровью петицию с требованием отставки военного министра Сугияма «как неспособного объединить армию и военно-морской флот».

Третий пункт был продиктован тем, что армейцы считали неизбежной высадку противника на территории метрополии и потому полагали, что для подготовки к битве необходимы правительственные указы по поводу сооружения укреплений и организации народного ополчения.

Судзуки пробежал глазами пункты, энергично кивнул своей массивной головой и сказал: «Я согласен со всеми условиями». Тогда, и только тогда армия одобрила кандидатуру Анами на пост нового военного министра.

Большинство японцев разделяло мнение нового военного министра о Судзуки. Анами называл старого адмирала «тейтоку» (великим военным моряком) и говорил своим подчиненным, что «премьер-министр не такой человек, который может обмануть народ и заключить мир. Он не такой человек, который думает о мире, а кричит о войне».

Судзуки родился в 1867 году. Это был последний год феодальной эры Японии, год реставрации Мэйдзи. Незначительный политический пост отца во время этого процесса был ликвидирован, и семья, состоявшая из одиннадцати человек, переехала сначала в Токио, а затем в небольшой провинциальный городок. Здесь мальчик получил образование, а потом убедил своих родителей разрешить ему поступить в подготовительную морскую школу и в дальнейшем в военно-морское училище.

Во время войны с Китаем (1894—1895) Судзуки командовал миноносцем, потопил китайский военный корабль, уничтожил волнолом и спас японский корабль со всей его командой. За смелость в бою был награжден. О нем заговорили как о герое. Он получил отпуск и вскоре женился. По окончании военно-морской академии его послали в Германию для изучения системы военно-морского образования, и в течение двух лет он много путешествовал. Во время русско-японской войны Судзуки командовал крейсером и уничтожил два корабля русского Балтийского флота[1].

Быстро продвигаясь по службе, Судзуки дошел до высших постов в японском военно-морском флоте — главнокомандующего соединенным флотом, начальника морского генерального штаба, военного советника его величества. В 1929 году он был назначен главным камергером императора, и его отчаянные усилия во время Лондонской военно-морской конференции[2] уговорить горячие головы

[1] Имеется в виду 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием Рожественского, потерпевшая поражение в Цусимском бою. — *Прим. ред.*

[2] Вашингтонский договор пяти держав об ограничении морских вооружений, заключенный 6 февраля 1922 года, установил следующую пропорцию численности линейных флотов Англии, США, Японии, Франции и Италии соответственно: 5—5—3—1,75—1,75. Япония протестовала против «ущемления» ее прав, требуя более выгодного для нее соотношения сил.

на флоте согласиться с пожеланиями его величества принесли Судзуки известность. 26 февраля 1936 года он лицом к лицу столкнулся со слепой яростью фанатично настроенных молодых офицеров. Во время короткого военного мятежа, известного в Японии как инцидент «2—26»[1],

---

Этот договор, явившийся отражением борьбы империалистических хищников за господство на море, не мог привести и не привел к действительному ограничению морских вооружений Японии и ее соперников.

С 21 января по 22 апреля 1930 года в Лондоне проходила конференция по вопросу о морских вооружениях с теми же участниками. Она была созвана в условиях резкого обострения противоречий между империалистическими странами и ставила целью дополнить условия Вашингтонского договора. Конференция завершилась подписанием соглашения между США, Англией и Японией, по которому предусматривалось ограничить морские вооружения в кораблях класса крейсеров, эскадренных миноносцев и подводных лодок в соотношении, выгодном для США, добившихся признания равенства своего флота с английским.

Японская военщина, прежде всего морские круги, и ее вдохновитель — финансово-промышленная олигархия были крайне недовольны обоими соглашениями, так как они ограничивали способность Японии к осуществлению планировавшейся империалистической экспансии на море и ограничивали развернувшееся строительство большого флота, приносившее огромные прибыли японским «старым» промышленным концернам. — *Прим. ред.*

[1] В 30-х годах экономический кризис и обострение классовой борьбы в стране усилили тягу правящих кругов Японии к фашизации страны и военным авантюрам.

Главной направляющей силой агрессии и фашизма была финансовая олигархия. Военщина Японии, стремясь укрепить свое влияние, опиралась главным образом на так называемые «новые» концерны, соперничавшие с основной группой финансовой олигархии.

Поддерживаемая «новыми» концернами, военщина открыла демагогическую «антикапиталистическую» кампанию против «старых» концернов (Мицуи, Мицубиси, Ясуда и Сумитомо), против парламента, буржуазно-помещичьих партий, против политических представителей этих концернов в правительстве.

Потерпев неудачу в попытке захватить власть парламентским путем и видя рост антифашистских настроений в стране, представители «новых» концернов и военно-фашистских кругов пытались осуществить свои замыслы, организовав фашистский путч 26—29 февраля 1936 года.

Отдельные части столичного гарнизона (около 1500 человек) под руководством фашиствующих офицеров захватили 26 февраля парламент, военное министерство, главное полицейское управление. Были убиты некоторые государственные деятели. Правительство проявило полную растерянность. Однако путчисты, не получив поддержки других частей гарнизона и встретив враждебное отношение населения столицы, 29 февраля сложили оружие. — *Прим. ред.*

Судзуки чудом избежал смерти — на него четырежды покушались террористы.

Старого адмирала и ему подобных восставшие считали «вероломными советниками» императора. Судзуки, как главного камергера, обвиняли в том, что благодаря его поддержке конференция приняла соотношение тоннажа крупных кораблей 5—5—3. Ему в вину ставилось его широко известное убеждение, что военные не должны вмешиваться в политику.

В 1940 году «бывший военный моряк» был назначен вице-президентом Тайного совета, а в августе 1944 года его президентом. Таким образом, Судзуки стал одним из членов Совета старейшин. Согласившись стать премьер-министром, он знал, что кладет голову на плаху. Перспективы у него и его кабинета были мрачными: если он не понесет кары от союзников в качестве военного преступника, то может попасть в руки озлобленных ура-патриотов. Некоторые из коллег Судзуки уже испытали на себе ярость и тех, и других. И старый моряк вновь стал объектом для покушения террористов.

Первостепенной задачей правительства Судзуки было покончить с войной. Это стало необходимостью. Император хотел как можно скорее закончить ее. Влиятельные бизнесмены и аристократы видели в этом единственный выход, чтобы не остаться за бортом истории. Народные массы были по горло сыты непрекращающимися, практически остающимися безнаказанными бомбардировками, голодным пайком и жертвами. Что касается армии — тут другое дело. Военные вели себя так, будто победа возможна, почти неизбежна, если война продлится еще дней десять — двадцать. А в армии было пять миллионов вооруженных людей!

В этих условиях даоистская неопределенность Судзуки была порой своеобразным преимуществом, хотя в этом таилась и серьезная опасность. Его вера в то, что можно передавать мысли без слов, заслуживала восхищения, но могла привести к губительным последствиям. Он не был одинок в своих взглядах. Когда император облекал Судзуки властью премьер-министра, то ничего не сказал ему о самой насущной проблеме, а Судзуки ничего не спросил. Почему бы это?

«В момент назначения Судзуки, — говорил позже Хирохито, — я разгадал его мысли и был уверен, что Судзуки тоже понимает меня. Поэтому я не спешил говорить ему о своем желании заключить мир». Это одно доказательство. А другое — император имел привычку высказывать свои мысли, произнося лишь несвязные обрывки предложений, что часто вызывало большие затруднения. На этот же раз его величество изменил своей манере изъясняться, так как это могло поставить под угрозу шансы на заключение мира.

Судзуки правильно понял императора. «Когда судьба преподнесла мне такую неожиданность, — говорил он впоследствии, — моей первой мыслью было как можно скорее покончить с войной, потому что я сразу понял, о чем думает император, когда увидел его после своего назначения. Мне было нетрудно понять, что он искренне надеется окончить войну и восстановить мир, хотя он ни слова не сказал об этом. Однако я ни с кем не мог поделиться своим открытием, потому что, если бы кто-нибудь узнал, о чем я думаю, это вызвало бы различные беспорядки и волнения. Я не говорил о моих истинных намерениях даже Сакомидзу. Я просто ждал подходящего случая, чтобы окончить войну».

Поэтому новый премьер начал с того, что обратился к своим соотечественникам со страстным призывом всеми силами вести борьбу до конца. «Война должна продолжаться, — говорил он, — даже если я погибну».

Парламенту он обрисовал стоящие перед Японией задачи в выражениях, которые звучат удивительно современно:

«Нынешняя война — это война за освобождение Азии, она ставит целью сорвать планы наших противников — США и Великобритании, планы порабощения азиатских стран. Мы должны полностью осознать, что если проиграем эту войну, то будет утрачена навеки не только свобода различных наций великой Восточной Азии, но и полностью растоптана справедливость во всем мире...

Основная цель политики Японии относительно великой Восточной Азии и всего мира — установить эффективную систему безопасности различных стран и гарантировать им возможность сосуществования и сопроцветания в соответствии с принципами политического равенства, экономического сотрудничества и взаимного уважения».

Судзуки определил и основное препятствие на пути к переговорам о капитуляции: «Японцы — преданные слуги императора. Они потеряют смысл своего существования, если будет нарушена национальная форма правления (императорская система). Безоговорочная капитуляция, предлагаемая неприятелем, таким образом, равноценна гибели ста миллионов японцев. У нас нет иного выбора, кроме борьбы».

Затем Судзуки следующим образом призвал страну продолжать войну до конца: «Если наша родина станет полем битвы, у нас будет преимущество в позиции и силах. Для нас не составит труда сосредоточить огромное количество войск в любом месте и обеспечить его всем необходимым. Здесь не будет такого положения, как в боях на изолированных островах Тихого океана. И тогда мы сможем уничтожить силы противника! На этой стадии ожесточенных военных действий мы, по-видимому, не сможем полностью обеспечить себя всеми продуктами питания. Не будет бесперебойной и работа транспорта. Более того, производить военные материалы станет все труднее. Откровенно говоря, в будущем нам потребуется напряжение всех сил... Принимая во внимание уровень развития неприятельских стран и сложное международное положение, я не могу не считать, что кратчайший путь к нашей победе — война до конца».

Судзуки был чрезвычайно склонен к софистике. Говоря о падении острова Иводзима [1], он отмечал:

«Мы никогда не сможем точно сказать, насколько роковым для противника оказалось психическое воздействие несгибаемого боевого духа японских солдат на островах Иводзима и Окинава [2]. Если сравнить силу этого воздействия на противника с нашими потерями, можно сделать вывод, что мы вовсе не проигрываем войну».

[1] Сильно укрепленный японцами остров Иводзима (расположенный в 660 милях к югу от Токио) после ожесточенных боев был взят американцами (с 19 февраля по 26 марта 1945 года). Японцы потеряли около 30 тыс. человек убитыми и ранеными, американцы — 21 324 человека. — *Прим. ред.*

[2] Бои на острове Окинава длились с 1 апреля по 21 июня 1945 года. В них участвовало 140 тыс. солдат и офицеров с японской стороны и 548 тыс. американцев, а также большое количество кораблей и самолетов.

Потери сторон составили: у японцев — около 131 тыс. человек убитыми и 7400 пленными; у американцев — 12 120 человек убитыми и 8005 ранеными. — *Прим. ред.*

На первый взгляд, смысл такого официального заявления — это энергичный призыв использовать все силы для продолжения войны. Однако это поверхностное толкование, ибо бывший военный моряк использовал японский прием, известный как харагей (хара — буквально живот — источник намерения или настроения; гей — беседа, искусство или талант), или «голос живота». При таком способе выражения смысл отдельных слов менее важен, чем контекст всего заявления.

Слова фактически могут иметь смысл, диаметрально противоположный истинному намерению говорящего. Эта особенность передачи мысли и ее восприятия в японском языке сложилась исторически. Истоки ее лежат в глубокой старине.

Одна из теорий объясняет причины возникновения такой манеры речи образом жизни. Как правило, семейная жизнь японцев проходила на такой ограниченной жилплощади, что уединение, не говоря уж об отдельной комнате, было практически невозможно. Единственным убежищем являлось бендзё — отхожее место. Только там можно было дать волю слезам, отчаянию, самым сокровенным чувствам, только там никто не видел.

При такой жизни, все время на людях, для каждого произнесенного слова существовали две аудитории — та, для которой оно предназначалось, и та, которой слышать его было нежелательно. Таким образом, манера говорить одно, а иметь в виду другое часто диктовалась практической необходимостью. Кроме того, из-за легкости конструкций большинства японских домов с их раздвижными бумажными и деревянными стенками и полами из матов, сплетенных из рисовой соломы, можно было без труда слышать все, что говорится в доме. И вы никогда не знали, кто вас слушает. Это также способствовало усовершенствованию иносказательной речи со скрытым содержанием («голос живота»).

Так что, с одной стороны, необходимость скорейшего окончания войны, а с другой — твердая оппозиция военных вынудили Судзуки прибегнуть к харагею. Премьер-министр всегда надеялся на лучшее. Ожесточенная политическая борьба была чужда темпераменту старого адмирала. Верного даоиста, последователя китайского философа Лао Цзы, Судзуки можно было часто увидеть за чтением трудов даоистов. Дома Судзуки доставал потре-

пашную колоду карт и раскладывал пасьянс. На службе же его окружали книги — история, биографические произведения и даоистская философия.

Сакомидзу, главный секретарь кабинета, часто видел, как премьер, сидя за столом, то высоко поднимал кустистые брови, то выдвигал вперед подбородок, с жадностью читая труды таких даоистов, как Чанг-цзу.

Чанг стал знаменит благодаря своей теории, утверждавшей, что счастья можно достичь лишь в результате свободного развития человеческой натуры и лучший способ управления — это вообще не управлять.

Судзуки постоянно пополнял свою библиотеку, состоявшую более чем из 20 тыс. томов, и, увлеченный философией, которая поощряет пассивность и считает ее более действенной, чем активность, часами изучал книги, сидя в служебном кабинете премьер-министра.

Правда, иногда Сакомидзу, незаметно войдя в кабинет, видел, как в клубах сигарного дыма Судзуки расхаживал по шканцам [1], ссутулив плечи, заложив руки за спину и шаркая ногами по полу, как седоголовый жук, ковыляющий на задних лапках.

Как при дворе, так и в кабинете министров считали, что положение в стране очень серьезное, но никто не мог точно сказать, как обстоят дела. Пока Судзуки колебался, Япония превращалась в развалины.

Практически поле зрения Судзуки было очень ограниченным. Главным препятствием являлась с трудом сдерживаемая оппозиция экстремистов армии и флота. И лорд — хранитель печати Кидо, и министр иностранных дел Того — оба пытались так направить старого адмирала, чтобы он сумел обойти эту опасную помеху. Но каждый раз, как только они направляли его на путь истинный, военный министр и его когорта опять сбивали премьера с верной дороги. Теперь, когда русские начали наступление, пора было положить Лао Цзы на полку и заняться Потсдамской декларацией.

---

[1] Часть палубы военного корабля, на которой вне службы разрешается находиться только офицерам (устаревший флотский термин подчеркивает возраст Судзуки, давно отслужившего на флоте). — *Прим. ред.*

ГЛАВА 3

«БОЛЬШАЯ ШЕСТЕРКА»

Высший совет по руководству войной был «внутренним кабинетом». В него входили премьер-министр, военный министр, военно-морской министр, министр иностранных дел и начальники генеральных штабов армии и флота. Эти люди составляли так называемую «большую шестерку». Высший совет не был предусмотрен конституцией; теоретически он не обладал исполнительной властью, а в правовом отношении был лишь консультативным органом. Однако его решения имели первостепенное значение. Когда заседал совет, жизнь в Японии замирала.

Высший совет по руководству войной фактически представлял собой жюри из шести человек, которое не только решало судьбу страны, но и оказывало влияние на жизнь миллионов людей в удаленных от Японии районах земного шара. Не непосредственно, конечно, иначе это было бы не по-японски. И хотя законное право действовать от лица нации имел кабинет, а не Высший совет по руководству войной, однако главная роль все же принадлежала совету, и от его решений всегда зависели действия всего кабинета.

К 9 августа члены Высшего совета по руководству войной должны были бы уже знать точку зрения друг друга. Они собирались все чаще и чаще, и их заседания носили все более острый характер, по мере того как усиливалось давление со стороны противника. Они проводили, казалось, бесконечные часы, обсуждая вопрос, как закончить войну, хотя оставались нерешенными и многие другие проблемы, в отношении которых этим могущественным людям еще предстояло сделать выбор, а выбора-то практически не было.

На пост министра иностранных дел Судзуки назначил шестидесятидвухлетнего Сигенори Того. Это был второй кандидат. Лорд — хранитель печати Кидо сначала предложил оставить Сигемицу — министра иностранных дел в кабинете Койсо, но Койсо наложил вето.

Адмирал Окада рекомендовал Того. Лорд — хранитель печати одобрил этот выбор, и личный секретарь Кидо объяснял это так: «В существовавшей в то время обстановке внутри страны война не могла быть успешно закончена без министра иностранных дел, являвшегося бы необычайно искренней и яркой личностью, полной решимости даже рисковать собственной жизнью... Другого подходящего кандидата, кроме Того, не было».

Судзуки узнал, что после внезапной отставки с поста министра иностранных дел в кабинете Тодзио в сентябре 1942 года Того жил в уединении в курортном городке Каруидзава. По вызову премьер-министра Того 7 апреля с первым же поездом отправился в Токио и в 10.30 встретился с Судзуки. Его пригласили для обсуждения вопроса о дальнейшем управлении страной.

Того спросил Судзуки, что он думает о перспективах войны. Премьер ответил: «По-моему, мы продержимся года два-три». Того только удивленно поднял вверх брови.

«Возможность вести современную войну, — сказал он старому адмиралу, — прежде всего зависит от уровня производства и наличия сырья. Япония не продержится даже года». Сказав это, Того почувствовал, что при таком расхождении во взглядах он не сможет эффективно сотрудничать с Судзуки, и, поблагодарив премьера, отказался от его предложения.

Однако на следующий день целая делегация важных посетителей — адмирал Окада, Сакомидзу, Кидо, двое из прежних коллег по министерству иностранных дел — прибыла к Того, чтобы уговорить его занять предложенный пост. Было сказано, что Судзуки не может открыто заявлять о скором заключении мира из-за возможной неблагоприятной реакции в стране, что премьер еще не принял окончательного решения по этому вопросу и что Того может и должен помочь ему. Кидо сообщил, что император рассматривает вопрос об окончании войны и что он, как лорд — хранитель печати, считает очень важным, чтобы Того согласился принять предложенный пост.

Того имел еще одну встречу с Судзуки, и на этот раз старый моряк сказал: «Что касается перспектив войны, ваша точка зрения меня вполне удовлетворяет. А что касается дипломатии, у вас будет полная свобода действий». При таких условиях Того согласился стать министром.

«Министр иностранных дел Того был молчаливым человеком и удивительно лишенным всего, что можно было бы определить как личное обаяние», — писал его современник Сигеру Йосида. Резкий, педантичный и решительный, Того был пруссаком из Сацума — провинции, откуда происходили главные инициаторы реставрации Мэйдзи.

Способность Того убедительно и упорно отстаивать свои взгляды, его железная логика использовались как для того, чтобы начать войну, так и для того, чтобы окончить ее. Именно он, министр иностранных дел в кабинете Тодзио в 1941 году, проводил последние, уже бесполезные переговоры. В результате японские представители прибыли к государственному секретарю США Хэллу на час позже, чтобы вручить послание, которое планировалось вручить ровно за тридцать минут до нападения на Пирл-Харбор.

Непреклонный — вот слово, которое в первую очередь приходит в голову, если нужно охарактеризовать Того. Над его пятиугольным лицом возвышалась густая копна седых волос, отливающих сталью. Под широким носом — густые усы, рот застыл в полуусмешке, полугримасе. За большие уши цеплялись огромные круглые очки в черной оправе, которые так облегчали труд карикатуристам. За стеклами очков над широкими, как половинки яблока, скулами, словно две запятые, прятались глаза. Одевался Того строго, отдавая предпочтение костюмам довольно консервативного покроя, полосатым рубашкам с крахмальными манжетами и платком в нагрудном кармане в тон галстуку. Выражение его лица всегда красноречиво говорило: «Что вам нужно? Зачем вы отнимаете у меня время? Вы уже кончили?»

Того был таким суровым, что подчиненные старались не попадаться ему на глаза. В результате в конце войны от сотрудников министерства иностранных дел не поступило ни одного предложения о способах окончания войны. Того это расстроило. Он слишком отдалился от своих

коллег и вынужден был узнавать их точку зрения окольными путями. Так, например, он просил свою дочь Исе выудить у ее мужа (секретаря Того), не было ли каких соображений об окончании войны у его коллег из министерства иностранных дел!

Того был профессиональным дипломатом классической школы. Он специализировался по немецкой литературе в Токийском университете, где обычно начинали свою карьеру представители дипломатической службы Японии. Во время первой мировой войны Того получил назначение в Швейцарию и был самым молодым в японской делегации в Версале. Затем его послали в Германию в качестве наблюдателя за выполнением условий мирного договора. Ужасы войны произвели на него неизгладимое впечатление.

В двадцатых годах в течение четырех лет Того являлся первым секретарем японского посольства в Вашингтоне, затем побывал в Германии. По возвращении в Японию был назначен начальником отдела в министерстве иностранных дел. Его перу принадлежит документ, где анализируются политические отношения Японии с Россией, которым Того придавал огромное значение и важнее которых считал лишь отношения с Китаем.

Японская пресса писала о нем как о стратеге, умело действовавшем в тридцатых годах за спиной двух японских министров иностранных дел, которые отошли от либеральной внешней политики своих предшественников. Считают, что Того возглавлял «ортодоксальное течение» в министерстве.

По иронии судьбы в 1937 году Того был назначен послом в нацистскую Германию. Убежденный противник нацизма, поклонник Шиллера и Гете, Того потерпел колоссальное фиаско во время своей службы в Берлине. Он был в плохих отношениях с Риббентропом — министром иностранных дел Германии и другими нацистскими лидерами. «Япония не может вести серьезные переговоры с таким выскочкой, как Гитлер», — заявил он однажды.

Если у Того раньше и возникали какие-то сомнения по поводу достоверности информации, на которую ориентировались в Японии, то опыт его работы в Берлине окончательно рассеял их. Главным источником такой информации считался генерал Осима, военный атташе Японии. Игнорируя правила дипломатического этикета, он вел тай-

ные переговоры с Риббентропом с целью превратить японо-германский антикоминтерновский пакт в настоящий военный союз. Осима отчитывался не перед министром иностранных дел Японии, а перед военным командованием. Генерал умышленно обходил посла и держал его в неведении относительно переговоров. Нацисты тоже обращались прямо к Осиме, минуя руководство посольства.

После десяти месяцев пребывания в Берлине Того был переведен в Советский Союз и назначен послом Японии в СССР. Генерал Осима занял его место в Берлине и получил полную свободу действий. Того покидал столицу Германии через месяц после подписания Мюнхенского соглашения и чувствовал себя, по его словам, «как будто бежал от пожара».

В Москве Того почувствовал себя спокойнее. Он подготовил и составил проект японо-советского пакта о нейтралитете, который был подписан в 1940 году. Его пребывание в Москве было плодотворным, своей деятельностью Того завоевал уважение русских.

Однако вскоре Того, как ураганом, сдуло с его московского поста, и вместе с десятками других профессиональных дипломатов он остался не у дел. Новый министр иностранных дел Иосуке Мацуока просто уволил всех, кому, по его мнению, не хватало рвения трудиться на благо «нового мирового соотношения сил», то есть оси Рим — Берлин — Токио. Того отказался уйти в отставку, так как считал, что это означало бы поощрение политики Мацуока, и остался на службе в министерстве иностранных дел в ранге посла.

В октябре 1941 года премьер-министром Японии стал генерал Хидеки Тодзио. Он пригласил Того на пост министра иностранных дел. Деятельность Того накануне войны до сих пор вызывает жаркие споры. По мнению некоторых кругов в Японии, решимость Того закончить войну в 1945 году объяснялась тем, что он чувствовал себя виновным в возникновении конфликта и в том, что было допущено отступление от традиционной формы объявления войны.

Во всяком случае, Того вскоре пришлось скрестить шпаги с Тодзио и уйти в отставку, так как генерал ловко урезал его власть.

С того времени и до самого телефонного звонка Судзуки Того сосредоточенно, почти с болезненной страстью

изучал причины японских неудач. Он проанализировал опыт России и Германии после первой мировой войны и пришел к следующим выводам:

«Моральный дух народа всегда высок в начале войны и сохраняется на высоком уровне, пока война идет успешно. Неудовлетворенность появляется, когда начинает сказываться недостаток продуктов, одежды, топлива. Если не принимаются меры, эти условия при угрозе поражения приводят к социальной революции. Когда же война окончена, массы чувствуют себя свободными, независимо от того, победила страна или потерпела поражение. На этом этапе сохранившиеся остатки феодальных традиций, институтов и привилегий решительно урезаются, а влияние масс возрастает».

Того сравнивал Японию 1945 года с Германией 1918 года. Получалось: чтобы сохранить империю, необходимо заключить мир, и как можно скорее. Высказанное вслух, это мнение прозвучало неожиданно и ошеломляюще.

Шестидесятитрехлетний генерал Йосидзиро Умедзу был начальником генерального штаба армии и членом Высшего совета по руководству войной. Именно в его ведении находилось пять миллионов человек, одетых в шинели. Он был энергичен, предан своему служебному долгу и снискал известность как наиболее умеренный из высокопоставленных генералов.

Во внешнем облике Умедзу не было ничего запоминающегося. Этому длиннорукому, с неуклюжими манерами человеку в помятой форме, болтавшейся на его небольшой коренастой фигуре, явно не хватало подвижности. Только живые, быстрые глаза на застывшем лице говорили об энергии Умедзу. У него были седые, коротко подстриженные волосы, большой прямой нос. Обычно он сидел, откинув голову назад, сложив губы в кроткой улыбке. Рот его, казалось, всегда был наготове сделать скучнейшее, типично штатское заявление. Умедзу не хватало зажигательности Тодзио, эмоциональности Анами или напыщенности «сверхпатриотичных» экстремистов.

Карьера Умедзу началась с того, что его упомянули в приказе за храбрость во время осады Порт-Артура в 1905 году. Однако выдвинулся он скорее благодаря

административным, чем боевым, заслугам. В двадцатых годах Умедзу назначили в генеральный штаб и поручили разработать проблемы национальной обороны, идеологической подготовки населения к войне, а также военные планы против Маньчжурии и Китая.

Когда маньчжурские события завершились созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го, Умедзу был награжден за службу орденом «Двойных лучей восходящего солнца» и орденом «Священного сокровища» первого класса.

Вновь Умедзу привлек к себе внимание в 1935 году. С 1934 года генерал командовал японской оккупационной армией в Китае. Весной 1935 года при загадочных обстоятельствах в японской концессии были убиты два прояпонски настроенных китайских журналиста. Умедзу послал своего начальника штаба с ультиматумом к китайскому командующему генералу Хо Ин-цину. В ультиматуме говорилось, что Япония расценивает убийство журналистов как провокационный акт и требует смены командующего войсками в провинции Хубэй, вывода полицейских сил из этой провинции и ликвидации на ее территории всех политических организаций. Гоминдановское правительство быстро удовлетворило все эти оскорбительные требования.

Через неделю Умедзу вновь послал своего нарочного к генералу Хо с требованием прекратить «антияпонскую деятельность», угрожая в противном случае начать военные действия. Стремясь обострить обстановку, Умедзу отменил смену оккупационных японских частей ввиду «критического положения».

К 10 июня китайцы уступили по всем пунктам, подписав документ, который стал известен в Японии как соглашение Умедзу — Хо Ин-цин. Японская пресса преподносила действия генерала как «стремление дать автономию провинции Хубэй». На самом же деле японцы захватили территорию в 200 тыс. квадратных километров, на которой проживало несколько миллионов жителей. Таким образом, Умедзу при небольшой затрате времени, сил и средств достиг огромного успеха, и это быстро сделало его известной, если не популярной личностью.

В следующем году во время инцидента «2—26», когда экстремисты из числа армейских и флотских офицеров убили нескольких руководящих деятелей и захватили кон-

троль над правительством, Умедзу занимал скромный пост командира дивизии, дислоцировавшейся в одном из провинциальных городов. Он немедленно направил телеграмму военному министру с осуждением восстания, подчеркнув необходимость поддержания строжайшей дисциплины и принятия превентивных мер, чтобы избежать повторного мятежа. Такой подход был новым в армии, так как обычно руководители имели тенденцию смотреть на убийц в военной форме как на бойскаутов, которые временно сбились с пути.

Умедзу принял участие в наведении порядка в армии, восстановлении дисциплины и доверия общественности. Пользуясь поддержкой такого сильного человека, каким был военный министр генерал Терауги, Умедзу действительно перетряхнул всю армию. Став заместителем военного министра, Умедзу немедленно издал приказ по армии: не заниматься политикой, а обратить все усердие на выполнение поставленных задач. Это напоминало попытку изменить натуру льва, исключив из его рациона сырое мясо.

Другие меры оказались более действенными. Из армии была уволена группа высокопоставленных офицеров, подозревавшихся в попустительстве, если не фактическом покровительстве путчу. Заместитель министра положил конец мечтам правых об увеличении пособий вдовам военных, казненных за участие в заговоре «2—26».

В ведении заместителя министра находились и специальные фонды армии. Эти тайные ресурсы не были подотчетны никакому другому правительственному органу или министру и предназначались на так называемые карманные расходы армии. Откуда брались эти средства и на что они расходовались — знал только узкий круг высших офицеров, больше никто. Деньги свободно использовались для финансирования прессы, политических деятелей, организации демонстраций, на подкуп памфлетистов, подстрекателей и шпионов. Умедзу резко сократил расходы, связанные с политикой. Он уменьшил расходы на развлечения, ограничил дотации правым группировкам и отдельным личностям. (Вполне естественно, что в прессе сразу же появились выступления против него — нового заместителя министра.) Генерал на две трети сократил оплату и некоторых научных исследований. Он обосновал свои решения стремлением не допустить не-

правильного истолкования намерений армии и оградить ее от политики.

Вместе с начальником генерального штаба армии генералом Сугияма Умедзу действительно удалось восстановить дисциплину в армии. Он был одним из пяти армейских лидеров, которые одобрили проект национальной политики, предусматривавший подготовку к войне против Китая, Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов и полное сотрудничество Японии и Германии. Впоследствии Умедзу был награжден за свою роль в заключении антикоминтерновского пакта с Германией.

В 1937 году, когда началась война с Китаем, поводом для которой послужил спровоцированный Японией инцидент на мосту Марко Поло недалеко от Пекина, Умедзу отправили на фронт. Есть веские доказательства того, что Умедзу знал о подготовке войны против Китая все — от замысла до исполнения. Однако, когда японские солдаты учинили зверскую расправу в Нанкине, Умедзу привел в ярость экспансионистов и ультра тем, что приказал выдворить из Китая двух командиров дивизии (один из них был принц) и тысячи солдат, повинных в зверствах. Один из советников сообщал принцу Коноэ, который был тогда премьер-министром, что среди японских войск в Китае приказ Умедзу вызвал возмущение и что возможно даже покушение на непопулярного генерала. Через три месяца Умедзу был фактически сослан: его отправили на фронт командовать 1-й армией в Китае. Генерала лишили поста, и он горько сетовал, что принц Коноэ не оценил его «усердия по восстановлению военной дисциплины».

В течение всего этого периода Умедзу и Сугияма поддерживали и поощряли действия начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хидеки Тодзио (13 апреля 1938 года Умедзу заплатил ему 700 тыс. иен из секретных фондов). Когда премьер-министр Коноэ решил сместить с ключевых позиций в армии Сугияма и Умедзу, они в один голос рекомендовали преемником Умедзу назначить Тодзио. Бритва[1] позаботился бы об их интересах, пока они не смогут вернуться к власти. Их рекомендация открыла Тодзио дорогу на конвейер, который затем привел его к посту премьер-министра.

---

[1] Прозвище Тодзио в прессе и армейских кругах. — *Прим. ред.*

Весной 1939 года Квантунская армия атаковала советские войска во Внешней Монголии у заставы Халхин-Гол[1].

На этом открытом всем ветрам участке японцы потеряли примерно 52 тыс. человек, советские войска — около 10 тыс. Несмотря на большие потери, генеральный штаб армии в Токио оказался бессилен прекратить бои, так как на карту была поставлена честь хваленой Квантунской армии, а ее командующий не подчинялся ничьим приказам.

Обычно эта почетная должность переходила к старейшему или наиболее влиятельному японскому генералу. Квантунская область была настоящей вотчиной военных. В нее входили вся Маньчжурия и несколько китайских провинций.

7 сентября 1939 года командующим Квантунской армией был назначен Умедзу, который сразу же отдал приказ о прекращении военных действий. 16 сентября вступило в силу перемирие.

---

[1] 11 мая 1939 года японцы начали агрессию против Монгольской Народной Республики, перейдя границу в районе Халхин-Гола. Монгольские пограничные заставы, расположенные в районах Номон Хан и Бурд-обо (в 16—20 километрах восточнее реки Халхин-Гол), подверглись неожиданному нападению японо-маньчжурских войск и вынуждены были отойти на запад от границы. С 12 мая в течение 10 суток в этом районе ежедневно происходили пограничные столкновения. 22 мая японо-маньчжурские войска пытались атаковать советско-монгольские части и углубиться на территорию МНР, но со значительными потерями были отброшены. 28 и 29 мая японо-маньчжурские войска, получив значительное подкрепление, при поддержке танков, артиллерии и большого количества авиации вновь вторглись на территорию МНР. Подошедшие войска МНР разбили налетчиков. Несмотря на предупреждения Советского правительства о том, что монгольские границы СССР будет защищать как свои собственные в силу договора о взаимопомощи, японские милитаристы продолжали провокации. Так начались военные действия, в которых с обеих сторон принимали участие значительные силы всех родов сухопутных войск и авиации. На небольшом участке фронта шириной около 75 километров и глубиной до 20 километров с японской стороны действовала 6-я армия, а с советско-монгольской — 1-я армейская группа. Боевые действия продолжались большую часть лета 1939 года.

20 августа советско-монгольские войска перешли в решительное наступление. 31 августа последний японский солдат был изгнан с земли МНР. Советский народ и его армия, верные интернациональному долгу, защитили свободу и независимость братского монгольского народа. — *Прим. ред.*

Обе страны вздохнули с облегчением: Япония — потому, что слишком дорого обошлась ей ее авантюра, а Россия — потому, что 1 сентября Гитлер напал на Польшу и руководители Советского государства не были уверены, что нацисты остановятся на границе Польши с Россией.

Почти пять лет Умедзу был командующим Квантунской армией и послом его величества в Маньчжоу-Го. Фактически Умедзу был вице-королем страны с площадью более 1 млн. квадратных километров, населением 80 млн. человек (столько же, сколько в самой Японии) и огромными природными богатствами.

Но Умедзу не сибаритствовал. За этот период он укрепил Квантунскую армию, удвоил численность войск и стал готовиться к «великому» наступлению на Советский Союз. В своем штабе Умедзу организовал 5-й отдел во главе с генерал-лейтенантом Сумихиса Икеда. Отдел имел задачу разработать план установления оккупационного режима на советской территории. Отдел готовил диверсантов и специальные боевые группы, а также кадры переводчиков русского языка и личный состав для управления захваченными областями. Вторжение было назначено на середину 1941 года.

Умедзу неоднократно предупреждал офицеров своего штаба, что Япония ни при каких обстоятельствах не должна начинать войну с США. Внимание генерала было приковано к Советскому Союзу, который вел смертельную битву с нацистами. Умедзу считал, что сейчас самое время для удара Японии по Сибири.

Однако в конце 1941 года генеральный штаб уведомил Умедзу, что Япония готовится к войне с Соединенными Штатами и Квантунская армия должна обратить особое внимание на поддержание спокойствия на границе с СССР. Когда в декабре началась война на Тихом океане, Умедзу пришлось распроститься с мечтами стать ханом советской Сибири и Приморья. Планы вторжения в Сибирь были отложены в долгий ящик.

Помимо военной деятельности Умедзу добился коекаких успехов и в других областях. Он решил проблему безработицы, введя в 1941 году в Маньчжурии обязательную трудовую повинность. Генерал проявил себя и в политике, поощряя переселение японцев в Маньчжурию. Землю отбирали у местных жителей безвозмездно или уплачи-

вали за нее незначительную компенсацию. Умедзу преуспел и в торговых делах: в 1943 году годовой доход от продажи наркотиков достиг 110 млн. иен, в то время как в 1936 году он составлял всего лишь 20 млн. иен.

Умедзу уже смирился было с мыслью, что окончательно закиснет на гарнизонной службе в Маньчжурии, как вдруг в середине 1944 года пришел приказ о назначении его начальником генерального штаба армии. Тодзио не забыл его. Когда Умедзу сообщили о назначении, он сказал генералу Икеда: «С самого начала я был против войны с США и потому не хочу соглашаться на это назначение. Да и военная обстановка сейчас для нас неблагоприятная. Как начальник штаба, я не смогу принять каких-либо мер в этом направлении. Нужно как можно скорее покончить с этой войной. Тут надо действовать дипломатическими или какими-то другими методами».

Никогда еще генерал не попадал в такую сложную ситуацию. И хотя он не мог этого предвидеть, теперь каждый шаг непреклонно вел его на палубу американского линкора «Миссури» [1].

Коллегой Умедзу в Высшем совете по руководству войной был энергичный пятидесятивосьмилетний военный министр генерал Корэтика Анами — без сомнений, одна из популярнейших личностей в армии. Анами не был ни интеллигентом, ни тыловой крысой, ни политическим деятелем. Но, видимо, именно потому, что у него не было политических связей и он не возглавлял никакой клики в армии, его так единодушно выдвинули на пост военного министра.

Генерал был сыном поверенного в делах одной из фирм в префектуре Оита на самом южном острове Японии — Кюсю. Анами представлял собой образец современного самурая. Верный служака, он обладал всеми традиционными достоинствами воина: строен, как пагода, шея и грудь — как у борца сумо [2], начищенные до блеска

[1] 2 сентября 1945 года на палубе линкора «Миссури» японская делегация подписала акт о капитуляции Японии. Одним из двух японских представителей, подписавших акт, был Умедзу. — *Прим. ред.*

[2] Популярный в Японии вид борьбы на поясах. — *Прим. ред.*

сапоги и изогнутый самурайский меч, который Анами носил с необыкновенной легкостью.

Лысина от лба до самой макушки придавала лицу Анами вытянутую форму. Волос на висках и макушке почти не было, а те, что еще уцелели, напоминали лишайник, прицепившийся к подножию горы. Посеребренные усы, похожие на гору Фудзи, узкие глаза, широкий нос, заостренные уши.

В летописи есть упоминание об отважной борьбе предков Анами против монголов в XIII веке. Стремясь превзойти своих воинственных предков, военный министр изо всех сил старался быть истинным самураем.

Он до фанатизма любил фехтовать в кендо, и его партнер Такесита во время тренировок нередко получал от проворного генерала такие удары, что только звон шел, а ведь генерал был старше Такесита на двадцать лет.

Увлекался Анами и стрельбой из японского лука. Каждое утро он спускался в сад и стрелял по соломенной мишени. Это была зарядка для нервов. Когда ему удавалось уложить пять стрел в одну точку, Анами знал, что нервы его в порядке и он полностью владеет собой. После этого он принимался за свои дела. Ровно в 7.45 утра появлялся его секретарь полковник Хаяси, и они отправлялись в министерство.

День Анами в министерстве, как правило, заканчивался в 16.00. По возвращении в свою резиденцию он обычно брал лук и успокаивал нервы с еще большим усердием. Когда в 1944 году генерал командовал войсками в джунглях Новой Гвинеи, то поражал посещавших его представителей генерального штаба тем, что даже в тропической глуши тренировался в стрельбе из лука. Это был элемент самодисциплины, к которой он себя приучил.

Его отец умер, когда Анами был еще мальчиком. Мать умерла в 1943 году девяноста шести лет, не дожив двух месяцев до того, как Анами стал полным генералом.

Анами, по восточному обычаю, высоко почитал своих родителей, однако сам совершенно не вмешивался в дела детей. «Если родители добры по отношению к детям, — объяснял он, — дети с должным почтением будут относиться к старикам. Это результат их взаимоотношений. То же самое можно сказать об отношениях между старшими и младшими офицерами. Если старший офицер относится к младшему внимательно, знает его способно-

сти и продвигает по службе, естественно, что последний будет усердно работать и преданно служить».

Общительный и полный энтузиазма, Анами поощрял непринужденные отношения с младшими офицерами. Он относился к подчиненным тепло, внимательно, разговаривал с ними мягко и умел выслушать. В канун Нового года младшие офицеры приходили к нему в дом с поздравлениями, и он приветствовал каждого лично. Анами любил покутить и пользовался репутацией офицера, умеющего выпить. А ведь нередко громкая репутация и удачная карьера создавались именно на этой почве! На вечеринках Анами обычно пел, танцевал и мастерски рассказывал анекдоты.

Его карьера не была гладкой. Когда в 1940 году его назначили заместителем военного министра, японская пресса писала: «Анами — яркая личность, его гениальность отмечали с детства... Во время учебы в военном училище и академии он неизменно получал награды».

В действительности же коллеги никогда не считали Анами гениальным. Прежде чем поступить в военную академию он дважды проваливался на вступительных экзаменах. Об этом хорошо знали в армии.

После четырех лет службы в звании прапорщика Анами направили в пехотный полк. Здесь он познакомился с одним офицером — тоже выходцем из префектуры Оита. Эта встреча повлияла на всю дальнейшую судьбу Анами. Земляком оказался не кто иной, как Йосидзиро Умедзу. С этого момента их карьеры переплелись навсегда. То ли закономерно, то ли случайно, но взлеты и падения в их судьбах происходили одновременно.

По окончании военной академии в 1918 году Анами назначили в генеральный штаб. Умедзу уже служил там полтора года и вскоре получил назначение в Европу. Анами в 1923 году был направлен в экспедиционную армию на Сахалин. Здесь-то он и пристрастился к виски и был в восторге от того, как оно уберегает от простуды. (Двадцать лет спустя при постройке бомбоубежища в своем загородном саду Анами не сделал почти никаких других запасов, кроме большого количества шотландского виски марки «Олд Парр».)

В 1925 году Анами вновь попал в генеральный штаб, а на следующий год там появился Умедзу, которого назначили начальником отдела. Вот тогда Анами и получил од-

но из приятных назначений: его послали на несколько месяцев в военное училище в Орлеане. В Японию он вернулся с любовью ко всему французскому и привычкой по воскресеньям усаживать семью в машину и выезжать за город.

По возвращении из Франции Анами пришлось выполнять нудные обязанности командира запасной части. Примерно в это время Умедзу назначили начальником отдела по военным делам военного министерства, и, когда в августе следующего года был опубликован ежегодный список перемещений офицерского состава, Анами здорово повезло: его назначили адъютантом императора Японии. В течение четырех лет Анами наблюдал за деятельностью и поведением людей, вершащих судьбы страны, познакомился с семьей императора и людьми, окружавшими трон.

Затем Анами стал командиром 2-го полка императорской гвардии. Тем временем Умедзу был сослан в оккупационную армию в Китае, и, когда появился очередной список перемещений офицерского состава, Анами после двадцати восьми лет службы в армии оказался всего-навсего начальником военной подготовительной школы в Токио.

Когда в феврале 1936 года после подавления мятежа экстремистов к власти пришли умеренные, Умедзу получил возможность помочь своим друзьям.

В августе следующего года Анами назначили начальником управления военной администрации военного министерства, а на следующий год он стал начальником управления кадров. Во время пребывания Анами на этом посту были поданы приказы о назначении Хидеки Тодзио сначала начальником штаба Квантунской армии, затем заместителем военного министра, а позднее генерал-инспектором военной авиации.

Когда Умедзу отправили на китайский фронт, Анами вскоре последовал за ним, чтобы командовать там дивизией. События на Халхин-Голе вновь вынесли Умедзу на поверхность: он стал командующим Квантунской армией. При следующей смене правительства Анами назначили заместителем военного министра. Однако это был период частой смены кабинетов в Японии, и в 1941 году Анами вновь отправили на китайский фронт в качестве командира дивизии, а в следующем году перевели к Умедзу в Маньчжурию, где Анами командовал 2-й армией, кото-

рая входила в состав Квантунской армии. К концу 1943 года основные силы Квантунской армии были переброшены на фронт, Анами же откомандировали на Новую Гвинею.

В середине 1944 года премьер-министр Тодзио назначил Умедзу начальником генерального штаба армии. Через шесть месяцев Умедзу сумел вернуть Анами в Токио и сделать его командующим армейской авиацией. Это была одна из вершин военной карьеры. Именно с этого поста Тодзио выдвинулся на пост военного министра, а затем стал премьер-министром. При поддержке своего влиятельного земляка Анами прошел тот же путь и стал военным министром в кабинете Судзуки. Многие считали, что в недалеком будущем Анами повторит путь Тодзио.

Однако Анами не был доволен своим назначением на пост военного министра. Он рассчитывал получить командование боевым соединением на Окинаве, а не «гражданский» административный пост. Он считал себя профессиональным солдатом, самураем, а не политическим деятелем.

Как же он работал на таком ответственном посту? Секретарь Анами Хаяси вспоминал, что генерал не любил подолгу засиживаться в кабинете, не тратил много времени на чтение телеграмм и изучение донесений. Он редко устраивал совещания и почти не встречался с людьми, не связанными с армией. «Он не принадлежал к таким людям, которые, прежде чем что-нибудь решить, долго думают, взвешивают, сомневаются. Скорее бывало так: придет ему в голову идея, и он сразу же принимает решение... У него совершенно не было политического чутья, и потому с его стороны было неразумно становиться военным министром. Он был слишком прямолинеен...»

Люди оценивают друг друга по-разному, и каждый по-своему. Об Умедзу было много мнений, но все они походили одно на другое. Что же касается Анами, то отзывы о нем были совершенно противоположные. И каждый, кто знал Анами, полагал, что его мнение о министре самое верное.

Такесита считал Анами добрым, энергичным, обаятельным человеком, к которому все, особенно подчиненные, испытывали искреннюю привязанность и даже любовь.

Лорд — хранитель печати Кидо говорил, что «разумный Анами не увлекался абсурдными идеями. Он не верил в перспективность этой войны... Хотя обычно заявлял, что прежде, чем окончить войну, ему хотелось бы нанести противнику сокрушительный удар. Возможно, это заявление сделано под давлением со стороны военных, хотя я и не верю, чтобы он говорил это намеренно, с целью обмануть армию...»

Для начальника управления военных дел генерала Йосидзуми военный министр не был марионеточной фигурой. Йосидзуми отмечал: «Он искренне и определенно выражал свои собственные намерения... И не в его правилах было возлагать решение политических вопросов на подчиненных».

Заместитель начальника генерального штаба армии генерал Кавабе говорил о «чистом, прозрачном характере Анами», верил, «что он искренне хочет продолжения войны».

Вездесущий секретарь военного министра полковник Хаяси думал совершенно по-другому: «У Анами не было стремления продолжать войну до конца... Он как-то признался, что, если бы ему пришлось вести переговоры о мире, результат был бы положительным».

Главный составитель речей Анами полковник Инаба, знавший его с 1940 года, считал военного министра «простым и честным человеком, который не прибегает ни к каким трюкам, человеком первого порыва, искренне прислушивающимся к здравому смыслу».

Помощник Того Тосикадзу Касе отмечал, что еще в начале 1945 года Анами прислал со своего командного пункта в тропиках письмо Сигемицу (бывшему в то время министром иностранных дел) о том, что Япония должна добиваться окончания войны дипломатическим путем.

Сравнивая Анами со своим начальником Умедзу, заместитель начальника генерального штаба генерал Кавабе, который хорошо знал их обоих, заявлял совсем другое: «Умедзу был очень умным человеком, но он не поддерживал идею о продолжении войны, пока за это не выступил Анами. Анами принадлежал к типу людей, которые смело высказывают свое мнение».

Что можно сказать о человеке, о котором сложилось столь противоречивое мнение?

Анами всегда подчеркивал, что верховное командование должно быть сильным, верность — великое оружие, необходимо укреплять единство нации.

«Высокий моральный дух — боевая сила!», «Успех будет достигнут, если все время идти вперед с непреклонной решимостью!», «В простоте — сила!» — вот какие девизы характерны для Анами.

Если бы банальность обладала огневой мощью, Анами стал бы непобедим. И если бы можно было побеждать с помощью учения Дзен — это явилось бы триумфом Анами, армии и Японии.

Как отмечал его секретарь, «Анами был не политическим деятелем, а фронтовым генералом. Его девиз — «Атаковать противника!». В боевой ситуации Анами был превосходен, но думать на пять или десять лет вперед... это не в его характере. Здесь пальма первенства принадлежит генералу Умедзу...»

Таким образом, Анами очень хорошо дополнял Умедзу. Анами — это по-отечески внимательный командир дивизии, которого мало интересуют детали, для него важна только цель операции и преданность солдат, готовых пойти за ним в огонь и в воду. Анализировать, тщательно взвешивать, составлять и вновь переделывать планы — все это для других, для начальника штаба и операторов, но не для него.

Таков был Анами — воплощение духа Дзен, самурай до мозга костей. Действия военного министра в заключительный период войны были воплощением философии Дзен в сложных условиях XX века.

Разновидность буддизма — учение Дзен появилось в Японии в XII веке и быстро захватило воинское сословие в силу того, что оказалось родственным самурайскому кодексу. Учение Дзен проповедовало строгую дисциплину, спартанский образ жизни. Следовать канонам Дзен в жизни — значило быть преданным своему делу, не испытывать честолюбивых замыслов, не питать эгоистических надежд и соблюдать безмятежное спокойствие. Учение Дзен на протяжении сотен лет способствовало укреплению морального духа японских воинов.

Встав перед неразрешимой проблемой — как выиграть войну, Анами обратился к учению Дзен, надеясь на его чудодейственную силу. Следуя учению, Анами пытался найти решение не путем анализа обстановки и тщатель-

ных расчетов, а целиком и полностью полагаясь на вдохновение.

В Высшем совете по руководству войной военно-морской флот был представлен шестидесятипятилетним министром адмиралом Мицумаса Ионаи и шестидесятилетним начальником морского генерального штаба адмиралом Соэму Тойода.

К этому моменту силы военно-морского флота были настолько ослаблены, что фактически прекратили свое существование, за исключением тщательно припрятанного резерва самолетов и малых кораблей. Их предполагалось ввести в бой в качестве «специального наступательного оружия» во время «решающей битвы». В результате этого печального факта, слишком очевидного как для многих гражданских лиц, так и для правительства и руководства армии, политическое влияние представителей военно-морского флота резко упало. Однако 1,5 млн. человек дисциплинированного, хорошо подготовленного личного состава флота были немалой силой, а в сложившейся обстановке с ней тем более приходилось считаться.

Военно-морской министр Ионаи обладал красивой внешностью и мощной фигурой, имел прямой характер и резко отрицательно относился к союзу держав оси. Он был всегда бодр, общителен и пользовался доброй славой на флоте.

Родившись в семье бедного самурая в небольшом городке на северо-востоке Японии, Ионаи сумел поступить в военно-морское училище. Здесь он «шел средним курсом», занимая скромное положение как по успеваемости, так и по популярности. Затем он окончил военно-морскую академию, что открывало ему путь к высокому положению на флоте. Ионаи служил в России, потом в морском генеральном штабе, занимал различные административные должности на флоте. Одни считали, что Ионаи продвинулся благодаря качеству своего характера, которое официальная пресса называла «особой терпеливостью и искренностью». Другие продвижение Ионаи по службе объясняли то бунтарским характером, то служебным рвением.

Белый слон [1] стал военно-морским министром в 1937 го-

[1] Прозвище, которое дала Ионаи пресса. — *Прим. ред.*

ду, а к 1939 году пережил на этом посту смену трех кабинетов. В это время Германия оказывала большое давление на Японию, стремясь превратить японо-германский антикоминтерновский пакт 1936 года в подлинный политический и военный союз. Эту идею поддерживали фашиствующие элементы в армии, такого же мнения придерживались ультранационалисты, однако флот под руководством Ионаи был далек от этого. «Японский флот, — говорил Ионаи, — принадлежит только императору. Японский флот не может нанять ни Гитлер, ни кто-либо другой».

Как в Японии, так и на Западе Ионаи слыл либералом, потому что был ярым противником расширения союза держав оси. Эта позиция явилась причиной враждебного отношения к нему со стороны определенной части армейских офицеров и ультранационалистов. Император и его советники, наоборот, ценили Ионая как опытного бойца, способного постоять за них. В январе 1940 года Ионаи был назначен премьер-министром.

Американский посол в Японии Джозеф Грю считал назначение Ионаи весьма обнадеживающим фактом. По его мнению, Ионаи был сильным и умным человеком, не способным на махинации или опрометчивые решения в сложных обстоятельствах. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» Хью Байэс писал, что назначение адмирала премьером было «последним отчаянным усилием ограничить масштабы войны в Китае».

Первое появление Ионаи перед парламентом прошло успешно. Сообщалось, что он «почти ничего не сказал, но выступление элегантно и убедительно». При рассмотрении национальных проблем той мрачной зимы 1940 года адмирал олицетворял собой невозмутимость и хладнокровие. Он говорил, что «родился при долгах, рос в неприятностях, воспитывался на несчастьях». И все же ни он, ни Япония не были готовы к последующим событиям.

Семь месяцев Ионаи плыл по бурным волнам против течения. Немецкий «блиц» взбудоражил умы и в Японии. Ультранационалисты искали способ урвать долю в грядущей победе нацистов, а политика Ионаи была слишком медлительной и ограниченной. Им хотелось полного союза с державами оси, что обеспечило бы Японии ее долю добычи.

Неудовлетворенность умеренными действиями Ионаи росла. В начале июля правительство получило данные о заговоре. Заговорщиками являлась группа фанатиков, которые называли себя симпетай — «солдаты бога». Они намеревались убить ведущих лидеров, настроенных проанглоамерикански. В списке были премьер Ионаи, лорд — хранитель печати и другие. Полиция действовала оперативно, заговорщиков арестовали. Руководство армии как бы осталось в стороне.

Через неделю, однако, планы руководства армии стали абсолютно ясны. 8 июля заместитель военного министра Корэтика Анами посетил нового лорда — хранителя печати. «Военные, — заявил генерал, — готовы к изменениям в международной обстановке. К несчастью, кабинет Ионаи не подходит для проведения переговоров с Германией и Италией и может стать причиной роковой задержки. Военные пришли к выводу, что в данной ситуации изменение состава кабинета — неизбежно».

Таким образом, армия все же нанесла удар по кабинету Ионаи. Военный министр подал в отставку, а высокопоставленные армейские чины отказались выдвинуть новую кандидатуру на его место. Ионаи выбыл из игры. Четыре последующих года у него не было ни власти, ни должности на флоте. Как бывший премьер, он автоматически стал одним из членов Совета старейшин, и время от времени руководители государства обращались к нему за советом.

В 1944 году падение острова Сайпан[1] привело к отставке кабинета Тодзио. Затем последовало то, что давно замышлялось: совместное премьерство Ионаи и генерала Куниаки Койсо. В то же время адмирал исполнял обя-

---

[1] Остров Сайпан, входящий в группу Марианских островов, был занят американскими войсками 9 июля 1944 года. В результате захвата американцами острова Сайпан и других островов стратегическая обстановка для японцев значительно ухудшилась. Союзники получили плацдарм, который позволял их флоту и авиации развернуть систематические действия на японских морских коммуникациях, связывавших метрополию с оккупированными странами Юго-Восточной Азии — источниками сырья. Американская бомбардировочная авиация теперь могла наносить мощные удары по японской метрополии, действуя с аэродромов, созданных на захваченных островах.

Премьер-министр Японии генерал Тодзио, объявляя о падении острова Сайпан, заявил: «Япония оказалась перед лицом небывалого национального кризиса». — *Прим. ред.*

занности и военно-морского министра. Ионаи включили в состав кабинета, чтобы продемонстрировать изменения в политике, но, как оказалось, всю тяжесть забот нес Койсо, а Ионаи занимался главным образом своими обязанностями по военно-морскому ведомству.

Когда после потери Филиппинских островов кабинет Койсо рухнул, новый премьер Судзуки оставил Ионаи на посту военно-морского министра. И хотя Ионаи, ссылаясь на плохое здоровье, отказывался занимать этот пост, Судзуки настоял на своем.

О том, что Ионаи вообще настроен против войны, было широко известно. Он писал позднее: «Я полагаю, что поворотным пунктом войны было ее начало. Я всегда чувствовал, что у нас нет шансов на успех...» Однажды Ионаи сказал, что, если бы командование военно-морского флота решало, когда окончить войну, оно бы это сделало прежде всего после первых побед на Гавайских островах, острове Гуам, Филиппинских островах, в Сингапуре и Рангуне. Вторая такая возможность «представлялась после потери Сайпана. В дальнейшем просто, видимо, тянули время, продолжая сражаться по инерции».

Другим представителем флота в Высшем совете по руководству войной был адмирал Созму Тойода. Внешне он казался меланхоличным. Тойода позже всех вошел в состав «большой шестерки». 29 мая 1945 года он был назначен начальником морского генерального штаба, а до этого являлся главнокомандующим Соединенным флотом и эскортными силами. Правда, эта должность значила так же мало, как и должность адмирала швейцарского флота, потому что флота практически не было. Хорошо информированный и проницательный адмирал нисколько не сомневался относительно исхода войны.

Тойода был уроженцем префектуры Оита, и этот факт повлиял на Ионаи при выборе Тойода на должность главнокомандующего Соединенным флотом. После окончания военно-морского училища, а затем военно-морской академии Тойода был членом Высшего военного совета во время первой мировой войны, служил в морском генеральном штабе. Тойода был прежде всего оперативным работником и занимал многие главные посты на флоте. В мае 1944 года его назначили главнокомандующим Соединен-

ным флотом, а вскоре произошла катастрофа[1], которая уничтожила этот флот у острова Сайпан, Филиппинских островов и Окинавы.

Свой перевод в морской генеральный штаб Тойода расценивал так: «Я был выбран помощником Ионаи для составления плана окончания войны. Вскоре после моего назначения Ионаи спросил меня, согласится ли морской генеральный штаб спокойно окончить войну. Я ответил, что постараюсь сделать все необходимое».

Адмирал довольно пессимистично относился к идее решающей битвы на территории японской метрополии. Вот как он оценивал ситуацию в начале июня 1945 года:

«Фактически флот потерял все свои надводные силы и не имеет нефти. Так как производство древесного скипидара, который был единственным источником авиационного топлива, не достигло даже 25% необходимого количества, летная подготовка призывников была отложена до конца марта. Пришлось пойти на отчаянный шаг — превратить учебные самолеты в специальные бомбардировщики, пилотируемые смертниками.

К июню командование флота планировало иметь в строю около 6 тыс. самолетов (это оказалось невозможным из-за неожиданно больших потерь в боях), а также сформировать отряды смертников камикадзе и разместить их в стратегических пунктах Японии.

Армия и флот прилагали все усилия, чтобы подготовиться к решающей битве на территории японской метрополии, потому что после событий на Окинаве начать наступательные действия по собственной инициативе было для нас совершенно невозможно».

Вполне логично, что Тойода, скептически оценивавший силы армии и хорошо знавший слабость военно-морского флота, поддерживал Ионаи в его стремлении как можно скорее окончить войну. Таким образом, Высший совет по руководству войной, собравшись на заседание утром 9 августа 1945 года, имел отличную возможность решить все

[1] В ходе амфибийных операций, проводившихся союзниками с целью захвата указанных островов, — в бою в Филиппинском море (20 июня 1944 года), в сражении у Филиппинских островов (24—25 октября 1944 года) и в бою с соединением линкора «Ямато» (7 апреля 1945 года) — японский военно-морской флот понес большие потери в крупных надводных кораблях-авианосцах, линейных кораблях и крейсерах, а также в авианосной авиации. — *Прим. ред.*

эти вопросы, если бы Того, Ионаи, Тойода и Судзуки убедили представителей армии пойти на уступки.

И Анами, и Умедзу как разумные люди едва ли могли настаивать на продолжении безнадежного конфликта.

Откладывать же решение вопроса было бесполезно. В 10.30 утра 9 августа «большая шестерка» собралась в бомбоубежище официальной резиденции премьер-министра, и Судзуки, подкрепившись зеленым чаем и сигарой, открыл заседание.

5 Зак. 20J

ГЛАВА 4

УПОРНАЯ ПОЗИЦИЯ ВОЕННЫХ

«Большая шестерка» начала заседание с рассмотрения вопроса о бомбардировке Хиросимы. Известие о разрушении Хиросимы было получено еще 7 августа. На имя начальника генерального штаба армии пришла телеграмма: «Город Хиросима полностью уничтожен одной бомбой». Как армия, так и флот послали комиссию для расследования происшедшего. Пока велось расследование, вопрос о том, была ли это атомная бомба, оставался открытым. Одно являлось несомненным: нанесены колоссальные разрушения. И все же военные пренебрежительно отнеслись к угрозе президента Трумена использовать атомные бомбы и против других японских городов. «Если они сейчас же не примут наших условий, на них обрушится с воздуха дождь разрушительных ударов, которых еще не знала земля...» — заявил Трумен.

Начальник морского генерального штаба, однако, утверждал, что ни одно государство, даже США, не имеет достаточного количества радиоактивного материала для приведения подобной угрозы в исполнение, а мировая общественность не потерпит применения такого бесчеловечного оружия. Руководители армии заявили, что, пока нет точной информации о продвижении русских на суше, они отказываются признать тот факт, что Япония потерпела поражение еще на одном фронте.

Настроение присутствующих было мрачным. Военные лидеры, включая Тойода, не понимали чрезвычайности ситуации и потому не спешили принимать решение относительно условий, выдвинутых противником.

Внезапно появился адъютант и трясущимися руками вручил Судзуки телеграмму. Премьер-министр прочел при-

сутствующим ужасные слова: «Город Нагасаки уничтожен сегодня подобно Хиросиме. Разрушения огромны».

Эта новость послужила красноречивым ответом на спорный вопрос — противник имел достаточно радиоактивного материала. Могли ли члены «большой шестерки» медлить и дальше? Ведь мировое общественное мнение вряд ли было подготовлено для своевременного выступления против применения нового вида оружия! Где гарантия, что не повторятся подобные атаки? И будут ли союзники прислушиваться к общественному мнению, если они решили во что бы то ни стало покончить с Японией?

Судзуки, потрясенный известием, отложил сигару и мрачно заявил: «Этот удар, как и предыдущая варварская атака Хиросимы, усугубляет последствия вступления России в войну против нас. Я хотел бы, чтобы министр иностранных дел ознакомил всех с условиями Потсдамской декларации».

Того пришел в ярость. Он уже пытался напомнить о Потсдамских условиях этим же самым людям 7 августа, на первом заседании совета после бомбежки Хиросимы. Но представители армии не хотели верить, что было применено атомное оружие, и скептически относились к докладам о значительности разрушений. А пока не признавался очевидный факт, свидетельствовавший о революции в военном деле, солдаты не могли сложить оружие и сдаться.

8 августа Того сообщил императору ужасную весть о гибели Хиросимы. Того дополнил эту новость информацией из других столиц мира, где подтверждалось заявление противника об использовании атомного оружия. Император приказал передать Судзуки свое желание немедленно прекратить войну, и Того оставалось только сломя голову бежать к премьер-министру. Однако скоро выяснилось, что Сакомидзу, секретарь кабинета министров, не сможет собрать «большую шестерку» до 9 августа.

Десятки тысяч людей в Нагасаки и сотни тысяч на Сахалине, в Корее и Маньчжурии были бы спасены, если бы совет провел решающее совещание 8 августа...

Подобно прокурору, делающему резюме, министр иностранных дел заявил: «Война становится все более безнадежной. Настоящая ситуация настолько критическая, что исключает всякую надежду на победу, и поэтому мы должны немедленно принять Потсдамские условия».

Судзуки предложил принять Потсдамские условия и тем самым положить конец войне.

В комнате наступила гнетущая тишина. Всех охватил страх. Столь решительное предложение было слишком значительным, слишком внезапным и слишком неяпонским по своей прямоте. Хотя никто лучше «большой шестерки» не представлял всей безнадежности военной ситуации, мысль о необходимости принять немедленное и четкое решение почти парализовала их.

Никто не рисковал высказываться. Молчание затягивалось и становилось все более неловким. Военно-морской министр Ионаи озабоченно писал что-то на листке. Наконец, чувствуя на себе взгляды присутствующих, он нарушил тишину: «Молчание ни к чему не приведет. Предлагаю начать обсуждение и рассмотреть следующие вопросы. Должны ли мы принять Потсдамские условия безоговорочно или выдвинем встречные условия? Если мы выдвинем свои условия, как на это посмотрит противник? Но это только общие проблемы. Более конкретными являются следующие вопросы: об императорской форме правления, о разоружении, о военных преступниках, об оккупации Японии».

Того с раздражением в голосе заявил: «Мы должны действовать немедленно. В первую очередь любой ценой необходимо обеспечить неприкосновенность императорской семьи, мы должны получить гарантии по этому пункту. Союзники, однако, могут полностью отвергнуть наши условия и откажутся вести переговоры в дальнейшем, если мы будем требовать каких-то уступок».

Военный министр с тревогой проговорил: «Мы не можем принимать условий, угрожающих национальной форме правления. Об этом не может быть и речи. Кроме того, пункт 7 Потсдамских условий неприемлем в части, где говорится, что определенные районы Японии будут оккупированы союзниками и использованы ими по своему усмотрению. Мы не должны поступаться нашим суверенитетом. Я возмущен требованием союзников оккупировать Японию. Нужно постараться предотвратить оккупацию».

Начальник генерального штаба армии Умедзу поддержал военного министра и сказал, что если уж оккупация неизбежна, то она не должна распространяться на Токио, а по возможности касаться только ограниченного числа

пунктов и осуществляться минимально необходимым для этого количеством войск в предельно короткий срок.

Затем Умедзу зачитал 10-й пункт Потсдамской декларации: «Мы не предлагаем поработить японцев как расу или уничтожить как нацию, но все военные преступники, особенно те, кто совершал зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание».

«Этот пункт, — сказал Умедзу, — не предусматривает передачу военных преступников в руки союзников, поэтому мы должны вести переговоры о предоставлении нам возможности самим решить данный вопрос».

Анами энергично поддержал эту мысль.

«Я накажу людей, ответственных за войну, — заявил военный министр. — Это внутренняя проблема, и потому нет необходимости, чтобы ее решали иностранные державы. Если союзники оккупируют Японию и арестуют или казнят тех, кого они считают виновными в войне, то кто же защитит нашу государственную систему? Союзники могут арестовать кого им вздумается, и тогда будет невозможно ни остановить, ни предотвратить разрушения наших национальных устоев».

Умедзу кивнул в знак согласия.

Неожиданно прозвучало выступление командующего военно-морским флотом. Вместо того чтобы выступить за принятие Потсдамских условий, Тойода присоединился к оппозиции Умедзу и Анами, воспротивясь пункту 9: «Японским вооруженным силам после разоружения будет разрешено вернуться по домам и вести мирную и созидательную жизнь».

«Мы должны, — настаивал Тойода, — добиться, чтобы союзники предоставили нам возможность провести разоружение без принуждения. Мы сами добровольно доставим оружие союзникам в назначенное место и время. В противном случае приказ о прекращении боевых действий может вызвать серьезные инциденты».

Однако, каким бы чистосердечным ни было возражение Тойода, оно ставило еще один барьер на пути к соглашению.

Анами внес поправку к предложению Тойода. Военный министр сказал: «Разоружение вооруженных сил, находящихся за пределами Японии, будет проведено мною. Япония должна проводить репатриацию войск, находящихся за ее пределами, самостоятельно. В против-

ном случае миллионы наших солдат будут брошены на произвол судьбы и подохнут как собаки вдали от родины».

Умедзу заметил: «Японские солдаты и моряки не привыкли сдаваться. Нашим военнослужащим настолько чужда эта мысль, что, потеряв оружие, они стали бы драться ногами, если бы не смогли драться ногами, стали бы кусаться, а если не смогли бы делать и этого, отрезали бы себе языки и покончили жизнь самоубийством. При таком фанатизме весьма сомнительно, что войска подчинились бы приказу о сдаче, особенно на заморских фронтах, где положение их более стабильно, чем в Японии. Если командование союзников не будет предупреждено об этом заранее и не примет соответствующих мер, союзные войска могут понести потери при попытке принять территорию от японских войск. И если это случится, война вспыхнет вновь».

Чтобы предотвратить такой исход событий, Умедзу предложил на каждом участке фронта пазначить время, когда обе стороны одновременно прекратят военные действия. «Когда войска будут собраны в намеченном месте, — сказал генерал, — мы сможем выполнить приказ союзников». Оставалось заранее установить время и место сдачи японских войск и разработать дополнительные меры по предотвращению срыва капитуляции.

Тойода и Анами сразу же поддержали предложения Умедзу. Их яростную оппозицию можно было понять, но она вызывала сомнения. Например, неясно было, действительно ли руководство армии и флота опасалось эксцессов во время проведения капитуляции или же хотело выиграть время, чтобы, оправившись от неудач, возобновить войну?

Сдача в плен означала для армии и флота полную потерю престижа. Но если бы демобилизацию, репатриацию и разоружение проводило само японское командование, возможно, создалось бы впечатление, по крайней мере в самой Японии, что это не поражение, а добровольный акт прекращения военных действий, перемирие, великодушный, гуманный шаг, направленный на спасение жизней и прекращение кровопролития.

Оккупация Японии иностранными войсками, конечно, разрушила бы эту иллюзию. Более того, если суд над военными преступниками будет проводиться союзниками

в Японии, то всем станет ясно — и в Японии, и за границей, — кто выиграл войну. И грязная парча, публично выстиранная на глазах всего мира, лишилась бы блеска, так же как и военные лишились бы своего ореола самоотверженной преданности императору и государству.

Трудно сказать, такие или подобные мысли скрывались за энергичной оппозицией руководителей армии и флота, однако нельзя и не предположить, что они не мелькнули по крайней мере в голове Умедзу — этой живой счетной машины.

Того, отвечая на требования военных, холодно заявил, что, если позволит обстановка, он приложит все усилия, чтобы заставить союзников понять проблемы, связанные с оккупацией, разоружением и наказанием военных преступников; однако он категорически отказался рассматривать эти вопросы как условия принятия требований Потсдамской декларации.

Тойода горячо заспорил: «Мы потеряем возможность добиться своих условий, если будем медлить. Как только мы уведомим союзников о нашем намерении принять Потсдамские условия, союзники могут высадить парашютный десант и оккупировать страну, и тогда я, например, не гарантирую, что смогу предотвратить инциденты».

Того снова повторил свою мысль: «Единственное условие, которого мы должны добиваться, — это неприкосновенность императорского дома. Могут ли военные надеяться на победу, если переговоры по другим пунктам не увенчаются успехом?»

Анами отпарировал: «Я не могу гарантировать окончательную победу, но Япония в состоянии дать еще один бой».

Практичный Того раздраженно спросил Анами и начальников генеральных штабов: «Можете вы сказать наверняка, что сумеете предотвратить высадку противника на нашу территорию?»

Умедзу ответил: «Мы сбросили бы противника в море, если нам повезет. Ведь на войне нельзя быть полностью уверенным, что все наши планы сбудутся. Но даже если часть войск противника сумеет захватить плацдармы, то, я думаю, мы сумеем нанести врагу тяжелые потери».

«Это было бы бесполезно, — вновь возразил Того. — По-вашему, получается, что по крайней мере часть войск союзников сможет высадиться, несмотря на тяжелые по-

тери. Однако противник постарается развить наступление. И, пытаясь уничтожить первую волну десанта, мы потеряем большую часть авиации и боеприпасов. Даже если не принимать в расчет атомную бомбу, мы к тому времени окажемся беззащитными, так как у нас нет никаких возможностей для пополнения сил. В настоящий момент у нас нет другого выхода, как немедленно прекратить войну. Мы должны попытаться достичь мира, сведя наши контртребования к минимуму».

Ионаи поддержал эту идею. Однако другие военные лидеры продолжали настаивать на том, чтобы оккупация, разоружение и процессы над военными преступниками проходили под контролем Японии.

Развернулись такие дебаты, что Ионаи пришлось повысить голос, чтобы прервать споры: «Мы упустили время для постановки таких вопросов. Необходимо принять условия союзников и следовать рекомендации министра иностранных дел».

Слова Ионаи были направлены не только в адрес армейцев, но и адмирала Тойода. Из-за отступничества Тойода соотношение голосов сторонников перемирия и их оппонентов составляло три к трем. Теперь все зависело от позиции Судзуки.

Премьер сидел молча, потягивая зеленый чай и дымя сигарой. Казалось, он не вникал в детали спора, однако по мере накала страстей Судзуки нервничал все сильнее. После выступления Ионаи его волнение прорвалось наружу. «Вы выставляете слишком много условий. Вы умышленно выступаете против моей позиции, чтобы сорвать мирные переговоры», — воскликнул премьер-министр.

Анами, Умедзу и Тойода хором стали уверять Судзуки, что это не так, но премьер дал волю гневу.

«Обсуждение, — как позже отмечал Того с типичной дипломатической сдержанностью, — приняло довольно горячий характер, но вопрос остался нерешенным».

Оба начальника штаба и военный министр твердо стояли на своем. Они сводили на нет усилия Того, Ионаи и Судзуки, так что надежд на принятие необходимого решения на заседании Высшего совета по руководству войной не было... Чтобы принять это решение, вопрос о капитуляции следовало поставить в другой форме, ибо в совете существовал такой же порядок, как в судебной

практике на Западе, когда решение о приговоре должно приниматься либо единогласно, либо рассматриваться еще раз.

Премьер-министр был расстроен. Он объявил, что Потсдамская декларация в любом случае должна быть рассмотрена кабинетом министров, и назначил заседание кабинета на два часа дня. В час Судзуки закрыл заседание Высшего совета по руководству войной, и «большая шестерка» выбралась из душного бомбоубежища под живительные лучи полуденного солнца. Солнце светило, как вчера, как прошлую неделю, как год назад. Оно будет так же сиять и завтра, и на следующей неделе, и в течение веков...

Военный министр возвратился в министерство в приподнятом настроении. По его походке и самодовольной улыбке можно было понять, что он чувствует себя хозяином положения. Он стремительно прошел по вестибюлю министерства в сопровождении высокопоставленных офицеров, и все, кто видел его в этот момент, не сомневались, что Анами сейчас хозяин своей судьбы и нации.

Весть о том, что Анами вернулся с заседания, быстро облетела министерство. Через несколько минут младшие офицеры, шумливые и полные доверия к министру, заполнили его кабинет. Они хотели узнать от Анами о наступлении русских и о результатах его усилий помешать действиям фракции пораженцев.

Расслабившись подобно льву, чувствующему себя в безопасности в своем логове, военный министр взглянул в лица присутствующих, озаренные страстной надеждой, и в самых общих чертах рассказал об обсуждении «большой шестеркой» сложившейся обстановки. Анами понимал, что общими фразами он не удовлетворит своих слушателей, и сообщил, что на заседании обсуждались вопросы наступления советских войск, условия Потсдамской декларации и последствия бомбардировки Нагасаки. Как бы между прочим Анами заметил, что он и Умедзу заняли твердую позицию в защиту государственных интересов, однако по понятным причинам больше он ничего сказать не может.

Разочарованные, но сознающие, что Анами не должен открыто обсуждать ход совещания, «молодые тигры» по-

старались завести с военным министром дружескую беседу. Среди своих единомышленников Анами чувствовал себя как рыба в воде. Разговор вертелся вокруг заседания «большой шестерки». Высказывались различные предположения и задавались хитрые вопросы, чтобы выяснить подробности встречи.

Когда молодые офицеры покинули кабинет, Анами вызвал полковника Хаяси, и они поехали в резиденцию министра. Хотя Хаяси не присутствовал на заседании и точно не знал, какие вопросы там обсуждались, он был достаточно наблюдателен, чтобы понимать сложившуюся ситуацию.

По дороге Хаяси сказал Анами: «Мне кажется, народ постепенно склоняется к миру. Большое количество наших войск, миллионы людей разбросаны в различных частях Тихого океана, и ваш первостепенный долг — постепенно разоружить и репатриировать их».

Положив обе руки на рукоятку своего меча, Анами молча слушал. Лицо его было задумчивым, губы сжаты. Глядя прямо перед собой, министр мягко проговорил: «Я полагаю, ты прав».

Лицо секретаря просветлело. Хаяси искренне верил, что подал своему шефу хороший совет в критический для него момент.

Они прибыли в резиденцию министра. Анами вышел из автомобиля как-то вяло, не как всегда. Военный министр приказал адъютанту немедленно установить в саду мишень. Анами стрелял до тех пор, пока, к своему удовлетворению, семнадцатой стрелой не попал в пятерку. Затем он отправился завтракать.

ГЛАВА 5

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Ровно в два часа дня 9 августа 1945 года пятнадцать мужчин охотно укрылись от палящих лучей августовского солнца в бомбоубежище резиденции премьер-министра. Они являлись членами кабинета министров и помнили об этом, где бы ни находились. Из пятнадцати десять были гражданскими лицами, поэтому соотношение сил по главному вопросу совещания — вопросу о мире, возможно, могло и измениться.

Внешне спокойный, премьер Судзуки открыл заседание и попросил министра иностранных дел доложить о сложившейся в данный момент обстановке.

Того сообщил о спорах и разногласиях на заседании Высшего совета по руководству войной, сказал о необходимости принять условия Потсдамской декларации, информировал собравшихся о том, что «большая шестерка» пришла к решению только по одному вопросу — о неприкосновенности императорской формы правления. «Однако, — подчеркнул Того, — не было достигнуто соглашения по другим вопросам, касающимся оккупации, разоружения и суда над военными преступниками».

Военно-морской министр адмирал Ионаи ссутулившись сидел в своем кресле. После выступления Того Ионаи взял слово: «На победу нет никаких шансов, поэтому я поддерживаю министра иностранных дел и считаю, что условия Потсдамской декларации должны быть приняты немедленно и только с одной оговоркой: должна быть сохранена императорская форма правления».

Подобно раскатам грома, прозвучал голос генерала Анами. Военный министр решительно отверг пессимистическое предложение Ионаи, как будто оно было на-

правлено лично против него. «Армия уверена, что сможет нанести чувствительный удар по союзным войскам в решительной битве за родину», — сказал он. Хотя военный министр не мог гарантировать победу, он заявил, что поражения может и не быть. «Если же приложим все наши усилия и победим в решительной битве, возможен неожиданный поворот событий в выгодную для нас сторону», — настаивал Анами.

Ионаи не мог согласиться с этим заявлением. Он веско возразил: «Наши ресурсы, как материальные, так и духовные, истощены. О продолжении борьбы не может быть и речи!»

Генерал Анами, однако, отрицал тот факт, что Япония разгромлена, и уверял, что ее многочисленные вооруженные силы, находящиеся на территории метрополии, горят желанием встретиться с врагом в первый раз в благоприятных условиях. Располагая командными высотами, имея короткие по протяженности коммуникации, а также не обремененные необходимостью подвозить живую силу и технику морем, войска смогут действовать в совершенно других условиях, чем было до сих пор. Анами утверждал, что решительный бой на своей территории мог бы принести успех, и, если бы Японии удалось отразить нападение противника, она смогла бы «обрести жизнь», даже если бы победа не была окончательной. Военный министр заявил, что, поскольку нет никакой возможности демобилизовать войска, находящиеся за пределами Японии, страна должна продолжать борьбу.

Судзуки вмешался в эту перепалку, чтобы дать высказаться другим министрам.

Министр сельского хозяйства сообщил, что урожай риса в этом году будет самым низким за последние пятнадцать лет, а может, и за все пятьдесят.

Министр транспорта высказал сомнения по поводу возможностей доставлять в Японию продукты и материалы из Кореи и Маньчжурии, поскольку существуют серьезные трудности в судоходстве между островами Хоккайдо и Кюсю из-за мин, кораблей и самолетов противника.

Министр вооружения доложил, что уровень военного производства падает, так как не хватает сырья, запасных частей и рабочей силы; кроме того, многие военные заводы сильно пострадали от воздушных налетов.

Министр внутренних дел опасался, как бы в стране

не возникли волнения, если правительство безоговорочно примет Потсдамские условия. «Моральный дух народа сильно подорван, — сказал Абе, — однако большинство считает, что положение Японии не настолько безнадежно. И это объясняется прежде всего тем, что каждое сообщение императорской ставки о любом состоявшемся сражении заканчивается заявлением, что Япония выиграла битву. И если в настоящий момент Япония примет Потсдамские условия, в народе это вызовет волнения».

Присутствующие, особенно кто бился над разрешением этих же самых вопросов с 10.30 утра, устали от дебатов. Необходимо было отдохнуть. Премьер-министр объявил короткий перерыв.

Судзуки встал, отыскивая глазами секретаря кабинета Сакомидзу. Премьер-министр хорошо понимал, что заседание кабинета проходит по тому же руслу, что и заседание «большой шестерки». Судзуки вынужден был признаться самому себе, что о едином мнении не может быть и речи. Есть ли вообще смысл продолжать это заседание?

Если бы для решения вопроса требовалось большинство голосов, а не единогласие, решение давно было бы принято. Но Анами настойчиво выступал против четырех пунктов условий капитуляции, изматывая всех своим оптимизмом.

Если даже уничтожение Хиросимы и Нагасаки и развернутое наступление советских войск не смогли убедить министров сдаться, то какие еще нужны аргументы?

И тогда премьер-министр решил, что настало время для выполнения плана, который он обсуждал несколько недель назад с Кидо и накануне заседания — с Того.

Кидо заверил Судзуки, что император объявит о своем решении прекратить войну перед Императорским советом [1]. Тогда военные лидеры вряд ли посмеют игнорировать решение императора. А что, если они отклонят его предложение? Ведь юридически император не имел права командовать советом. Но в любом случае — будет ли

---

[1] Автор так называет заседание Высшего совета по руководству войной, проходящее в присутствии императора. Для того чтобы император присутствовал на таком заседании, ему подавали петицию, подписанную премьер-министром и обоими начальниками генеральных штабов. Императорский совет имел консультативные функции. — *Прим. ред.*

одобрено предложение или отклонено, оно должно быть принято к исполнению кабинетом министров. В настоящий момент никто не мог сказать, каков будет результат такого шага, так как ничего подобного в истории Японии еще не бывало.

До сих пор кабинет и Высший совет по руководству войной неизменно придерживались установленного порядка: все принятые ими решения представлялись императору для последующего утверждения на Императорском совете. Если же заседание кабинета не могло прийти к единогласному решению по какому-то важному вопросу, правительство подавало в отставку.

Такая практика была введена для того, чтобы уберечь императора от ответственности на случай, если бы решение оказалось ошибочным. Правда, император давал свои санкции на решения кабинета и Высшего совета по руководству войной, но это делалось автоматически, независимо от того, одобряет император это решение или нет. Представлять же на рассмотрение его величества нерешенный вопрос и спрашивать его мнение — такого еще не случалось никогда.

Найдя секретаря своего кабинета Сакомидзу, Судзуки поручил ему подготовить созыв Императорского совета.

«Для этого, — позволил себе заметить Сакомидзу, — нам необходима формальная петиция императору».

«Отлично, — ответил Судзуки, досадливо махнув рукой. Старый премьер питал органическое отвращение к формальностям. — Действуйте, как положено, и подготовьте ее».

«Но для созыва Императорского совета, — продолжал секретарь кабинета, — петицию должны подписать премьер-министр и оба начальника генеральных штабов».

У Судзуки перехватило дыхание. Вряд ли генерал Умедзу и адмирал Тойода согласятся на созыв Императорского совета! После бомбардировки Хиросимы их тактика сводилась к тому, чтобы противодействовать принятию любого решения относительно перемирия. Тойода казался таким же непреклонным, как и Умедзу.

Однако Сакомидзу, хотя и был относительно молод, хорошо разбирался в политике — недаром же он находился в правительстве уже более десяти лет. Секретарь кабинета был искушен в различных политических махинациях и теперь решил продемонстрировать это.

Судзуки подписал петицию и отправился на заседание кабинета, Сакомидзу принялся добывать подписи начальников штабов.

Тойода он нашел в здании военно-морского министерства, Умедзу — в императорской ставке, и обоим Сакомидзу дал благовидное объяснение сложившейся ситуации: премьер-министр попросил его собрать подписи начальников генеральных штабов на петиции на случай экстренного созыва Императорского совета. В конце концов, всем ясно, убеждал Сакомидзу, что рано или поздно, но Императорский совет будет созван для решения неотложных вопросов. Время сейчас тревожное, так что совет может быть созван даже ночью. «И тогда мне придется разыскивать вас, чтобы вы подписали петицию. А это создаст и мне, и вам лишние хлопоты и приведет к потере драгоценного времени. Нужно быть готовым к таким крайним обстоятельствам. Пожалуйста, подпишите эти бумаги».

Генерал и адмирал понимали всю правомерность требований Сакомидзу. Кроме того, по их мнению, созыв Императорского совета был необходим для издания рескрипта об объявлении войны СССР. Прошло уже полдня с начала русского наступления, а Япония официально еще не предприняла никаких ответных действий. Конечно, для того чтобы представить тот или иной вопрос на рассмотрение императора, необходимо все тщательно подготовить. Не было вопросов, которые, не будучи полностью подготовленными, обсужденными и согласованными кабинетом министров или Высшим советом по руководству войной, передавались бы на рассмотрение Императорского совета в августейшем присутствии.

В конце концов, Императорский совет для того и собирался, чтобы получить от императора подтверждение уже принятых решений. Сам император не участвовал в обсуждении и дебатах, он лишь ставил свою подпись в указанном месте, как от него и требовалось.

Умедзу и Тойода, не сговариваясь, задали один и тот же вопрос — предупредят ли их заранее, если петиции будет дан ход.

Секретарь кабинета заверил обоих, что обязательно сделает это, и начальники генеральных штабов подписали петицию. Окрыленный успехом, Сакомидзу немедленно возвратился к себе в канцелярию.

Во дворце в этот день маркиз Кидо деловито собирал информацию. В два часа дня старший адъютант императора пришел доложить Кидо последние новости: русские вторглись в Маньчжурию и наступают на всех фронтах.

В четыре часа к лорду — хранителю печати явился его давний друг Мамору Сигемицу, бывший министр иностранных дел. Сигемицу высказал все, что у него накопилось на душе.

Еще в 1944 году они оба пришли к заключению, что только вмешательство императора на заседании Императорского совета может поставить военных на место. Теперь Сигемицу вновь поднял этот вопрос, утверждая, что, если во время переговоров Япония будет настаивать на всех четырех условиях, переговоры немедленно будут прекращены. Кидо сразу рассказал об этом императору и объяснил сложившуюся на данный момент ситуацию.

В то время как на заседании кабинета министров по вопросу о мире мнения разошлись, на другой встрече, проходившей в трех километрах к северу от дворца, было достигнуто полное единодушие по вопросу о войне. Высшие военачальники собрались в императорской ставке, чтобы обсудить возможные действия против России. Направление совещания было очевидным: на Японию совершено нападение, следовательно, она должна нанести ответный удар.

В то время как высшее руководство обсуждало вопрос о войне с Россией, младшие чины в военном министерстве и генеральном штабе высказывали негодование по поводу наступления советских войск и упорных слухов об успехах фракции сторонников мира. Горячие головы предлагали даже уничтожать «этих предателей» и открыть глаза императору. Многие вообще склонялись к мысли прибегнуть к исконно японскому методу решения подобных кризисов — военному перевороту.

Открывая заседание кабинета после перерыва, премьер-министр уже знал, что ничего не будет решено. Однако заседание все равно нужно было продолжать.

Соотношение сил составляло примерно два к одному в пользу сторонников принятия условий Потсдамской декларации в формулировке Того. Но это не решало во-

проса, поскольку законным считалось только полное единогласие.

Неожиданно министр образования Ота высказал то, о чем остальные боялись даже думать: «Я не буду говорить по существу вопроса, ибо это серьезное дело. Я предлагаю правительству подать в отставку, так как оно не сумело справиться со своими обязанностями».

В другое время это прозвучало бы нормально, но не теперь. Напуганный тем, что слова Ота явятся толчком, который вызовет снежную лавину и сметет правительство, Судзуки как можно спокойнее ответил: «Я полностью сознаю нашу ответственность, но сейчас не время спорить об этом. Мы должны прежде всего предпринять шаги к разрешению обсуждаемого вопроса».

В течение одной ужасной минуты судьбы миллионов людей зависели от решения военного министра. Генерал отклонил предложение Ота.

Если бы военный министр был решительно настроен дать последний бой, ему в этот момент представилась возможность добиться падения кабинета министров. Военный кабинет был бы единственной действенной заменой хромающего на обе ноги кабинета Судзуки. И тогда бой до последнего солдата с использованием тактики выжженной земли и партизанская война в горах были бы неизбежны. Почему же Анами отклонил предложение Ота?

Судзуки вытер платком вспотевший лоб и провел неофициальный подсчет голосов. Мнения членов кабинета безнадежно разошлись. Премьер-министр объявил, что хочет доложить о сложившейся ситуации императору. Кабинет продолжал обсуждение, а Судзуки и Того поехали в императорскую библиотеку, находившуюся в саду Фукиаге. Когда они вошли к Хирохито, Того доложил, что, по-видимому, напрасно ждать единогласия кабинета или Высшего совета по руководству войной. Судзуки настоятельно попросил императора созвать Императорский совет, и как можно скорее. Хирохито сразу же согласился. Все трое понимали, что заседание совета — последний шанс.

Когда Того и Судзуки возвратились, в зале заседаний было душно и накурено. И хотя слова по-прежнему лились рекой, дело ничуть не продвинулось. Споры зашли в

тупик. Но Анами не сдавал своих позиций и, казалось, становился все самоувереннее. Около десяти часов вечера премьер-министр закрыл заседание.

Неизменно деятельный, Сакомидзу тем временем уже подготовил необходимые извещения о созыве Императорского совета. Когда окончилось заседание кабинета, Судзуки просмотрел извещения, подписал их и приказал отправлять адресатам.

Кроме премьер-министра и Того, все были удивлены, получив вызов на Императорский совет. Военные же были не просто удивлены, а потрясены до глубины души.

Подписывая петицию, Тойода и Умедзу не сомневались, что Императорский совет может быть созван лишь тогда, когда Высший совет по руководству войной достигнет единства мнений, а это они считали просто невероятным. Что же задумал Судзуки? Какую ловкую интригу плетет Сакомидзу? Ведь секретарь кабинета обещал заранее известить Тойода и Умедзу, если премьер-министр решит воспользоваться петицией о созыве Императорского совета, которую они подписали, однако Сакомидзу не предупредил их. Он не известил никого. Он бессовестно обманул всех.

Умедзу, Анами и Тойода пришли в ярость. Они понимали — за этим что-то кроется, но что именно, никто не мог предугадать. Больше всего раздражал тот факт, что пассивный, по общему мнению, премьер-министр перехватил инициативу. А ведь они были настроены продолжать свою линию, откладывая дальнейшие встречи «большой шестерки» и оттягивая решение вопроса.

Офицеры армии и флота, состоявшие при кабинете для связи, обрушили на секретаря кабинета всю свою ярость, ожесточенно обвиняя Сакомидзу в нарушении обещания, данного начальникам штабов.

Сакомидзу не мог отрицать, что не известил начальников штабов, как и не мог открыть истинную причину своего поступка. «Я боялся, что, получив предупреждение, оба начальника штабов аннулируют действенность петиции, отказавшись от своих подписей под ней. Тогда бы они сорвали созыв Императорского совета, и положение продолжало бы оставаться неопределенным, что почти наверняка привело бы к падению кабинета Судзуки», — объяснил секретарь.

Сакомидзу решил преуменьшить значение созыва со-

вета и сообщил разбушевавшимся офицерам, что заседание созвано лишь для того, чтобы император лично выслушал мнение «большой шестерки» и президента Тайного совета.

В своей «национальной форме» [1] — простом френче цвета хаки, предписанном для деловых и светских встреч, — Сакомидзу резко выделялся среди военных в морских и армейских мундирах с самурайскими мечами. Атмосфера в кабинете секретаря накалялась. Из военного министерства прибывали все новые и новые офицеры.

Перед Сакомидзу мгновенно встала картина бойни в тот снежный день 26 февраля 1936 года, когда восставшие войска расстреляли членов правительства. Когда восставшие брали штурмом резиденцию тогдашнего премьера адмирала Окада, Сакомидзу также находился в этом здании. Как личному секретарю Окада, Сакомидзу пришлось лицом к лицу столкнуться с мятежниками. Только благодаря счастливой случайности и премьеру и секретарю удалось избежать трагической участи.

Опасаясь, как бы в такой напряженной обстановке какой-нибудь фанатик не перешел от угроз к действиям, Сакомидзу решил, что ему нужно уйти, да побыстрей. Собрав все свое самообладание, он поднялся из кресла и решительно заявил: «Перейдем в императорский дворец — время не ждет». И стал быстро проталкиваться к выходу.

Когда Сакомидзу вошел в помещение канцелярии, его встретила толпа разгневанных армейских офицеров. Подобно танку, сметающему все на своем пути, военный министр Анами направился к секретарю кабинета и холодно спросил, как обстоят дела. И хотя Сакомидзу прекрасно знал, о чем собираются просить императора, он бойко соврал. Косясь на окруживших их молодых офице-

---

[1] В связи с острой иехваткой предметов широкого потребления во время войны правящие круги Японии проповедовали среди иаселения «отказ от излишеств», «умеренность в потреблении и питании». Вскоре по всей страие ввели единую форму одежды: для мужчин — френч и брюки полувоенного образца, а для женщин — синий комбинезон. Эта одежда получила иазвание «национальной формы». — *Прим. ред.*

ров, Сакомидзу стал уверять скептически настроенного военного министра, что заседание совета созвано лишь для того, чтобы доложить императору мнение «большой шестерки». Однако угрожающий ропот среди офицеров продолжал нарастать.

Заседание должно было состояться в дворцовом бомбоубежище, находившемся под садом Фукиаге. В этом классическом восточном саду с заросшими лотосом прудами, искусно выложенными дорожками и традиционными мостами в былые времена безмятежно разгуливали павлины и журавли. Карликовые деревья уживались здесь рядом с лесными гигантами. Это был украшенный изящными беседками, заботливо взращенный питомник из сотен разновидностей растений.

Время приближалось к полуночи. Участники заседания вошли в узкую дверь, пробитую в бетонном выступе на склоне холма. У входа, освещенные луной, серебрились сосны. Члены совета друг за другом спустились в бомбоубежище по ступенькам, покрытым циновками, прошли душную комнату с затхлым воздухом, миновали стальную дверь машинного отделения и оказались в приемной. Дождавшись назначенного времени, участники заседания через стальную дверь вышли в коридор, миновали еще одну стальную дверь, потом двойную деревянную дверь и оказались в конференц-зале.

Каждый из присутствующих получил три листа бумаги. На одном была полностью изложена Потсдамская декларация, на другом, озаглавленном «предложение А», — предложение Того с единственной оговоркой принятия Потсдамской декларации. Третий лист содержал «предложение Б», выдвинутое Анами, Умедзу и Тойода, которое ставило три дополнительных условия.

В конференц-зале уже находилась «большая шестерка»: премьер-министр Судзуки, министр иностранных дел Того, военный министр Анами, военно-морской министр Ионаи, начальник генерального штаба армии генерал Умедзу и начальник морского генерального штаба адмирал Тойода. Заняли свои места и начальники управлений военных дел армии и флота: генерал-лейтенант Йосидзуми, вице-адмирал Хосина, директор бюро планирования генерал-лейтенант Икеда, президент Тайного совета Киитиро Хиранума и секретарь кабинета Сакомидзу.

Судзуки намеренно вызвал Хиранума на заседание.

Стратегия политической борьбы требовала, чтобы на конференции был представлен и Тайный совет. В состав Тайного совета входили двадцать ведущих государственных деятелей, назначенных лично императором. Совет имел широкие полномочия. Однако предвидя, что Тайный совет, так же как и кабинет, разделится в своих мнениях по обсуждаемому вопросу, старый адмирал по предложению Сакомидзу решил ловко обойти совет и пригласил на заседание только его президента.

Армейские офицеры усмотрели в приглашении на заседание Хиранума еще одно доказательство готовящегося тайного заговора. «Президенту Тайного совета не полагается присутствовать на заседании Императорского совета», — говорили военные. Идея приглашения Хиранума на заседание им явно не нравилась. Сакомидзу же со своей стороны, тщательно взвесив все «за» и «против», сослался на историю и нашел прецедент приглашения президента Тайного совета лет пятьдесят назад.

Все заняли свои места. В помещении было жарко, а кроме того, этикет заседания в присутствии императора требовал от участников сидеть в положении «смирно», держа руки на коленях. Затаив дыхание, все ждали появления императора.

ГЛАВА 6

ПОСЛЕДНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

Заседание в присутствии императора, на котором решались судьбы миллионов людей, проходило в мрачном, неуютном помещении, пригодном разве лишь для хранения овощей. Ковры, покрывавшие пол, богатые драпировки, обитые парчой столы не могли скрыть уродливой рациональности бункера. Но как бы то ни было он выполнял свое основное назначение — служить убежищем. Сверху и с боков убежище защищал семиметровый слой железобетона, а все помещение находилось в холме под четырнадцатиметровой толщей земли. По стенкам коридора сочилась вода, потолки и стены комнат также были покрыты мелкими каплями влаги.

Кроме зала для заседаний в подземном убежище имелись небольшая комнатка с телефонным коммутатором, машинное отделение с оборудованием для подачи воздуха и воды, приемная, из которой только что вышли участники заседания, и подземная жилая комната императора.

Одиннадцать высших государственных деятелей Японии сидели за двумя параллельными столами. Под прямым углом к ним находился стол поменьше, покрытый парчой, вышитой золотом. За ним, выполняя роль трона, стоял простой деревянный стул с подлокотниками. За стулом в качестве фона находилась изящная шестистворчатая золотая ширма.

Ровно в 23.55 (после двенадцатиминутных наставлений лорда — хранителя печати Кидо) из-за ширмы в сопровождении генерал-лейтенанта Хасинума, старшего военного адъютанта, появился император в военной форме. Верноподданные встали и низко поклонились. Император занял свое место, и историческое заседание началось.

Судзуки предложил секретарю кабинета зачитать Потсдамскую декларацию. Затем престарелый премьер-министр поднялся и обратился к императору:

«Сегодня члены Высшего совета по руководству войной встретились, чтобы обсудить условия Потсдамской декларации. Никакого решения пока не достигнуто. Обсуждались следующие контрусловия:

1. Гарантировать императорскую форму правления.
2. Дать возможность самой Японии разоружить свои вооруженные силы.
3. Дать возможность самой Японии осудить военных преступников.
4. Ограничить оккупацию Японии минимальными сроками и территорией.

Министр иностранных дел Того выдвинул следующее предложение: правительство примет условия Потсдамской декларации, если в них не содержится какого-либо требования изменить статус императора, установленный законами государства. Сегодня состоялось чрезвычайное заседание кабинета. После обсуждения данного вопроса голоса разделились следующим образом: за предложение министра иностранных дел — шесть; за предложение с четырьмя условиями — три; воздержались, но выразили мнение о необходимости сократить число условий — пять».

Судзуки выдержал паузу, бросил взгляд на Того и продолжал: «Теперь я хотел бы услышать от самого министра иностранных дел причины, побудившие его выдвинуть указанное ранее предложение».

Жара и высокая влажность воздуха превратили комнату в настоящую душегубку. Лицо Того покрылось испариной. Он встал и обратился непосредственно к человеку, сидевшему за покрытым парчой столом.

«Для Японии унизительно и необычайно тяжело принимать условия Потсдамской декларации, — сказал Того, определяя свое отношение к документу. — Однако обстоятельства вынуждают нас сделать это. Применение атомной бомбы и успехи России в войне резко изменили ситуацию и усилили позиции противника. Нельзя больше затягивать обсуждение Потсдамских условий, особенно теперь, когда в войну против нас вступил Советский Союз.

Таким образом, если мы будем выставлять слишком много условий, есть основания опасаться, что они могут быть полностью отвергнуты. Более целесообразным я считаю выставить только одно условие — гарантировать императорскую форму правления и безопасность императорской фамилии. Что же касается остальных условий, то вопрос о разоружении, например, может быть рассмотрен во время переговоров о перемирии. На мой взгляд, мы не в силах что-либо предпринять против оккупации Японии и суда над военными преступниками. Японская раса сможет выстоять и займет подобающее ей место в будущем при условии, если императорская фамилия останется в неприкосновенности. Мое мнение таково: сконцентрировать внимание на одном пункте — сохранении в стране монархии».

Затем Судзуки предложил высказаться военно-морскому министру. Ионаи встал и, как всегда кратко, заявил: «Я полностью согласен с министром иностранных дел».

Наступила очередь Анами. По всему было видно, что военный министр находился в состоянии большого душевного напряжения. Он заговорил неестественно громко, задыхаясь от волнения: «Мое мнение по этому вопросу в корне противоположно. Прежде всего, Потсдамская декларация требует отказа от Маньчжоу-Го. Оно перестанет существовать как самостоятельное государство».

Анами запнулся, а затем привел аргументы, уже знакомые всем присутствующим.

«Даже если японское правительство примет Потсдамские условия, — сказал военный министр, — крайне необходимо предъявить хотя бы четыре условия. В противном случае мы должны продолжать войну. Если мы сумеем нанести противнику ощутимый удар в последней решительной битве на своей территории, то сможем добиться лучших условий. И хотя нам нельзя надеяться на окончательную победу в этой решительной битве, но и полное поражение вовсе не обязательно. Я убежден, что наша сила в единстве и решительный бой нанес бы союзникам большой урон. Если же мы не сумеем остановить противника, сто миллионов японцев предпочтут смерть позорной капитуляции.

Мы должны помнить, что японские войска, находящиеся на заморских территориях, никогда не примут безоговорочной капитуляции. Более того, в самой Японии

патриоты будут любой ценой бороться до конца. Если Япония капитулирует, в стране возможны беспорядки».

Что это было — угроза, научное предвидение или предложение о сделке?

Военный министр тяжело сел, его лицо стало мокрым от слез, он вздрагивал от тихих рыданий.

Наступила гнетущая тишина, затем премьер-министр кивнул в сторону генерала Умедзу. Лицо последнего казалось, как обычно, бесстрастным, но голос его дрожал.

«Я придерживаюсь того же мнения, что и военный министр, — заговорил Умедзу. — Приготовления к решительной битве на своей территории уже закончены. Мы верим в победу. Хотя вступление в войну России ухудшило наше положение, я не считаю, что нам нужно отказываться от возможности нанести последний удар Америке и Англии. Война продолжается уже несколько лет, и многие японцы геройски погибли за императора. И если мы теперь безоговорочно капитулируем, это будет непростительно по отношению к погибшим героям. Я не выступаю против принятия Потсдамской декларации, но считаю, что эти четыре условия — минимальные требования с нашей стороны».

Сидевший в конце стола генерал Икеда, много лет служивший под командованием Умедзу, пристально взглянул на своего бывшего командира. В словах Умедзу не чувствовалось уверенности. «Аргументы генерала не убедительны», — подумал Икеда.

Премьер Судзуки предложил высказаться президенту Тайного совета барону Хиранума. Восьмидесятилетний ультранационалист Хиранума всегда придерживался точки зрения, противоположной мнению Судзуки. В тридцатых годах Хиранума основал одно из самых крупных реакционных обществ в Японии. Он выступал тогда за укрепление военной мощи и управление страной военными. У него был выдающийся послужной список, включавший посты председателя верховного суда и министра юстиции. Хиранума считался одним из самых крупных японских экспертов в области права. В 1939 году он непродолжительное время был даже премьер-министром. Его правительство пало в результате разногласий по вопросу — быть антикоминтерновскому пакту Берлин — Токио военным союзом между Японией и Германией или нет.

Перед заседанием Хиранума наверняка был введен в курс дела. Ему, конечно, сказали о необходимости любой ценой прекратить войну — время не ждет. Полуночное заседание еще больше убедило его в необходимости безотлагательного решения поставленного вопроса. Хиранума поднялся, откашлялся и начал говорить, подобно следователю, ведущему дознание.

«Прежде чем высказать свое мнение, — проскрипел он, — я хотел бы задать министру иностранных дел вопрос о развитии переговоров с Россией».

Того был взбешен тем, что Хиранума поднял вопрос, который потерял уже свое значение в связи с объявлением СССР войны Японии, однако министр сдержал себя и терпеливо объяснил: «12 июня мы сообщили Советскому правительству предложение его величества выступить посредником, чтобы как можно скорее положить конец войне, и послали уведомление, что специальный посланник готов прибыть немедленно. Несмотря на повторные запросы, никакого ответа на это предложение получено не было. 7 августа от нашего посла в Москве Сато пришла телеграмма с сообщением о предстоящей встрече с министром иностранных дел СССР Молотовым».

Восьмидесятилетний старец настаивал на деталях: «А какие конкретные предложения вы сделали Советскому Союзу?»

Того сквозь зубы ответил: «Кроме уведомления Советского правительства о том, что конкретные вопросы будут объяснены специальным посланником, я не делал никаких предложений».

«Тогда, — упорствовал Хиранума, — в чем же причина объявления Советским Союзом войны Японии?»

Того изложил суть заявления, переданного ТАСС из Москвы.

Однако Хиранума задал новый вопрос: «Действительно ли, как гласит советское заявление, Япония официально отвергла ультиматум трех союзных держав?»

«Мы не предпринимали никаких шагов в этом направлении», — отпарировал Того.

Хиранума продолжал наступать: «А что имеется в виду под жестоким обращением с союзными военнопленными и выдачей всех военных преступников, как это говорится в четвертом пункте Потсдамских условий? Разве мы не сможем сами наказать военных преступников?»

«Военные преступники всегда выдавались победителю», — сказал Того.

Явно удрученный ответом, Хиранума спросил: «Значит, вы собираетесь передать их в руки противника?»

Едва сдерживаясь, Того проговорил: «В данной ситуации это может оказаться неизбежным».

«Вы считаете, что союзники не примут наше условие — предоставить Японии самой разоружить свои войска?»

«Я так думаю», — резко ответил Того.

Затем невозмутимый Хиранума обратился к военным: «Я хотел бы спросить военного министра и начальника генерального штаба армии о следующем. Вы уверены в возможности продолжать войну?»

Не успел Умедзу подняться, чтобы ответить на вопрос, как Хиранума прохрипел: «Я крайне сомневаюсь в этом. Хотя тут и говорили о возможной победе в решительной битве на своей территории, однако не следует забывать, что противник совершает успешные воздушные налеты даже днем и постоянно обстреливает нас с военных кораблей. И наконец, атомная бомба! Как защититься от таких бомб? Ведь мы не предпринимаем никаких контрмер против воздушных налетов противника, и фактически противник имеет полную свободу действий!»

Наступила длительная пауза. Присутствующие с надеждой ждали ответа Умедзу, однако Хиранума своим дребезжащим голосом задавал вопрос за вопросом.

«Я считаю, что воздушные налеты противника в ближайшем будущем станут более интенсивными. Вскоре больше половины Токио будет разрушено, а небольшие города и деревни — полностью уничтожены. Какие у нас планы борьбы против применения атомных бомб?»

Наступила еще одна долгая пауза. Хиранума стал развивать другую мысль.

«В данный момент неуверенность народа в своих силах растет, его боевой дух сильно пошатнулся. Транспорт разрушен, продуктов питания не хватает. Запасы продовольствия в Токио тоже подходят к концу. Подвозить зерно из Маньчжурии становится все труднее. Меня очень беспокоят эти трудности. Кроме того, мне хотелось бы знать о масштабах нарушения транспортной системы от воздушных налетов».

Умедзу наконец удалось перебить старика.

«Высшее командование постарается принять все возможные меры, — начал Умедзу в типичном бюрократическо-уклончивом стиле. — Хотя трудно полностью избежать бедствий от ударов специальных бомб, им можно в некоторой степени противостоять, если соответствующим образом организовать противовоздушную оборону. Я согласен, что интенсивность воздушных налетов противника будет возрастать. Тем не менее я считаю, что, если мы сохраним твердую решимость бороться со всеми трудностями, нас не заставят отказаться от продолжения войны. Конечно, трудности повседневной жизни, уничтожение транспортных средств, разрушения от воздушных налетов — все это действует удручающе, однако высшее командование предпримет все возможные меры. Вы можете положиться на нас, как только произойдут изменения в политике. Мы никогда не сдадимся противнику из-за одних только воздушных налетов».

Не успел Умедзу закончить свою мысль, как Хиранума снова задал коварный вопрос: «Имеет ли флот какие-либо средства для противодействия ударным силам противника?»

Тойода дал единственно возможный ответ: «Для борьбы с ударными силами противника может быть использована морская авиация. Ударные силы обладают высокой маневренностью, поэтому их трудно обнаружить, не имея большого количества самолетов... В настоящее время наша авиация дислоцирована таким образом, чтобы быть готовой к решительной битве на нашей территории, и ее боевая мощь сохраняется для использования в будущем. Пока мы проводим только внезапные контратаки, однако в скором времени будут использоваться значительные силы».

Хиранума обратился к следующей теме, продолжая перечень несчастий, обрушившихся на Японию. И никто не отважился прервать старого судью.

«Сохранение общественного спокойствия — очень важный вопрос, но какие меры вы собираетесь предпринять? Если политика правительства не будет отвечать сложившейся ситуации, волнения внутри страны усилятся. А как насчет продовольственного положения?»

Все мрачно ждали, когда он остановится, однако Хиранума продолжал: «Продовольственное положение с каждым днем становится все хуже. Я не сомневаюсь, что

народ в душе сохраняет верность императору, однако сложившаяся обстановка чрезвычайно опасна. Общее положение требует пристального внимания. В связи с ухудшением положения Японии можно предполагать, что продолжение войны вызовет бо́льшие внутренние волнения, чем ее окончание...»

Наконец потерявший терпение Судзуки прервал Хиранума.

«Я полностью согласен с вами, — сказал премьер-министр. — В сложившейся ситуации продолжать войну нам невыгодно. Народ обеспокоен, люди устали от воздушных налетов. Если войну продолжать в тех же условиях, какие сложились в настоящее время, наша страна не сможет обороняться, как бы мы ни старались. Такой путь будет чрезвычайно трудным и опасным».

Хиранума понял, что экзамен пора закончить, и решил подвести итог: «В связи с чрезвычайной обстановкой я хочу заявить следующее. Я согласен, что, во-первых, нам следует сделать оговорку о сохранении государственного строя, однако я предлагаю изменить формулировку. Указанная декларация должна исключать требования, ставящие под сомнение права его величества как суверенного монарха. С таким изменением формулировки я принимаю предложение министра иностранных дел».

Того кивнул в знак согласия с этой незначительной поправкой к его предложению. В конце концов, Хиранума был авторитетом в области права.

«Что же касается пунктов 2, 3 и 4, — продолжал бубнить Хиранума, — я думаю, что заявления военного министра и начальника генерального штаба армии совершенно правильны. Мы должны провести разоружение сами. А поскольку не было никаких требований о выдаче военных преступников, это условие не обязательно и ставить».

В то время как престарелый юрист мучительно медленно, со всеми деталями формулировал пункты своего резюме, Судзуки прилагал все силы, чтобы сдержаться. Хиранума говорил больше получаса. За это время бомбардировщики союзников могли уничтожить еще один город, а русские войска — продвинуться на пятнадцать — двадцать километров.

А Хиранума все говорил и говорил: «Если противник откажется принять наши условия и мы будем продолжать

войну, внутри страны начнутся волнения. Мы должны тщательно изучить ситуацию, прежде чем пойти на это...»

Трудно было сказать, что больше угнетало присутствующих: духота в бомбоубежище или затянувшееся выступление Хиранума. «Кончит ли он когда-нибудь?» — подумывал Того.

«Мы не можем вести войну, опираясь только на военную силу... — Хиранума уже повторялся. — Дух народа, условия производства, повседневные нужды должны также учитываться. Можем ли мы считать настоящее положение удовлетворительным? Как у нас обстоит дело с продуктами? Ведь благосостояние народа — движущая сила политики. В настоящих условиях, как бы ни были сильны армия и флот, войну продолжать невозможно... Что касается других пунктов, правительство могло бы принять решение по ним после тщательного обсуждения. Вопрос о войне очень важный вопрос, и я считаю, его решение должно быть предоставлено императору...»

Что это означало? Ведь Судзуки, Того и Сакомидзу были единственными, кто знал, что императора собирались просить принять решение. Может, кто-нибудь из троих проговорился Хиранума? Ведь он может испортить все дело в такой критический момент.

Тем временем Хиранума обратился непосредственно к императору: «Следуя заветам ваших императорских предков, ваше величество должно внушить народу уверенность. Имея это в виду, я прошу ваше императорское величество принять такое решение».

Ворчливый старик закончил свою речь и сел. Прежде чем собравшиеся успели опомниться, взял слово адмирал Тойода. Ошеломленный речью Хиранума, а может, и задетый тем, что премьер не дал ему выступить раньше, адмирал горел желанием высказаться.

«Как командующий флотом, — начал он, — я согласен с предложением военного министра и начальника генерального штаба армии. Я не могу сказать, что вероятность победы неоспорима, но и не считаю, что мы обязательно будем разгромлены... Высшее командование флота обеспокоено тем, что переговоры могут проводиться только с одной оговоркой. Солдаты на фронте делают все возможное, они полны решимости принести себя в жертву. Новая политика поднимет боевой дух народа...»

Соотношение сил по главному вопросу было три к

трем: Анами, Умедзу и Тойода противостояли Того, Ионаи и Хиранума. Судзуки, видя, что единогласию не бывать, решительно встал. Пробило два часа ночи 10 августа.

«Господа, — сказал премьер-министр. Внешне он казался совершенно спокойным. — Вот уже несколько часов мы обсуждаем эти вопросы, но не пришли к какому-нибудь решению. Мы не можем медлить. Поэтому, хотя это беспрецедентно, я предлагаю нижайше испросить указания у его величества и на этой основе принять решение. Желания его величества будут руководящими, и правительство поступит в соответствии с ними».

И Судзуки шагнул к императорскому трону. Наглость этого поступка ошеломила всех. «Господин премьер-министр», — задыхаясь от гнева, пробормотал Анами, не веря своим глазам. Наступила гнетущая тишина. Престарелый адмирал сделал несколько шагов и обратился к императору: «Разрешите испросить ваше императорское решение относительно того, принять ли предложение министра иностранных дел или предложение, предусматривающее четыре условия».

В истории Японии не было случая, чтобы к императору обращались с призывом выразить его собственную волю при решении важного вопроса. Император никогда не принимал активного участия в заседаниях совета, которые были ритуальными, заранее подготовленными спектаклями. Император даже не открывал рта на этих заседаниях. Задавать же ему вопросы являлось неслыханной дерзостью.

Военные считали, что на заседании Императорского совета будут обсуждаться уже известные им вопросы — и ничего больше.

Что же теперь скажет император, это живое божество, любое повеление которого они присягали выполнять?

Не к такому финалу они стремились, не на такой конец рассчитывали. Они хорошо помнили, как в угарные дни до начала войны на Тихом океане во время военных парадов и церемониальных шествий этот человек — бог в парадной форме — принимал почести, сидя на своем любимом скакуне Первый снег. Разве могли тогда допустить эти военные лидеры, стремившиеся создать великую империю, что будут сидеть в этом душном бетонном бункере и решать такой бесславный вопрос?

Вдохновившись победами в 1942 году, когда Япония контролировала свыше одной шестой земного шара, никто и не думал о бесславном конце. То было время дурманящих прогнозов и планов переделки мира вместе с нацистами, которые великодушно оставляли японцам всю территорию к западу от индийской границы. Пока оставляли!

То были дни головокружительных празднеств после побед в Пирл-Харборе, Гонконге, на Филиппинах, после падения Сингапура. Тогда император появлялся на дворцовом мосту и обозревал широкую дворцовую площадь, оглашаемую криками «банзай». В военной форме, верхом на Первом снеге Хирохито гарцевал перед ликующей толпой.

Ни в одном докладе военачальников тогда не было и намека на неблагополучие. Однако затем в военных коммюнике замелькал не известный ранее термин «тепсин» — передвигаться куда-нибудь. Впервые этот термин прокрался в сводки вскоре после того, как верховное командование, поставив на карту свой престиж, приложило все усилия, чтобы удержать Гвадалканал. Вскоре термин стал появляться чаще, даже слишком часто.

Флот также выработал свои семантические приемы. Так называемые «победы» в районе Тайваня, Соломоновых островов и островов Джилберта, у острова Мидуэй являлись фикцией, под которой военщина торжественно испрашивала позволения поставить подпись императора.

Затем все чаще стали вестись разговоры о войне продолжительностью десять — двадцать лет. Говорили — если кто задумает победить священную нацию, встанет перед проблемой уничтожения ста миллионов японцев.

Теперь же мечта милитаристов о грандиозном параде победы во главе с императором на белом коне испарилась. Более того, военные лидеры вынуждены дебатировать на тему: пожертвовать ли новыми миллионами людей или ценою невероятного позора остановить резню.

Что требовало большего мужества? Теряя силы, продолжать вести войну из подземных укрытий, выстроенных армией в горах в далеком Мацусиро? Но ведь противник обладает абсолютным господством в воздухе и охотится за каждой движущейся целью. Можно ли быть уверенным, что императорскую семью удастся благополучно переправить в специальном пуленепробиваемом автомобиле в неприступное убежище в горной твердыне?

А что потом? Конец на манер Гитлера? Уничтожить династию, когда верноподданные, кроме своих тел и жалкого оружия, ничего не смогут противопоставить разрушительной атомной мощи? Широко распространенная легенда о сверхъестественном расовом превосходстве, питавшая самурайский дух, была развеяна реальной, научно обоснованной разрушительной силой.

Капитулировать? Что будет в этом случае? По крайней мере, если армия и народ выполнят приказ императора, разрушениям и всеобщему кровопролитию придет конец. Но сохранят ли победители императорскую форму правления? Оставят ли они Хирохито на троне? А может, отправят его в изгнание или передадут китайцам, если влиятельные силы потребуют этого?

Будет ли Япония низведена до уровня аграрной страны, которой запретят развивать национальную промышленность и торговлю? Будет ли страна попрана, ограблена и опустошена? Не обезлюдят ли ее суровые репрессалии за военные преступления? Будет ли Япония вообще существовать? Все эти мысли преследовали императора в этот день, 10 августа, на двадцатом году его правления.

Хирохито неоднократно общался с духами своих предков во время всяких церемоний начиная с восхождения на трон и потом на ежегодных служениях и ритуальных обрядах, совершавшихся по разному поводу. Он очень уважал и строго соблюдал традиции своих предшественников и превыше всего заботился о сохранении династии.

Но династия не сможет продолжать свое существование, если раса Ямато будет уничтожена. Династия погибнет, если императорскую фамилию насильственно свергнут или устранят в результате каких-нибудь поспешных репрессий победителей.

Вот перед каким выбором оказался Хирохито. Для своих соотечественников он был богом, воплощением высшего совершенства, божественным отцом всех японцев. И по отношению к нему высшим долгом считалась полная преданность.

В течение двадцати трех веков императоры Японии почитались как боги. И в два часа ночи 10 августа 1945 года император продолжал оставаться богом для своих подданных. И вот для этого бога настал час сказать свое слово.

7 Зак. 201

ГЛАВА 7

ИМПЕРАТОР — БОГ

В тридцатые годы иностранные журналисты в Токио без особого благоговения называли их Чарли и Эммой. Бог или не бог, но император и императрица своей внешностью, поведением и поступками, бесспорно, походили на средних буржуа. Эта почтенная чета увлекалась чайными церемониями, уходом за цветами и рисованием акварелей. Их одежда была старомодна и лишена малейшего намека на индивидуальность.

Императорская чета приняла за правило совершать только подобающие ей поступки. Можно было представить, что они играли в гольф ради здоровья, но никогда не ради удовольствия, они гладили малолетних принцев по головке, но ни в коем случае не качали на коленях, в меру увлекались ловлей карпов в прудах или охотой на уток. Их легко можно было принять за среднюю японскую супружескую пару; платье и поведение хотя и копировали западные стандарты, но казались лишенными элегантности и утонченности. Даже в военной форме маршала — верховного главнокомандующего вооруженными силами Японии — Хирохито, которому тогда было за тридцать, чувствовал себя так же неловко, как студент-первокурсник, надевший взятый напрокат смокинг.

Однако Хирохито не был средним японцем. Он был императором Японии, солнцеликим величеством, тенно [1] Ниппона [2], прямым потомком самой богини Солнца. В парадном императорском одеянии в дни государственных

---

[1] Император. — *Прим. ред.*

[2] Страна восходящего солнца. Это европейское наименование Японии берет начало от Марко Поло, посетившего Китай в XIII веке. — *Прим. ред.*

и религиозных торжеств Хирохито выглядел более величественно, чем монарх любой другой страны. Для своих подданных он был олицетворением японской культуры, религии, этики и морали. А такой груз трудно нести даже богу.

Хирохито был невысокого роста. Традиционные одежды предков скрывали сутулость плеч и короткие ноги императора. Голова сына неба казалась несколько крупной для его тела, но миллионы подданных не замечали этого.

Вкусы Хирохито не носили отпечатка величия, подобающего монарху. Он предпочитал простоту, не любил привлекать внимание и старался вести себя естественно и скромно. Это удавалось ему без труда, и не оттого, что он был стеснен в средствах. Наоборот, Хирохито являлся одним из богатейших людей мира, хотя его предки во времена Колумба жили в нужде.

История рассказывает о японских императорах следующее. Нет свидетельств, чтобы кто-нибудь из них соперничал с Калигулой, однако известно, что императоры Японии подчас занимались несвойственными для царственных особ делами: один собирал подаяние, другой переписывал каллиграфическим почерком стихи, третий торговал автографами, четвертый получал пищу и одежду от своего богатого друга — аристократа. В 1690 году придворные императора плели из соломы корзинки и продавали их. Хотя со временем дела императорской династии значительно поправились, однако, по дошедшим до нас сведениям, прадедушка Хирохито император Комеи хотя и любил вино, «но был слишком беден, чтобы позволить себе употреблять его не разбавленным водой».

К 1945 году произошли разительные изменения. В министерстве двора, ведавшем имуществом императорской фамилии, работали 5 тысяч служащих. Годовой доход императора равнялся 1 600 000 долларов, Хирохито принадлежали владения в 21 360 гектаров, тысячи акций доходных предприятий, причем значительную часть составляли акции банков.

Но, несмотря на свое огромное состояние, Хирохито соблюдал строжайшую экономию, стремясь разделить бремя лишений, которое вынужден был нести его народ. Император приказал писать на обеих сторонах листов бумаги, а карандаши и резинки для стирания использовать до тех пор, пока их можно удержать в руках. Он

ограничил себя спартанской диетой; говорили даже, что видели заплаты на его нижнем белье. Когда в мае 1945 года от бомбежки сгорел дворец, император нисколько не огорчился. По его словам, народ теперь мог видеть, что император разделил несчастье тысяч погорельцев.

До 1868 года смотреть прямо в лицо властелину считалось преступлением, наказуемым смертной казнью. Дедушке Хирохито императору Мэйдзи пришлось издать указ, разрешавший людям смотреть на него. Но и теперь, когда Хирохито шел к своим подданным, всем приказывали покинуть верхние этажи и опустить шторы, чтобы никто не смел смотреть сверху вниз на священную особу.

Такое благоговейное отношение к императору порой доходило до абсурда. По общему мнению, даже его портрет считался священным. Когда в 1936 году журнал «Тайм» поместил на своей обложке портрет императора, японское посольство в Вашингтоне срочно вызвало редакторов и попросило их выступить со специальным обращением к читателям «Тайма» не осквернять священное подобие императора, как-то: не класть на журнал вещи и не переворачивать вниз головой изображение Хирохито!

Императору предписывалось на виду у людей иметь непреклонное и бесстрастное выражение лица. Однако, когда Хирохито отдыхал на берегу моря в своей летней резиденции, выезжал на пикники, плавал, пробирался сквозь заросли, набивал карманы куртки морскими ракушками и растениями, его лицо принимало самое естественное выражение, а тело становилось гибким, как у спортсмена. Говорили, что император — отличный пловец, что он мог плыть на спине, держа пальцами ног зонтик. Можно не сомневаться, что он чувствовал себя в своей стихии, когда нырял с небольшой лодки в море.

Потомок богини Солнца находил удовольствие в занятиях естественными науками, что вызывало раздражение у военных и хранителей устоев империи, видевших в изучении биологии подрыв утвержденных свыше основ божественного происхождения его личности. Тем не менее на территории дворца находилась небольшая лаборатория, в которой Хирохито вместе с пожилым профессором изучал образцы под микроскопом. В конце тридцатых годов Хирохито опубликовал работу о грибах, а его труды в области биологии моря принесли ему признание в мировой науке.

В лаборатории стояли бюсты Дарвина, Линкольна и Наполеона. Бюст Бонапарта он купил во время своего самого большого приключения — тайной поездки по парижским магазинам. В то время Хирохито был еще наследным принцем.

Император увлекался японской и западной классической музыкой. Правда, ему приходилось довольствоваться только прослушиванием пластинок. В Японии редко выступали мировые знаменитости, но даже когда в Токио и приезжали известные артисты, император знакомился с ними только по записям, а не на концертах. Хирохито считал, что посещение театра было бы по меньшей мере неуместно, особенно в суровые тридцатые годы, когда японские солдаты в Маньчжурии и Китае умирали за его императорское величество.

В двадцатые годы, когда бытовали более мягкие нравы, Хирохито увешал стены своего летнего дворца картинами западных художников. Позже их отнесли в хранилище, и во дворце вновь воцарилась строгость японских традиций — голые стены, за исключением токонома — почетного места, особое положение которого лаконично и выразительно подчеркивали картина, нарисованная на шелковом свитке, ваза или небольшой букет.

Хирохито родился в 1901 году, ровно через три месяца в соответствии с традицией его взяли из семьи. До четырех лет он жил в доме знатного придворного — старого виконта Кавамура. Затем ребенка отдали на воспитание генералу Ноги, герою русско-японской войны, завоевателю Мукдена и Порт-Артура. Ноги был самураем старой школы и очень серьезно относился к воспитанию своего молодого подопечного. Как истинный самурай, Ноги был сведущ в тонкостях чайной церемонии, составления букетов и каллиграфии. Между наставником и воспитанником зародилась большая дружба.

В 1912 году, однако, когда великий император Мэйдзи умер, генерал Ноги, как один из его ближайших и верных вассалов, совершил вместе со своей женой церемониальное сеппуку [1].

Молодого Хирохито передали под опеку адмирала Того, тоже героя русско-японской войны. Отец Хирохито

---

[1] Самоубийство. — *Прим. ред.*

вступил на трон и принял данное эпохе его правления имя Тайсе.

Тайсе пробыл на троне всего несколько лет. Вскоре обнаружилось, что он психически болен, и Хирохито стал принцем-регентом.

Будучи наследным принцем, Хирохито совершил беспрецедентное и весьма занимательное путешествие в Европу на японском линкоре «Катори». В Каире его чествовал фельдмаршал Алленби, на Мальте он впервые познакомился с западной оперой, в Гибралтаре присутствовал на скачках. В Великобритании его приняли как гостя королевской семьи и он повсюду разъезжал с принцем Уэльским.

Во Франции маршал Петэн взял его в поездку по войскам на Западном фронте, затем Хирохито был принят самим президентом.

За время своего путешествия Хирохито успел объездить пять стран Европы и встретиться с главами восьми государств (в том числе и с папой римским). Принц-регент Японии был восхищен конституционной монархией того типа, которую он наблюдал в Великобритании. Эти впечатления оказали огромное влияние на всю его последующую деятельность.

В 1926 году Тайсе умер, и Хирохито занял его место на троне. Новый император начал с нововведений. Во-первых, он отступил от традиции, когда решил жениться. Как утверждают, Хирохито настоял, чтобы его женой стала девушка, которую выберет он сам. По возвращении из Европы он приказал разбить на территории дворца площадку для гольфа. Кроме того, Хирохито привез с собой записи западной музыки и бочонок виски и зашел даже так далеко, что устроил весьма благопристойную интимную вечеринку для узкого круга своих друзей, приобщив их к этим экзотическим сокровищам. Но более всего придворных советников и ортодоксов взволновало то, что император выразил свое восхищение конституционной монархией.

Интерес нового правителя ко всему западному был характерен для Японии двадцатых годов. Страна входила в пятерку великих держав, вместе с которыми она пользовалась плодами победы в первой мировой войне. Городские жители привыкали к западной музыке, танцам, одежде, пище, свободе нравов и к некоторым более

существенным вещам. Веяние либерализма ощущалось в стране повсюду.

Молодой монарх относился к своим обязанностям по управлению страной со всей серьезностью. Периоду своего правления он дал название Сева — «просвещенный мир». Императорский рескрипт, обнародованный при его вступлении на трон 28 декабря 1926 года, был составлен самим Хирохито. Вот что в нем говорилось: «Обладая скромными способностями, мы сознаем, как трудно доказать, что достойны великого дела, унаследованного нами. Мир находится в процессе развития. В истории человеческой цивилизации открывается новая глава. Уравновешенная политика государства всегда ставит своей целью развитие и усовершенствование страны. Простота вместо тщеславного хвастовства, самобытность вместо слепого подражания, движение вперед вместе с развивающимся миром, постоянное усовершенствование, дабы шагать в ногу с достижениями цивилизации, гармония и единство нации в мыслях и практической деятельности, благоденствие всех слоев населения и дружба со всеми государствами земли — вот те главные цели, которые будут предметом нашей глубокой и постоянной заботы».

Но какие бы тайные мысли о конституционной монархии ни вынашивал Хирохито, они не имели под собой реальной почвы. Конституция Мэйдзи, дарованная монархом японскому народу в 1889 году, начиналась словами: «Династия императоров, не прерывавшаяся с незапамятных времен, будет править Японской империей во веки веков... Особа императора священна и неприкосновенна... Он является главой империи и обладает суверенными правами в соответствии с положениями настоящей конституции... Императору принадлежат законодательные функции, а издаваемые законы одобряются парламентом... Император объявляет о вступлении законов в силу и отдает распоряжения об их опубликовании и исполнении... определяет структуру... правительства и жалованье всем гражданским и военным чинам, а также назначает и смещает таковых... является верховным главнокомандующим армией и флотом... объявляет войну, заключает мир, а также договоры...»

Все эти огромные права, конечно, служили лишь ширмой для действительно власть имущих. Конституция Мэйдзи была делом рук энергичных людей — представителей

крупной буржуазии, решивших упрочить собственную власть и приобщить Японию к современному миру. В императоре они видели удобный для себя символ объединения сил. Его существование давало им возможность проводить непопулярные в то время реформы начиная с указа о запрещении носить косички и кончая реорганизацией правительства. В Японии произошла настоящая революция, которая преобразила нацию, помогла создать на основе воинской повинности армию и флот, уничтожить систему самурайства и свергнуть крупных феодалов, расчистив путь капиталистическому укладу.

Формально восстановленному императору, однако, не преподнесли в изящной упаковке фактическую власть. Заправилы кланов [1] создали лишь видимость конституционной монархии, хотя все, что ни предпринималось, конечно, делалось от имени императора и якобы с его согласия. Избираемый народным голосованием законодательный орган (парламент) на деле был лишен права контролировать кабинет. И хотя премьер-министра назначал сам император, однако это неизменно делалось по рекомендации ближайших советников генро (старейших государственных деятелей), а позже лорда — хранителя печати.

В отличие от конституционных монархий западных держав в Японии после двадцатых годов премьер-министром становился не глава политической партии, получившей большинство в парламенте, а человек, способный, по мнению советников императора, лучше других справиться с оппозицией.

Некоторые решения по важнейшим вопросам сначала принимались кабинетом, а затем перед их обнародованием представлялись императору для его санкции. Но это была лишь дань традиции. Такие же кардинальные решения, как, например, о войне в Маньчжурии, с Китаем или о пограничных инцидентах в Сибири, принимались только военной верхушкой. Император не мог отменить эти решения, не мог не согласиться с ними. Его функции сводились к выслушиванию и одобрению, но не к критике, поправкам или запрещению.

Например, известно, что Хирохито совсем не хотел

---

[1] Главы кланов, которые восстали против сегуната и восстановили политическое значение императора. — *Прим. ред.*

объявлять войну Америке в 1941 году, однако события и те, кто вершил эти события, оказались ему неподвластны. Он, конечно, присутствовал на историческом заседании Императорского совета 6 сентября 1941 года, на котором в соответствии с процедурой было принято официальное решение о войне с Соединенными Штатами Америки. Хирохито молча наблюдал за ходом заседания, как того требовала традиция. Однако на этот раз император неожиданно заговорил. Он вынул из кармана лист бумаги и прочитал короткое стихотворение, написанное его дедом императором Мэйдзи:

Если для меня все люди в мире —
Мои родные братья,
То почему их спокойствие
Должно быть так бездумно нарушено?

«Это стихотворение — одно из моих любимых, — сказал император. — В нем выражены самые сокровенные мысли, мои и моего деда, о великой любви к миру».

Однако, хотя милитаристы и поняли, что император высказал неодобрение, оно повлияло на них не более чем если бы он извлек из кармана веер [1].

Многие люди живут как бы по написанной для них роли. Одни выбирают ее сами, другие вынуждены играть какую-то роль, а третьим она заготовлена уже с рождения. К числу последних принадлежал Хирохито, ему досталась самая необычная роль.

Хирохито был главой «национальной семьи», и все японцы искренне верили в такие лозунги, как «император и народ — едины». Во все времена император для каждого японца был путеводной звездой. Этим отчасти обусловлены такие национальные черты японского характера, как непоколебимая вера в систему правления императоров, глубокая убежденность в своей особой миссии на земле и уверенность в том, что унаследованные японцами свыше качества превосходят достоинства других народов.

Как глава государственной религии синто [2] и главный

---

[1] Налицо попытка автора апологетировать императора, противопоставить военной верхушке и отвести от него обвинение в развязывании войны. — *Прим. ред.*

[2] Древняя религия японских племен, построенная на почитании сил природы и культа предков. — *Прим. ред.*

объект почитания, император исполнял роль главного священнослужителя на двадцати одной церемонии в году. Кроме того, император был центральной фигурой на проводившихся два раза в год богослужениях в храме Ясукуни, когда души погибших героев причислялись к лику богов.

«Император, — говорилось в конституции Мэйдзи, — спустился с неба. Его особа божественна и священна. Он стоит выше своих подданных. Он почитаем и неприкосновенен».

Поскольку император занимал первое место в пантеоне богов религии Синто и одновременно являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами, приказы Хирохито войскам приобретали значение абсолютной священной истины и придавали военным действиям моральную силу крестового похода. Императорский рескрипт об объявлении войны в 1941 году для всех японцев был равносилен призыву папы Урбана II в 1095 году освободить гробницу Христа от неверных. Трудиться не покладая рук, страдать и умирать за императора считалось самым высоким призванием подданных Японии.

Военная верхушка евангелически превозносила неземную власть и величие императора и проповедовала безоговорочное подчинение его воле, рассматривая это как выполнение долга каждого японца. В то же время военная клика сплошь и рядом игнорировала желания императора и не считала это лицемерием. Когда мысли императора совпадали с ее намерениями, военная верхушка испытывала удовлетворение. Когда же намерения Хирохито не совпадали с намерениями военных руководителей, они говорили, что императора вводят в заблуждение недобросовестные советники, затем устраняли неугодных и таким образом добивались осуществления своих планов.

Его величество чувствовал себя великолепно раскрашенным кленовым листом, поднятым ввысь холодным вихрем: центр всеобщего внимания, яркая игрушка в руках ветра, не способная повлиять ни на его скорость, ни на направление.

Титул верховного главнокомандующего армией и флотом тоже был не более чем фикцией. Император являлся главнокомандующим лишь номинально, и, когда он пытался воздействовать на события, его осаживали или вежливо

игнорировали. В этом, разумеется, не было ничего личного. Просто механизм правления позволял военным лидерам легко блокировать все усилия, которые им не нравились.

Фиктивность титула главнокомандующего, который носил император, отчетливо проявилась в период спровоцированного армейским командованием инцидента в Маньчжурии. Попытки императора через министерство иностранных дел и самого министра остановить войска оказались бесплодными. Кабинет и премьер-министр ничего не предприняли. Кабинеты и премьеры приходили и уходили, а военная верхушка продолжала процветать. Японские войска оккупировали всю Маньчжурию, и Квантунская армия управляла ею, словно вотчиной. Было создано так называемое независимое государство Маньчжоу-Го, а командующего Квантунской армией назначили там японским «послом». Маньчжоу-Го плясало под его дудку.

Следующим был китайский инцидент. И тут сначала заговорили пушки, а потом императора и кабинет информировали о том, что необходимо предпринять контрмеры в связи с «китайскими враждебными действиями» в районе Пекина. Военный министр доложил его величеству, что карательные действия продлятся не более месяца, однако впереди оказались восемь лет войны и непрекращающееся сопротивление китайцев.

Военные лидеры усиленно пропагандировали версию о якобы особой миссии Японии, долг которой — распространять Кодо, императорский вариант «просвещенного мира» Сева, на отсталые страны — Маньчжурию, Китай и завоеванные земли на юге. Между тем Япония руководствовалась отнюдь не благотворительностью. Так называемое умиротворение Нанкина красноречиво продемонстрировало всю лживость тезиса о благотворительной миссии.

Сидя в ту августовскую ночь 1945 года в сыром бетонном бомбоубежище, человек-бог находился в центре урагана. Возможно, мысленно он уносился в прошлое, и ему вспоминался не один случай, когда он без заметного успеха высказывал свои пожелания советникам и военным.

Однажды в сентябре 1931 года он лично предупредил военного министра генерала Минами о необходимости «соблюдать чрезвычайную осторожность в отношении действий войск в Маньчжурии и Монголии». Император хо-

тел сдержать армию, но больше никто не пытался ее сдерживать. Напротив, 18 сентября армия спровоцировала маньчжурский инцидент и заняла четыре провинции Китая.

В декабре того же года Хирохито предупредил нового премьера Ки Инукаи «о неправильном управлении армией и проявлении ею своеволия». «Вмешательство армии во внутреннюю и внешнюю политику, стремление осуществлять собственное руководство делами создает ситуацию, которая, если мы заботимся о благе нации, не может не вызывать у нас опасений», — писал император. Приняв к сведению озабоченность его величества и искренне желая привести армию в повиновение, Инукаи вынес себе смертный приговор. Расширение маньчжурской кампании и образование марионеточного государства Маньчжоу-Го свели к нулю все усилия Инукаи. 15 мая 1932 года группа молодых фанатиков — кадеты военного училища и морские офицеры — зверски убили Инукаи в его официальной резиденции.

Но один раз, в 1938 году, император все же нанес армии чувствительный удар. В июле того года японцы атаковали русские войска и пытались вытеснить их с позиций у озера Хасан. Высшее руководство армии настаивало на войне с Советским Союзом, но министр иностранных дел и военно-морской министр дали согласие на развертывание войск только в качестве меры предосторожности, резко возражая против любых агрессивных действий.

Военный министр и начальник генерального штаба армии потребовали аудиенции у императора, стремясь добиться утверждения планов нападения на Советскую Россию. Однако через своего армейского адъютанта император передал военным, что он ни в коем случае не согласится применить силу.

Военный министр и начальник генерального штаба продолжали настаивать на аудиенции. Когда встреча состоялась, Хирохито спросил, обсуждали ли они этот вопрос с министром иностранных дел и военно-морским министром. Военный министр и начальник генерального штаба ответили, что якобы получили согласие на применение силы. Обнаружив обман, император обратился к командованию армии с разгневанным посланием:

«Действия армии в последнее время отвратительны. В период маньчжурского инцидента и событий у моста

Марко Поло[1] армия совершенно не подчинялась приказам из центра. Порой применялись произвольные и никем не утвержденные методы, что совершенно неприемлемо в моей армии. Я считаю это позором. Ничего подобного больше не должно повториться!.. Впредь запрещаю перемещать хотя бы одного солдата без моего приказа».

Пораженные неожиданным выговором императора, военный министр и начальник штаба отступили. Милитаристы пришли в ярость. В конце концов — кто командует императорской армией?

На следующий год военные круги усиленно добивались заключения союза с державами оси и даже угрожали членам кабинета. В связи с этим проницательный Хирохито заметил своим ближайшим советникам: «Меня поражают современные военные. Они не хотят понять, что другие страны рано или поздно силой заставят Японию вернуть Корею и Маньчжоу-Го». Тогда же брат императора обратился к молодым офицерам в генеральном штабе с речью об опасностях, которые подстерегают Японию в случае войны против Англии в союзе с Германией. Это обращение было равносильно заявлению самого Хирохито и, как никогда, откровенно выражало волю императора. Однако упрямые генералы продолжали оказывать давление на правительство с целью заключения союза с державами оси.

Тогда император вызвал своего старшего армейского адъютанта генерал-лейтенанта Усами и вручил ему приказ для передачи с соблюдением строгой секретности высшим чинам армии. Смысл послания Хирохито сводился к тому, что кабинет падет, если армейские круги не прекратят толкать правительство на заключение союза с державами оси. Генеральному штабу и военному министерству надлежало полностью пересмотреть свои взгляды по этому вопросу. Император подчеркнул важность данного приказа и недопустимость его разглашения... Но тщетно.

Усами пренебрег волей своего повелителя: послание императора не было сохранено в тайне. Армейское командование полностью игнорировало приказ. Военные руково-

---

[1] В 1937 году в районе Пекина японские войска спровоцировали вооруженное столкновение с китайскими частями. В результате этого инцидента началась война с Китаем, длившаяся до 1945 года. — *Прим. ред.*

дители не только не изменили своего отношения к державам оси, но удвоили усилия по скорейшему заключению этого союза.

В один из этих мрачных дней конца 1941 года Хирохито спросил премьер-министра: «Если будет принято решение сохранить мир, подчинится ли армия?»

Премьер-министр, в свою очередь, задал этот вопрос военному министру Тодзио. Как и следовало ожидать, экспансионист Тодзио с солдатской прямотой ответил, что не гарантирует повиновения армии. В сложившейся обстановке, сказал Тодзио, привести в повиновение армию сможет разве только член императорской фамилии. Генерал имел в виду, конечно, принца Хигасикуни, кадрового офицера армии, приходившегося императрице дядей. Император и его советники наотрез отказались от подобного предложения: они не хотели, чтобы императорская фамилия оказалась втянутой в политику, особенно когда решался вопрос о войне и ответственности за это.

Накануне войны, когда Тодзио получил назначение на пост премьер-министра, император через лорда — хранителя печати Кидо передал Тодзио, что решение о вступлении в войну, принятое 6 сентября 1941 года, фактически отменено. Тодзио и военно-морской министр получили следующее указание: «Что касается главного направления национальной политики... то оно требует тщательного рассмотрения, для чего необходимо, как никогда, всесторонне и глубоко изучить внутреннюю и международную обстановку, не принимая во внимание резолюцию Императорского совета от 6 сентября».

Тодзио создал свой кабинет. В него вошли ничем не скомпрометировавшие себя политические деятели. Первые две недели новый премьер-министр следовал принципу: чем ждать уничтожения, лучше заглянуть смерти в лицо и, прорвав кольцо окружения, найти способ выжить. Этот лозунг подавлял всякую оппозицию, и к 2 ноября Тодзио заручился поддержкой военных и гражданских лидеров, которые пришли к единому выводу: не остается другого пути, кроме войны, если Соединенные Штаты отвергнут две последние ноты. Однако в этих нотах не содержалось ничего, кроме избитых аргументов, которые американцы отвергли уже ранее.

Тодзио любил повторять: «Такой шанс представляется один раз в тысячу лет». Он имел в виду открываю-

щиеся перед страной возможности. И такой шанс представился...

Теперь же, 10 августа 1945 года, Императорский совет вновь заседал, только не наверху, а под землей. Тогда, четыре года назад, Императорский совет принял решение начать войну. Теперь на заседании присутствовал только один человек из прежнего состава совета. По иронии судьбы это был тот единственный, кто тогда выступал против войны, — император Хирохито. Даже здание, в котором проходило заседание совета в 1941 году, сгорело дотла. И теперь верховный главнокомандующий вооруженными силами, всемогущий бог, повелитель, чье малейшее желание считалось непререкаемым, на основании прошлого опыта не мог уже быть уверен, выполнят ли его волю в этот решающий для страны час. За все время правления его слова имели лишь силу совета, а не повеления, так как по обычаю и конституции все вопросы управления страной решал кабинет. А ключ к миру держала в руках военная верхушка.

Возможно, Хирохито вспоминал сейчас своего далекого предка — императора Нинтоку. Однажды Нинтоку поднялся на башню и оглядел свою страну. Но в какую бы сторону он ни взглянул, нигде не заметил дыма над крышами. Старый император решил, что народ его очень беден, поскольку не может позволить себе сварить риса. И тогда император на три года отменил барщину. Однако благосостояние монарха зависело от труда подданных — вскоре дворец его обветшал, а дела расстроились. Правда, Нинтоку не унывал, ему было достаточно, что «народ жил в достатке». Слава о добродетелях императора прошла по всей стране, над очагами вновь вился дым.

А куда бы ни посмотрел Хирохито в эту светлую летнюю ночь, всюду царили разруха и голод.

На заре истории Японии вместе с умершим феодалом хоронили заживо и его приближенных. От этого обычая отказались, когда какой-то неизвестный гений придумал более гуманный обычай — заменять живых людей глиняными куклами, которых и хоронили вместе с останками сюзерена.

В августе 1945 года бушующее пламя пожаров и взрывы бомб нельзя было умилостивить глиняными фигурками.

И теперь решение должен был принять повелитель.

ГЛАВА 8

ВОЛЯ БОГА

Военные члены Императорского совета были потрясены, когда премьер-министр Судзуки попросил Хирохито высказаться. Всех присутствовавших, кроме троих, удивил столь дерзкий поступок. Того, Судзуки и Хирохито заранее планировали этот шаг. Сакомидзу тоже знал, что императора попросят выступить. Это был последний, отчаянный ход, от которого зависела жизнь миллионов, судьба императорской фамилии и расы Ямато, а также политические границы Дальнего Востока на многие десятилетия, а может, и века.

В форме верховного главнокомандующего вооруженными силами Хирохито выпрямившись сидел в простом деревянном кресле. Его руки в белых перчатках были сложены на коленях. Лицо казалось бесстрастным, хотя никогда прежде он не следил за дебатами так напряженно. Его мозг, словно хищная птица, жадно схватывал каждое слово выступавших, но ни один мускул не дрогнул на лице Хирохито. Участники заседания в этом душном подземелье понимали, что Хирохито стоит большого труда в такой обстановке сохранять самообладание, приличествующее императору — богу.

Хирохито наклонился вперед, сжал ручки кресла и встал. Если кто и думал, что император откажется говорить в силу своей пассивности в прошлом или по причине традиционного молчания, то они недооценивали своего монарха. Не спеша, но без всяких признаков неуверенности император заговорил. Его голос не раз звучал перед тысячами подданных на дворцовой площади. Сейчас император обращался к своим министрам.

«Я выскажу свое мнение, — сказал Хирохито, и в голосе его послышались металлические нотки. Все затаили

дыхание. — Я согласен с мнением министра иностранных дел».

Генерал Анами вздрогнул, будто ему нанесли удар. Генерал Умедзу не выразил никаких эмоций.

«Мои основания следующие...»

И слова полились потоком. В свою речь Хирохито вкладывал всю глубину души.

«Серьезно изучив внутреннее и международное положение, в котором оказалась Япония, я пришел к выводу, что продолжение войны может привести к уничтожению нашей страны, принесет лишь дополнительное кровопролитие и вражду в мире».

Сакомидзу вдруг осознал, что плачет. Взглянув на сидевших за столом, он увидел, что в глазах большинства участников заседания тоже блестят слезы.

«Я не могу позволить, чтобы мой безвинный народ страдал и дальше. Окончание войны — единственный путь к восстановлению мира и освобождению народа от ужасных страданий, которым он подвергается».

Император перевел дыхание. Он был мудрым и достаточно опытным, чтобы поверить, что военные безропотно согласятся с ним. И теперь Хирохито хотел рассчитаться с руководителями вооруженных сил, особенно с армейцами. Император не собирался дать им уйти от ответственности.

«Как сообщил мне начальник генерального штаба армии, строительство береговой обороны в районе Кудзюруки-хама планировалось закончить в июне. Однако, как доложил мой адъютант, который лично проверил этот район, строительство укреплений все еще не закончено. А сейчас уже август».

(Начальник генерального штаба армии Умедзу был еще более откровенным с императором, давая оценку боевых возможностей японских войск, находившихся за пределами Японии. Нанеся кратковременный визит командующим войсками в Китае, Маньчжурии и Корее в июне 1945 года, он докладывал Хирохито, что перспективы дальнейшего ведения войны весьма туманны. Он также отметил, что японские вооруженные силы в Китае и Маньчжурии эквивалентны восьми американским дивизиям, что они имеют боеприпасов только на одну операцию и не смогут продержаться более месяца, если американцы высадят значительные силы.)

В голосе императора послышался гнев.

«Мне было официально доложено, что вооружение вновь созданных дивизий закончено. Однако, как стало известно, на самом деле солдаты этих дивизий до сих пор не имеют даже штыков! И не раньше середины сентября им будет доставлено все необходимое».

Военных бросило в жар от слов сына неба, а император продолжал обрушивать на них удар за ударом.

«Было запланировано увеличить выпуск самолетов, и это не осуществлено, а воздушные налеты противника с каждым днем все усиливаются».

(Подозревая, что от него многое утаивают, император в феврале 1945 года назначил специальным инспектором боеготовности военно-морского флота адмирала Хасегава — Кийоси бывшего генерал-губернатора острова Тайвань. Хасегава был неподкупно честен и обо всем докладывал императору лично.

В течение трех месяцев он инспектировал арсеналы, морские районы и штурмовые отряды [1]. 12 июня он представил Хирохито и его адъютанту генералу Хасинума доклад, где с беспощадной откровенностью говорилось о слабости военно-морского флота.

Когда Хасинума покинул кабинет, Хирохито указал адмиралу на кресло. Император хотел получить дополнительную информацию. В результате инспектирования специальных штурмовых частей Хасегава обнаружил, что для специальных операций готовились переоборудованные из гражданских малые катера с подержанными автомобильными моторами. Уже одно это вызывало сожаление. Кроме того, личный состав частей, несмотря на всю несложность управления такими катерами, был исключительно слабо подготовлен. Вооружения, предназначенного для специальных штурмовых действий, не хватало. Подготовка личного состава велась в спешке и по сокращенной программе.

---

[1] Специальные штурмовые отряды (отряды смертников) состояли из мобилизованных гражданских и специально построенных малых кораблей, малых подводных лодок и человеко-торпед, вооруженных торпедами или начиненных взрывчатым веществом. При подходе десантных кораблей и высадочных средств союзников к берегам Японии смертники должны были атаковать их и, приблизившись на короткую дистанцию, поразить торпедами или таранить, взрываясь вместе с кораблем противника. — *Прим. ред.*

Хасегава на убедительных примерах показал неспособность военно-морского флота выполнить намеченные планы и сделал вывод, что мобилизационная программа нереальна и только приведет к бесцельной трате средств и дублированию.)

«Некоторые предлагают дать решительный бой на своей территории, считая, что таким путем можно выжить. Однако история учит, что одно дело — военные планы и совсем другое — действительные результаты. Если в теперешней обстановке Япония будет вовлечена в решительную битву на своей территории, то как мы сможем отразить противника? Я не хочу больше видеть, как страдает мой народ. Я не желаю ни дальнейшего уничтожения наших культурных ценностей, ни новых несчастий для народов мира... Где гарантия, что в такой ситуации народ Японии не будет уничтожен до последнего человека? Чтобы сохранить японскую нацию для будущего, нужно прекратить кровопролитие. Придет время, и наш народ вновь станет на ноги...»

Слушая императора, присутствующие не могли сдержать рыданий. Даже самые мужественные плакали, не стыдясь слез.

«Я испытываю великую боль, когда думаю о тех, кто так преданно служил мне — о солдатах и моряках, о тех, кто убит или ранен в далеких сражениях, о мирных жителях, лишившихся крова или погибших от воздушных налетов. Конечно, разоружить моих смелых и преданных солдат мучительно для меня. Мне также тяжело сознавать, что те, кто платил мне преданной службой, могут быть признаны военными преступниками. Однако во имя страны и ее будущего надо пойти на это. Чтобы помочь народу и сохранить нацию, мы должны сейчас пережить это. Пусть примером нам будет мужество моего великого деда — императора Мэйдзи во времена тройственного вмешательства [1].

---

[1] Имеется в виду давление, оказанное Россией, Францией и Германией на Японию, когда она после японо-китайской войны 1894—1895 годов стремилась аннексировать Ляодунский полуостров на юго-востоке Китая.

Япония, став на путь капиталистического развития в 70—80-х годах XIX века, предприняла ряд агрессивных актов против Китая и в 1894 году развязала войну с целью установить контроль над Кореей и непосредственно проникнуть в Китай. Китайская армия и флот терпели в войне поражения из-за технико-экономи-

Я понимаю, что вас беспокоит в этой ситуации и моя судьба, — голос императора дрогнул. — Но что бы ни случилось со мной, я твердо решил немедленно положить конец войне. Я согласен с предложением министра иностранных дел...»

Вот так это было. Император выслушал все аргументы. Военные стояли на том, что лучше смерть, чем бесчестие Японии. Хирохито же, посланный богом правитель великой японской империи, предпочел принять бесчестие, нежели допустить уничтожение народа Японии.

Это была самая длинная в его жизни речь. Но слова, даже сказанные императором, остаются только словами. Как в каждом сложном механизме крупные детали состоят из мелких, так и заявление Хирохито юридически являлось лишь рекомендацией Высшему совету по руководству войной. По конституции же и совет не мог решать будущее нации. Только кабинет министров имел на это право. Только когда кабинет министров примет решение, его представят императору для утверждения, чтобы решение стало официальным и приобрело законную силу.

Когда император сел, премьер Судзуки выбрался из кресла и хриплым голосом обратился к участникам заседания: «Император высказал свою волю. Таким же должно быть и решение совета. Заседание закрывается».

Решительность Судзуки была феноменальной.

К императору вернулось самообладание. Его лицо вновь превратилось в маску. Хирохито поднялся. Адъютант Хасинума дал знак — и все участники заседания медленно встали, изобразив что-то вроде поклона. Их глаза были красны, лица искажены от усталости и пережитых волнений.

Хирохито и вслед за ним Хасинума скрылись за золотой ширмой.

ческой отсталости феодального Китая и неспособности правящей династии удовлетворительно организовать командование.

В апреле 1895 года война закончилась Симоносекским договором, по которому Китай уступал Японии Ляодунский полуостров, острова Пынхуледао и Тайвань и выплачивал 200 миллионов лян контрибуции. Японию в войне поддерживали США и Англия.

Однако, чтобы не допустить усиления Японии и появления нового соперника в колониальном грабеже Китая и Кореи, правительства России, Франции и Германии заявили протест против условий Симоносекского договора и вынудили Японию отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. — *Прим. ред.*

Вершители судеб, следуя примеру императора, постарались взять себя в руки и вернуться в реальный мир.

Как только премьер-министр и Сакомидзу вышли в приемную, начальник управления военных дел генерал-лейтенант Йосидзуми подскочил к Судзуки, преградил ему путь и грозно сказал: «Вы поступили нечестно, вы нарушили свое слово, премьер-министр» [1].

Судзуки был застигнут врасплох. Но прежде чем он успел ответить, военный министр Анами оттеснил Йосидзуми в сторону и, стараясь успокоить потерявшего самообладание генерала, проговорил: «Успокойтесь, пожалуйста. Я понимаю вас, Йосидзуми».

Премьер-министр и Сакомидзу протолкались к ожидавшему их лимузину, а секретарь кабинета принялся собирать министров на чрезвычайную сессию кабинета, чтобы обсудить решение императора.

Реакция Йосидзуми была одним из первых свидетельств отношения армейских кругов к решению совета, предзнаменованием будущих неприятностей.

Министр иностранных дел Того, утомленный и побледневший, оглядываясь по сторонам, искал своего помощника Тосикадзу Касе.

Не выдержав духоты, Касе давно покинул конференц-зал и ждал министра в машине. Когда Того вышел, Касе впился в него глазами, стараясь по лицу патрона определить решение совета. Как всегда кратко, Того сообщил, что император высказался за принятие мирных условий, и это было для Касе подобно свежему ветру. Впервые за многие месяцы к нему вернулась уверенность в том, что Япония будет спасена.

Того же, слушая императора, отчетливо вспомнил декабрьскую ночь 1941 года, когда он сказал Хирохито, что все возможности исчерпаны и нужно начать войну.

Того направился в резиденцию премьер-министра на заседание кабинета, Касе — в министерство иностранных дел, где его вот уже несколько часов нетерпеливо ждали ответственные чиновники министерства. В полутемной комнате с плотно занавешенными окнами Касе сообщил им о решении совета. С облегчением вздохнув, они стали

---

[1] То есть не выполнил обещания, данного через Сакомидзу: заблаговременно предупредить начальников генеральных штабов армии и флота о созыве Императорского совета. — *Прим. ред.*

готовить сообщения, которые известят весь мир о выборе Японии.

Судзуки собрал заседание кабинета министров в своей официальной резиденции. Старый адмирал объявил пятнадцати министрам, что только что окончившийся Императорский совет решил принять условия Потсдамской декларации с одной-единственной оговоркой — сохранить императорскую форму правления. Так решил сам император, сказал Судзуки. Высший совет по руководству войной принял это решение и предложил кабинету последовать ему.

Двенадцать часов назад, 9 августа, эта же группа государственных деятелей собиралась для обсуждения того же вопроса. А двадцать три часа назад русские вступили в войну с Японией. Однако эти часы ушли на многословные рассуждения и колебания, а в это время Нагасаки и 74 тысячи представителей расы Ямато были стерты с лица земли.

Того, изможденный, но все еще решительный, информировал кабинет о заседании Императорского совета. Поскольку решение высказал сам император, Того предложил правительству принять Потсдамские условия с одной, уже согласованной оговоркой. Министр иностранных дел подчеркнул, что необходимо срочно принять решение. Далее Того объяснил, что председатель Тайного совета Хиранума принимал участие в заседании и поэтому Тайный совет официально уже проинформирован.

Кабинет согласился с решением Императорского совета сразу и без прений. Даже Анами отказался от возражений. Только министр внутренних дел Абе, хотя и проголосовал, правда неохотно, за принятие этого решения, но отказывался подписать официальный документ. Будучи в прошлом шефом полиции и являясь орудием экстремистов, он боялся внутренних беспорядков. Абе был слишком хорошо знаком с методами «террористов из тайных обществ» и не без оснований опасался, что, подписывая этот документ, то есть одобряя капитуляцию, он, вполне возможно, ставит подпись под собственным смертным приговором.

«Я не вижу необходимости в моей подписи», — проворчал Абе.

Министр образования Ота терпеливо стал объяснять: «Эта процедура просто необходима, так как решение Им-

ператорского совета обретет силу, если его примут все члены кабинета».

Наконец Ота уговорил Абе, и министр внутренних дел нехотя поставил свою подпись на документе.

Чтобы предотвратить волнения в связи с внезапным объявлением о поражении японских войск, кабинет счел необходимым сохранять в тайне решение о принятии Потсдамских условий до тех пор, пока официальное заявление сделает сам император. Конечно, это произойдет, когда условия будут согласованы с союзниками. А пока нужно было приучить народ к мысли об окончании войны. Министру информации Симомура предстояло проконсультироваться с Анами, Ионаи и Того, чтобы выработать определенную политику в передачах по радио и газетных сообщениях. Покончив с неотложными делами, Судзуки поспешил закрыть заседание. Со смешанным чувством триумфа и тревоги Сакомидзу спрятал резолюцию кабинета министров в совершенно секретное досье.

Когда Того возвращался из резиденции премьер-министра в свое министерство, уже наступал рассвет. Силуэт здания парламента возвышался подобно огромному надгробному памятнику. Совершенно измученный, Того прочел текст сообщения, составленный чиновниками министерства иностранных дел. Одобрив этот исторический документ, министр приказал разослать телеграммы послам Японии в Швеции и Швейцарии для передачи правительствам США, Китая, Англии и СССР.

В семь часов утра шифровальщик министерства иностранных дел доложил Касе и Мацумото, что телеграммы отправлены. Текст нот был идентичен:

«Во исполнение высочайшего повеления его величества императора, который всегда стремился способствовать делу мира во всем мире и искренне желает быстрейшего окончания военных действий, во имя спасения человечества от дальнейших бед, которые несет продолжение войны, японское правительство несколько недель назад обратилось к Советскому правительству с просьбой оказать содействие в восстановлении мира между враждующими державами. Когда эти усилия не увенчались успехом, японское правительство в соответствии с августейшей волей его величества восстановить всеобщий мир и желанием как можно скорее положить конец неслыханным страданиям, которые несет война, решило следующее.

Японское правительство искренне надеется, что оно правильно понимает декларацию, опубликованную в Потсдаме 26 июля 1945 года главами правительств США, Англии и Китая (к которой позже присоединился и Советский Союз), как документ, который не содержит каких-либо требований, наносящих ущерб прерогативам его величества как суверенного правителя.

Японское правительство искренне надеется, что это положение гарантировано, и желает как можно скорее получить точное подтверждение этому.

10 августа, 20-й год правления Сёва».

Чиновники министерства иностранных дел, находившиеся на службе больше 24 часов, совсем обессиленные отправились по домам. Позже Касе в своей книге «Дорога к «Миссури» вспоминал: «Что это была за ночь! Ночь бесконечных мучений и тревог... Казалось, все бессонные ночи обрушились на меня своей тяжестью. Отчетливо помню пустынные улицы Токио... Когда я сел в подошедший трамвай, завыли сирены, предупреждая о воздушном налете. Несколько пассажиров испуганно посмотрели в небо. Они очень волновались, беспокойно ерзая на своих сиденьях. Они еще не знали, что правительство только что приняло решение о мире».

Однако и сам Касе не знал, что события начипали приобретать другой оборот. В то время когда он подъезжал к дому, генерал-лейтенант Йосидзуми, неутомимый глава управления военных дел военного министерства, пытался помешать отправке телеграмм о принятии Потсдамских условий.

ГЛАВА 9

НА ЦЫПОЧКАХ ЗА МИРОМ

Большинство людей на земном шаре искренне хотят мира и во имя него готовы сделать все. Японцы не были исключением.

К середине 1944 года Япония оказалась разбитой в войне. Командование военно-морского флота понимало, что после сокрушительного поражения у острова Мидуэй в июне 1942 года не оставалось никаких надежд на благоприятный исход войны. Некоторые армейские военачальники начали подумывать об этом уже после потери острова Гвадалканал в январе 1943 года. Когда же в середине 1944 года был сдан остров Сайпан, стало окончательно ясно, что война проиграна. В конце 1944 года, когда пал остров Лейте, уже и руководители правительства осознали, что все потеряно. И тогда стали раздаваться голоса, что войну можно было закончить гораздо раньше.

Почему же не предпринимались попытки ускорить окончание войны? Ведь в правительстве и среди высших военачальников армии и флота были люди, желавшие направить Японию по пути мира. Однако силы мира оказались слишком не организованными и потому не способными что-либо сделать. Имелись и другие причины неэффективности их действий.

Камнем преткновения явилась союзная декларация, подписанная в Каире в декабре 1943 года Чан Кай-ши, Черчиллем и Рузвельтом. В ней указывалось, что территория Японии должна быть ограничена основными островами, т. е. границами 1894 года, и что «союзники... будут продолжать действия, направленные к тому, чтобы принудить Японию к безоговорочной капитуляции».

Японские руководители могли бы принять требование о возврате всех завоеванных земель, так что в случае мирных переговоров по этому пункту можно было бы достичь соглашения. Однако второй пункт — безоговорочная капитуляция — вызывал возражения.

Безоговорочная капитуляция давала победителям полную свободу действий. Они могли даже положить конец самому существованию побежденной нации. Каждый здравомыслящий японец должен был учитывать такую возможность. Премьер Тодзио в период оборонительных действий после потери Гвадалканала так оправдывал свои диктаторские методы: «С тех пор как от нас требуют безоговорочной капитуляции, у нас нет иного выбора, кроме борьбы». В этих условиях любые мирные переговоры, даже предварительные, казались неприемлемыми.

Тодзио ввел строжайшую цензуру, так что лишь немногие в стране имели реальное представление о происходящих событиях. Кроме того, он усилил военную жандармерию в целях безжалостного подавления всех недовольных политикой правительства. Широкие массы по-прежнему считали, что Япония выигрывает войну, поэтому долгое время, пока не начались бомбардировки страны, движение за заключение мира не имело в Японии общественной поддержки.

До начала бомбардировок руководители страны отмалчивались. Противники правительственной политики не могли выступить открыто — отчасти из-за строгого полицейского надзора, отчасти из-за разобщенности и малочисленности. Тот, кто попытался бы собрать вокруг себя единомышленников и критиковать политику правительства, мог ожидать незамедлительного вызова в тайную полицию.

Никто и нигде не чувствовал себя в полной безопасности. Даже император в кругу своих ближайших советников не в состоянии был настоять на выполнении своей воли. Императора, как и его подданных, обманывали военные руководители. Так, например, указы, издаваемые от имени императора, в громких выражениях прославляли фиктивные победы над врагом на Соломоновых островах и островах Джилберта.

Хирохито просто не мог отдать команду «Сложить оружие!». У него не было власти. Не он, а руководители армии и флота являлись хозяевами положения. Император

мог бы повторить слова кайзера Вильгельма: «Если народ Германии думает, что я являюсь верховным главнокомандующим, то он глубоко ошибается. Генеральный штаб ничего мне не сообщает и никогда не спрашивает моего совета».

В такой сложной обстановке трудно было говорить о мире. К тому же в Японии не оказалось сильного человека, который бы выступил с эффективными предложениями.

Немаловажная роль в управлении страной принадлежала генералу Хидеки Тодзио. С 1941 до середины 1944 года он был премьер-министром и одновременно министром обороны и министром внутренних дел. Время от времени он исполнял обязанности министра иностранных дел, образования и торговли. Чтобы поставить всю промышленность под свой контроль, Тодзио создал министерство военного снабжения и сам его возглавил. Когда же в феврале 1944 года он занял еще и должность начальника генерального штаба, в армии начали поговаривать, что он слишком много себе позволяет.

Император, призванный олицетворять жизненную силу нации, был обезоружен конституционными и традиционными ограничениями. Его роль как конституционного монарха сводилась к тому, чтобы санкционировать решения, представляемые кабинетом министров и военными руководителями. Но потенциально у императора было самое большое влияние в стране — если бы только это влияние привести в действие!

К сожалению, ближайшие советники императора — лорд — хранитель печати, министр императорского двора и главный камергер — недооценивали его силу. Они и сами признавали, что их робкое или умышленное сдерживание императора объяснялось страхом перед Тодзио, который был настолько могуществен, что если бы император воспротивился его политике, то сам бы мог оказаться под домашним арестом. В случае отказа от содействия император был бы вынужден отречься от престола в пользу наследного принца. И без сомнения, в этом случае военные круги контролировали бы и регентство.

Итак, власть Тодзио и малодушие советников Хирохито полностью нейтрализовали императорское могущество, которое могло бы способствовать окончанию войны.

Одним из советников был маркиз Коити Кидо, лорд — хранитель печати. В обязанности этого человека входило хранить личную печать императора и использовать ее при составлении официальных документов и императорских указов. В действительности же его деятельность была гораздо шире. Кидо считался главным советником и консультантом, самым близким доверенным лицом императора. Кидо являлся в полном смысле слова тюремщиком, стражем своего высокопоставленного хозяина. Лица, удостоенные редкой чести получить личную аудиенцию у императора, предварительно тщательно проверялись Кидо. Контроль над доступом к престолу был ощутимой властью. Кидо мог, например, изолировать его величество от тех лиц, чьи взгляды считал непоследовательными или нежелательными. Так он и поступал.

Каких-либо правил, ограничивающих власть хранителя печати, не существовало. Наиболее ответственным моментом в деятельности Кидо было выдвижение кандидатуры нового премьер-министра при смене кабинета. Именно Кидо представил императору генерала Тодзио в октябре 1941 года, а до Тодзио — принца Коноэ. Кидо рекомендовал и преемника Тодзио после его ухода в отставку. Сосредоточенный и энергичный, молчаливый и скрытный, Кидо успевал побывать и на редком представлении Но[1], и в «Клубе одиннадцати», где он встречался со своими старыми друзьями, чтобы обсудить положение в мире и Японии.

От внимательного взгляда Кидо ничто не ускользало, а большой круг друзей и знакомств позволял ему всегда быть в курсе событий. Он не питал никаких иллюзий. Кидо всегда знал, в чьих руках в данный момент сосредоточивается сила и в каком направлении она перемещается. Кидо должен был знать это, поскольку именно он руководил действиями императора. У него можно было найти ответы на любые вопросы, он четко планировал все действия, учитывая при этом самые различные ситуации.

Прошлое семьи Кидо как нельзя лучше подготовило его к такой деятельности. Его дед был одним из тех, кто ниспровергал феодальную Японию в 1867—1868 годах и выводил страну на современную дорогу. Старший Кидо

[1] Вид театрального искусства. — *Прим. ред.*

считался в те времена одним из трех наиболее влиятельных лиц в Японии. Это же можно было сказать и о внуке в 1945 году.

Кидо родился в 1889 году, учился вместе с принцами и в 1915 году получил должность помощника секретаря министра сельского хозяйства и торговли. Постепенно поднимаясь по служебной лестнице, он в октябре 1930 года стал главным секретарем лорда — хранителя печати. Занимая эту должность в течение пяти лет, Кидо изучил как политику императора, так и методы влияния на нее.

В 1937 году премьером стал принц Коноэ, друг детства и однокашник Кидо. Коноэ назначил Кидо министром образования. Новый министр сразу провел реформу, поставив систему образования на службу милитаризму. Министерство Кидо работало в тесной связи с военной жандармерией и полицией, преследуя учителей, подозреваемых в недостаточно патриотическом воспитании молодежи или свободомыслии.

Спустя два года, когда кабинет Коноэ пал, Кидо был назначен министром внутренних дел в правительстве барона Хиранума. Это могущественное учреждение Кидо использовал для активной поддержки войны в Китае.

Кидо ввел жесткую цензуру на кинофильмы и большие ограничения для религиозных организаций, используя полицию для давления на самые крупные в стране газеты и издательский концерн Асахи.

С помощью армии и при ее финансовой поддержке Кидо инсценировал 850 антибританских демонстраций, которые «вспыхивали» в различных районах Японии.

Цель этих демонстраций состояла в разжигании антибританских настроений, чтобы под давлением общественного мнения вынудить правительство превратить антикоминтерновский пакт с нацистами и итальянскими фашистами в окончательно оформленный военный союз против Англии и других государств.

Свою политическую деятельность Кидо продолжал в сотрудничестве с принцем Коноэ. Кидо помог осуществить мошеннический план мирного самоуничтожения всех политических партий Японии во имя одной, созданной им партии с выразительным названием «Общество содействия императорскому правлению». Президентом этой фашистской организации был Коноэ. Кидо намечался на пост вице-президента партии, но неожиданно получил бо-

лее выгодное предложение и стал лордом — хранителем печати.

С этого момента Кидо начинает оказывать большое влияние на действия императора и всю политику Японии. Кидо не поддерживал антивоенных настроений императора. В противном случае его мнение могло бы сыграть определенную роль. Вот несколько примеров.

В мрачные дни 1941 года Кидо консультировал своего обеспокоенного монарха по вопросам войны и мира. В своем дневнике лорд — хранитель печати 31 июля записал, что начальник морского генерального штаба советовал императору избежать войны и высказался против превращения Тройственного пакта в военный союз, так как это нанесет ущерб японо-американским отношениям. Адмирал подчеркнул — если дипломатические отношения между этими странами не будут восстановлены, Япония рискует оказаться отрезанной от источников нефти. При существовавшей потребности в нефти ее запасы будут исчерпаны за 2 года, а в случае войны Японии с Америкой — за 18 месяцев.

Кидо вспоминал: «Император выразил беспокойство, что война с Соединенными Штатами может стать безнадежной», на что лорд — хранитель печати ответил следующее: «Начальник штаба рассуждает слишком упрощенно. Соединенные Штаты признают существование Тройственного союза, и, если аннулировать пакт, это вызовет у Соединенных Штатов не прилив доверия, а лишь презрение к Японии. Мы еще не исчерпали всех возможностей для восстановления дружественных отношений между Японией и Соединенными Штатами. Нам следует обсудить этот вопрос конструктивно».

Кидо не был разборчив в методах вовлечения Японии в войну и твердо стоял на позициях милитаризма. В 1937 году Кидо писал в своем дневнике, что, когда Япония начала войну в Китае, господин Мацуи привел его в бешенство, предложив приостановить отправку японских войск в Северный Китай.

Кидо постоянно сотрудничал с военными лидерами, и поэтому не удивительно, что в конце 1941 года он предложил заменить премьера Коноэ и выдвинул кандидатуру военного. Им был Хидеки Тодзио, лысый генерал с головой, похожей на тыкву, и прозванный своими коллегами Бритвой. Кидо заявил Хирохито, что в данное вре-

мя контролировать армию сможет только военный человек. Императора убедили доводы Кидо.

Однако масштабы кровопролития росли, и все более необходимым становилось разработать приемлемый план окончания войны. Планов возникало много, но большинство из них не могло быть принято.

Так, начальник разведывательного управления армии генерал Сеидзо Арисуэ в январе 1943 года настаивал на строительстве в Бандунге радиостанции для специальных передач на Соединенные Штаты. В этих передачах предполагалось участие генерала Тодзио, графа Чиано от Италии, Риббентропа от Германии и глав марионеточных правительств Маньчжурии, оккупированной части Китая, Филиппин, Бирмы и Индонезии. Передачи должны были показать, что «Япония не имеет территориальных притязаний» и что «война, которую ведет Япония, является освободительной».

В феврале 1944 года Арисуэ предложил начать строительство радиостанции на острове Сайпан. Как он утверждал, радиостанция могла быть использована «для непосредственного ведения переговоров о мире». Оба эти предложения пришлось, естественно, отвергнуть.

Были, однако, и более здравые предложения. Одно из них выдвинул Сигеру Иосида, ставший после войны премьер-министром Японии. Иосида и близкие к нему влиятельные аристократы и интеллигенты считали, что падение Сингапура — удобный повод начать мирные переговоры и привести войну к быстрому и благополучному концу. Один из друзей Иосида маркиз Ясумаса Мацудайра сообщил ему, что лорд — хранитель печати разделяет это мнение.

Иосида предложил послать ответственного представителя от руководящих кругов Японии в Швейцарию, чтобы прозондировать почву для мирных переговоров. Иосида назвал кандидатуру принца Коноэ. Когда стало известно, что Кидо говорил с императором о необходимости окончания войны, Иосида посвятил принца в свои планы. Коноэ был удивлен, но потом согласился и спросил, считает ли Иосида, что эта миссия может быть успешной. Иосида ответил, что поездка заслуживает внимания хотя бы потому, что продемонстрирует союзникам серьезность стремлений Японии к миру. Коноэ предложил обсудить этот вопрос с Кидо. Однако Кидо при встрече с Иосида укло-

нился от прямого ответа на вопрос. Вскоре Мацудайра сообщил Иосида, что генерал Тодзио постоянно твердит лорду — хранителю печати о необходимости заставить Коноэ замолчать. За Коноэ был установлен надзор, и это, как полагал Иосида, объяснялось холодным отношением Кидо к их плану. На этом дело и кончилось.

Предпринимались и другие попытки к окончанию войны. В армии даже была создана так называемая группа прогнозирования — «Группа-20». Ее деятельность была окружена строжайшей тайной. Руководил этой небольшой по составу группой полковник Макото Мацутани. Офицеры «Группы-20» подготовили доклад «Мероприятия по завершению войны за великую Восточную Азию». Этот документ предназначался только для высшего командования армии и флота.

Мацутани и его коллеги, предвидя близкий конец Германии, настаивали, чтобы Япония как можно скорее сделала решающие шаги к заключению мира. Было совершенно очевидно, что, как только союзники разгромят Германию, они обратят всю свою мощь против Японии, и в такой ситуации будут выдвинуты еще более жесткие условия. «Группа-20» разработала несколько альтернативных планов с учетом условий и времени переговоров.

Пределом уступок Японии был так называемый третий план. Эта «окончательная» альтернатива сводилась к тому, что в случае необходимости выбора между капитуляцией и уничтожением Япония должна отстаивать только одно условие: союзники гарантируют государственный строй (императорскую форму правления) и целостность нации. Престиж страны, захваченные земли и все остальное приносилось в жертву.

Докладывая результаты работы премьер-министру Тодзио, Мацутани сразу понял, что Бритва уже думал о такой возможности. Однако стоило Мацутани заговорить о том, что прежде, чем просить пощады, необходимо найти пути к миру, Тодзио взорвался и приказал ему отправляться на китайский фронт. Мацутани отбыл туда на следующий день. Ему еще повезло. Других за меньшие грехи передавали в руки военной жандармерии и на неопределенный срок заключали в тюрьму.

К весне 1944 года различные высокопоставленные лица осторожно стали изыскивать пути к смещению Тодзио. Секретные совещания и консультации проводили их се-

кретари и близкие друзья. Встречаясь все чаще и чаще, эти люди обменивались новостями, составляя из разрозненных сведений точную информацию о происходящих событиях для своих влиятельных друзей. Это была опасная деятельность, но она велась во имя разрешения «мирной головоломки».

В один из периодов 1944 года недовольство политикой Тодзио и положением на фронте даже вызвало волнения в стране. Была предпринята серьезная попытка вернуть с материка Умедзу, чтобы он возглавил японское правительство. По словам сына Умедзу, среди заговорщиков было несколько членов парламента. Один из них вылетел в ставку генерала, чтобы уговорить его прибыть в Токио и принять участие в государственном перевороте. Кроме того, предполагалось отправить в Советский Союз специального посланника и при посредничестве СССР начать переговоры об окончании войны.

Однако генерал Умедзу, по словам его сына, был «настолько осторожен, что не ступал на мост, не проверив его прочности». Поэтому он не собирался возглавлять переворот.

Важной фигурой в стране считался и министр иностранных дел. С 1942 по 1945 год этот пост занимал Мамору Сигемицу, бывший ранее послом в Советском Союзе, Великобритании и Китае. Он всегда стремился к миру и старался привлечь на свою сторону старейших государственных деятелей, министров, членов парламента и, что самое главное, своего друга лорда — хранителя печати Кидо.

Сигемицу был убежден, что «практически ничто не сможет спасти страну, кроме безоговорочной капитуляции». Это была его основная предпосылка при обсуждении с Кидо возможных путей окончания войны. Не сбрасывая со счетов большого влияния армейских кругов, Сигемицу, однако, утверждал, что наиболее реальный путь для достижения мира — это использовать авторитет императора.

К весне 1944 года Совет старейшин пришел к выводу, что политика Тодзио ведет к катастрофе. В Совет старейшин входили: барон Рейдзиро Вакацуки — премьер-министр в 1926 и 1931 годах; адмирал Кейсуке Окада, чей государственный корабль был торпедирован восставшими 26 февраля 1936 года; Коки Хирота, сменивший Окада;

принц Фумимаро Коноэ — премьер-министр в периоды 1937—1939 и 1940—1941 годов; барон Киитиро Хиранума, правительство которого вынуждено было уйти в отставку при обсуждении пакта с державами оси, и адмирал Мицумаса Ионаи.

Совет старейшин был консультативным органом при императоре и премьер-министре. Однако с приходом к власти Тодзио стало ясно, что диктатор не доверяет совету и не желает, чтобы его члены участвовали в управлении страной. В мае 1944 года старейшие государственные деятели отважились на тайную встречу, на которой пришли к выводу, что Тодзио не справляется ни с военными, ни с внутригосударственными делами.

По поручению совета адмирал Окада посетил Тодзио с намерением высказать ряд предложений старейшин. Однако не успел Окада изложить суть дела, как вспыльчивый диктатор пришел в ярость и обвинил совет в попытке сместить его кабинет. Тодзио и слышать не хотел ни о каких предложениях.

Другая оппозиционная группа, выступавшая против политики Тодзио и продолжения войны, образовалась вокруг принца Такамацу, младшего брата Хирохито. Как морской офицер, Такамацу хорошо знал о непримиримых противоречиях между руководителями армии и флота по вопросам стратегии, тактики, снабжения и бюджетных ассигнований. Такамацу предлагал начать мирные переговоры и укрепить с этой целью министерство иностранных дел.

В конце июня 1944 года принц сообщил Сигемицу, что после разгрома у Марианских островов японский военно-морской флот практически выведен из строя. За три дня было потеряно 450 самолетов, 3 авианосца и 2 танкера, серьезно повреждены 4 авианосца, линейный корабль, крейсер и танкер. (Соединенные Штаты потеряли 20 самолетов [1], а их кораблям были нанесены незначительные повреждения.) К тому же со дня на день ожидалась сдача острова Сайпан, а это означало, что война практически проиграна. Если, говорил Такамацу, сохранение императорской формы правления будет гарантировано, Япония должна немедленно начать мирные переговоры.

[1] По более достоверным данным, потери сторон в авиации в указанный период составили: у японцев — 402 самолета, у американцев — 126 самолетов. — *Прим. ред.*

Сигемицу и другие члены кабинета становились все более откровенны в своих высказываниях по поводу политики Тодзио. В июне они пригрозили уйти в отставку, и Тодзио попытался уладить конфликт путем перемещений в кабинете. Однако оппозиция против Тодзио усиливалась, и, когда японские опорные пункты в Бирме были уничтожены, а остров Сайпан оккупирован противником, оппозиционеры потребовали отставки Тодзио.

Тодзио предпринимал отчаянные попытки реорганизации правительства, пытаясь положить конец резким критическим выступлениям. Кидо посоветовал ему отказаться от должностей военного министра и начальника генерального штаба, а также уволить в отставку военно-морского министра Симада. Кроме того, сказал Кидо, необходимо более эффективно использовать опыт старейших государственных деятелей и национальных лидеров.

Но старейшие государственные деятели — члены Совета старейшин — не стали ждать. После падения острова Сайпан они собрались 9 июля в доме барона Хиранума. Настало время, решили они, изложить свои доводы императору или лорду — хранителю печати. По их общему мнению, Тодзио должен был уйти в отставку. Они составили специальное заявление, которое адмирал Окада передал Кидо. В заявлении говорилось: «Нужно вдохнуть новые силы в умы и сердца людей, чтобы страна могла преодолеть стоящие перед ней трудности... Частичная реорганизация кабинета ни к чему не приведет. Должен быть сформирован сильный национальный кабинет, способный на решительные действия».

18 июля Тодзио и его кабинет подали в отставку. Кидо обратился к Совету старейшин за помощью в выборе кандидатуры нового премьера, однако возможности выбора лорд — хранитель печати сразу же оговорил: «Единственный путь к разрешению проблемы — это выбрать кандидата из армейской среды. Это диктуется необходимостью укрепления сил обороны, повышения мощи армии и усиления военной жандармерии во избежание волнений среди гражданского населения».

Старейшины рекомендовали на пост премьера Тераути и Койсо. Кидо представил эти имена императору, который по традиции спросил у генерала Тодзио его мнение о кандидатурах. Уходящий в отставку премьер сразу же отклонил Тераути, объяснив это тем, что он необходим на

своем командном посту на юге, где японские войска испытывают постоянное давление противника. Выбор пал на генерала Куниаки Койсо, шестидесятипятилетнего генерал-губернатора Кореи, бывшего начальника управления по военным делам военного министерства.

В тот же вечер к Кидо приехал принц Коноэ, который предложил создать объединенный кабинет, во главе которого стояли бы представители армии и флота. На пост вице-премьера он выдвинул адмирала Мицумаса Ионаи. Кидо согласился и информировал об этом Совет старейшин. Предложение было одобрено.

Койсо прилетел из Кореи для официального вступления на пост премьера. При этом произошла более чем необычная сцена.

«Неожиданно в приемной я встретил Ионаи, — писал позже Койсо. — Я спросил, что привело его сюда, и он ответил, что вызван к императору так же, как и я. Это навело меня на мысль, что, возможно, Ионаи вызвали для получения императорского указа о формировании правительства, а меня по какому-то другому вопросу. Лорд — хранитель печати сообщил нам, что мы должны вместе предстать перед императором. На вопрос, кто должен идти первым, Кидо ответил: «Конечно, Койсо». Так я первым вошел к императору. Хирохито объявил нам: «Вы вдвоем будете формировать кабинет...» Мы вернулись в приемную. Ионаи спросил Кидо: «Кто же из нас должен стать премьером?» «Конечно, Койсо, — ответил Кидо. — В то время мне этот разговор показался немного странным: ведь Ионаи, без сомнения, участвовал в заседании Совета старейшин, где обсуждали кандидатуру премьера, и должен был знать, что там назвали мое имя... Я спросил Ионаи: «Какую должность вы теперь собираетесь занять, не пост ли военно-морского министра?» На что Ионаи ответил: «Я не в состоянии занимать другой должности, кроме этой».

При таких курьезных обстоятельствах кабинет Койсо — Ионаи начал свою работу. Койсо находился в Корее два года и не был в курсе всех событий, происшедших в его отсутствие. К тому же бремя, которое он взвалил на себя, оказалось ему явно не под силу.

Он так говорил об этом: «Я был убежден, что сдача острова Сайпан означает для нас поражение в войне. Я считал, что при таких обстоятельствах ни один человек,

будучи осведомленным о столь угрожающей обстановке, не мог бы надеяться на победу Японии в войне. Вообще говоря, безнадежность положения страны должна была бы побудить любого здравомыслящего человека отказаться от императорского мандата на руководство правительством. Однако в Японии тот, кто получает приказ лично от императора, не может считаться со своими желаниями. Поэтому, когда я услышал о воле императора, то с чувством благоговейного трепета воспринял это как безусловный приказ».

А как же с вопросом о мире? Койсо считал, что, если правительство попросит мира, «оно будет вынуждено капитулировать на самых жестких условиях. Это в свою очередь может вызвать возмущение народных масс, поскольку им долгое время внушали, что военные действия развиваются успешно...»

Тогда Койсо решил так: «Раз предстоит новая борьба, давайте мобилизуем все наши силы для победы в ней. И только после такой победы начнем переговоры о мире, поскольку в этом случае условия мира будут более благоприятными».

19 августа 1944 года премьер Койсо созвал Высший совет по руководству войной, члены которого тщательно обсудили новую политику в отношении ведения войны. Несмотря на исключительно плачевное состояние Японии, эта политика была столь воинственна, словно планировалась в период расцвета страны. Главным лозунгом стала борьба до самого конца. И как бы между прочим упоминалось о необходимости послать в Советский Союз компетентное лицо для начала переговоров, однако четкой формулировки цели переговоров не давалось.

Так премьер Койсо, который считал войну безнадежной, оказался как в мышеловке, когда основные положения новой политики были одобрены Высшим советом по руководству войной и верховным командованием на совещании при императорской ставке.

Верховное командование вело подготовку окончательного, решающего сражения на Филиппинах. Стратегия заключалась в «нанесении врагу решающего удара ценой равных жертв со стороны Японии». Когда 20 октября Макартур начал вторжение на остров Лейте, Койсо вновь поддержал верховное командование, приказав дать решающее сражение у Лейте.

В понятие «решающее сражение» японские военные вкладывали особый смысл. Оно означало тотальные усилия при подготовке наступления. Это не была и не могла быть простая наступательная операция. Вдохновленный уверенностью верховного командования, Койсо, обращаясь к народу по радио, заявил даже, что сражение при Лейте должно стать поворотным моментом в войне. Это сражение, сказал он, будет новым Тенносаном [1]. Всем японцам было известно, какую роль сыграла битва при Тенносане, и потому они искренне верили Койсо, когда он сказал: «Если Япония победит у Лейте, она победит в войне!» Поражение в этом бою означало бы падение Японии, поскольку, по словам премьера, силы страны были на исходе.

20 декабря 1944 года Койсо вызвали во дворец на аудиенцию к императору. Когда Койсо находился в приемной, неожиданно вошел военный министр генерал Сугияма и шепнул ему: «Верховное командование решило дать сражение не на Лейте, а на острове Лусон».

Койсо в своем докладе императору о состоянии дел в стране решил не упоминать о сообщении военного министра. Однако, когда Койсо закончил, император спросил, знает ли он, что верховное командование решило дать бой на острове Лусон. Премьер ответил, что узнал об этом несколько минут назад. Тогда Хирохито задал вопрос, который вскоре задаст вся Япония: «А как вы теперь объясните ваше заявление, что сражение на Лейте равносильно битве при Теннозане?»

Сбитый с толку, Койсо пробормотал, что ему нужно подумать, как выйти из этого положения, и удалился. Затем он собрал Высший совет по руководству войной, где обвинил начальников генеральных штабов армии и флота в нечестном отношении к нему. Премьер-министр хорошо понимал — если он не будет знать из первоисточников о планах верховного командования, правительство не сможет управлять страной. Однако поражение следовало за поражением: американцы захватили остров Лейте, затем пала Манила и, наконец, остров Лусон и все Филиппины.

[1] Небольшая гора, где в 1582 году произошло одно из решающих в истории Японии сражений. Молодой самурай Хидейоси разбил своих врагов и стал верховным правителем Японии. — *Прим. автора.*

Поражение на Филиппинах окончательно подорвало доверие императора к Койсо. Когда же 1 апреля 1945 года союзники захватили остров Окинава, прорвав таким образом внутреннюю линию японской обороны, судьба Койсо была решена. К тому же 5 апреля русские денонсировали советско-японский договор о нейтралитете. В тот же день Койсо и его кабинет подали в отставку. Новым премьером был назначен адмирал Судзуки.

При правительстве генерала Койсо предпринимались различные попытки заключить мир. Один из наиболее значительных шагов был сделан в сентябре 1944 года, когда военно-морской министр Ионаи приказал адмиралу Сокити Такаги выполнить секретную миссию. Эта миссия заключалась в том, чтобы исследовать вопросы: как убедить командование армии согласиться на окончание войны; каково будет общественное мнение и моральный дух народа в случае заключения мира; как установить контакт с императором и использовать его авторитет для достижения мира. Результаты исследования периодически сообщались таким политическим лидерам, как Кидо, принц Коноэ, Мацудайра, адмирал Окада и другим.

В результате проведенных исследований был сделан вывод — центральной фигурой в контроле над народными массами и в предотвращении военного мятежа в случае заключения мира должен стать император.

Уходя в отставку, Койсо рекомендовал провести решительную реорганизацию кабинета. Он предложил создать кабинет, подчиненный императорской ставке.

Кидо, опасаясь, как бы армейская верхушка не прибрала к рукам правительство, срочно встретился с военным и военно-морским министрами и обоими начальниками штабов, чтобы обсудить предложение Койсо. Однако вскоре лорд — хранитель печати убедился, что это не их идея, а просто прощальная выдумка премьер-министра.

Кидо сознательно не допускал к императору старейшин. Как известно, большинство из них являлись сторонниками окончания войны, и встреча с ними лишний раз убедила бы императора в необходимости предпринять шаги к миру. А император не раз проявлял такую инициативу. Так, Хирохито поручил адмиралу Хасегава проинспектировать военную готовность страны. Хотя император регулярно получал краткие сообщения о военной обстановке от командования армии и флота и мог запросить лю-

бую информацию, он решил послать на проверку своего человека. Это была явная пощечина как армии, так и флоту. Доклад, сделанный Хасегава 12 июня персонально его величеству, был объективен и произвел угнетающее впечатление.

Когда адмирал Судзуки вступил на пост премьер-министра, одним из его первых распоряжений было предписание секретарю кабинета Хисацуне Сакомидзу составить доклад о способности страны продолжать войну. Через месяц Сакомидзу представил данные, показывающие, что Япония не может дальше вести войну. В качестве основных аргументов назывались огромные потери в морском тоннаже, уменьшение производства самолетов, критическое положение с продовольствием и рост антивоенных настроений среди населения.

Судзуки одобрил доклад и представил его императору, который лишний раз убедился в отчаянном положении страны.

Япония предпринимала шаги к миру и за границей. Первым проявил инициативу помощник военно-морского атташе Японии в Берлине капитан 3 ранга Иосиро Фудзимура. В конце марта 1945 года его перевели в Швейцарию. Здесь он узнал о разведывательном центре Соединенных Штатов в Швейцарии, возглавляемом Алленом Даллесом, и вошел с ним в контакт, чтобы выяснить, на какие условия мира может рассчитывать Япония.

Сотрудники Даллеса сообщили Фудзимура, что они надеются на скорое завершение войны и делают все возможное, чтобы приблизить ее окончание. Фудзимура в глубокой тайне обсудил это со своими коллегами и 8 мая послал в Токио срочную шифрованную телеграмму на имя военно-морского министра и начальника морского генерального штаба.

Фудзимура приписал свою инициативу американской разведке. Он вынужден был так поступить, иначе бы его могли обвинить в измене. В своем секретном донесении капитан 3 ранга сообщал о предложении, полученном от организации Даллеса. Фудзимура охарактеризовал Даллеса как основную фигуру американской политики в Европе и сообщил, что, если Япония хочет закончить войну, она должна проинформировать об этом Вашингтон.

В Токио донесение было доставлено начальнику оперативного управления морского генерального штаба ад-

миралу Томиока. Его помощник по дипломатическим делам, принесший донесение, не мог скрыть радости. Хотя оба понимали, что это может быть обманом или ловушкой, однако им хотелось надеяться, что донесение явится ключом к разгадке минимума условий Америки для окончания войны.

Томиока хорошо знал, что заместитель начальника морского генерального штаба вице-адмирал Ониси был твердым сторонником продолжения войны. Так что если донесение отдать Ониси, оно закончит свой путь под сукном или же в корзине для мусора. И Томиока в обход непосредственного начальства представил донесение прямо начальнику штаба адмиралу Тойода, высказав при этом свое одобрение. Однако Томиока ошибся, рассчитывая на согласие Тойода. Начальник штаба сухо сказал: «Занимайтесь только военными делами. Пусть проблемы мира вас не беспокоят».

Томиока подчинился приказу. А тем временем Фудзимура посылал в Токио все новые и новые телеграммы, пытаясь добиться ответа. Он телеграфировал 10, 13, 14, 16, 18 и 20 мая.

Наконец, через две недели после первого донесения, Фудзимура получил ответ: предполагаемые переговоры являются, видимо, попыткой противника вбить клин между руководителями японской армии и военно-морского флота. На самом же деле в Токио никто не знал, кто такой Даллес и почему зондаж возможности мирных переговоров возлагается на какого-то капитана 3 ранга.

Военно-морской министр Ионаи как-то спросил министра иностранных дел Того о Даллесе и рассказал о полученных донесениях. Того ничего не знал о Даллесе, но посоветовал ответить Фудзимура, что Япония ставит ряд условий и не согласится на безоговорочную капитуляцию. Однако Ионаи не послал ответа.

Фудзимура отправил новую телеграмму. Он убеждал морской генеральный штаб прислушаться к его словам и писал, что подозрения в провокации необоснованны. Фудзимура просил разрешить ему немедленно начать переговоры, чтобы спасти Японию от той участи, которая постигла Германию. Ответа он не получил. Четыре новые телеграммы Фудзимура в Токио также остались без ответа.

Отчаявшись, Фудзимура и его коллеги обратились к одному из сотрудников Даллеса за советом. Тот порекомен-

довал передать в Токио предложение — прислать в Швейцарию какое-нибудь компетентное лицо — адмирала, генерала или министра кабинета. В случае согласия Соединенные Штаты гарантировали безопасность следования делегации. Фудзимура немедленно телеграфировал Ионаи.

Эта идея была отголоском предложения Иосида послать в Швейцарию Коноэ. Военно-морское командование и на этот раз отвергло такое предложение.

Фудзимура получил телеграмму, в которой говорилось, что военно-морское министерство сообщило о его предложениях в министерство иностранных дел и что впредь ему следует сотрудничать с посланником Японии в Швейцарии Сунити Касе. Это сразу же положило конец всем усилиям, так как американская разведка опасалась, и не без оснований, что коды японского министерства иностранных дел известны всем союзникам. Отсюда следовало, что переговоры не останутся в тайне и в них нельзя касаться серьезных проблем.

Одновременно с Фудзимура аналогичные шаги были предприняты японским военным атташе в Швейцарии генерал-лейтенантом Сеиго Окамота. Он решил установить контакт с Соединенными Штатами непосредственно через американскую разведку в Берне. Этот вопрос обсуждался с японским посланником Сунити Касе. Посредником стал шведский банкир Якобсон.

Получив от японцев необходимые указания, Якобсон на специальном автомобиле был доставлен в Висбаден и встретился там с Даллесом. Через 36 часов Якобсон вернулся в Базель и сообщил ответ начальника управления стратегических служб США. Даллес сказал, что Вашингтон не возражает против сохранения в Японии императорской формы правления, но, поскольку другие союзные страны высказывались раньше против, твердой гарантии по этому вопросу дать нельзя.

Даллес предупредил, что если японцы не начнут переговоров до возможного вступления в войну Советского Союза, то все их усилия будут напрасны. Однако эта информация от Якобсона была получена всего за три недели до Потсдамской конференции. Сначала в Токио телеграфировал Окамото, а спустя неделю то же самое сделал и Касе. Окамото никто не ответил, а Касе получил от министра иностранных дел невозмутимое послание с тре-

бованием и в дальнейшем присылать подобную информацию. На этом все и закончилось.

Заслуживает упоминания еще одна попытка покончить с войной. В сентябре 1944 года издатель газеты «Асахи» Судзуки Бунсиро посетил посланника Швеции в Японии Видара Багге. Целью его визита было предложение о мире. Бунсиро назвал себя представителем принца Коноэ и других японских деятелей, которые хотели бы закончить войну, даже если для этого придется отказаться от завоеванных территорий, включая Маньчжурию.

Через Багге Бунсиро обратился к шведскому правительству с просьбой осторожно запросить мнение Англии о возможных переговорах. Багге сообщил обо всем в Стокгольм и больше месяца обсуждал с Судзуки вопросы о мире. Однако время шло, а никаких существенных результатов не было.

Когда после двадцатилетнего пребывания в Японии Багге собрался вернуться в Швецию, в конце марта 1945 года он решил официально предложить свои услуги японскому правительству. Швед встретился с бывшим японским посланником в Финляндии и выразил уверенность, что союзники не будут настаивать на безоговорочной капитуляции, если Япония проявит инициативу в мирном урегулировании. Багге также полагал, что, если Япония сделает первый шаг к миру, союзники сохранят ей императорскую форму правления.

Мнение Багге было немедленно передано министру иностранных дел Сигемицу, который сразу же назначил встречу со шведом. Сигемицу «весьма горячо» просил Багге сделать все возможное по зондированию мирных переговоров.

Однако еще до того как Багге отбыл в Стокгольм, правительство Койсо пало. Сигемицу ушел в отставку. Тем не менее тот же японский дипломат, который устраивал встречу Багге с Сигемицу, передал слова шведского посланника преемнику Сигемицу — Того. Однако Того понял, что Багге по собственной инициативе намеревается прозондировать позицию США в отношении требований Японии. Когда же Того узнал суть дела и захотел побеседовать с посланником, Багге в связи со своим отъездом уже не смог встретиться с ним.

Шведский дипломат вылетел в Маньчжурию, а затем проследовал поездом через Сибирь. Он прибыл в Швецию лишь в начале мая, а 10 мая пригласил японского по-

сланника в Швеции Суэмаса Окамото. Оказалось, что Окамото был в полном неведении относительно возможности переговоров и не получал из Токио никаких указаний по этому вопросу. Озадаченный Багге убедил Окамото немедленно послать телеграмму Того, требуя разъяснений.

Когда телеграмма Окамото попала к Того, настала очередь удивляться министру иностранных дел. До этого Того полагал, что Багге проявляет личную инициативу. Теперь же перед Того лежало заявление о том, что шведское правительство готово обсудить с американцами вопрос о возможных мирных переговорах, если японцы официально попросят об этом. В замешательстве Того телеграфировал, что, прежде чем японское правительство сможет предпринять какие-либо действия, необходимо тщательно изучить этот вопрос. Итак, все усилия в этом направлении были приостановлены до тех пор, пока Того не изучит вопрос. А в середине мая внимание Того полностью поглотили дела, связанные с Советским Союзом.

В мае 1945 года двери к миру, приоткрытые с таким огромным трудом, захлопнулись. Контакты через Даллеса в Швейцарии почти прервались, шведские каналы бездействовали. Однако Того и не стремился использовать эти возможности, так как считал бесполезными все усилия, поскольку союзники намерены были требовать безоговорочной капитуляции.

Ватикан? По мнению Того, папа был слишком вял для роли миротворца, поэтому получились бы такие же результаты, как и в случае использования Швейцарии или Швеции.

Непосредственные контакты с союзниками через японцев, имеющих знакомства в высших кругах Соединенных Штатов или Великобритании? Слишком рискованно! Военные могут немедленно пресечь эти контакты и арестовать всех, причастных к этому. К тому же вероятность успеха также мала.

Переговоры при посредничестве Китая? В обстановке ожесточения и недоверия, существовавших между Японией и Китаем, было бы трудно вести какие-либо переговоры. Дополнительная трудность состояла в том, что марионеточное правительство Китая и правительство китайских коммунистов не признавали ни друг друга, ни гоминдановцев Чан Кай-ши. Поэтому решить, с кем начать переговоры в такой ситуации, само по себе было проблемой.

ГЛАВА 10

СПОТЫКАЯСЬ, К ФИНИШУ

Когда полностью разбитая фашистская Германия капитулировала, германский посол Стамер нанес официальный визит министру иностранных дел Японии Сигенори Того. Стампер с тягостными подробностями изложил причины катастрофы Германии, сокрушенной на суше, на море и в воздухе. Германия была повержена, ее фюрер, как сообщалось, — мертв.

Капитуляция Германии заставила армейскую «Группу-20» в Японии подумать об окончании войны. Во имя своего спасения Япония должна была действовать. 11, 12 и 14 мая в обстановке строжайшей секретности состоялись заседания Высшего совета по руководству войной. Основной темой была Россия: как избежать войны с ней, как сделать Россию посредником Японии и, наконец, как добиться поддержки других стран.

Заседания проходили бурно. Участники в большинстве своем склонялись к миру, и даже военные сначала не противились общему мнению. Спор разгорелся при обсуждении конкретных сроков перемирия. Военный министр Анами гневно требовал: «Мы прежде всего должны помнить, что Япония еще занимает большую территорию врага. Пока это так, мы еще не проиграли войну и должны вести переговоры, имея это в виду».

Того не соглашался с ним: «Хотя Окинава — единственная значительная территориальная потеря, необходимо учитывать развитие событий на фронте. Нельзя вести переговоры лишь на территориальной основе». Обсуждение этого вопроса затянулось. Наконец военно-морской министр Ионаи шепнул Того, что совет зайдет в тупик, если будет настаивать на этом пункте. Тем време-

нем премьер Судзуки предложил отложить окончательное решение до выяснения позиции Советского Союза.

В официальном отчете о заседании, в частности, говорилось:

«Независимо от развития военных действий против Великобритании и Америки крайне необходимо сделать все возможное, чтобы не допустить вступления СССР в войну с нами. Начало войны с СССР будет роковым ударом для нашей империи. Кроме того... (мы должны) склонить Советский Союз к благожелательному нейтралитету... и посредничеству в вопросах окончания войны. Ввиду этого мы должны немедленно начать переговоры с СССР. На переговорах нам нужно убедить Россию, что ее победа над Германией была возможна благодаря нашему нейтралитету, что в интересах России сохранить Японии достаточно сильную международную позицию, поскольку в будущем СССР придется противостоять Америке, и необходим союз Японии, СССР и Китая против Великобритании и США. В то же время нам следует подготовиться к жестким требованиям, которые, по всей вероятности, будут выдвинуты со стороны СССР. Мы, естественно, должны попытаться смягчить эти требования, но во имя успеха переговоров не следует отказываться от аннулирования портсмутского и русско-японского основного договоров. Конкретно мы должны сделать следующее: 1) возвратить Южный Сахалин; 2) отказаться от наших прав на рыболовные концессии; 3) открыть Сангарский пролив (между японскими островами Хонсю и Хоккайдо); 4) передать СССР железные дороги в Северной Маньчжурии; 5) признать сферу влияния Советского Союза во Внутренней Монголии; 6) сдать в аренду Порт-Артур и Дайрен.

Северная половина Курильских островов также может быть передана Советскому Союзу, если этого потребуют обстоятельства. Корея же должна остаться в наших руках. По возможности необходимо обеспечить независимость Маньчжоу-Го, создав нейтральную зону в Южной Маньчжурии».

Примечательно, что многие японские руководители трезво оценили эти положения. Премьер полагал, что Россия будет беспристрастна в решении судьбы Японии. Того предостерегал от опрометчивых действий, однако не мог предложить другую страну, кроме России, в качестве

посредника для скорейшего заключения приемлемого мира с союзниками.

После встречи «большой шестерки» Того немедленно разыскал Коки Хирота, бывшего министра иностранных дел, и предложил ему установить контакт с советским послом в Японии, чтобы прозондировать почву для переговоров. Хирота согласился.

3 июня и в последующие два дня Хирота неофициально встречался с русским послом Яковом Маликом в курортном местечке близ Токио. Хирота сообщил о благосклонном приеме, но никаких существенных результатов достигнуто не было.

5 июня Того неожиданно получил извещение, что 6 июня состоится официальное заседание Высшего совета по руководству войной. Повестка дня была краткой: «Основные принципы политики, которых впредь следует придерживаться при ведении войны».

Министр иностранных дел бегло просмотрел документ и был поражен. Документ призывал к войне на истребление, к мобилизации всей страны для отпора врагу. Без сомнения, его подготовили армейские и флотские фанатики, в то время когда их начальники обсуждали посредничество России в вопросах окончания войны, а Хирота пытался уговорить Малика! Это был первый сигнал, полученный Того, и, естественно, министра он очень обеспокоил.

На 9 июля было назначено заседание парламента. Руководители военно-морского флота, и особенно адмирал Ионаи, выступали против широкого обсуждения важнейших вопросов. Для командования же армии такое обсуждение давало возможность шире пропагандировать идею борьбы на своей территории и необходимость срочной мобилизации всего гражданского населения.

Очевидно, заседание Высшего совета по руководству войной созывалось для того, чтобы продиктовать политику страны и таким образом вынудить парламент принять за основу решения совета. Все это осложняло деятельность Того, поскольку провозглашение крикливого лозунга «борьба насмерть» затрудняло проведение переговоров.

Реалистический подход чувствовался лишь в двух, отодвинутых на задний план докладах — «Оценка мировой ситуации» и «Современное состояние национальной

мощи». В докладах давалась трезвая оценка создавшегося положения, однако выводы, сделанные армейскими и флотскими стратегами из приведенных в докладе данных, были нереальны.

В докладе Сакомидзу, подготовленном для премьера Судзуки в апреле и мае, говорилось: «Угрожающий поворот военных действий в сочетании с усилившимися воздушными налетами повлек за собой большой ущерб для наземных и морских коммуникаций и особенно для военного производства. Положение с продовольствием ухудшается. Все труднее становится удовлетворять требования тотальной войны. Кроме того, приходится внимательно следить за общественным настроением. Моральный дух еще достаточно высок, но уже есть признаки недовольства существующим режимом. Усиливается критика действий правительства и военной верхушки. Народ теряет доверие к своим руководителям. Некоторые представители передовой интеллигенции видят выход из создавшегося положения только в мирных переговорах».

Далее в докладе приводились статистические данные о неэффективном использовании рабочей силы, снижении рождаемости, повышении детской смертности. Отмечалось, что «торговый флот столкнулся с непреодолимыми трудностями, а нехватка материалов вызывает практически полное свертывание добычи угля, производства синтетических смазочных материалов, взрывчатых веществ и легких металлов». Указывалось также на постоянное снижение производства самолетов и ухудшение жизненных условий.

Другой доклад — «Основные принципы политики» был полон патриотических призывов и риторической напыщенности. В его основе лежал следующий тезис: «Опираясь на единство нации и используя преимущества нашей территории, мы будем преданно и вдохновенно продолжать войну до самого конца, чтобы сохранить государственное устройство, защитить территорию империи и обеспечить основу для будущего развития нации».

Когда началось заседание Высшего совета по руководству войной, Того почувствовал, что он единственный из присутствующих, кто готов выступить с критикой намечаемой политики. На протяжении всего заседания только Того и вступал в спор.

Министр иностранных дел пустил шпильку по поводу

утверждения представителей армии и флота, что у Японии будет больше преимуществ, если театр военных действий приблизится непосредственно к ее территории. «Это неверно, — сказал Того, — поскольку у нас нет превосходства в воздухе».

Когда Сакомидзу высказал предположение, что Японию можно спасти дипломатическим путем, используя для этого СССР, министр иностранных дел резко отверг и эту идею.

Большинством голосов «Основные принципы политики» были приняты.

Всего три недели назад «большая шестерка» согласилась просить Советский Союз быть посредником в переговорах об окончании войны, и теперь такой результат обсуждения казался Того невероятным лицемерием.

А что такое лицемерие? Это обобщенное понятие, обратное тому, что в положительном смысле именуется на Западе дипломатией или тактом. В Японии это называется харагей и считается обычным делом. Человек, успешно использующий харагей, вызывает большее восхищение, чем человек на Западе, добивающийся успеха только усилием воли. Есть различные оттенки лицемерия в зависимости от культурного уровня человека.

По-видимому, именно харагей побудило премьера Судзуки принять «Основные принципы политики» с таким же энтузиазмом, с каким в середине мая он ратовал за посредничество Советского Союза в мирных переговорах.

Харагей заставило Ионаи лаконично одобрить эту политику, хотя позже он напишет: «В начале июля я почувствовал, что продолжать войну бессмысленно».

Прекрасным примером харагей был и доклад начальника морского генерального штаба Тойода. Он сообщил на заседании о предстоящих потерях противника в случае вторжения. По предварительным подсчетам военно-морских специалистов потери противника составят 20 процентов, если вторжение будет в июле, и 25 процентов — если в сентябре. Тойода в докладе переправил эти цифры на 30 и 40, а выступая на Высшем совете по руководству войной, назвал уже цифру 50 процентов.

Позже он объяснял это так: «Готовясь к совещанию, я полагал, что следует оперировать округленными цифрами. Вопрос о необходимости любой ценой продолжать войну был уже решен, а потому использовать действи-

тельные данные не отвечало бы духу времени. Решение совета противоречило нашим устремлениям. Кроме того, состав совета полностью исключал откровенное обсуждение. И, как это обычно бывает на таких заседаниях, не было иного выхода, как согласиться с крайне воинственными решениями».

Вершиной этой воинственности стало решение не переносить столицу Японии в подземную крепость в горах префектуры Нагано. Правительство и императорский двор будут сражаться и умрут в Токио!

На следующий день Судзуки ознакомил с решением Высшего совета кабинет министров и сообщил о секретном оружии, которое Япония собирается использовать на завершающем этапе войны. Оружием этим было не что иное, как управляемые человеком торпеды, мины и противотанковые бомбы. На самолетах, подводных лодках и кораблях должны были действовать смертники, успех обеспечивался самоубийством. Судзуки предложил кабинету одобрить «Основные принципы политики». Кабинет министров проштамповал представленные документы.

Последней инстанцией было утверждение документов императором, и для этого 8 июня собрался Императорский совет. «Большая шестерка» дебатировала уже 6 июня, но в присутствии императора слова приобретали особую значимость. И хотя император сидел молча, сам факт его присутствия являлся санкцией сына неба. Требовалось лишь крайне серьезное выражение лица императора.

Воинственные и безответственные заявления участников недавнего заседания Высшего совета по руководству войной получили поддержку таких, как президент Тайного совета барон Хиранума. Этот старый экстремист призывал своих коллег пресекать любые мирные выступления народа.

Наконец, ставленник Хирохито и Кидо премьер Судзуки, собиравшийся вывести Японию из войны, объявил о принятии предложенной политики. Трагедия состояла в том, что только Того, Тойода и Ионаи понимали нереальность такой политики, другие же восприняли ее совершенно серьезно.

Однако вопрос об «Основных принципах политики» на этом не был исчерпан.

Беседуя с Кидо после заседания совета, император показал ему данные проведенных исследований. Хиро-

хито смущало, что при таких серьезных противопоказаниях принято столь губительное решение. Кидо просмотрел доклады и понял: нельзя больше сидеть сложа руки и ждать, пока премьер Судзуки погубит Японию. Доклады, представленные императору, свидетельствовали, что после двух месяцев выжидания старый адмирал Судзуки изменил курс на 180 градусов. Он вел страну не к миру, а к верной гибели. И как могли, по всей видимости, разумные люди не считаться с пагубностью такого пути?

Кидо не мог допустить, чтобы силам ультра не было оказано никакого сопротивления. Решив действовать, он направился в министерство двора, в свой кабинет. Кидо рассуждал так: «Если решение вопроса остается в руках кабинета министров, то при создавшихся обстоятельствах для окончания войны необходимо принять крайние меры, которые станут для правительства точкой опоры на пути к миру. Моя политика должна дать кабинету как можно больше прав, чтобы не беспокоить императора правительственными делами. Но, поскольку кабинет бессилен даже в такой, требующей безотлагательных решений ситуации, необходимо действовать».

Хранитель печати засел за работу и набросал «Примерный план выхода из создавшейся обстановки». В этом примечательном документе Кидо давал объективный анализ возможных последствий принятой политики и рекомендовал согласиться на капитуляцию Японии. (Слово «капитуляция» было в Японии почти запрещенным.) Кидо считал, что сражение на Окинаве обречено на провал. Данные о национальной мощи, отмечал он, показывают, что «в конце этого года мы будем почти не способны вести войну».

Далее Кидо писал — противник обладает такой мощной авиацией, «что ему не составит труда стереть с лица земли все города Японии и для этого не понадобится много времени».

«С наступлением холодного сезона, — указывал Кидо, — исключительные трудности со снабжением повсеместно вызовут серьезные волнения среди народа, что обострит обстановку в стране. Я считаю, необходимы срочные и решительные меры... Без сомнения, основная цель противника — свергнуть так называемую милитаристскую клику. Я понимаю, что переговоры можно начать лишь тогда, когда военные предложат это, но в то же

время мы упустим хороший шанс, если будем ждать удобного случая. Нас постигнет участь Германии, и обстоятельства могут так сложиться, что мы не сможем даже сохранить национальную форму правления и гарантировать неприкосновенность императорской фамилии.

У нас нет другого выбора, кроме как просить императора предпринять действия, руководствуясь следующим:

1. Переговоры через страну-посредника с личным посланием его величества.

2. Основное содержание послания: император, всегда заинтересованный в мире, учитывая тяжелое военное положение, решил окончить войну на приемлемых и реалистических условиях.

3. Крайние условия соглашения:

а) почетный мир. Нам предъявят жесткие условия. Однако с точки зрения здравого смысла у нас нет другого выбора, и Япония должна отказаться от оккупированных и контролируемых территорий на Тихом океане;

б) войска будут эвакуированы из занятых ими районов;

в) что касается сокращения наших вооруженных сил, мы должны быть готовы к жестким условиям. Поскольку для нас нет иного выбора, придется довольствоваться минимумом оборонительных сил».

Итак, Кидо перешел рубикон. Для него не было пути назад. Теперь оставалось взять в свои руки нужные рычаги и повести ветхую государственную машину Японии к миру. Поскольку премьер Судзуки, военный министр Анами и военно-морской министр Ионаи на чрезвычайной сессии парламента призывали стоять насмерть в священной войне, Кидо представил свой план сначала императору.

Хирохито устал от войны и кровопролития. Он опасался, что «Основные принципы политики», провозглашенные военными, могут привести к уничтожению нации и расчленению Японии. Лучший выход из создавшейся обстановки император видел в непосредственном обращении к Соединенным Штатам и Великобритании, однако считал подобное невозможным. В этом убедили его советники. Препятствовали также общественное мнение и занятая военными позиция. Эти твердолобые смотрели на союзников как на заклятых врагов и считали, что, поскольку Советский Союз занимает нейтральную позицию,

переговоры лучше всего вести через него. И Хирохито в сложившейся ситуации тоже не видел другого выхода, поэтому он сразу же одобрил предложение Кидо и охотно согласился составить личное послание. Император благословил Кидо, и тот приступил к осуществлению своего плана.

После полудня его величество дал аудиенцию военно-морскому министру. Кидо воспользовался случаем, чтобы поговорить с Ионаи. Военно-морской министр заявил, что, по его мнению, необходимо согласиться на капитуляцию. Ободренный, Кидо положил перед ним свой план и объяснил его содержание. Ионаи пробежал его глазами и, криво усмехнувшись, спросил: «И это все?» Хранитель печати ответил, что это всего лишь наброски. Подумав, адмирал пообещал изучить этот план. «А что скажет об этом премьер-министр? — вдруг спросил Ионаи. — По-моему, он — убежденный сторонник продолжения войны».

Кидо объяснил, что как раз собирается обсудить этот план с Судзуки в конце дня, и тогда будет известно мнение премьера.

Через час премьер-министр появился в канцелярии императора. Кидо изложил ему свой план. Пуская клубы сигарного дыма, Судзуки внимательно выслушал Кидо и в целом согласился с ним, однако заметил: «Все это очень хорошо, но мне кажется, военно-морской министр — убежденный сторонник продолжения войны».

Хранитель печати был сражен комизмом ситуации. «Странно, — проговорил он. — Военно-морской министр считает вас сторонником продолжения войны, а вы — его. Вы обсуждали с ним когда-нибудь этот вопрос?»

Судзуки признался: «Мы никогда не касались этого вопроса».

На следующий день Ионаи вновь прибыл к Кидо. Хранитель печати сообщил ему сказанное Судзуки. Ионаи покачал головой: «Судя по тому, что вы говорите, премьер-министр, видимо, собирается принять ваш план. В таком случае мне необходимо увидеться с ним». Ионаи поспешил к Судзуки.

15 июня Кидо ознакомил со своим планом министра иностранных дел Того. «С тех пор как я состою членом кабинета, я всегда стремился содействовать скорейшему заключению мира, однако сторонники продолжения войны слишком сильны, — проговорил Того со вздохом. — По-

скольку на Императорском совете было решено продолжать войну до конца, я, как министр иностранных дел, бессилен что-либо сделать. Я, конечно, согласен изучить ваш план».

«Лучший способ осуществить ваше желание — это сделать все возможное для скорейшего заключения мира, и потому, прошу вас, повнимательнее отнеситесь к этому плану, — убеждал его Кидо. — Император намерен закончить войну как можно скорее».

16 июня к Кидо вновь прибыл Ионаи и сообщил, что беседовал с премьером и что тот также считает необходимым закончить войну в ближайшее время.

18 июня Кидо нанес визит военный министр Анами. Генерал сделал блестящую карьеру. Он был популярен в армии, а закон о новой мобилизации ставил его на голову выше генерального штаба армии и его начальника. Под руководством Анами планировалась мобилизация всего взрослого населения Японии для отпора завоевателям.

В парадном мундире, при орденах и мече улыбающийся Анами почти вбежал в кабинет Кидо. Анами был человеком веселого нрава, тем более что успехи по службе не давали ему повода для уныния. Анами сразу же взял инициативу в свои руки. Еще с порога он заявил, что до него дошли слухи, будто лорд — хранитель печати в ближайшее время собирается уйти в отставку. Так ли это?

Кидо рассчитывал обсудить свой план и с военным министром, однако Анами, упомянув об отставке, поставил его в затруднительное положение. Не дав Кидо опомниться, военный министр продолжал наступать.

«Если не заниматься внутренними делами, — предупредил Анами, — движение за мир значительно усилится и начнутся волнения».

Собравшись с духом, Кидо все же решился: «Я как раз собирался поговорить с вами о мире». И он изложил Анами свой план. В заключение Кидо проговорил: «Нет абсолютно никакой надежды на нашу победу в войне».

Попыхивая сигарой, Анами слушал, однако план Кидо представлялся ему неким призрачным видением, имеющим столько же шансов остановить военную машину, сколько у кимоно гейши, брошенного перед танком. Тем не менее Анами оценил решительность и энергию Кидо.

«В целом, Кидо-сан, я согласен с вами, — заявил воен-

ный министр. — Ваша позиция совершенно естественна. Однако нам, военным, очень хочется дать решительный бой на своей территории. Если мы сумеем дать врагу серьезный отпор, это укрепит наши позиции на мирных переговорах, не так ли?»

Кидо жил не в Токио, а на побережье, в том районе, через который, несомненно, проследуют войска вторжения при ударе на Токио. Кидо знал, какие идут примитивные приготовления к отражению противника, знал, что возведение оборонительных укреплений в других районах ведется очень медленно и укрепления эти имеют жалкий вид. Хранитель печати был уверен, что приготовления закончатся слишком поздно и не смогут быть использованы для отпора союзникам.

«Анами, — ответил Кидо, — решительное сражение безнадежно. Хотя вы и хотите этого, император обеспокоен и считает, что такое сражение бесполезно. Боевые действия на нашей территории в конце концов приведут к тактике выжженной земли и уничтожению всей страны».

Анами холодно посмотрел на Кидо: «Я понимаю вашу позицию, господин лорд — хранитель печати. Конечно, я тщательно рассмотрю ваши предложения. Сегодня в пять часов премьер-министр собирает совещание Высшего совета по руководству войной. Я полагаю, предметом обсуждения будет вопрос об окончании войны».

«Постарайтесь сделать все возможное, чтобы обсуждение дало положительный результат», — попросил Кидо. Анами встал, отдал честь и быстро вышел.

Заседание «большой шестерки», состоявшееся во второй половине дня, было знаменательным. Всего десять дней назад Императорский совет пришел к выводу, что у Японии есть только два выхода — или решительное сражение, или смерть. Теперь же шестерка наиболее влиятельных лиц страны сознательно открывала дверь мирным переговорам. Только Анами и оба начальника генеральных штабов заявили, что предпочитают сначала отразить вторжение противника, а затем, с более сильных позиций, начать переговоры. Остальные воздержались от прямых возражений и согласились, что настало время начать переговоры с Советским Союзом о посредничестве в деле заключения мира. Все шестеро решили, что войну нужно закончить к концу сентября, поэтому

выяснение позиции СССР необходимо провести в начале июля.

На следующий день премьер Судзуки представил документы заседания «большой шестерки» Кидо. Лорд — хранитель печати готовил в это время доклад императору о проблемах, связанных с мирными переговорами. Теперь Кидо мог сделать еще один шаг вперед. Вспомнив сетования Того о том, что решение Императорского совета лишило его возможности вести переговоры, Кидо порекомендовал императору немедленно начать действовать. Лорд — хранитель печати знал, что стоит императору лишь косвенно заявить о желании заключить мир, как лед тронется. Кидо посоветовал Хирохито созвать Императорский совет, где прямо заявить членам Высшего совета по руководству войной о необходимости ускорить заключение мира.

И вот 22 июня, в день захвата противником Окинавы, был созван Императорский совет. Выступление императора произвело сильное впечатление. «Как внутренняя, так и внешняя обстановка достигла критического положения, — заявил Хирохито. — Военные дела находятся в чрезвычайно угрожающем состоянии, а по мере усиления воздушных налетов противника у нас будут еще большие трудности. Поэтому, несмотря на недавнее решение Императорского совета, я хочу, чтобы вы сделали все возможное для скорейшего окончания войны. Война продолжается уже три с половиной года и день ото дня приносит все более жестокие разрушения. Нужно кончать войну. Есть ли у вас какие-либо планы на этот счет?»

Ответил премьер Судзуки: «Члены совета уже совещались по этому вопросу. Я хотел бы услышать мнение военно-морского министра Ионаи». Однако Ионаи переадресовал обращение министру иностранных дел. Того два дня назад изложил его величеству свои соображения, и сейчас ему пришлось повторить их снова.

Того подробно рассказал о дискуссии на заседании «большой шестерки» и беседах Хирота с Маликом. «Кроме того, — продолжал Того, — посол в Москве Сато информирован о положении дел и о нашем намерении послать в Москву специального представителя, однако заметных сдвигов пока нет».

«Что вы можете сказать о сроках дипломатического

урегулирования? — спросил Хирохито. — Есть у вас конкретный план?»

Того ответил, что Потсдамская конференция должна состояться в середине июля, после выборов в Великобритании. «Поэтому, — заключил он, — я надеюсь, что вопрос будет решен в начале июля, до отъезда советских руководителей в Потсдам».

«Что думает об этом военно-морской министр?» — спросил император.

Ионаи одобрил позицию Того: «Я считаю, что мы должны осуществлять наши планы в соответствии с предложением министра иностранных дел».

Затем император обратился с таким же вопросом к военному министру, и Анами сказал: «Я не возражаю против усилий, направленных на окончание войны, однако не могу безоговорочно принять план в целом. Необходимо тщательно обсудить его, поскольку он, как мне кажется, не лишен недостатков и свидетельствует о нашей слабости».

Следующим высказался начальник генерального штаба армии Умедзу. «Предложение о заключении мира, — отметил он, — вызовет широкий отклик как у нас в стране, так и за границей. Поэтому его следует претворять в жизнь только после тщательного обсуждения и с предельной осторожностью».

Хирохито тут же поймал его на слове: «Означает ли ваше заявление «претворять в жизнь с предельной осторожностью», что к выполнению плана следует приступить только после нанесения решительного удара по противнику?» Умедзу ответил отрицательно. Затем император спросил, есть ли другие мнения. Все молчали.

«Поскольку других предложений нет, — сказал император в заключение, — я хочу, чтобы, несмотря на недавнее решение Императорского совета, был осуществлен данный план».

«Мы исполним волю императора и сделаем все возможное», — ответил премьер-министр Судзуки.

Это решение явилось поворотным моментом в развитии дальнейших событий. Вскоре, однако, до Того дошли неясные слухи о том, что на встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте Россия согласилась вступить в войну с Японией после победы над Германией. В Японии не знали об этом решении, союзники тщательно скрывали

даже сам факт обсуждения вопроса о Японии на встрече в Ялте.

Министр иностранных дел поручил Хирота попытаться вновь начать переговоры с советским послом Маликом. Хирота встретился с Маликом 24 июня, надеясь выяснить несколько вопросов. Во-первых, Япония предлагала подписать с Россией новый, более действенный пакт вместо пакта о нейтралитете. Малик ответил, что в этом нет необходимости, поскольку срок действия пакта о нейтралитете истекает лишь в апреле 1946 года. Затем Хирота предложил поставлять Советскому Союзу каучук, олово, свинец и вольфрам в обмен на нефть. Русским предлагалось принимать грузы на свои суда в портах оккупированных японцами южных областей. Малик и тут не проявил особого интереса.

Далее японский представитель заявил: «Если объединить Советскую Армию и японский военно-морской флот, то Япония и Советский Союз будут самыми сильными державами в мире». В ответ на это пустое бахвальство русский представитель заметил, что у руководителей японской армии может быть иная точка зрения. В заключение Малик сказал, что, пока у японской стороны нет конкретного плана, дальнейшие беседы нецелесообразны. На этом их встреча закончилась.

29 июня Хирота вновь посетил советского посла, имея при себе уже письменные предложения. В обмен на новый договор о ненападении Япония обязалась освободить Маньчжурию, а в обмен на советскую нефть — отказаться от прав на рыболовство в советских водах. Кроме того, Япония выражала готовность обсудить любые другие вопросы, интересующие Россию.

Выслушав Хирота, Малик вдруг спросил, верно ли, что Япония и Соединенные Штаты вели переговоры о мире через Швецию. Хирота был ошеломлен. «Это невозможно! Прежде чем начать с кем-либо переговоры, Япония будет консультироваться с Россией». Малик не отказался направить предложения Японии в Москву и после получения ответа продолжать беседы. Однако когда на следующий день Того узнал, что советский посол отправил эти предложения с курьером, а не передал их по телеграфу, он потерял всякую надежду на ведение переговоров через Малика. Того решил прибегнуть к послед-

ней практической возможности — послать в Москву специального представителя.

Время торопило. Был конец июня, а на третьей неделе июля ожидалось открытие Потсдамской конференции союзников. 2 июля Того посетил принца Такамацу и сообщил ему, что ввиду безнадежного военного положения Японии необходимо как можно скорее заключить мир. По мнению Того, лучшей кандидатурой на роль страны-посредника являлась Россия, а для переговоров с Россией нужен был специальный представитель. Того предложил кандидатуру принца Коноэ. Такамацу согласился. Судзуки тоже одобрил ее.

А между тем все новые и новые японские города превращались в пепел, подвергаясь круглосуточным бомбардировкам. Беспокойство императора росло. 7 июля он вызвал к себе премьер-министра и спросил о результатах переговоров с Советским Союзом. Судзуки сообщил, что беседы Хирота с Маликом зашли в тупик. Император указал на необходимость предпринять новые усилия в этом направлении. Было решено сначала выяснить позицию Советского Союза в отношении Японии и только потом обратиться с просьбой о посредничестве в переговорах. По мнению императора, настало время начать с Россией непосредственные переговоры, не прибегая к услугам Малика. «Поэтому, — сказал Хирохито, — целесообразнее направить нашего представителя с императорским посланием».

Адмирал сообщил Хирохито, что Того уже разговаривал об этом с принцем Коноэ. Того считал задание очень рискованным, поскольку его невозможно скрыть от военных кругов. В Москву делегация отправится на японском военном самолете, и, прежде чем она достигнет территории Советского Союза, ей придется совершить посадки в Корее, Китае или Маньчжурии. Так что с момента взлета и до прибытия в СССР делегация будет легкой добычей военных экстремистов.

Того решил обсудить связанные с поездкой вопросы с принцем Фумимаро Коноэ. До начала войны на Тихом океане Коноэ трижды занимал пост премьер-министра.

8 июля 1945 года министр иностранных дел прибыл в летнюю резиденцию принца на горном курорте Каруидзава, чтобы выяснить его отношение к предстоящей миссии. Коноэ выдвинул условие, чтобы его действия не ско-

вывались слишком жесткими инструкциями. «Ваша задача — избежать безоговорочной капитуляции», — ответил министр. Коное согласился.

10 июля на заседании Высшего совета по руководству войной премьер Судзуки и Того коротко сообщили о положении дел. 12 июля император принял Коноэ и официально обратился к нему с просьбой возглавить миссию.

Приблизительно в это же время посол Японии в СССР Наотаке Сато читал телеграмму, полученную утром от Того. Это была, пожалуй, самая важная японская депеша военного времени. Министр иностранных дел открыто писал: «Его величество желает как можно скорее закончить войну. Он глубоко обеспокоен тем, что дальнейшее продолжение военных действий приведет лишь к неисчислимым страданиям миллионов ни в чем не повинных людей в воюющих странах. Однако, поскольку Соединенные Штаты и Великобритания настаивают на безоговорочной капитуляции, Япония будет вынуждена бороться до конца. Такая борьба, к нашему глубокому сожалению, приведет лишь к дальнейшему кровопролитию, однако она необходима для поддержания престижа и сохранения целостности страны. Проявляя искреннюю озабоченность за судьбы человечества, наше правительство выражает желание начать переговоры для скорейшего восстановления мира. С этой целью в Москву с личным посланием императора будет направлен принц Коное. Необходимо, чтобы Советское правительство обеспечило условия для беспрепятственного следования Коное в Москву».

Уже несколько месяцев Сато посылал в Токио донесения о разгроме союзниками Германии и переброске советских войск на Дальний Восток. Он подчеркивал неизбежность гибели Японии, если она, пока еще не поздно, не предпримет усилий для достижения мира. Экстремисты считали Сато миротворцем и не доверяли ему. Однако Того, от которого требовали убрать Сато, заявлял, что его некем заменить, а важность этого поста не позволяла, чтобы он оставался вакантным даже на короткое время.

Через несколько часов после того, как Сато получил телеграмму, на стол государственного секретаря в Вашингтоне легла черная папка с особо секретными доку-

ментами по вопросам войны и внешней политики. В ней был перевод послания Того к Сато. (Соединенные Штаты еще до начала войны раскрыли японский шифр!)

Американские руководители получили эту информацию за пять дней до начала Потсдамской конференции. Это могло бы повлиять на их военные планы, однако все приготовления к Потсдамской конференции проводились под лозунгом «война, как обычно».

В Москве Сталин и Молотов тоже готовились к поездке в Берлин. Уже запланирован был удар по оккупированным Японией Маньчжурии и Корее, поэтому, когда Сато попытался официально вручить послание, его направили к заместителю комиссара по иностранным делам Лозовскому.

13 июля Сато посетил Лозовского и обратился с просьбой принять специального представителя Японии. Сато заявил, что представитель доставит личное послание императора, и просил Советское правительство содействовать прибытию принца. Сато умолчал о главном — о том, что Япония добивается посредничества Советского Союза в окончании войны.

Лозовский был корректен. Он внимательно слушал и делал пометки, а затем сказал, что сейчас не может дать какой-либо ответ, так как и Молотов, и Сталин собираются в Германию. Лозовский обещал доложить им об этом по прибытии в Берлин. Сато настаивал на возможно скором ответе, и Лозовский согласился передать Молотову русский перевод пожеланий императора и объяснительную записку Сато по вопросу предстоящей миссии.

Ответ пришел 18 июля, через день после встречи Черчилля, Трумена и Сталина в Потсдаме. Это было письмо от помощника Молотова. В письме указывалось, что в послании Того не содержится никаких конкретных предложений и не ясна цель специальной миссии. Поэтому СССР не может дать определенного ответа ни на само послание, ни на просьбу принять специального представителя.

Сато телеграфировал ответ Того. 24 июля он получил указание информировать русских, что специальным представителем императора назначен принц Коноэ, который будет просить Советский Союз о посредничестве в окончании войны. Следуя воле императора, Япония хочет просить Советский Союз помочь ей окончить войну на

более благоприятных условиях. Подробности будут изложены принцем лично.

Из-за оппозиции военных Того не мог сообщить конкретных условий окончания войны. Ему оставалось лишь надеяться, что Советский Союз примет Коноэ как полномочного представителя императора.

На следующий день, 25 июля, Сато посетил Лозовского. «Большая тройка» находилась еще на конференции в Потсдаме. Сато настаивал на быстром ответе Молотова о миссии Коноэ, и Лозовский обещал ему начать действовать без промедления. Однако следующим известием, полученным в Токио, была декларация правительств Соединенных Штатов, Великобритании и Китая от 26 июля.

Текст декларации гласил:

«1. Мы — президент Соединенных Штатов, председатель национального правительства Китая и премьер-министр Великобритании, как представители сотен миллионов наших соотечественников, согласились в том, что следует дать Японии возможность окончить эту войну.

2. Огромные наземные, морские и воздушные силы Соединенных Штатов, Британской империи и Китая изготовились для нанесения окончательного удара по Японии. Эту военную мощь направляет решимость всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не прекратит сопротивление.

3. Бесплодное и бессмысленное сопротивление Германии мощи свободных народов мира служит печальным примером для Японии. Могучие силы, которые теперь приближаются к Японии, неизмеримо больше тех, которые были применены к сопротивляющимся нацистам. Применение наших объединенных военных сил, полных решимости уничтожить японские вооруженные силы, неизбежно приведет к полному опустошению японской метрополии.

4. Японии необходимо решить, будет ли она по-прежнему находиться под властью милитаристских кругов, чьи неразумные расчеты привели японскую империю к поражению, или же пойдет по пути, указываемому разумом.

5. Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора нет. Мы не потерпим никакой затяжки.

6. Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний. Мы убеждены, что безопасность и справедливость в мире

невозможны до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет стерт с лица земли.

7. До тех пор пока не восторжествует в мире новый порядок и не будет убедительного доказательства, что Япония не сможет больше вести войну, пункты на японской территории, указанные союзниками, будут оккупированы для того, чтобы обеспечить осуществление основных целей, которые мы здесь излагаем.

8. Условия Каирской декларации будут выполнены, японский суверенитет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми, менее крупными островами, которые мы укажем.

9. Личному составу японских вооруженных сил после их разоружения будет разрешено вернуться к своим очагам и начать мирную трудовую жизнь.

10. Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, кто совершил зверства над нашими пленными, понесут суровое наказание. Японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа. Будет гарантирована свобода слова, вероисповедания и мышления, а также уважение к основным правам человека.

11. Япония сохранит возможность иметь такую промышленность, которая позволит поддерживать ее хозяйство и выплачивать справедливые репарации натурой, но не те отрасли промышленности, которые дали бы ей шанс снова вооружиться для ведения войны. В этих целях будет разрешен доступ к сырьевым ресурсам, а не контроль над ними. В конечном счете Япония сможет принять участие в мировых торговых отношениях.

12. Оккупационные войска союзников покинут Японию, как только будут достигнуты указанные цели и учреждено миролюбивое и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

13. Мы призываем правительство Японии провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил и дать надлежащие и достаточные заверения в своих добрых намерениях в этом деле. Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром.

26 июля 1945 года».

ГЛАВА 11

ДОРОГОСТОЯЩЕЕ ПРОМЕДЛЕНИЕ

В субботу 28 июля японские газеты опубликовали сокращенный министерством информации текст Потсдамской декларации.

Газеты цитировали также заявление премьер-министра Судзуки о том, что Япония будет игнорировать требования союзных держав.

Премьер-министр сделал свое заявление на заседании кабинета министров, состоявшемся накануне. В ходе обсуждения возник спор между представителями армии и министром иностранных дел Того относительно того, как довести текст Потсдамской декларации до широких масс. Генерал Анами призывал правительство осудить ультиматум союзных держав и отклонить его. Того категорически возражал против этого, считая, что такое решение будет опасной ошибкой.

Судзуки отложил свою сигару и выразил согласие с Того, заявив, что «правительство должно просто игнорировать декларацию». Это значило положить в долгий ящик или просто не обращать на нее внимания. Можно было понять и как игнорировать молчанием, не принимать во внимание или игнорировать молчаливым пренебрежением. Своим заявлением Судзуки стремился предупредить дальнейшие требования военных об официальном отклонении Потсдамских условий.

В конце концов кабинет министров согласился, что народу необходимо сообщить содержание Потсдамской декларации, иначе он узнает об этом в искаженном виде из других источников. Министры, конечно, настаивали на необходимости определенных разумных купюр в интересах поддержания морального духа. В результате в отредактированном министерством информации тексте декла-

рации выпали разделы с ультимативными требованиями. Так, были исключены положения о «полном опустошении японской метрополии», «суровом наказании» военных преступников и т. п. Таким образом, текст декларации принял вполне умеренный характер.

Сторонники заключения мира — Того и императорский двор — не возражали против этого. Однако вскоре Того установил, что военный министр Анами оказывает давление на министерство информации. В результате газеты истолковали заявление Судзуки как «непринятие во внимание». Кроме того, Анами побудил министра информации Симомура выступить по радио с негативным толкованием Потсдамских условий, а заявление Судзуки представить как отклонение их. Возмущенный министр иностранных дел попытался приостановить активность Анами, но добился лишь частичного успеха.

Каким-то образом заявление премьера Судзуки о Потсдамской декларации стало известно редакторам газет тем же вечером 27 июля. Трудно сказать, откуда просочились эти сведения: передал ли их секретарь Сакомидзу или шеф министерства информации, а может, и сам Судзуки одобрил их публикацию после заседания кабинета министров или, может, в самый последний момент кабинет принял решение одобрить публикацию заявления Судзуки.

Так или иначе, а утренние газеты 28 июля поместили урезанный вариант Потсдамской декларации и цитировали заявление премьера о том, что Япония будет игнорировать требования союзных держав. Газета «Асахи» так толковала существо дела: «Поскольку совместная декларация Америки, Великобритании и Чунцина не имеет в действительности большого значения, она только усилит решимость правительства вести войну до победного конца». Газета «Майнити» опубликовала официальное сообщение под заголовком «Смешной вопрос», но от критических высказываний в адрес ультиматума воздержалась. Отношение других газет к декларации было аналогичным.

На еженедельной встрече руководителей правительства и верховного командования, состоявшейся во дворце в ту же субботу утром, разговоры вертелись вокруг этого же вопроса. Того отсутствовал, у него были важные дела в министерстве иностранных дел. Премьер-министр вошел

в сопровождении высших политических советников. Представители командования армии и военно-морского флота потребовали, чтобы Потсдамская декларация была отвергнута публично и безоговорочно. Зажатый со всех сторон, Судзуки не мог сказать ни да, ни нет. Если бы он согласился отвергнуть условия союзных держав, это сразу вызвало бы непредвиденные ответные меры со стороны противника, поскольку в декларации содержалась угроза применить превосходящие силы, если условия не будут приняты в кратчайшие сроки. Такое решение могло бы оттолкнуть и СССР и послужить основанием для вступления его в войну против Японии.

В то же время, если бы Судзуки отказался отклонить Потсдамские условия, горячие головы в армии и на флоте пришли бы в ярость и попытались взять в свои руки законодательную и исполнительную власть.

Чтобы решить головоломку и найти выход из такого сложного положения, Судзуки пригласил руководящих должностных лиц в другую комнату. Отсутствие Того позволило экстремистам получить решающее преимущество над склонным к уступкам Судзуки. Они вынуждали премьера дезавуировать Потсдамское заявление самым определенным и недвусмысленным образом, однако старик колебался. Тогда Сакомидзу подсунул компромиссное предложение: премьер-министр может выступить на пресс-конференции и в более благоприятной обстановке ответить на вопрос о Потсдамских условиях, формально не сообщая точку зрения правительства. С этим планом согласились, отметив, однако, одно слабое звено: оставалось неясным, что следовало отвечать Судзуки, если ему прямо поставят так тщательно исключаемый из повестки дня вопрос.

Сакомидзу и политические советники высшего командования армии и военно-морского флота, генерал-лейтенант Йосидзуми и вице-адмирал Хосино были проинструктированы о подготовке со своей стороны согласованного заявления.

Сакомидзу заметался. Сначала предложил одну формулировку, затем — другую. И что бы ни писал, он «был вынужден пересматривать все вновь и вновь вследствие упорного сопротивления военных политических советников, в особенности Йосидзуми — начальника управления военных дел министерства».

Согласование вопроса продвигалось крайне медленно, однако в конце концов в обстановке спешки и отчаяния был подготовлен ответ, который давал понять японскому народу и всему миру, что Потсдамская декларация хотя и не может быть встречена с распростертыми объятиями, но и не отвергается с презрением. Заявление, которое сформулировали Сакомидзу и его соавторы из армии и военно-морского флота, имело следующий смысл: Потсдамская декларация представляет собой переработанный вариант Каирской декларации, и наше правительство не придает ей никакого значения; короче, мы будем игнорировать ее.

В резиденции премьер-министра они вручили это заявление адмиралу Судзуки, и в 16.00, как и было запланировано, началась пресс-конференция. Рассматривались вопросы о мероприятиях правительства по противодействию воздушному вторжению противника и обстрелу его корабельной артиллерией, а также о недавнем сокращении продовольственного пайка на 10 процентов. Был дан ответ и на узловой вопрос.

Вопрос: За последнее время пропаганда противника в различной форме сообщает об окончании войны. Каково ваше мнение по этому вопросу?

Ответ: Я полагаю, что совместная декларация трех союзных держав представляет собой простое повторение Каирской декларации. Правительство не придает этому документу большого значения. Все, что от нас требуется, — это игнорировать ее. Мы должны направить все усилия на продолжение войны.

Заявление Судзуки об игнорировании и толкование его японской прессой означали полное крушение надежд десятков тысяч жителей страны. Такое заявление давало противнику необходимое оправдание для применения против Японии всей военной мощи.

Поступив на стол редактора отдела новостей агентства Домей, этого рупора заморского радиовещания Японии, заявление было переведено на иностранные языки и передано по радио. Передачу агентства Домей на английском языке через несколько часов приняли и использовали американское радио и газеты, которые предпослали этому сообщению заголовок: «Япония отвергает Потсдамскую декларацию». Именно это информационное сообщение имел в виду президент Гарри Трумен, когда заявил:

«Целью нашего ультиматума, опубликованного в Потсдаме 26 июля, было стремление предохранить Японию от разрушительного по своей мощи удара. Лидеры страны, не задумываясь, отвергли этот ультиматум».

Позиция, занятая военными кругами Японии, и оценка, которую дал Судзуки Потсдамской декларации, были использованы американским правительством в качестве морального оправдания своего решения отправить в роковой полет бомбардировщик В-29 «Энола Гей» с атомной бомбой на борту. Эти же обстоятельства послужили основанием для советских войск начать наступление в Маньчжурии 9 августа 1945 года [1].

Проницательные люди сразу же обратили внимание на важность Потсдамской декларации, опубликованной в печати. Вскоре оживилась торговля такими залежалыми товарами, как текстиль, табак, бумага. 2 августа курсы акций на бирже в среднем выросли на три пункта. Очевидно, некоторые бизнесмены были уверены в скором мире.

Итак, в Японии наступило некоторое успокоение. Все взоры устремились в сторону СССР. Того посылал Сато телеграмму за телеграммой, но дело с места не трогалось. Кидо писал об этом: «Несмотря на объявление Потсдамских условий, Советскому Союзу было направлено предложение о посредничестве. Мы ожидали, что ответ будет получен от СССР после возвращения Молотова и Сталина в Москву. Более того, под Потсдамской декларацией не было подписи представителя СССР, и поэтому в отно-

[1] Правительство США летом 1945 года приняло решение использовать в войне против Японии недавно изобретенную американскими учеными атомную бомбу. Являлось ли это военной необходимостью? Нет. Было совершенно очевидно, что Япония находится накануне капитуляции и ее судьба предрешена как ходом второй мировой войны, так и предстоящим вступлением в войну СССР. Империалистические круги США совершили невиданное в истории человечества преступление. Актом бессмысленной жестокости они стремились обеспечить себе стратегическое превосходство над Советским Союзом в будущем.

Что касается Советского Союза, то цель вступления в войну против Японии сводилась к тому, чтобы, выполняя союзническое обязательство по Ялтинскому соглашению, ускорить разгром милитаристской Японии и приблизить конец второй мировой войны, обезопасить советские границы па Дальнем Востоке и освободить народы от дальнейших жертв и страданий. Вот почему война Советского Союза против Японии была войной справедливой. — *Прим. ред.*

шении возможного ответа Советского правительства вопрос оставался открытым. Поскольку вся нация ожидала ответа Советского Союза, мы не могли спешить с принятием Потсдамской декларации. Соответственно ничего не предпринималось и для практического принятия ее. Императорский двор перепоручил все это дело кабинету».

При дворе после публикации Потсдамских условий по-прежнему царила атмосфера отрешенности. В последний день июля, например, Хирохито имел продолжительную беседу с лордом — хранителем печати Кидо относительно перемещения священных сокровищ из храма Аццута в более безопасное место.

Того настаивал на активизации Сато в Москве, стремясь добиться безусловного ответа в отношении миссии Коноэ. Сато делал все возможное, однако Лозовский уклонялся от каких-либо решений, заявляя, что необходимо дождаться возвращения Молотова из Потсдама. 5 августа Сато поставили в известность о предстоящей встрече с Молотовым, который в этот день возвратился в Москву. Встреча была назначена на 8 августа в 23 часа по японскому времени.

Встревоженная возможной реакцией СССР, Япония в то же время готовилась к ожидаемому вторжению войск союзников. Страна была настолько беспомощной, что противник начал предпринимать бомбежки с уведомлением. На города, избранные в качестве целей, задолго до действительных ударов с воздуха сбрасывались листовки, которые призывали жителей покидать города. Бомбардировщики союзников действовали одинаково эффективно как днем, так и ночью, в непогоду и при ясном небе. Даже самым неопытным наблюдателям становилось очевидно, что вооруженные силы Японии не в состоянии защитить свой народ.

Когда один или два вражеских самолета появлялись над городом, японцы уже не обращали на это никакого внимания. Смертельный ужас вызывали массированные налеты бомбардировщиков с грузом зажигательных бомб. Отдельные же разведывательные самолеты, выполнявшие задачи наблюдения или аэрофотосъемки, никого не пугали.

В Хиросиме 6 августа сообщение об угрозе воздушного налета было передано рано утром. Однако бомбардировщики направлялись, очевидно, к другой цели, и «за-

колдованный город» продолжал свою обычную жизнь, не дожидаясь сигнала отбоя воздушной тревоги. Этот один из крупнейших городов еще не пострадал от войны. Ходили слухи, будто Хиросиму щадили потому, что многие в городе имели родственников в Америке. В 8.15 утра 6 августа жители Хиросимы занимались своими домашними делами или спешили к месту работы. А на огромном плац-параде в центре города солдаты частей Западного военного округа делали утреннюю зарядку.

И вдруг — ослепительная вспышка и сокрушительной силы удар, испепеляющее пламя и воздушный смерч! Взрыв первой атомной бомбы стер с лица земли Хиросиму — город на берегу Внутреннего Японского моря.

Промышленный город с населением 400 тыс. человек в мгновение ока превратился в крематорий для 80 тыс. жителей. Около 37 тыс. было ранено или контужено, 90 процентов всех зданий в районе взрыва — уничтожены. Подобно всепожирающему дракону, на мир набросился атомный век.

Взрыв атомной бомбы свидетельствовал о коренном изменении способов ведения боевых действий. Японцы столкнулись с этим непосредственно, и если бы они руководствовались соображениями западной логики, то немедленно признали бы себя побежденными. Однако они этого пе сделали. Почему?

Некоторые из руководителей Японии по различным соображениям не хотели допустить мысли, что Хиросиму подвергли атомной бомбардировке. Армейское командование, например, отрицало это положение и настаивало на специальном расследовании для установления подлинного характера бомбы. Это расследование велось вяло и непродуктивно, а между тем через три дня новый атомный удар обрушился на Нагасаки. А руководству японской армии легче было по-прежнему призывать к решительному сражению с противником на своей территории, чем признать, что союзники обладают оружием, еще не отмеченным в анналах истории войны.

Реакция на применение атомной бомбы у военно-морских офицеров, особенно у низших чинов и наиболее фанатичных, почти полностью соответствовала реакции армейцев. Расследование характера взрыва флотские органы начали только через два дня после удара по Хиросиме и завершили его лишь 12 августа. Однако высшее ко-

мандование флота не сомневалось относительно действительного характера бомбы. Так, еще 6 августа военно-морской министр адмирал Ионаи, составляя черновую запись памятной записки, носившей особо секретный характер, писал: «Хиросима разрушена атомным оружием. Эта война проиграна». Японские правящие круги пришли в явное замешательство и в то же время пытались сбить с толку народ.

Начальник армейской разведки генерал Сейдзо Арисуэ вспоминал: «В 8.16 в Токио дежурный оператор японской радиовещательной компании отметил, что радиостанция Хиросимы в эфире не прослушивается. Примерно через 20 минут центр железнодорожной телеграфной связи в Токио обнаружил, что главная телеграфная линия, проходившая к северу от Хиросимы, не работает. Затем от нескольких железнодорожных станций, расположенных в радиусе 16 километров от города, начали поступать бессвязные сообщения о чудовищном взрыве в Хиросиме...»

Узел связи генерального штаба несколько раз вызывал армейскую контрольную станцию в Хиросиме, но безрезультатно. Отсутствие связи с городом озадачило офицеров генштаба: им хорошо было известно, что никакого крупного воздушного налета противника не наблюдалось и в городе в это время не хранилось больших запасов взрывчатых веществ.

Один из молодых офицеров генерального штаба получил задание немедленно вылететь в Хиросиму, определить степень разрушений и возвратиться в Токио с достоверной информацией. В генштабе господствовало общее мнение, что ничего серьезного не случилось и, как всегда, крайне раздуты отдельные факты.

Офицер генштаба вылетел в Хиросиму и еще за 160 километров до города увидел огромное облако дыма над ним. Это догорали остатки Хиросимы.

Примерно в то же время Того доложили о сообщении американского радио о том, что на Хиросиму сброшена атомная бомба. Лидеры союзных западных держав угрожали применять атомное оружие до тех пор, пока Япония не капитулирует. Того немедленно потребовал, чтобы командование армии точно установило характер взрыва. Применение атомной бомбы означало бы с точки зрения Того нарушение международных законов ведения войны.

Министр иностранных дел намеревался заявить протест против применения разрушительного оружия.

Армейское командование ответило, что начато расследование и что, по имеющимся сведениям, сброшенная бомба обладает исключительно высокой эффективностью.

Корреспондент агентства Домей около полудня прислал свои заметки из окрестностей Хиросимы, однако степень поражения города по-прежнему оставалась неясной.

В штаб военной жандармерии во второй половине 6 августа поступило сообщение, что несколько бомбардировщиков превратили Хиросиму в море огня. Это сообщение было направлено руководителям военного министерства. К исходу дня гражданские власти Хиросимы доложили, что городу нанесено исключительное по силе разрушение в результате атаки «небольшого количества вражеских самолетов» и применения боевых средств нового типа. Однако наиболее устрашающим явилось сообщение, поступившее рано утром следующего дня: «Город Хиросима мгновенно был полностью уничтожен одной-единственной бомбой». Это сообщение особенно взволновало заместителя начальника генерального штаба генерала Кавабе. Он принадлежал к числу немногих военных, осведомленных о японских атомных исследованиях. Действительно, несколько лет назад военные круги пренебрежительно отнеслись к просьбе выделить 50 тыс. иен на атомные исследования, обвинив ученых в бесплодных фантазиях.

Генерал Кавабе направил одного из подчиненных офицеров к известному японскому физику доктору Иосио Нисина, директору научно-исследовательского института. Офицер сообщил профессору, что сброшенная на Хиросиму бомба причинила огромные разрушения и имеются предположения об атомном характере этой бомбы. Офицер предложил Нисина отправиться в Хиросиму во главе исследовательской группы. Профессор дал свое согласие.

Нисина вместе с офицером прибыл в генеральный штаб армии. Получив инструкции, группа выехала на аэродром Токородзава. Помимо Нисина в группу входили военные технические эксперты. Неисправности в двигателе вынудили самолет, в котором летел Нисина, возвратиться, однако второй самолет с генералом Арисуэ до-

брался до цели. Приземлившись, Арисуэ увидел, что «весь город практически стерт с лица земли... Сохранилось лишь одно мертвое почерневшее дерево».

Транспортная система Хиросимы была полностью разрушена, и Арисуэ пришлось воспользоваться плавсредствами, чтобы добраться до морской транспортной комендатуры в Удзина, где он составил донесение в генеральный штаб. В донесении содержалось три главных вывода: 1) применена бомба необычного типа; 2) во избежание ожогов тело должно быть закрыто; 3) ходят слухи, что бомбу такого же типа сбросят 12 августа на Токио.

Арисуэ вручил свое послание старшему военному начальнику этого района и попросил немедленно отправить его. На следующее утро Арисуэ, однако, узнал, что его донесение все еще не отправлено. После крупного разговора сообщение немедленно передали по радио, и утром 8 августа генеральный штаб получил первые сведения непосредственно с места катастрофы.

В четыре часа того же дня после прибытия профессора Нисина и его группы место катастрофы в Хиросиме было обследовано специалистами. Физик осмотрел город с воздуха и определил, что «только атомная бомба могла вызвать такие разрушения». Другие наблюдения также подтвердили ядерный характер взрыва. Свои выводы Нисина доложил в генеральный штаб армии.

Лорд — хранитель печати Кидо 6 августа поспешил к Хирохито с сообщением о новом бедствии. Император принял его через час после атомного удара, и Кидо доложил, что Хиросима поражена оружием нового типа, уничтожившим десятки тысяч жителей и превратившим город в пустыню.

«При таких обстоятельствах, — печально произнес Хирохито, — мы должны склониться перед неотвратимым. Независимо от того, что случится со мной, необходимо как можно скорее прекратить войну, чтобы эта трагедия больше не повторилась».

Отрывочная информация, поступившая 7 августа, еще больше усилила напряжение. Противник продолжал передавать сообщения об атомной бомбе, и японские правящие круги почти убедились, что это не пропаганда, а

реальный факт. По сообщениям американцев, в Хиросиме было убито и ранено 130 тыс. человек. Японское же командование армии и флота заявляло, что потери в Хиросиме еще не определены.

Когда во второй половине дня собрался кабинет министров, Того взял на себя инициативу и зачитал сообщения американского радио о разрушении Хиросимы атомной бомбой и о том, что Японии будут нанесены и другие атомные удары, если она не согласится на капитуляцию.

Оговорив возможные преувеличения пропагандистского характера в американских сообщениях, Того заявил своим коллегам по кабинету, что новое оружие «коренным образом изменяет всю военную обстановку и дает с военной точки зрения достаточно оснований для прекращения войны».

Того имел в виду, что появление такого абсолютного оружия дает военному руководству возможность достойно выйти из игры. Сославшись на атомную бомбу, они могли бы сказать, что против этого нового оружия всякое дальнейшее сопротивление не только невозможно, но и бессмысленно, а посему, хотя они и готовы, как всегда, отдать свою жизнь за счастье нации, в данных обстоятельствах вынуждены предложить окончить войну. Однако военное руководство не склонно было вставать на этот путь.

Министр иностранных дел предложил кабинету рассмотреть возможные мирные шаги на основе Потсдамской декларации. Члены кабинета и тут не поддержали предложение Того, а военный министр Анами решительно заявил: «Подобные действия совершенно излишни. Более того, мы еще не знаем, является ли эта бомба атомной. До получения докладов о результатах расследования мы не должны предпринимать никаких поспешных действий». Того сделал вывод, что армейское командование всячески стремится преуменьшить последствия бомбардировки Хиросимы и отрицает применение атомного оружия.

Министр внутренних дел Абе ознакомил собравшихся с теми неполными сведениями, которые поступили в его распоряжение об обстановке в Хиросиме. «Если говорить коротко, — сказал он, — на Хиросиму сброшена бомба неизвестного типа. Взрывом уничтожено колоссальное число жителей и разрушены почти все здания».

Однако, несмотря на все новые и новые данные, требовавшие энергичных действий, кабинет окончил заседание, так и не приняв никакого решения.

В среду 8 августа Того имел аудиенцию у императора. Того доложил Хирохито сведения об атомной бомбе, переданные противником, и рекомендовал немедленно окончить войну. Император, утомленный бесплодными, неэффективными попытками добиться мира, согласился с мнением Того.

«Поскольку страна не может продолжать борьбу, имея против себя такое оружие, — сказал Хирохито, — Япония не должна упускать благоприятный момент для окончания войны и напрасно выжидать более выгодных условий. Все усилия следует сосредоточить на скорейшем окончании войны. Передайте мои соображения премьер-министру».

Ознакомив Кидо с указанием императора, Того поспешил к премьеру. Судзуки внимательно выслушал Того, потом вызвал секретаря кабинета министров Сакомидзу и попросил его связаться с членами Высшего совета по руководству войной. Сакомидзу быстро выяснил, что «большая шестерка» может собраться не раньше следующего утра. Заседание было назначено на 10.30.

Тем временем в указанный срок посол Сато в Москве получил аудиенцию у Народного комиссара иностранных дел Молотова. Сато полагал, что Советский Союз наконец даст ответ на предложение императора о прибытии миссии Коноэ в Россию. Сато вошел в кабинет Молотова точно в назначенное время. Собрав все свои знания русского языка, японский посол приветствовал Молотова. Тот указал ему на кресло и затем сообщил, что имеет для передачи послу важную правительственную ноту. Молотов зачитал декларацию об объявлении войны Японии.

Посол, сдерживая волнение, спросил, будет ли ему гарантирована возможность в течение последующих шести часов воспользоваться дипломатическими каналами для передачи ноты в Токио. «Конечно, — ответил Молотов, — вам предоставляется полная возможность сделать это».

ГЛАВА 12

«ТИГРЫ» УЗНАЮТ ПРАВДУ

К утру 10 августа профессиональный дипломат Сунити Мацумото, второе лицо в министерстве иностранных дел после Того, уже больше суток не уходил со службы. Он только что проконтролировал отправку сообщений о согласии капитулировать японским посланникам в Швейцарии и Швеции для передачи союзным державам. До того как Того возвратил его в Японию, чтобы сделать своим заместителем, Мацумото был послом Японии в Индокитае. Мацумото был убежден, что военные перспективы Японии совершенно безнадежны, и искренне радовался, что наконец-то будет положен конец гибели людей и разрушениям.

Деятельный и энергичный, он обладал качествами, которые отсутствовали у Того: представительностью, чувством юмора, красноречием, дружелюбием. Однако образ его мыслей полностью соответствовал складу мышления Того — оба понимали необходимость быстрейшей капитуляции. Поэтому телеграмма, которую они только что послали, должна была, как полагал Мацумото, обеспечить скорейшее прекращение войны.

Усталый, он покинул министерство, забрался в лимузин и поехал в свою временную резиденцию на Рейнанзака, что около здания бывшего посольства США.

Когда он приехал домой, им владела только одна мысль: спать. Совершенно обессиленный, он сбросил пиджак и галстук и повалился в постель. Однако не успел заснуть, как в комнату вошла служанка: «Здесь генерал Йосидзуми. Хочет видеть вас».

Заместитель министра сердито подумал: «Зачем этот надоеда пришел сюда?» И, повязав галстук, вышел в гостиную. Там его ждал главный политический заправила

армии. Йосидзуми имел довольно миролюбивый вид, и в частной жизни его знали как любезного и приятного человека. Однако на службе Йосидзуми был для всех начальником управления военных дел — организации, которая обладала неограниченной властью в определении курса внутренней политики армии и расчищала путь для безусловной реализации задач этой политики.

Йосидзуми отбросил обычные любезности: «Отправлено ли наше официальное предложение о переговорах?»

Мацумото ответил утвердительно.

«Я хотел включить еще несколько условий в официальное предложение. Все это довольно двусмысленно. Вы отправили предложение, предварительно не проконсультировавшись с нами».

«Насколько мне известно, — ответил Мацумото, — этот вопрос полностью находился в ведении министра иностранных дел. Кроме того, время не ждет».

Йосидзуми, видя, что опоздал задержать телеграмму о капитуляции, перешел к следующему пункту своей программы: «Ни при каких обстоятельствах нельзя допустить, чтобы эта новость стала достоянием наших войск и населения страны. Войска могут выйти из-под контроля и предпринять действия, которые поставят под угрозу ведение переговоров».

Далее армейский политический стратег заявил, что нельзя допустить, чтобы в передачах по японскому радио на зарубежные страны хотя бы намекалось на возможность капитуляции. Йосидзуми будто не знал, что право решать этот вопрос принадлежит министерству иностранных дел, и сказал буквально следующее: «Не передавайте эту новость на коротких волнах и не позволяйте публиковать эти сведения в японских газетах».

«Все зависит от того, что передаст радио союзных держав, — возразил заместитель Того. — Нельзя допустить, чтобы весь мир знал об этом, а японский народ — нет. Правительство должно принять позитивные шаги и информировать народ по этому важному вопросу».

Однако Йосидзуми не видел в своем требовании ничего парадоксального. Ему было не до шуток.

«Такой подход, — твердо настаивал он, — поставит армию в двусмысленное положение».

Спор зашел в тупик, и Мацумото пришел к выводу, что генерал или не может, или не хочет пересмотреть

своих позиций. Стремясь поскорее отделаться от посетителя, заместитель министра решил уступить: «Ну, хорошо. Мы можем исключить это сообщение из передач на Восточную Азию».

Казалось, это удовлетворило Йосидзуми, и он с достоинством вышел. Мацумото понимал, что военные круги этим ничего не добьются. Прекращение вещания на Восточную Азию не имело серьезного значения — передачи радио в других частях света не станут делать из этого сообщения секрета.

На 10 августа в памятке министра иностранных дел Того значился невыполненным еще один пункт, а для Того исполнение намеченных мероприятий всегда было обязательным. Утром 9 августа советский посол Яков Малик попросил Того принять его. Цель визита посла СССР не составляла секрета: он должен был вручить официальную ноту об объявлении СССР войны Японии.

Того отложил встречу с Маликом 9 августа, сославшись на большую занятость. Он предложил Малику, если цель его визита носит срочный характер, встретиться с заместителем министра, однако советский посол спокойно ответил, что его вполне устраивает встреча на следующий день.

Утром 10 августа министру иностранных дел Того пришлось сыграть роль, подобную роли Кордела Хэлла, когда 7 декабря 1941 года японский посол посетил его после нападения Японии на Пирл-Харбор.

Малик вежливо заявил Того, что от имени своего правительства он прибыл для вручения ноты об официальном объявлении войны. Текст этой ноты был передан по радио предыдущим утром, когда советские войска вступили в Маньчжурию. Из-за нарушения связи между Токио и Москвой Того не мог знать, что посол Японии в СССР уведомлен о начале войны еще вечером 8 августа.

Глядя в упор на советского посла, Того заявил, что Россия начала войну, когда Пакт о нейтралитете между двумя государствами еще действует [1]. Малик невозмутимо ответил, что не видит в действиях Советского правительства ничего неправомерного.

---

[1] В действительности Договор о нейтралитете был денонсирован Советским правительством 5 апреля 1945 года. — *Прим. ред.*

А в это время в Токио все гудело: бомбардировщики В-29 наносили удар за ударом. Это была весьма подходящая обстановка для передачи Малику копии телеграммы, посланной утром в Швецию и Швейцарию. Того просил поставить Советское правительство в известность о том, что Япония принимает условия Потсдамской декларации. Малик принял копию телеграммы и быстро удалился.

В военном министерстве было объявлено, что генерал Анами и генерал-лейтенант Йосидзуми намерены встретиться в 9.15 утра со всеми старшими офицерами министерства. В бомбоубежище начали собираться офицеры в звании от подполковника и выше. Каждый строил догадки и предположения относительно цели встречи. Однако все сходились на том, что Анами сообщит о только что состоявшемся заседании Императорского совета. Некоторые предполагали, что военный министр расскажет о мерах защиты от атомных ударов. Возможно, речь пойдет и о директиве императора относительно командования армией и военно-морским флотом. Кто-то даже заметил, что, может быть, император решил закончить войну.

Генерал Анами появился в сопровождении своего заместителя генерала Вакамацу и генерал-лейтенанта Йосидзуми.

Начальник управления военных дел кратко информировал собравшихся о состоявшемся минувшей ночью заседании Императорского совета. Затем встал военный министр и, окинув взглядом лица подчиненных, спокойно, но явно сдерживая свои чувства, произнес слова, ошеломившие присутствующих: «В соответствии с волей императора решено принять условия Потсдамской декларации...»

Возглас «нет» вырвался из уст собравшихся. Все вскочили. Анами продолжал: «При условии, что национальная форма правления будет сохранена».

Лицо генерала казалось спокойным, но стоявшие ближе к нему могли видеть, что он с трудом сохраняет самообладание.

Анами избегал встречаться взглядами с собравшимися, когда сообщал о принятии Потсдамских условий, и твердо произнес, что необходимость подчиниться решению императора исключает всякую другую возможность.

«Я не могу представить вам какие-либо оправдания, — продолжал Анами, — поскольку император решил принять Потсдамские условия, и здесь ничего не поделаешь. Я сожалею, что не оправдал ваших надежд, хотя и пытался с честью представлять вас. На заседании Императорского совета я твердо стоял за продолжение войны до конца во имя защиты национальной формы правления. Теперь же мы должны исполнить волю императора. Мне хотелось бы только сказать, что сейчас очень важно единство действий всей армии. Не следует отклоняться от определенного курса в такой критический момент. Не следует поддаваться личным настроениям и допускать отрицательную реакцию ваших подчиненных. Если хоть один солдат выступит против установленных норм воинской службы, это может повлечь за собой гибель нации... Решение императора принято с условием, что союзники гарантируют национальную форму правления. До тех пор пока мы не узнаем, что наше условие принято, об окончании войны говорить рано. Поэтому армия должна быть готова и к миру, и к продолжению войны».

Анами помолчал и потом добавил с особым чувством: «Если кто-нибудь из присутствующих вздумает действовать против воли его величества, ему придется сначала перешагнуть через мой труп».

Военный министр тяжело сел и обратил свой взор в пространство. Послышались недовольные возгласы. Постепенно они усиливались. Слово взял генерал Йосидзуми. Он перечислил основные пункты решения совета, подчеркнул доводы, выдвинутые Анами, Умедзу и Тойода за продолжение войны, и коснулся заявления императора.

Однако сообщение Анами настолько ошеломило всех, что «молодые тигры» не сразу пришли в себя. «Новость о решении императора жгла наше сознание», — характеризовал впоследствии свое состояние Такесита.

Всех охватило страстное желание немедленно что-то предпринять.

На флоте в этот день также было неспокойно.

Когда руководители военно-морского министерства и морского генерального штаба получили сведения об общей обстановке, это вызвало, как рассказывал адмирал Тойода, «быстро возраставшее состояние напряженности».

По старинному зданию военно-морского министерства поползли многочисленные слухи. Опасаясь отрицательно-

го воздействия будоражащих сообщений на личный состав военно-морского флота, Тойода и военно-морской министр разработали инструкцию для всех офицеров флота.

Высшие должностные лица военно-морского флота напоминали военным морякам о долге перед императором и сообщали, что 10 августа правительство начало дипломатические переговоры об окончании войны, выдвинув одно условие — обязательное сохранение национальной формы правления. Тойода и Ионаи призывали не поддаваться провокациям и поддерживать строжайшую дисциплину и организованность.

Более того, адмирал Тойода узнал о заговоре с целью убийства адмирала Ионаи. Военно-морской министр был хорошо известен своей оппозицией по отношению к армии, к союзу держав оси и вопросу о продолжении войны. Экстремисты легко могли допустить, что Ионаи сыграл решающую роль в подготовке мирных переговоров. Потому его так ненавидели те, кто намеревался сражаться до конца.

Адмирал Тойода знал, что ультра № 1 среди флотских руководителей являлся заместитель начальника морского генерального штаба Токадзиро Ониси. Он был сторонником решительного сражения, ратовал за ведение партизанских боевых действий, настаивал на использовании всех средств для ведения войны. Этот человек отправил свыше 2000 японских морских офицеров на явную гибель. Ониси был центральной фигурой среди флотских фанатиков.

Начальник штаба прошел в соседнюю комнату и переговорил со своим заместителем. Тойода предупредил Ониси, чтобы тот не предпринимал никаких неблагоразумных действий, а также поставил его в известность, что, как начальник морского генерального штаба, сделает все необходимое для защиты нации и достоинства военно-морского флота.

Эти же слова Тойода повторил и другим подчиненным. Они в свою очередь заверили начальника генштаба в своей готовности следовать его примеру. Однако, как вскоре стало известно, в учебном центре подготовки смертников — камикадзе, на авиабазе Ацуги, расположенной недалеко от Токио, возникли волнения, которые пришлось ликвидировать силой.

День Кидо начался с необычно продолжительной аудиенции у Хирохито, длившейся с 9.30 до 11.10 утра. В ходе аудиенции обсуждался широкий круг вопросов, включая итоги заседания Императорского совета и планы на ближайшее будущее.

В оставшуюся часть дня состоялись встречи с двумя адмиралами, бывшим лордом — хранителем печати и семью высшими государственными деятелями — Советом старейшин. Авторитетом этих людей было полезно воспользоваться для поддержки и обеспечения мероприятий, связанных с капитуляцией.

Перед неофициальной встречей с императором высшие государственные деятели встретились в 14.30 с министром иностранных дел Того в резиденции премьера.

Генерал Куниаки Койсо задал вопрос, какое влияние окажет Потсдамская декларация на вооруженные силы Японии. Того ответил, что, безусловно, следует ожидать серьезных ограничений, хотя разоружения, очевидно, не предполагается. Декларация предусматривала «уничтожение милитаризма во всем мире» и пресечение «перевооружения для новой войны». Койсо, который в неофициальной обстановке любил называть себя «самой лысой головой Японии», усомнился в возможности добиться этого. «Волею бога с древнейших времен предопределено, — заявил он, — чтобы японцы носили оружие. Без этого нельзя обеспечить существование национального государственного строя».

Генерал Хидеки Тодзио согласился с Койсо и подчеркнул, что принятие Потсдамских условий явится для Японии самоубийством. Он горячо возражал заверениям Того, что капитуляция при условии сохранения национальной формы правления спасет нацию от гибели.

Остальные представители Совета старейшин — Окада, Хиранума, Абе, Вакацуки и Коноэ высказались за решение о капитуляции. Затем члены совета направились во дворец, где из уст самого императора услышали о его намерении окончить войну. Каждый из семи членов высказался по этому поводу, и аудиенция закончилась. Вся процедура заняла всего 55 минут.

Над Токио кружили В-29, когда министр информации Кайнан Симомура ознакомил военного и военно-морского

министров, а также министра иностранных дел с проектом заявления, которое предполагалось передать по радио в Японии.

Любому здравомыслящему человеку было ясно, что союзники не преминут распространить по всему свету сообщение о решении Японии капитулировать. Личный состав японских войск на заморских территориях, имея возможность слушать иностранные передачи, также мог быстро узнать о планируемой в ближайшее время капитуляции.

Однако кабинет министров никак не решался сказать правду во всеуслышание, видимо опасаясь взрыва народного возмущения и даже, возможно, попытки государственного переворота.

Кабинет предложил пойти на компромисс и вынес решение: во-первых, не спешить с сообщением о воле императора; во-вторых, если союзные державы согласятся на сохранение императорской формы правления, то официальный рескрипт обнародовать за подписью императора; в-третьих, уполномочить Симомура выработать приемлемый текст заявления, который мог бы постепенно подготовить население к изменившимся оценкам обстановки и новой позиции правительства.

Симомура считал, что первое сообщение не должно слишком резко отличаться от победного тона недавней информации, поэтому в подготовленном им проекте содержался только намек на приближающийся конец войны.

Анами, Ионаи, Того и Симомура долго обсуждали проект, взвешивая каждое слово. Все четверо понимали, что рано или поздно народ должен быть информирован об обстановке. Ионаи стоял за немедленную и полную информацию. Анами был сторонником более осторожного подхода. Симомура выступал в роли арбитра, пытавшегося, как он сам формулировал свою задачу, перестроить настроение народа с лозунга «война до победного конца» на лозунг «покончить с войной».

Работу по редактированию текста сообщения возглавил военный министр.

Наконец текст сообщения был полностью согласован. Во вводной части заявления указывалось, что противник повсеместно разбит благодаря несгибаемому боевому духу японских вооруженных сил. Далее противник подвергался

осуждению за «дьявольскую» жестокость, выразившуюся в применении бомбы нового типа. Население Японии предупреждалось, что противник готовится к вторжению на территорию метрополии. В связи с этим говорилось: «Мы не можем не признать, что наше положение тяжелое. Сейчас, когда правительство напрягает все свои силы, чтобы защитить страну, отстоять национальную форму правления и сохранить честь нации, должен подняться и весь народ».

Министр информации возвратился в свое министерство только к пяти часам. Там назревал серьезный кризис.

Сотрудники министерства информации сбились с ног, отвечая на телефонные звонки из редакций газет. Редакторы получили воинственное заявление за подписью военного министра и теперь добивались разъяснений. В этом не было ничего удивительного, потому что в послании военного министра, называвшемся «Директива войскам», содержался решительный отказ от капитуляции и провозглашался лозунг «вести войну до конца».

Цель армейской публикации была ясна даже глупцу. Она самым непосредственным образом противоречила тщательно разработанному информационному сообщению, которое с одобрения Анами и Ионаи всего за несколько минут до этого Симомура отправил органам печати и радио.

Редакторы газет, естественно, не могли совместить сообщение Симомура с кровожадным воззванием Анами. Значит, руководители армии хотят сражаться и дальше, несмотря на намерение правительства покончить с войной? Получил ли Анами санкцию министерства информации на публикацию этого заявления? Редакторы хотели получить ответ на все вопросы.

Симомура позвонил Анами, чтобы установить истину. Ответы Анами относительно «Директивы войскам» были неопределенны и сдержанны. Анами делал вид, будто не понимает, о чем идет речь. Симомура предположил, что кто-то мешает Анами говорить откровенно. И он оказался прав, потому что через некоторое время военный министр, как бы собравшись с мыслями, произнес: «Да, да! Вы имеете в виду ЭТО? Хорошо, теперь я понял. Дайте согласие и обеспечьте публикацию».

Симомура медленно положил трубку. Он понимал, что Анами, обязанный руководствоваться официальной по-

зицией правительства, находится под давлением своих решительно настроенных младших офицеров. Симомура подумал, что Анами может подвергнуться и опасности физического уничтожения, если его поступки не будут соответствовать настроениям подчиненных. Симомура решил, что энергичное давление на военного министра сыграет на руку ультра и уничтожит какой бы то ни было эффективный контроль над экстремистами. Поэтому он отдал распоряжение опубликовать и директиву Анами, и заявление, подготовленное министерством информации. Этот инцидент явился классическим примером политического давления молодых офицеров.

Подполковник Инаба покинул утреннее совещание у Анами, обуреваемый одной навязчивой идеей. Он полагал, что решение императора станет немедленно известно всей нации (ни Анами, ни Йосидзуми не отрицали такой возможности). Однако, раз война еще продолжалась и окончательное решение о капитуляции пока не принято, войскам, по мнению Инаба, следовало впрыснуть дозу вдохновения.

Предприимчивый офицер явился к своему начальнику полковнику Арао и высказал некоторые соображения. Арао разрешил Инаба доложить свои предложения военному министру. Выслушав подполковника, Анами без колебаний дал распоряжение подготовить и немедленно разослать войскам директиву для поддержания твердости духа и непреклонной решимости.

Инаба немедленно приступил к подготовке нужной директивы и к двум часам составил документ. Военный министр в это время отправился на совещание кабинета в резиденцию премьер-министра. Инаба показал свой проект полковнику Арао. Тот, прочитав, отметил, что текст излишне растянут, однако в общем одобрил его. Инаба лично отдал проект директивы генерал-лейтенанту Йосидзуми, который внес небольшие поправки и скрепил его своей печатью. Затем Инаба поспешил к заместителю военного министра генералу Вакамацу, который также внес некоторые поправки и затем скрепил проект своей печатью.

Оставалось только получить одобрение Анами, однако он все еще находился у премьера. Полковник Арао должен был встретиться с Анами в его резиденции тем же

вечером, и поэтому Инаба передал проект полковнику для подписи военного министра.

В три часа дня подполковник Оядомари из бюро военной информации прибыл в отдел по делам армии военного министерства. Подполковник Такесита и майор Хатанака находились на дежурстве.

Оядомари напомнил Такесита, что передача сообщения по радио планируется на 16.00. Он предложил передать «Директиву войскам», составленную подполковником Инаба, в программе последних новостей. Хатанака с энтузиазмом поддержал идею.

Оядомари и Такесита отправились в кабинет Инаба. Они узнали, что директива составлена и готова к передаче. Более того, ее уже утвердили все, кроме военного министра. Приближался срок радиопередачи. Такесита попробовал связаться со своими непосредственными начальниками, но не нашел их. И тогда он решил передать заявление под свою ответственность.

Оставалось еще одно небольшое препятствие. Полковника Арао нигде не удавалось найти, а окончательный вариант проекта — единственный экземпляр со всеми поправками — находился у него. Инаба лихорадочно искал выход из положения. Он и его друзья перетрясли все корзины для ненужных бумаг. И наконец обнаружили первый вариант. Инаба быстро пробежал текст и изменил его по памяти так, чтобы он соответствовал проекту, находившемуся у Арао.

Таким образом, при помощи Инаба Такесита, Оядомари и Хатанака составили свой вариант «Директивы войскам».

Директива была передана в эфир в 16.00 и вызвала немедленную реакцию.

Вернувшись в канцелярию, Сакомидзу встретил своего друга журналиста. Он увидел также лист с записями о непрерывных телефонных звонках от газетчиков, которые требовали разъяснений. Журналист вручил Сакомидзу копию «Директивы войскам», подписанную генералом Анами, и спросил, было ли получено разрешение кабинета на ее опубликование.

Сакомидзу пробежал текст и, потрясенный, немедленно позвонил генерал-лейтенанту Йосидзуми относительно того, кто давал разрешение на публикацию директивы. Начальник управления военных дел только что прибыл к

себе и ничего не знал о случившемся. Когда Сакомидзу прочитал ему текст, Йосидзуми сказал, что автором так называемой директивы мог быть один из молодых офицеров — майор Кендзи Хатанака.

Генерал вызвал Хатанака и допросил его относительно автора текста, переданного в эфир. Так Хатанака стал козлом отпущения. Генерал приказал ему исправить ошибку: «Поезжайте в редакции газет и заберите текст директивы. Можете воспользоваться моей машиной». При наличии телефона это выглядело нарочитой нелепостью. Хатанака поступил в соответствии с полученным приказом: он отправился в редакции газет в служебной автомашине.

Зал Хибия был и остается одним из крупнейших театральных зданий Японии. Здесь располагалось Домей — официальное японское агентство печати.

Редактор по отделу иностранной информации Саидзи Хасегава оказался тем, на ком судьба остановила свой выбор. В его обязанности входило координировать японские передачи за границу. Накануне друзья из министерства иностранных дел сообщили ему, что ожидается заседание Императорского совета. Предполагая, что после заседания он получит важные новости, Хасегава проспал последнюю ночь за столом в редакции.

Когда император принял свое решение, корреспондент Домей около 6.30 утра доставил Хасегава сообщение, что его величество потребовал заключить мир и кабинет последовал этому совету. Хасегава немедленно передал по телефону сообщение президенту агентства и стал готовить материал для иностранного вещания. Сама мысль о намерении капитулировать привела его в крайнее возбуждение.

Около 16.00 позвонили из министерства информации и предупредили об отправке специального сообщения.

Когда сообщение наконец поступило, Хасегава с нетерпением бросился читать его, однако по мере чтения возникло раздражение. «Смысл настолько расплывчат, — подумал Хасегава, — что невозможно ничего понять. Такое сообщение только введет в заблуждение как народ Японии, так и весь мир».

Хасегава поступил так, как редко поступают журналисты и чиновники. Как государственный служащий, он обязан был передать по радио официальное заявление

руководителей страны. Если бы Хасегава не знал о решении императора, он сразу бы направил текст переводчикам для подготовки к передаче на английском языке. Сейчас Хасегава решил поступить иначе: он задержал исполнение документа.

Пока Хасегава изучал заявление Симомура, поступило информационное сообщение от армии. Это была директива Анами. Прочитав ее, Хасегава возмутился. «Это нельзя передавать на английском языке! — подумал он. — Такой текст может помешать переговорам».

Однако, если сообщение министерства информации удалось бы изъять из публикации без особых последствий, с заявлением военного министра так поступить было нельзя. Но Хасегава решил все-таки не давать хода ни тому, ни другому сообщению, и у него хватило здравого смысла заручиться авторитетной поддержкой.

Хасегава позвонил заместителю министра иностранных дел Мацумото: «Имеются два важных сообщения. Они только что поступили из министерства информации и от армии. Вам что-нибудь известно о них?»

Мацумото не был информирован, и Хасегава зачитал ему тексты двух сообщений.

«Я еще не направил их для передачи на зарубежное вещание, — медленно произнес он. — Хотелось бы получить ваше согласие на задержку».

Мацумото медлил с ответом. Наконец дипломат согласился: «Хорошо, держите их у себя до моего указания».

Заместитель министра сразу позвонил Того, но его не оказалось на месте. Тогда Мацумото собрал у себя руководителей отделов для обсуждения дальнейших действий в связи с заявлением военного министра.

Наконец разыскали Того и сообщили ему о директиве Анами. Взвесив все «за» и «против», министр иностранных дел решил, что внутренняя обстановка слишком неустойчива и потому самовольное решение об изъятии этого заявления может вызвать кровавые столкновения. И Того отклонил предложение своих помощников о конфискации газет, в которых уже печаталась директива.

Таким образом, 11 августа японские газеты опубликовали два диаметрально противоположных по содержанию заявления.

Чувство нависшей опасности вновь охватило тех, кто выступал за мирные переговоры. Опубликованные одно-

временно правительственное заявление и призыв Анами к оружию как нельзя лучше убеждали в том, что наступают худшие времена и что самоубийственное оборонительное сражение на своей территории неминуемо.

Заявление, составленное при участии Симомура, Того, Анами и Ионаи, которое выдавалось за документ, обеспечивающий подготовку к капитуляции, превратилось в свою противоположность. Одна из газет даже опубликовала его под заголовком «От японской нации требуется всеобщая консолидация военных усилий».

Большинство японцев восприняли официальное заявление как новый пропагандистский призыв к наращиванию военных усилий. Тонкие намеки Симомура на возможное окончание войны, если будет сохранена существующая форма правления, потеряли свое значение на фоне сумбурной напыщенности.

В канцеляриях министерства иностранных дел помощники Того были обеспокоены нарастанием напряженности. Япония направила через Швейцарию и Швецию официальную ноту союзным державам, выражая готовность капитулировать, если императорская форма правления будет сохранена. Однако война все еще продолжалась, и вооруженные силы легко могли расстроить все планы каким-нибудь военным выступлением. Союзники никак не подтвердили официально получение японской ноты. А в самой Японии население продолжало считать, что страна выигрывает войну. Так же думали и японские солдаты на заморских территориях.

Если б можно было подать какой-нибудь знак союзникам, что Япония согласна капитулировать! Передача по радио, конечно, самый быстрый способ, однако военные не позволили бы сделать этого, поскольку они контролировали работу радиостанций.

История не сохранила имени того, кто нашел выход из столь опасного положения. Но эта счастливая мысль возникла у кого-то из окружения Того и Мацумото. Почему бы агентству Домей не передать текст телеграммы на английском языке, использовав азбуку Морзе? Вполне возможно, что, пока военные контрольные станции раскодируют и переведут это сообщение, передачу успеют закончить. Мацумото одобрил план и немедленно позвонил

Хасегава в Домей: «Я посылаю вам один материал с нарочным. Дождитесь его и исполните то, что вам передаст курьер».

Через десять минут начальник отдела информации министерства иностранных дел Сабуро Ота появился у Хасегава. Ота вынул из сумки пакет и передал его редактору. Руки Хасегава дрожали, когда он разворачивал послание с текстом ноты союзным державам, направленной этим утром через Швейцарию и Швецию.

Хасегава вызвал к себе эксперта по английскому языку Ясо и, наглухо закрыв двери кабинета, приказал перевести телеграмму на английский язык и закодировать азбукой Морзе.

К 20.00 текст был полностью подготовлен, и Хасегава подал его на передатчик для вещания на Америку, а затем — на Европу. Основная забота министерства иностранных дел состояла в том, чтобы известить внешний мир о готовности Японии принять Потсдамские условия. Того и Мацумото стремились перехитрить командование армии в этом вопросе и предупредить новые атомные удары. Кроме того, они проницательно рассчитали, что всенародное ликование по поводу победы над Германией может побудить союзные правительства принять без промедления единственное условие, поставленное Японией.

Через пятнадцать минут Хасегава получил телефонное подтверждение о передаче телеграммы с контрольной станции Домей. Вскоре станция перехвата передач на английском языке информировала о сообщении Ассошиэйтед Пресс из Сан-Франциско. Президент Трумен только что закончил завтрак, когда ему была передана телеграмма агентства Домей. Трумен, как сообщило агентство Ассошиэйтед Пресс, вызвал адмирала Леги, генерала Маршалла, министров Стимсона, Форрестола и Бирнса для обсуждения предложения Японии о капитуляции.

Вскоре после этого была принята передача агентства Рейтер из Лондона. В этом сообщении впервые прозвучали слова «война окончена». Обычно уравновешенные англичане пустились танцевать на площади Пикадилли, празднуя наступление мира.

Хасегава был удовлетворен. Передача достигла цели. Война, безусловно, закончилась. Однако в пять часов утра ему стало известно, что командование вооруженных сил придерживается других взглядов.

Тем временем лорда — хранителя печати Коити Кидо вызвали к брату императора принцу Микаса. Кидо подробно доложил принцу о развитии событий. Принц был армейским офицером, и вполне вероятно, что командование армии могло бы потребовать низложения Хирохито и замены его Микаса, если бы принц согласился сотрудничать. Кидо, однако, рассчитывал на лояльность Микаса к своему брату и на то, что создавшееся положение удержит принца от подобных действий.

В ночь на 11 августа правительство получило первые научные выводы о характере бомбы, сброшенной на Хиросиму. Профессор Асада возвратился со своей группой на военно-морскую базу в Курэ. Проанализировав результаты наблюдений в Хиросиме, группа установила, что в городе отмечается высокая радиоактивность. Фотографические пластинки, специально подготовленные для определения радиоактивности, оказались засвеченными, а это значило, что излучение все еще продолжается. На основе этих показаний профессор Асада сделал вывод, что бомба, несомненно, была атомной.

Профессору не терпелось отправить информацию в Осака, однако наземные линии связи, уничтоженные атомным взрывом, еще не были восстановлены. К счастью, в порту Куре на якоре стоял эсминец, и Асада решил воспользоваться его средствами связи. Профессор составил телеграмму и попросил командира передать ее по радио. Позже Асада узнал, что его телеграмма явилась первым сообщением о характере бомбы, сброшенной на Хиросиму, которое правительство получило непосредственно из района взрыва.

Телеграмма Асада, прибывшая вечером 10 августа, гласила: «Бомба, сброшенная на Хиросиму, без сомнения, является атомной. Нами это установлено на основе научных исследований. Разрушения огромные. Средств защиты против этого оружия не существует. Япония находится на пороге глубокого кризиса. Нужно быть готовыми к худшему!»

По слухам, Токио был следующей целью ядерного удара. Асада считал, что США располагали пятью или шестью атомными бомбами и вполне могли осуществить эту угрозу. Составляя телеграмму, Асада недвусмысленно давал понять — прекращайте войну немедленно!

Телеграмму прочитали, однако никто не потрудился вникнуть в смысл этих слов.

ГЛАВА 13

БАНЗАЙ! И ПУСТЬ ПОГИБНЕТ ИМПЕРИЯ!

В мрачном помещении одной из редакций агентства Домей спал, сидя за столом, редактор отдела иностранной информации Хасегава. Наступила суббота 11 августа, было около пяти часов утра. Сквозь сон Хасегава услышал, что его зовут. На плечо легла чья-то рука. «Хасегава!» — голос, привыкший командовать. Редактор открыл глаза и увидел офицера в морской форме.

Это был капитан 2 ранга Арима из оперативного отдела морского генерального штаба. Хасегава охватило мрачное предчувствие. Он знал, что этот офицер принадлежит к числу сторонников мира, однако в то же время Арима занимал важный пост в генштабе и поэтому не мог открыто говорить о своих истинных стремлениях. Арима уселся и медленно произнес: «Наши контрольные радиостанции зафиксировали этим утром пропагандистскую передачу. В ней сообщается, что Япония приняла Потсдамские условия».

Арима рассеянно оглядывал невзрачное помещение, а затем посмотрел прямо в глаза Хасегава: «В передаче сообщалось, что источником этой информации является Домей».

Хасегава замер.

«Конечно, — улыбнулся Арима, — лично я не верю этой пропаганде, однако решил все же спросить, не передавало ли Домей такую информацию?»

Если бы Хасегава был смелее, он признался бы, что отправил это информационное сообщение. Но он не был смел до такой степени, и осторожность подсказала ему другой ответ.

«Пожалуйста, спросите об этом Сакомидзу и Мацумото. Я ничего не могу сказать».

«Понятно, — проговорил Арима. — Следовательно, нам придется иметь дело с ними».

Арима надел фуражку и быстро вышел из редакции.

Полный мрачных предчувствий, редактор решил, что в военно-морских кругах, видимо, долго обсуждали этот вопрос, прежде чем послать к нему для разговора такую заметную личность, как Арима. Обычно вопросы справочного характера разрешались по телефону через одного из начальников отделений отдела военной информации морского генштаба. Хасегава же удостоился личного визита представителя военно-морских кругов. После ухода Арима Хасегава попытался предугадать, какие действия предпримут военные, если секретарь кабинета или заместитель министра иностранных дел подтвердят, что телеграмма была отправлена радиостанцией агентства Домей.

Генерал Йосидзуми, ведущая фигура в политических сферах армии, не собирался утруждать себя телефонным звонком к Хасегава. Генерал получил такое же сообщение, принятое контрольной станцией по перехвату английского, индийского и американского радио, и знал, кому нужно предъявлять претензии. Йосидзуми направился прямо к Сакомидзу и Мацумото и свое возмущение сформулировал в следующих выражениях: «Почему вы разрешили передать подобное сообщение? Миллионы японских солдат еще находятся на фронте. Эта передача Домей обескуражит их и сделает положение более опасным. Опубликовать информацию можно было только после прекращения огня. Как вы могли допустить такую безответственность?»

Ответ Мацумото отражал его непреклонную позицию: «Почему вы возражаете против публикации информации, получившей одобрение его величества? Вы что, не согласны с решением императора прекратить войну? Война окончится тем скорее, чем быстрее решение императора станет известно союзным державам. Мы передали только то, что уже одобрил кабинет министров и что послано союзникам через нейтральные страны».

Получив отпор от представителя министерства иностранных дел, Йосидзуми излил свой гнев на Сакомидзу. Однако секретарь кабинета был наготове: «Если у вас имеются возражения против наших действий, пожалуйста, попросите вашего начальника, военного министра, поставить вопрос на заседании кабинета».

Ничего не добившись, Йосидзуми направился в генштаб.

Хасегава, узнав о результатах встреч Йосидзуми с Мацумото и Сакомидзу, немного успокоился, но... ненадолго.

В это ясное летнее утро генерал Анами вышел в сад своей официальной резиденции с самурайским луком в руках. Великолепный двухметровый японский лук требовал не только силы, но и крепких нервов. Анами обладал и тем, и другим.

Военная организация, которую возглавлял генерал, оказалась неспособной выполнить свои функции и теперь раздиралась внутренними противоречиями. Японских солдат, как кроликов, гоняли по маньчжурским равнинам советские танки и самолеты. Японские воздушные силы беспомощно наблюдали, как самолеты В-29 покрывали землю огнем пожаров. Японских солдат отбрасывали назад на фронтах Бирмы и Китая, а в самой Японии войска с покорностью обреченных закапывались в землю на последних рубежах для самоубийственного последнего сражения. На этом настаивали фанатично настроенные «молодые тигры», окружавшие Анами. Они требовали, чтобы он возглавил нацию и повел ее на смертный бой. И это в то время, когда император и правительство согласились на капитуляцию!

Анами выпускал в мишень стрелу за стрелой. В это утро он сумел поразить центр мишени пятью стрелами. Довольный, Анами осторожно вложил стрелы в колчан и, надев форму, выехал вместе с полковником Хаяси в военное министерство.

«Меня сейчас беспокоит премьер-министр. Поведение адмирала Судзуки с 9 августа вызывает подозрение», — сказал Анами своему секретарю.

В министерстве он подробно изложил свои подозрения молодым офицерам, включая Такесита и Инаба. Поля «Директивы войскам» были усеяны заметками. Генерал Йосидзуми сурово отчитал Такесита за публикацию текста заявления, однако военный министр не придал этому значения, лишний раз доказывая, что он верит в «молодых тигров» (и потому извиняет крайности их поведения) и явно настроен против Потсдамских условий.

Обращаясь к молодым офицерам своего ведомства, Анами сказал следующее: «У меня такое чувство, будто я был обманут на Императорском совете. Я искренне верил, что будут представлены оба плана — Того и наш, содержащий три дополнительных условия. Однако рассмотрели только один — план Того. По-видимому, наш план исключили умышленно, и внимание присутствующих было сосредоточено на вопросе — принимать или не принимать Потсдамскую декларацию, т. е. продолжать войну или заключить мир».

Генерал сообщил своим подопечным, что приглашение барона Хиранума на заседание Императорского совета — тоже довольно подозрительный акт. Военных не информировали, что президент Тайного совета будет присутствовать, и вообще приглашение его незаконно. «Очевидно, — намекнул Анами, — это была часть задуманного плана: включение Хиранума обрекло военных на меньшинство в совете». (В действительности, военные сначала приветствовали присутствие Хиранума, но только до тех пор, пока он не выступил на заседании. Этот ветеран на протяжении 40 лет возглавлял правое крыло и был известен как поборник национального государственного строя. Военные руководители предполагали, что на него можно рассчитывать в защите лозунга «война до конца».)

Что касается законности присутствия Хиранума, Сакомидзу проверил это обстоятельство самым тщательным образом и нашел в истории многочисленные случаи присутствия президента Тайного совета на подобных совещаниях.

Тем не менее Анами продолжал распространять в среде младших офицеров опасные взгляды. Несколько раз он делился своими подозрениями с Такесита и Инаба. «Мы попались в ловушку заговорщиков, которые предают страну. Они поддерживают контакт с противником через какие-то тайные каналы», — говорил Анами.

Подозрительность Анами оказала значительное влияние на «молодых тигров», окружавших военного министра, и дала им повод перейти от слов к делу. Они собрались в бомбоубежище военного министерства, чтобы определить «способы выхода из создавшегося положения». Темпераментный Такесита оказался среди присутствующих старшим по службе и потому возглавил заговорщиков. Вокруг стола собрались подполковники Инаба, Кий-

оси Минами, друзья Такесита по военному училищу, подполковник Сиидзуки и майор Хатанака.

«Мы решили, — рассказывал позже Такесита, — устранить сторонников заключения мира и осуществить переворот, чтобы повлиять на императора и заставить его изменить свое решение о капитуляции. Цель заговора? Изолировать императора от его советников, стремящихся к миру, убедить Хирохито изменить свое решение и продолжать войну. Мы не собирались физически уничтожать сторонников мира. Все, что нам было необходимо, — это военное правительство и политическая власть, сосредоточенная в руках военного министра».

«Молодые тигры» хотели повернуть историю вспять, чтобы возвратиться к обстановке, предшествовавшей 1867 году, когда страной руководил военный правитель сегун, а императора содержали в качестве хотя и неудобной, но необходимой государственной принадлежности, изолированной в древнем Киото вместе со своим бездеятельным двором. Новым сегуном должен был, конечно, стать Анами, а «молодые тигры» — его ближайшими соратниками, которые поведут нацию в последнюю битву.

«Мы не верили, — говорил Такесита, — что японский народ будет уничтожен в результате последнего сражения. Даже если бы жестокая битва произошла на территории метрополии и императорской армии пришлось отойти в горы, количество японцев, убитых противником, было бы невелико. В ходе китайского инцидента японские войска постоянно одерживали победы, однако китайцев погибло относительно немного. Почти все стратегические пункты Китая были захвачены, но китайское правительство в Сычуане захватить не удалось. Даже если бы почти вся японская нация была уничтожена, ее решимость отстоять свой национальный государственный строй навсегда вошла бы в историю. Народ, который пожертвовал бы своей гордостью во имя сохранения своего существования, никогда бы не смог возродиться как нация».

Больше всего заговорщики были озабочены тем, чтобы переворот не остался просто акцией местного масштаба. Они стремились добиться поддержки армейских частей, расположенных даже в отдаленных районах страны. Заговорщики намеревались избежать такого положения, когда отдельные подразделения могли бы быть использо-

ваны против них. Во-первых, необходимо было получить одобрение военного министра и начальника генштаба. Затем, прежде чем начать действовать, заговорщики старались заручиться поддержкой командующего 12-й территориальной армией (более известной как войска Восточного военного округа, обеспечивающие оборону Токио) и командира 1-й гвардейской дивизии (2-я гвардейская дивизия дислоцировалась на заморской территории, а 3-я была придана 12-й армии).

Как это осуществить? Такесита и его друзья нашли простой выход. Они решили воспользоваться правом военного министра распоряжаться войсками по своему усмотрению для обеспечения порядка и безопасности в чрезвычайной обстановке. Основная ставка делалась на 12-ю армию и гвардейскую дивизию, поскольку план предусматривал захват императорского дворца.

Такесита и его коллеги с энтузиазмом принялись разрабатывать этот план. Участие в заговоре Такесита — шурина Анами — давало заговорщикам уверенность в том, что все делается с ведома военного министра.

В то время когда Такесита планировал многообещающую интригу, чтобы изменить решение императора о капитуляции, Анами находился в кабинете Хирохито с очередным докладом о военной обстановке. Его величество этим утром читал «Директиву войскам», и на него произвели впечатление непреклонный тон и скрытый смысл воззвания. Конечно, оно было диаметрально противоположно его решению заключить мир. Император вызвал своего старшего адъютанта и приказал ему выяснить обстоятельства опубликования такого заявления.

Трудно сказать, что говорил императору во время своего визита его бывший адъютант, а теперь военный министр генерал Корэтика Анами. Его не удовлетворяло решение Императорского совета о принятии условий Потсдамской декларации, но Анами не мог говорить об этом. Нет уверенности и в том, что генерал просил императора изменить его решение, как бы сильно он этого ни желал. Известно лишь, что Анами докладывал его величеству сведения, в какой-то мере приукрашенные официальными сообщениями о преданности служебному долгу личного состава японских войск, осажденных в Маньчжурии, Ки-

тае и районах южных морей. Но соответствовало ли все это действительности?

Полюбовавшись солнечным утром из окна своего дома, расположенного на склоне холма Акасака, маркиз Кидо — перипатетик Пу-Ба[1] императора Сёва, записал в дневнике: «Суббота, погода ясная». Несомненно, это была суббота, и солнце действительно светило ярко. Было уже около 27° жары, а температура все поднималась.

Кидо чувствовал себя прекрасно. Добившись победы на недавнем заседании Императорского совета, он верил, что мир уже не за горами. И сегодня, как вчера, он по-прежнему будет принимать все меры для консолидации сил, поддерживающих решение императора.

Кидо поспешил во дворец. В разговоре с лидерами фракций и видными деятелями он как бы между прочим старался внушить мысль, что решение о капитуляции принято императором самостоятельно.

После короткой аудиенции у Хирохито в 9.55 утра маркиз начал телефонные переговоры о подготовке необходимых мероприятий. Министр иностранных дел Того зашел к Кидо и рассказал, как реагируют за рубежом на сообщение о мирных намерениях Японии. На фоне всеобщего ликования по поводу разгрома фашистской Германии Япония оставалась единственным темным пятном, а директива Анами явилась как бы кличем к возврату в каменный век.

Того сообщил, что официального ответа от союзных держав еще не поступало. Кидо информировал министра об усилиях по консолидации влиятельных лиц в поддержку решения о мире и попросил его сегодня же поговорить с принцами крови.

В полдень к Кидо прибыл премьер Судзуки, а затем министр информации Симомура, который пустился в пространные объяснения обстоятельств публикации заявления министерства информации и директивы Анами в утренних газетах. Все это еще раз убедило Кидо, что необходимы решительные действия для пресечения активности группировок, выступающих против заключения мира.

Симомура и Кидо обсуждали возможность использовать радио для передачи сообщения о мире лично импе-

[1] Персонаж из комической оперы «Микадо». — *Прим. ред.*

ратором и пришли к выводу, что это был бы самый эффективный способ сломить сопротивление непокорных.

Симомура, как министр информации, имел в своем ведении японскую компанию радиовещания, газеты и другие периодические издания. Он мог бы назначить особую группу для подготовки и обеспечения такой радиопередачи. Симомура и Кидо полагали целесообразным записать текст сообщения на пленку. Организовать это должен был Кидо.

Лорду — хранителю печати предстояло переговорить по этому поводу с императором и обсудить содержание передачи с соответствующими лицами.

Император согласился с предложением Кидо. Затем они вдвоем обсудили текст сообщения. Кидо порекомендовал подчеркнуть, что при заключении мира национальный государственный строй Японии (императорская форма правления) будет сохранен. Это вселило бы уверенность в сомневающихся и обуздало экстремистов.

Заявление о решении окончить войну, сделанное самим императором, было бы, по мнению Кидо, лучшим средством успокоения народа. Командование не смогло бы тогда утверждать, что воля императора извращена «лживыми советниками» или теми, кто узурпировал власть в правительстве. Миллионы подданных услышали бы «голос Священного журавля». В японской истории на протяжении столетий император считался постоянным, незримо присутствующим собеседником, а его слова уподоблялись зову летящей в вышине, но скрытой облаками священной птицы — голосу Священного журавля. Кидо решил использовать этот миф в сложившейся обстановке.

В особняке принца Такамацу, второго брата Хирохито, в час дня собрались все принцы крови. Министр иностранных дел Того охарактеризовал обстановку и ответил на вопросы.

После двухчасового заседания Того отметил, что «принцы имеют правильное представление об обстановке».

В этот день Кидо поспевал всюду. Он старался предусмотреть все стороны организации радиопередачи, советовался с министром двора Исивата, посетил генерала

Хасинума и изложил ему план предстоящих действий. Кидо встретился с начальником полиции Токио Матимура, и тот познакомил его с обстановкой в столице. Матимура изъявил готовность обеспечить порядок в Токио.

Возвратившись в агентство Домей около четырех часов, Хасегава получил телеграмму от представителя редакции в Нанкине, которого вызывали в штаб военной жандармерии и с пристрастием допрашивали. Жандармерия интересовалась, передавали ли из редакции агентства Домей сообщение по радио относительно принятия Потсдамских условий. Представитель редакции в Нанкине телеграфировал Хасегава, спрашивая его о достоверности этого сообщения.

Редактор иностранной информации внимательно прочитал телеграмму, а затем смял ее и бросил в корзину для ненужных бумаг. Так же он поступил и с последующими телеграммами.

В шесть часов премьер Судзуки вновь прибыл к Кидо. Он сообщил, что от союзников все еще нет ответа и что слухи о волнениях в армейских частях преувеличены.

К 20.00 неповоротливая бюрократическая машина приступила к рассмотрению утренних действий Хасегава. Ему позвонили по телефону из министерства информации и потребовали немедленного объяснения.

Уверенный, что карьера редактора иностранной информации закончилась и что он даже может быть арестован за задержку директивы Анами или сообщения министерства информации, Хасегава медленно открыл дверь кабинета вызвавшего его чиновника. Быстрый взгляд, и редактор вздохнул с облегчением. Сидевший за столом был его младшим коллегой по колледжу, а в Японии школьные связи сохраняются годами и играют весьма важную роль.

Его школьный товарищ был очень любезен. Он объяснил, что в глубине души согласен с действиями Хасегава, однако командование армии возмущено, и потому он хотел бы узнать правду. Хасегава сообщил все, что знал. Товарищ сказал, что об этом необходимо доложить

и что, по его мнению, Хасегава не будет иметь неприятностей.

Хасегава оставалось только надеяться, что ответ союзников придет раньше, чем военные круги потребуют его скальп.

В то время когда Хасегава возвращался к себе в редакцию, подполковник Такесита входил в официальную резиденцию военного министра. Анами заканчивал обед. Такесита прибыл, чтобы принести свои извинения за газетную публикацию и за ту роль, которую он сыграл в этом деле.

Анами отмахнулся от извинений Такесита: «Все в порядке. Не беспокойся. Симомура спрашивал меня на заседании кабинета министров относительно директивы, и я сказал, что одобрил этот документ». Более серьезным оказалось другое сообщение министра: «Император упрекнул меня за директиву. Он спросил, не противоречит ли это политическому курсу, определенному кабинетом, и я пояснил, что армия должна противостоять противнику до последнего момента, а потому опубликование директивы для войск было необходимо».

ГЛАВА 14

НЕПРИЕМЛЕМЫЙ ОТВЕТ

Было за полночь 12 августа, когда Хасегава вновь разбудили за его служебным столом. На этот раз звонили с контрольной радиостанции Домей, расположенной на окраине города. Радио Сан-Франциско передало в последних известиях, что государственный секретарь США Джеймс Бирнс только что объявил ответ союзников на сообщение о принятии Японией условий Потсдамской декларации.

Хасегава поручил своему помощнику размножить текст, а сам принялся звонить членам правительства. Первый звонок был в министерство иностранных дел. Затем Хасегава позвонил Сакомидзу, а также в генеральные штабы армии и флота.

В редакцию срочно прибыли свыше десятка чиновников министерства иностранных дел во главе с начальником отдела информации министерства для подготовки текста к переводу на японский язык.

По сообщению агентства Ассошиэйтед Пресс, Бирнс заявил следующее:

«Что касается послания японского правительства о принятии условий Потсдамской декларации и содержащейся в ней оговорки, наша позиция состоит в следующем.

С момента капитуляции деятельность императора и японского правительства по управлению государством будет контролироваться верховным главнокомандующим вооруженными силами союзных держав.

На императора возлагается обязанность обеспечить подписание правительством Японии и японской императорской ставкой условий капитуляции, обеспечивающих

выполнение Потсдамской декларации, и отдать соответствующий приказ всем японским командующим сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами и всем войскам, находящимся в их подчинении, где бы они ни дислоцировались, прекратить активные действия и сложить оружие, а также отдать все другие необходимые приказы по усмотрению верховного главнокомандующего с целью обеспечения выполнения условий капитуляции.

Сразу же после капитуляции правительство Японии доставит военнопленных и интернированных гражданских лиц в безопасные места.

Окончательная форма правления в Японии будет определена в соответствии с Потсдамской декларацией на основе свободного волеизъявления японского народа.

Вооруженные силы союзных держав останутся в Японии, пока не будут достигнуты цели, предусмотренные Потсдамской декларацией».

Сотрудники министерства иностранных дел читали и перечитывали это сообщение. Это был не тот ответ, которого они ожидали. Им хотелось ясно услышать — да, императорская форма правления будет сохранена. Ответ же союзников внес еще большие сомнения, а положения относительно оккупации и капитуляции определенно могли послужить воспламеняющим материалом.

После часу ночи сон Сюнити Мацумото был нарушен телефонным звонком Сакомидзу. Секретарь кабинета министров сообщил ему, что агентство Домей приняло ответ союзников. Торопливо одевшись, заместитель министра иностранных дел вызвал машину и поспешил в резиденцию премьера для встречи с Сакомидзу.

К моменту прибытия Мацумото у Сакомидзу уже находились репортеры агентства Домей Касе и Адати. Они были мрачны. Сакомидзу подал Мацумото телеграмму, и заместитель Того, ознакомившись с ее содержанием, тоже помрачнел. Анализируя телеграмму, все пришли к заключению, что широкая публика особое внимание обратит на фразу «будет контролироваться верховным главнокомандующим вооруженными силами союзных держав». Для дипломатических кругов наиболее важной частью ноты было заявление о том, что «окончательная форма

правления... будет определена... на основе свободного волеизъявления японского народа». Не грозит ли это переходом к республиканской форме правления? Во всяком случае, не давалось никаких гарантий сохранения императорской системы.

Мацумото направился к Того для обмена мнениями. По дороге он заехал за двумя видными чиновниками министерства иностранных дел — начальником политического отдела Андо и начальником договорного отдела Сибусава. Около 5.30 утра Мацумото вручил министру иностранных дел текст сообщения, переданный агентством Ассошиэйтед Пресс.

Того молча ознакомился с текстом, а затем, указав на абзац, касающийся формы правления, проговорил: «Вот это ключевое положение наиболее трудно принять».

Мацумото обсуждал вопрос с Андо и Сибусава еще в автомобиле.

«Может быть, лучше не выделять особо это положение, — посоветовал заместитель министра. — Если заострить внимание, военные круги сразу же воспользуются предоставившейся возможностью, чтобы выступить против принятия условий Потсдамской декларации».

Того согласился.

А в это время в агентство Домей, чтобы получить копию заявления Бирнса, прибыл представитель флота капитан 2 ранга Арима. Он попросил, чтобы полученный текст перевели на японский язык.

Хасегава вызвал свою секретаршу и продиктовал ей перевод. В первом параграфе, дойдя до узловой фразы «будет контролироваться», редактор иностранного отдела использовал японское слово «рейзоку», имевшее значение «подчиняться кому-либо». Секретарша отпечатала запись перевода. Один экземпляр Арима повез в морской генеральный штаб, другой экземпляр взял представитель генштаба армии. Сакомидзу была послана копия перевода с посыльным.

Получив перевод, Сакомидзу взорвался от негодования. Он немедленно позвонил и выразил свое возмущение, так как Хасегава употребил такие японские обороты, которые лишь способствовали усилению оппозиции в военных кругах. Сакомидзу приказал редактору иностранного отдела подобрать слова, смягчающие выражение «будет контролироваться», и вообще исправить перевод.

Эксперты министерства иностранных дел лихорадочно перелистывали англо-японские словари и фразеологические справочники, ломая голову в поисках более приемлемого варианта толкования этой фразы. После бесконечных споров они сошлись на следующем переводе: «Император... будет ограничен в своей деятельности пределами, устанавливаемыми верховным главнокомандующим...» Это и стало официальным вариантом перевода заявления Бирнса. Однако над смысловой пропастью, отделявшей официальный вариант перевода от подлинного значения фразы, развернулся следующий этап «домашнего» сражения.

Начальник штаба армии генерал Умедзу на встрече с офицерами штаба в 8.20 утра, оценивая ответ союзных держав, пришел к заключению, что условия противника абсолютно неприемлемы.

Пылая негодованием по поводу заявления Бирнса, начальники генеральных штабов армии и флота направились во дворец на аудиенцию к его величеству. В небольшой комнате около библиотеки Хирохито в присутствии генерала Хасинума встретился с Умедзу и Тойода. Начальник генштаба армии, как старший по возрасту и по службе, начал говорить первым.

«Мы пришли, — торжественно чеканил генерал, — чтобы изложить свое мнение по поводу переданного заявления Бирнса».

Умедзу нарисовал мрачную картину ожидаемых последствий принятия требований Потсдамской декларации. По его мнению, был только один выход — отклонить эти дерзкие условия и сражаться до конца; солдаты с радостью отдадут жизнь за своего императора и страну.

Генерал Хасинума, который по традиции всегда присутствовал на встречах императора с руководителями вооруженных сил, долгие годы наблюдал процедуру докладов его величеству. Более того, Хасинума хорошо знал многих ведущих военных. И сейчас, слушая Умедзу и Тойода, он счел их поведение фальшивым. «Оба начальника генштабов, — вспоминал Хасинума впоследствии, — хотя и давали свои рекомендации, но, казалось, делали это неохотно, видимо, под давлением подчиненных».

На такие мысли натолкнул его и телефонный разговор, состоявшийся рано утром с начальником отдела генерального штаба армии. Этот офицер добивался участия в изучении ответа союзных держав вместе с адъютантом императора и настаивал на отклонении «неприемлемого» содержания этого ответа.

Хирохито спокойно слушал начальников генштабов, говоривших о печальной участи, ожидавшей страну. Когда оба высших военных чина закончили свои пламенные речи, император сказал: «Официальный ответ союзников еще не поступил. Как только он будет получен, мы изучим его самым тщательным образом. Вероятно, мы будем иметь возможность повторно запросить о тех пунктах, которые вызывают у нас сомнения».

По лицу императора Хасинума понял, что Хирохито и сам почувствовал фальшь в поведении генерала и адмирала. Видимо, на них действительно оказывали большое давление непримиримо настроенные подчиненные. Хирохито, как отметил его адъютант, «не проявил сильных эмоций».

Умедзу и Тойода, выслушав ответ императора, удалились. Хирохито оставалось лишь печально констатировать, что военные руководители не вняли его призыву на Императорском совете немедленно окончить войну.

Министр иностранных дел Того вместе со своими заместителями разрабатывал собственную стратегию. Он готовился занять непреклонную позицию, утверждая, что ответ союзников можно принять. Нужно было действовать без промедления, пока оппозиция не собрала достаточно сил и не оказала сопротивления.

Того направился в резиденцию премьер-министра. Задача его была трудна: повести за собой кабинет и добиться принятия ответа союзных держав.

«Главное, — думал он, — одержать верх над военными... Для достижения поставленной цели необходимо убедить большинство членов кабинета, включая и премьер-министра, согласиться со мной. Если премьер изменит свое решение, я потерплю полное поражение. Если же буду настаивать на своем вопреки растущей поддержке в пользу продолжения войны, мне придется уйти в отставку. Это, в свою очередь, будет означать потерю суще-

ствующей возможности добиться мира и приведет к усилению противников окончания войны... и вообще к крушению всех надежд на мир».

В официальной резиденции премьер-министра за чашкой зеленого чая министр иностранных дел пункт за пунктом разобрал заявление Бирнса. Слушая Того, Судзуки согласно кивал своей массивной головой, и министр полагал, что значительная часть его советов, если не все, дошла до сознания старика.

Затем Того направился во дворец, где вместе с Кидо обсудил заявление Бирнса. В 11.00 Того пригласили к императору.

Докладывая Хирохито, министр иностранных дел проанализировал ответ союзников. Было очевидно, что выдвинутые условия ставили безопасность императора и вообще императорскую форму правления в зависимость от воли союзных держав. Того, однако, заметил, что союзные державы вряд ли причинят какие-то неприятности императору или его семье, дабы не вызвать в японском народе волнений. Таким образом, выходило, что союзные державы даже заинтересованы в сохранении императорской формы правления.

В худшем случае, утверждал Того, оккупация все равно сохранит власть императора до проведения всенародного плебисцита. А в любом свободном и неконтролируемом референдуме народ выскажется за императорскую форму правления, поскольку любые другие варианты не соответствуют японскому национальному характеру. В этом отношении у Того не было никаких сомнений, и он горячо убеждал императора в своей правоте.

Хирохито заявил, что считает ответ союзников удовлетворительным и текст заявления Бирнса вполне приемлемым. Император уполномочил министра иностранных дел довести до сведения премьер-министра его волю и добавил: «Я понимаю всю глубину опасности, но для меня главным сейчас является окончание войны. Действуйте».

Того отправился в резиденцию премьер-министра, где передал Судзуки повеление императора о немедленном принятии условий союзных держав.

Неожиданно вошел барон Хиранума. Он ознакомился с заявлением Бирнса весьма тщательно. Обладая обширными юридическими познаниями, президент Тайного совета после всестороннего анализа нашел документ неяс-

ным. С высоты своего самозванного положения главного защитника национальных государственных интересов этот старый юрист усмотрел опасность в параграфах 2 и 5.

Того вышел, чтобы подготовиться к предстоящему заседанию кабинета, а Судзуки и Хиранума продолжали дискуссию, причем опасения Хиранума оказывали на Судзуки свое действие.

«Вынужденная вернуться к своим исходным границам, — говорил Хиранума, — Япония согласилась принять Потсдамские требования с условием, что прерогативы императора по управлению нацией будут сохранены. Содержит ли ответ США такие гарантии? Нет. А зто вопрос жизненной важности. Министр иностранных дел полагает излишним иметь гарантии в зтом отношении. А каково ваше мнение?»

Судзуки признался, что согласен с Хиранума.

«Дело не в том, что ответ союзных держав не может быть принят в настоящем виде, а в необходимости для нас запросить повторно надлежащие гарантии в отношении узлового вопроса», — воодушевленный ответом адмирала, закончил Хиранума.

Он поспешил во дворец к лорду — хранителю печати. Кидо не удивился, что Хиранума пришел к решению о неприемлемости ноты союзных держав. Это как раз было очень похоже на президента Тайного совета. Странным выглядело его выступление за принятие условий Потсдамской декларации на Императорском совете.

Как доносили осведомители Сакомидзу, дом Хиранума был настоящим командным пунктом оппозиции. Сюда постоянно приходили офицеры, словно в разгаре была военная кампания и здесь располагался военный штаб. В соседнем доме обосновалась ультрапатриотическая организация, которую несколько лет назад создал сам Хиранума. Этот сборный пункт экстремистов, по мнению Сакомидзу, превратился теперь в штаб-квартиру оппозиции.

Хиранума в основном возражал против фразы «будет контролироваться верховным главнокомандующим вооруженными силами союзных держав», считая зто посягательством на суверенные права императора. Он решительно отвергал параграф об определении государственной формы правления путем «свободного волеизъявления» народа. В зтом он, как юрист, усматривал призыв к низложению императорской власти.

Было около полудня, когда военно-морскому министру Ионаи сообщили, что адмирал Тойода посетил императора и рекомендовал отклонить заявление Бирнса. Министр приказал начальнику управления военно-морских дел адмиралу Дзенсиро Хосина немедленно вызвать Тойода и заместителя начальника морского генерального штаба Ониси. Когда Хосина возвратился, Ионаи распорядился: «Оставайтесь, будете свидетелем».

Вошли Тойода и Ониси. Ионаи встал из-за стола, поднявшись во весь свой почти двухметровый рост, глаза его пылали гневом.

«Никогда, — писал впоследствии Хосина, — не видел я, чтобы он встречал кого-нибудь с таким возмущением».

(На последнем заседании Высшего совета по руководству войной Ониси внезапно появился в зале без предварительного уведомления Тойода или Ионаи. Ни слова не сказав своим прямым начальникам по военно-морскому министерству, адмирал Ониси вызвал военного министра из зала. В коридоре в присутствии нескольких военных чиновников секретариата Ониси обратился к Анами: «Военно-морской министр малодушен. От него мало толку, поэтому вы, представители армии, должны твердо настаивать на продолжении войны».)

Полный негодования, военно-морской министр буквально хлестал словами Тойода и Ониси: «Поведение морского генерального штаба отвратительно. Если вы что-то хотели обсудить, почему не пришли ко мне лично? А появление на заседании Высшего совета по руководству войной без приглашения? Это же недопустимая дерзость».

Тойода оставался невозмутим. По лицу Ониси катился пот. Он принес свои извинения Ионаи, и военно-морской министр, опустившись в кресло, дал знак всем удалиться.

К 14.30 заговорщики из управления военных дел во главе с шурином военного министра подполковником Такесита и его ближайшим другом подполковником Инаба пришли к выводу, что наступил наиболее подходящий момент для начала решающих действий. Они понимали, что для организации мятежа в первую очередь необходимо заручиться поддержкой Анами. И делегация направилась в военное министерство.

Такесита впоследствии писал:

«Прежде чем встретиться с Анами, я счел полезным переговорить с заместителем министра Вакамацу. Я направился в его кабинет и доложил, что в связи со сложившимися обстоятельствами войска, вероятно, будут использованы для обеспечения спокойствия и порядка в стране. Заместитель министра записал все, что я сказал, на небольшом листке бумаги и вручил его Хаяси для передачи военному министру.

Видя, что события разворачиваются слишком медленно, мои коллеги, ожидавшие в приемной, решили войти в кабинет военного министра. Вакамацу, подполковник Инаба, полковник Арао, майор Хатанака, полковник Хаяси и подполковник Хиросе — личный секретарь заместителя министра — тоже поспешили войти».

Анами в этот момент пристегивал меч, готовясь отправиться на заседание кабинета министров.

«От имени моих коллег, — рассказывает Такесита, — я изложил военному министру наше мнение о том, что кончать войну при сложившихся обстоятельствах крайне неразумно и что Восточный военный округ должен выделить войска для обеспечения порядка, если этого потребуют обстоятельства. Министр немедленно приказал Вакамацу принять необходимые меры в соответствии с нашей рекомендацией».

В этот момент в комнату вошел полковник Хироо Сато и стал просить офицеров не предпринимать поспешных действий. В ответ на это Хатанака сказал, что в японской армии завелись Бадольо [1], явно имея в виду полковника Сато.

«Военный министр, — продолжает Такесита, — сурово заметил, что военнослужащие должны доверять друг другу. Подполковник Хиросе дернул меня за рукав и прошептал: «Скажите министру, что все молодые офицеры верят ему и без колебания готовы следовать за ним». Анами спешил на заседание, и на этом наша встреча закончилась. И хотя мы по-прежнему не могли точно сказать об истинном отношении военного министра к заговору, мы тайно осуществляли необходимые мероприятия.

Особенно важно было наладить контакт с гвардей-

[1] Премьер-министр Италии в 1943 году после отставки Муссолини, заключивший перемирие с союзниками. — *Прим. ред.*

ской дивизией. В тот же день мы прозондировали позицию командира дивизии генерал-лейтенанта Мори и установили, что он настроен против переворота. В его обязанности входило охранять императора и императорский двор, и мы поняли, что он будет выполнять свой долг до конца, что бы ни приказывал ему военный министр или начальник генерального штаба. Зато мы заручились поддержкой командиров частей дивизии и решили, что в случае переворота вызовем Мсри в военное министерство и попытаемся еще раз убедить его присоединиться к нам. Если же он откажется, арестуем».

Заговор постепенно начал принимать реальные формы. Времени оставалось в обрез. Заговорщики решили начать мятеж в полночь 13 августа. Они надеялись, что к этому времени удастся привлечь к участию в заговоре и Анами.

В 15.00 кабинет министров собрался на чрезвычайное заседание в резиденции премьера для анализа заявления союзных держав. Многое зависело от позиции Того.

«Ответ союзников, — сказал Того, — не может, конечно, вызывать у нас радужных надежд. Япония поставила лишь одно условие — сохранение суверенности императора. Союзные державы ответили, что права его величества в период оккупации будут ограничены и носителем высшей власти станет верховный главнокомандующий в целях обеспечения выполнения Потсдамских условий. Значит, власть императора будет ограничена, пока не окажутся выполненными выдвинутые условия. Однако императорская форма правления в принципе не упраздняется и не заменяется. Параграфы 3, 4 и 6 вполне приемлемы, однако параграф 5 относительно «свободного волеизъявления японского народа» нуждается в изучении... Определение формы правления таким путем — одно из наиболее важных положений Атлантической хартии. Теперь оно вновь подчеркивается в Потсдамской декларации. Однако это положение не должно нас пугать, если японцы сами, без постороннего вмешательства, будут решать вопрос о национальной форме правления. Кто может думать, что японский народ выберет какую-то другую систему правления, кроме императорской?..»

Вслед за Того выступил военный министр Анами. Как и ожидалось, атака военных была направлена против

слов в заявлении Бирнса «будет контролироваться» (полностью неприемлемы; подвергают опасности репутацию императора; низводят его величество до положения лакея) и предложения о порядке определения формы государственного правления Японии (отвергает требование сохранить императорскую систему).

Анами поддержали два других члена кабинета — министр внутренних дел Абе и министр юстиции Мацудзака. «Поскольку японское государственное устройство предписано богами, — утверждали они, — оно не может определяться волей народа. Воины империи не перенесут унижения, узнав о приказе сложить оружие...»

Дискуссия затянулась. Того отвергал все возражения. Ионаи поддерживал его.

Прошло около часа, когда премьер-министр, казалось, только теперь вникнув в существо дебатов, отложил сигару и заметил: «Если Японию заставляют разоружиться, ничего не остается, как продолжать войну. Навязанное противником разоружение будет невыносимо для японских солдат, и при таких обстоятельствах ответ союзных держав неприемлем».

Ошеломленный этим заявлением, Того мгновенно сообразил, что его позиция оказалась под серьезной угрозой. И пока не поставили вопрос на голосование, когда Судзуки мог использовать свой авторитет, Того решил выиграть время.

«Поскольку официальный ответ союзных держав еще не получен, — заявил он, — нам следует отложить обсуждение».

Присутствующие понимали, что официальный ответ союзных держав может поступить в любой момент. И все же Судзуки отложил заседание до получения официальной ноты.

В 18.40 12 августа телеграфный аппарат службы связи министерства иностранных дел принял долгожданный официальный ответ союзных держав, переданный через Швецию. В соответствии с полученными указаниями начальник связи Ое задержал его, проставив время приема — 7.10 13 августа. Затем поступило сообщение от японского посланника в Швеции Суэмаса Окамото. Адресованное министру иностранных дел, оно было вручено Мацумото.

Окамото сообщал: «Складывается мнение, что США

находятся в весьма затруднительном положении, пытаясь согласовать различные точки зрения союзных держав в отношении ответа на предложение Японии. Советский Союз и Китай возражают против сохранения императорской формы правления. Лондонская «Таймс» также опубликовала передовую, призывая к ликвидации в Японии императорской системы».

Телеграмма полностью соответствовала точке зрения высших чиновников министерства иностранных дел. Заместитель министра оценил обстановку следующим образом: «Если бы мы планировали дальнейшие переговоры, Трумэну пришлось бы ясно высказать свое отношение к императорской системе. И поскольку в сложившейся обстановке нельзя было дать гарантий сохранения этой системы, переговоры, по-видимому, не состоялись бы».

«Сообщение японского посланника в Швеции, — думал Мацумото, — блестяще осветило сложившуюся обстановку в лагере союзных держав, и это, конечно, не может не убедить премьера в необходимости скорейшего принятия условий». Заместитель министра вызвал машину и поспешил к Судзуки, чтобы вручить ему телеграмму.

«Поскольку сейчас такая международная обстановка, — заявил Мацумото премьеру, — вам, как выдающемуся государственному деятелю, необходимо как можно скорее принять решение».

Судзуки посмотрел на дипломата отсутствующим взглядом и пожал плечами.

«Я согласен с вашей оценкой обстановки, — проговорил премьер-министр, возвращая телеграмму. — Но, поскольку военный министр и Хиранума делают столь убедительные представления императору, предпринять что-либо трудно...»

Прошмыгнув в кабинет Кидо, подобно огромной черной птице, занятой поисками укромного места, Судзуки сообщил лорду — хранителю печати о проведенных за день консультациях. Кидо про себя отметил, что премьера явно раздражают доводы, которыми оперирует группировка, так ревностно защищающая национальный государственный строй.

Выслушав Судзуки, Кидо сказал: «Я не собираюсь оспаривать доводы тех, кто яростно защищает националь-

ный государственный строй. Однако, как заверил министр иностранных дел, нет ничего предосудительного в параграфах, о которых идет речь. Если мы поддадимся давлению со стороны отдельных личностей, ничего не добьемся. Я думаю, у нас нет другого выбора, как согласиться с позицией министерства иностранных дел. Если на данном этапе отвергнуть Потсдамскую декларацию и продолжать войну, Японии придется принести в жертву новые сотни тысяч человеческих жизней. А если в метрополии и произойдут серьезные волнения из-за принятия Потсдамских условий, то в крайнем случае пожертвуем жизнью только мы. Нужно немедленно и без колебаний осуществить все необходимые мероприятия для принятия Потсдамских условий!»

Судзуки сидел неподвижно. Он был явно взволнован. Видимо, благородный призыв Кидо пожертвовать всем во имя заключения мира растрогал премьера. Как бы там ни было, но Судзуки, облегченно вздохнув, произнес: «Да будет так!» Лорд — хранитель печати расценил это восклицание как одобрение своего плана.

Кидо позвонил Того домой. Хранитель печати с радостью сообщил, что имел «необычайно откровенный разговор» с премьером. Теперь Судзуки понял обстановку и готов действовать заодно со сторонниками принятия условий союзных держав.

Одним из важных мероприятий, по мнению Кидо, явилось объединение членов императорской фамилии в защиту решения Хирохито. В то время когда в кабинете министров спорили об условиях союзных держав, император имел беседу со своими ближайшими родственниками. Принцы крови собрались в примыкающей к библиотеке комнате, и Хирохито, объяснив мотивы своего решения, призвал их к единству в трудное время.

Кидо расценил эту встречу как крупный успех. Император сообщил ему, что состоялся откровенный разговор и принцы обещали поддержку.

В военном министерстве и генеральном штабе царила суматоха. Высшие офицеры все время о чем-то совещались. Начальников отделов невозможно было найти. Слухи волна за волной перекатывались по управлениям. Согласно одному из них, вызвавшему большое возбуждение

в военной среде, группа офицеров намеревалась убить военного министра. Для охраны официальной резиденции Анами были направлены двадцать военных жандармов.

В военно-морских учреждениях обстановка была более спокойной. К вечеру многие морские офицеры уже знали, что армия готовит путч. Сведения были смутными, однако стало известно, что цель путча — устранить сторонников капитуляции. Планируется широкое использование войск — шесть батальонов гвардейской дивизии, утверждали слухи. Затем пришли новые вести об отказе от этого плана, «поскольку заявление Бирнса будет, вероятно, отвергнуто из-за его крайне недружественного тона».

12 августа в воскресенье военный министр решил побыть с семьей и распорядился, чтобы шофер отвез его в пригород Токио — Митака.

Как только подчиненные, друзья и соседи узнали, что военный министр находится у себя дома, многие восприняли это как повод заглянуть «на огонек» и стали прибывать целыми группами...

Обстановка напоминала новогодний прием. Даже подполковник Ида и майор Хатанака стоически выдержали мучительную поездку по разбитым дорогам и проделали 30-километровый путь до Митака, чтобы удостовериться в надежности охраны и безопасности их обожаемого шефа. Анами встретил их около девяти часов вечера, как и другие. За непринужденной беседой время прошло быстро. Было поздно, когда последний посетитель покинул загородный дом военного министра.

Утром Анами встал в хорошем расположении духа, позавтракал и, попрощавшись с семьей, сел в машину. Обернувшись, он увидел жену. Она стояла на пороге. Ее лицо выражало покорность, типичную для японских жен. Он улыбнулся и помахал ей из машины. По лицу женщины скользнуло легкое подобие улыбки. Она непроизвольно подняла руку, когда машина исчезла за угловым зданием и навсегда унесла из ее жизни мужа.

ГЛАВА 15

ПОД ТОПОРОМ МЯСНИКА

В своей резиденции, располагавшейся теперь на территории императорского дворца, маркиз Кидо принимал раннего посетителя. Это был военный министр.

Для личной встречи двух основных противников в назревающей трагедии более подходила бы небольшая провинциальная гостиница или чайный домик с видом на реку или озеро, где звучит печальная мелодия кото[1].

Кидо был признанным лидером сторонников заключения мира и получил у своих противников прозвище вероломного советника императора. Еще два дня назад Кидо охраняли пятнадцать полицейских, однако, желая обеспечить большую безопасность своей личности, лорд — хранитель печати решил переселиться в здание министерства двора под защиту дворцовых стен.

Анами и Кидо знали друг друга уже много лет. В начале 30-х годов они вместе служили при императоре. В то время Кидо был старшим секретарем лорда — хранителя печати и, кроме того, выполнял обязанности советника министерства двора. Анами в чине полковника служил адъютантом его величества. В тот период они часто встречались в «семейной» обстановке императорского двора и нередко вместе обедали.

Сейчас Кидо видел в Анами только воплощение военного руководства страны, средоточие оппозиции воле императора. Более семи недель назад его величество объявил военному министру и другим членам Высшего совета по руководству войной свое решение об окончании войны. 10 августа он весьма недвусмысленно заявил о

[1] Японский щипковый музыкальный инструмент. — *Прим. ред.*

своем согласии принять условия Потсдамской декларации. И сейчас Анами был для Кидо полным чванства и откровенной насмешки знаменосцем оппозиции. Есть ли у генерала какое-нибудь новое предложение?

Лицо Анами вытянулось. Он помрачнел. Кидо знал, что Анами — главный противник принятия условий союзных держав.

«Япония будет уничтожена, — заявил военный министр, — если принять требования союзных держав. Любой ценой мы должны добиться пересмотра императором его решения и провести сражение на территории метрополии».

Анами не сказал ничего нового, просто повторил то, о чем военные круги твердили уже несколько месяцев.

«Пессимизм в войне никогда не приводил к хорошим результатам, — продолжал Анами. — Если же Япония предпримет последнее усилие, то может статься, что произойдет поворот в ходе войны в нашу пользу».

Лорд — хранитель печати знал сильный и несколько прямолинейный характер Анами, однако решил не отступать. Кидо был уверен, что, если прямо выскажет Анами свои соображения, военный министр выслушает его, как бы ни было неприятно ему это сообщение. Во время прошлых бесед с Анами лорд был искренен, но осторожен. Сейчас, когда Кидо видел реальную возможность заключения мира, он не намерен был отступать.

«Я не согласен, — спокойно возразил Кидо. — Ознакомившись с докладом министра иностранных дел о заявлении союзников, я не вижу оснований не принимать их условий. У нас, конечно, может быть сколько угодно точек зрения, но мы не должны придавать им серьезного значения. Нам следует руководствоваться только мнением полномочных лиц... Допустим, что император действительно изменил бы свое решение и аннулировал предложение Японии о мире. Предположим, что он отдал директиву о последнем решительном сражении. Однако Япония уже довела до сведения союзных держав, что готова принять Потсдамские условия. И если теперь император не примет официальной ноты, союзники, да и весь мир, сочтут его глупцом. Нельзя ставить императора в такое оскорбительное положение! Вы можете иметь свои соображения, но у меня нет другого выхода, как следовать избранной политике».

Мрачное выражение лица Анами смягчилось, он засмеялся: «Я вполне уяснил себе вашу точку зрения, Кидо-сан. Я знал, что вы скажете нечто подобное». Анами встал и после некоторого колебания проговорил на прощание: «Обстановка в армии, однако, довольно напряженная...»

В этой обычной встрече не было никаких сюрпризов и неожиданностей. Собеседники еще раз убедились в противоположности своих мнений.

Этим жарким августовским утром в официальной резиденции премьера у старшего секретаря кабинета министров Сакомидзу работа шла полным ходом, хотя не было еще и восьми часов.

Сакомидзу находился в весьма затруднительном положении. С момента образования кабинета Судзуки военные круги с подозрением наблюдали за деятельностью его секретаря. В последнее время имя Сакомидзу, как и имя Кидо, все чаще появлялось на плакатах у трамвайных остановок или в других местах наибольшего скопления людей. «Кидо, Сакомидзу и других сторонников заключения мира ждет смерть как предателей» — злобно вещали плакаты.

Сейчас секретарь был погружен в подготовку к совещанию кабинета. Ходили слухи, что молодые офицеры намерены предпринять попытку переворота. Утверждали также, что уже составлены списки лиц, подлежащих ликвидации. Охрана Сакомидзу была усилена; книжные шкафы и другие тяжелые предметы меблировки сдвинуты, чтобы забаррикадировать проходы к кабинетам старших чиновников, чья жизнь могла оказаться в опасности.

Неожиданно в кабинет Сакомидзу вошел офицер с кипой документов в руках. Остановившись против секретаря и дождавшись, когда Сакомидзу взглянет на него, офицер пренебрежительно швырнул документы на стол.

Секретарь вскочил, стараясь удержать разлетающиеся бумаги. Он сразу обратил внимание, что документы были совершенно секретными, имеющими отношение к вопросу о необходимости вести войну до победного конца. Сакомидзу понял намек.

Не успел поручик выйти, как в кабинете появился на-

чальник военной жандармерии генерал-лейтенант Сандзи Окидо. Этот человек наводил ужас на всех. Генерал Тодзио, будучи премьер-министром, дал жандармерии широкие полномочия. На протяжении первых трех лет войны десятки тысяч японцев, китайцев и корейцев были арестованы и заключены в тюрьмы лишь по подозрению в подрывной деятельности, отсутствии лояльности, антивоенных пастроениях и неуважении к трону. Заключенных подвергали жестоким пыткам.

Четыре месяца назад, меньше чем через две недели после своего назначения на пост военного министра, генерал Анами отдал приказ жандармерии арестовать 400 человек за антивоенные настроения. Среди арестованных оказался известный судья и бывший посол в Англии Сигеру Иосида. Это была явная угроза сторонникам заключения мира. Сакомидзу не без оснований считал, что его собственное имя уже занесено в список лиц, против которых в последующем должны быть приняты меры.

И теперь, глядя в лицо начальника жандармерии, секретарь кабинета не мог не содрогнуться. Окидо пришел к премьер-министру. Секретарь кабинета не мог понять, зачем шефу жандармерии понадобился старый премьер. Сакомидзу сообщил Окидо, что Судзуки еще нет, а как только он прибудет, немедленно отправится на совещание «большой шестерки». Совещание было назначено на девять часов утра.

Генерал, однако, продолжал настаивать на своем. Он требовал немедленной встречи с Судзуки. Время приближалось к началу заседания Высшего совета по руководству войной, а премьер-министр все еще не появлялся. Тогда Окидо нетерпеливо отозвал Сакомидзу в сторону.

«Если Япония капитулирует, — заявил жандарм, — армия восстанет. Это определенно. Уверен ли премьер-министр, что сможет подавить путч?»

Это была странная постановка вопроса, в котором явно звучала угроза.

«Мы ежечасно получаем донесения из полков, расположенных на территории метрополии. Донесения предсказывают восстание!» — твердо проговорил Окидо.

Он смотрел на Сакомидзу ненавидящим взглядом. Было ясно, что за все беспорядки в армии жандарм обвиняет премьера и сторонников мира.

«Мы отказываемся нести ответственность за то, что происходит, — отрезал Окидо. — Военные жандармы настаивают на продолжении войны. Пусть будут принесены в жертву десятки тысяч жизней, но мы не должны сдаваться!»

Сакомидзу обещал передать его заявление премьеру, и генерал гордо проследовал к двери. Утренние происшествия явились для Сакомидзу зловещей прелюдией событий, которые нес наступающий день.

Утром 13 августа должно было выясниться — прекратит ли премьер-министр метаться из стороны в сторону и на какой позиции он наконец остановится. Придет ли он к решению принять Потсдамские условия на заседании Высшего совета по руководству войной и заседании кабинета министров, запланированных на этот день, или же его мнение опять изменится?

Без пятнадцати девять утра шесть членов Высшего совета по руководству войной собрались в небольшой комнате, которая находилась в бомбоубежище под официальной резиденцией премьера. За покрытый зеленым сукном стол сели военный министр Анами, генерал Умедзу, адмирал Тойода. Напротив расположились министр иностранных дел Того и адмирал Мицумаса Ионаи. Убеленный сединами Судзуки с загадочным видом потягивал зеленый чай и, казалось, бесстрастно наблюдал за всем происходящим.

Едва началось совещание, как обоих начальников генеральных штабов вызвали на аудиенцию к императору. Тойода и Умедзу, покинув совещание, предстали перед императором ровно в 9 часов. По традиции на таких приемах Хирохито появлялся в сопровождении своего военного адъютанта. Император принял их в форме главного маршала армии и заговорил, чеканя каждое слово: «В настоящее время с союзными державами обсуждаются мирные предложения. Каков ваш план воздушных операций на период ведения переговоров?»

Глядя на Умедзу и Тойода сквозь толстые стекла очков в черной оправе, император внимательно изучал этих двух вершителей судеб, в чьих руках находилась жизнь миллионов японских солдат и матросов. Они командовали сотнями тысяч войск и могли отдать боевой приказ, который сорвал бы переговоры. Спрашивая о состоянии японских ударных сил, Хирохито думал о воз-

можной локализации действий этих двух военачальников, державших пальцы на спусковом крючке. Говоря в своей обычной манере, Хирохито стремился показать, что он заинтересован в обеспечении нормальной обстановки во время переговоров и их успехе.

Генерал Умедзу ответил за двоих: «Мы будем воздерживаться от каких бы то ни было агрессивных действий. И только если нас атакуют и возникнет необходимость в оборонительных действиях, мы откроем огонь».

Ответ Умедзу удовлетворил императора. Хирохито кивнул, и аудиенция закончилась. Военные лидеры, откланявшись, поспешили на заседание Высшего совета по руководству войной.

Между тем Сакомидзу не сидел сложа руки. Он тщательно изучал реакцию союзных держав по газетным статьям и сообщениям радио. Из этих источников Самокидзу установил, что союзники теряют терпение. 12 августа американское радио констатировало, что Япония еще не ответила на ноту союзных держав, переданную накануне. На этом основании выражалось сомнение в мирных устремлениях Японии. Утром 13 августа американское радио обвинило Японию в намеренной затяжке принятия решения. Американцы угрожали забросать японские города атомными бомбами, если капитуляция не последует в ближайшие дни.

Подобная реакция была вызвапа молчанием Японии, которая ни слова не передала в официальной или неофициальной форме относительно изучения и обсуждения предложений союзных держав. Встревоженный, Сакомидзу решил, что необходимо отвести подозрения союзников и продемонстрировать искренность мирных намерений Японии. Сакомидзу не мог послать официального сообщения — для этого потребовалась бы санкция правительства и министерства иностранных дел. Однако в его силах было передать неофициальное сообщение через радиостанцию агентства Домей. Ранним утром того же дня такое сообщение прозвучало в передачах на заграницу.

Станция Сан-Франциско повторила это сообщение на английском языке. В передаче Домей (по приказу Сакомидзу) сообщалось о принятии кабинетом министров Японии предложения о мире.

Японские армейские и флотские станции радиоперехвата немедленно ухватились за это сообщение. Телефонный звонок в Домей быстро определил источник информации, содержание которой привело в бешенство наиболее активных сторонников продолжения войны. Они начали осаждать телефонными звонками секретаря кабинета и угрожать ему. Через некоторое время несколько армейских офицеров ворвались в кабинет Сакомидзу. «На каком основании вы допустили такую передачу?» — напыщенно вопрошал один. «Изменник!» — визжал другой. Сакомидзу пытался утихомирить их. Разразившись угрозами и проклятиями, они исчезли.

Заседание Высшего совета по руководству войной возобновилось. Характер обсуждения напоминал ритуальный танец небольшой группы исполнителей. Один выхватывал какую-то часть общего вопроса и вальсировал с нею до тех пор, пока ее не подхватывал следующий. Третий вводил совсем другую фигуру и начинал танцевать в обратном направлении, повторяя уже использованные варианты. Этот безумный вихрь утихал лишь при объявлении очередного перерыва заседания.

Обстановка гипнотизировала, сводила с ума и была типично японской. В то время как Япония лежала поверженная в пепел, а жители ее, изнуренные страшной нуждой, рылись в помойках, лидеры страны продолжали свой ритуальный танец вне пространства и времени.

Военный министр и начальники генеральных штабов хотели получить от союзных держав заверение, что их верховный главнокомандующий не будет контролировать действия императора, судьбу императорской системы правления определит плебисцит, острова не будут оккупированы, а японские вооруженные силы получат возможность разоружиться самостоятельно.

Того и Ионаи считали, что настаивать на любом из этих условий, а тем более на всех сразу — значит вести дело к срыву переговоров и возобновлению тотальных боевых действий союзных держав против Японии с применением современных средств. Того согласился уточнить сущность требований союзников о разоружении и оккупации, но решительно отказался выдвигать эти положения в качестве основных при принятии условий союзных держав.

Военный министр Анами решительно заявил, что нельзя допустить оккупацию страны и разоружение.

Ионаи сидел молча, мрачно наблюдая за развитием событий. Наконец он не выдержал и, как всегда кратко, высказался: «Все эти проблемы уже разрешены волей императора. Поэтому любой, кто возобновляет дискуссию, выступает против его величества».

Раздались протестующие возгласы, затем наступила гнетущая тишина. Анами закурил, Тойода с сомнением покачивал головой. Умедзу, однако, невозмутимо отклонил прямолинейное заявление Ионаи: «Мы не обсуждаем решение императора. Мы лишь настаиваем на изменении формулировок, чтобы японцы правильно поняли сущность условий».

Обсуждение затягивалось. Анами возглавлял оппозицию. Умедзу хотя и поддерживал его, однако основное внимание уделял техническим вопросам разоружения и оккупации. Тойода твердо стоял за продолжение войны.

Дебаты продолжались почти до двух часов. Наконец премьер-министр предложил прервать заседание.

Пока Того складывал свои бумаги, Анами быстро обогнул стол и подошел к Судзуки. Военный министр напомнил премьеру о заседании совета 10 августа.

«Не следовало испрашивать решения императора, пока мы не достигли соглашения. Эту ошибку не нужно повторять», — сказал Анами.

Того вмешался в разговор: «Высшее командование пытается сорвать переговоры. Мы должны постараться, чтобы союзные державы как можно скорее узнали о наших намерениях».

Того бросал вызов Анами и военным кругам, давая понять, что, если они будут препятствовать мирному соглашению, премьер-министр и все сторонники принятия условий союзников не остановятся перед повторным обращением к императору за решением.

Прибыв во дворец, Того доложил императору текст ответа союзников и перечислил их требования, которые выдвигают представители военных кругов. Хирохито одобрил позицию Того и вновь подчеркнул необходимость приложить все силы для разрешения проблемы.

Пока министр иностранных дел находился во дворце, военного министра осаждали посетители. В обстановке всеобщего волнения военное министерство казалось мно-

гим оплотом твердости. Молодые офицеры, игнорируя своих непосредственных начальников, шли прямо к Анами, желая от него самого услышать, что капитуляции не будет.

Одной из важных встреч Анами во второй половине дня была встреча с генералами Умедзу и Сизуити Танака — командующим войсками Восточного военного округа. Танака нес ответственность за район Токио и центральную часть острова Хонсю. В прошлом он лично участвовал в подавлении активных антиправительственных выступлений, потом командовал войсками, оккупировавшими Филиппины, пока малярия не заставила его вернуться на родину и занять теперешний пост. Сейчас он докладывал Умедзу и Анами о росте волнений в армии и среди населения. Ярый сторонник решительных мер, Танака настаивал на введении военного положения. Более того, он призывал немедленно изолировать всех сторонников заключения мира. Анами и Умедзу сказали, что примут к сведению рекомендации Танака, однако подобные меры сейчас преждевременны.

Брожение в армии и на флоте не осталось не замеченным и при дворе. Однако хотя император номинально и являлся верховным главнокомандующим, он не мог пресечь волнения в вооруженных силах. Приказы от его имени отдавали начальники генеральных штабов армии и флота. Чтобы контролировать обстановку, Хирохито использовал обычно окольные пути. Вот и сейчас он делегировал на места принцев крови, лорда — хранителя печати, адмиралов флота, фельдмаршалов и других высокопоставленных особ. Император объявил им о своем решении окончить войну и перечислил основания, по которым следует принять Потсдамскую декларацию. Это нейтрализовало всякую попытку внушить массам, что истинные намерения императора искажаются его советниками.

В 15.00 премьер Судзуки созвал заседание кабинета министров и зачитал официальный ответ союзных держав. Старый адмирал предложил министрам высказаться. Десять из них согласились, что условия союзников должны быть приняты немедленно, трое возражали.

Когда дебаты были в полном разгаре, военный министр выскользнул из зала, направился в кабинет Сакомидзу и попросил его вызвать к телефону начальника

управления военных дел. Сакомидзу набрал номер и передал телефонную трубку Анами. То, что сказал военный министр, ошеломило секретаря кабинета.

Анами бодрым тоном сообщил Йосидзуми: «Заседание кабинета принимает благоприятный оборот. Министры один за другим соглашаются с вашими доводами, так что вы ничего не предпринимайте до моего возвращения. Секретарь кабинета как раз здесь. Если хотите, расспросите его подробнее о ходе заседания».

Сакомидзу присутствовал на заседании и знал, что обстановка была прямо противоположной той, которую описал Анами. Что задумал военный министр? Удивленный, Сакомидзу готов был возмутиться, однако Анами, нахмурившись, остановил его кивком головы.

Йосидзуми поверил сообщению Анами, и Сакомидзу не пришлось принимать участие в разговоре. «Обстановка в армии, видимо, действительно очень напряженная, — подумал секретарь кабинета, — если военный министр вынужден сообщать своим ближайшим и наиболее доверенным помощникам ложную информацию».

Военный министр возвратился в зал, где заседал кабинет. Несколько позже за ним последовал и Сакомидзу. Того про себя отметил, что военный министр, кажется, настроен более миролюбиво, чем утром. Анами казался печальным и задумчивым. Тем не менее оппозиция по отношению к условиям, выдвинутым союзниками, не ослабевала. Министр внутренних дел и министр юстиции настойчиво отвергали ноту Бирнса.

Неожиданно Сакомидзу вызвали из зала заседаний. В вестибюле его ждал знакомый корреспондент газеты «Асахи». Субсидируя репортеров, секретарь кабинета имел собственные источники информации и из надежных рук получал сведения по важным вопросам, особенно об обстановке в военных кругах. Репортер вручил Сакомидзу лист бумаги, спросив: «Вы что-нибудь знаете об этом?»

Секретарь кабинета прочитал текст. Это было коммюнике императорской ставки. Оно гласило следующее: «В связи с получением императорской армией и военно-морским флотом милостивого императорского приказа отстоять национальное государственное устройство и защитить земли империи все вооруженные силы в едином

порыве начнут генеральное наступление против войск противника».

«Это сообщение подготовлено для публикации в редакции «Асахи» и запланировано к передаче по радио в четыре часа», — сказал корреспондент.

Сакомидзу посмотрел на часы. Было без четверти четыре. Если это произойдет, переговоры прекратятся и военные действия примут еще более ожесточенный характер. Станет неизбежным и последнее решительное сражение. Союзные державы уже не поверят какому бы то ни было мирному предложению со стороны Японии!

Сакомидзу быстро вошел в зал заседаний и, приблизившись к Анами, положил перед ним текст: «Что вы можете сказать об этом?»

На лице Анами было написано удивление, когда он читал. Повернувшись в кресле, военный министр посмотрел прямо в глаза Сакомидзу.

«Я ничего не слышал об этом, — проговорил он. — Императорская ставка имеет дело непосредственно с генеральным штабом. Свяжитесь немедленно с генералом Умедзу».

Секретарь схватил бумагу и направился к директору бюро планирования кабинета министров генерал-лейтенанту Икеда. Тот тоже ничего не слышал об этом и сразу же всполошился. Сакомидзу и Икеда вышли из зала. И пока там продолжались дебаты, вопрос быть или не быть миру решался по телефону.

Икеда срочно позвонил Умедзу. Тот был поражен. Он тоже ничего не знал относительпо коммюнике и приказал Икеда немедленно принять меры, чтобы предотвратить передачу сообщения. В невообразимой спешке начались срочные звонки в редакции газет, на радио, в агентство Домей. Ложный приказ о наступлении был изъят буквально за несколько секунд до четырех часов — времени передачи коммюнике.

Сакомидзу позже установил, что зто сообщение исходило из отдела по связи с прессой императорской ставки и было одобрено заместителями военного министра и начальника генерального штаба. Они не посчитали нужным согласовать зто заявление со своими начальниками Анами и Умедзу и, не колеблясь, подготовили такую чудовищную фальшивку. Это был акт отчаяния, свидетельствовавший о полном падении дисциплины в армии.

Кто мог предсказать, на что решатся горячие головы в следующий момент? И кто мог быть уверен, что очередная мина будет вовремя обезврежена?

Было около семи часов вечера. С разных сторон слышался приглушенный колокольный звон. Стоявшая весь день тридцатиградусная жара постепенно начала спадать. Однако в зале заседаний кабинета министров по-прежнему было жарко и по-прежнему бушевали страсти.

Судзуки наконец решил, что заседание исчерпало себя, не достигнув почти никаких результатов. Усталый премьер провел неофициальное голосование и установил, что за принятие условий союзников выступают Того, Иопаи и восемь других министров. Анами, министр внутренних дел и министр юстиции стояли за продолжение переговоров. Министр военного производства так и не определил своей позиции, а один из министров передал свой голос Судзуки. Это напоминало суд присяжных, выносящих смертный приговор. Для вынесения такого приговора требовалось единогласное решение, а не просто большинство. Однако в отличие от суда решение кабинета нельзя было отложить. И все же еще один день был потерян, драгоценный день.

Подавленный и обескураженный, премьер-министр обратился к кабинету: «Признаюсь, когда я впервые прочитал заявление союзников, то не думал, что его можно принять. Я был полон решимости бороться до конца. Однако, перечитывая ноту вновь и вновь, я пришел к выводу, что у союзных держав нет злых намерений. Его величество думает только об одном — окончить войну и восстановить мир. Как премьер, я обязан выполнить волю императора. Поэтому мне придется доложить о результатах заседания кабинета и вновь испросить у его величества милостивого решения».

С этим Судзуки закрыл заседание. Фактически он дал военным понять, что, если будет предпринята попытка переворота, это должно произойти раньше, чем император объявит свое решение на следующем заседании Императорского совета. Действовать нужно быстро. Заговорщики должны были или не допустить, или задержать проведение такого заседания. Они могли бы блоки-

ровать его, объявив о несогласии обоих начальников генеральных штабов с созывом Императорского совета, так как он собирался только при наличии петиции премьер-министра и обоих начальников штабов. Конечно, император мог созвать совет по собственной инициативе, однако это было маловероятно.

После заседания кабинета генерал Анами направился в резиденцию премьера. Военный министр застал у Судзуки посетителя — флотского врача по фамилии Кобаяси. Устав от бесплодных дискуссий, Анами спросил напрямик: «Господин премьер-министр, не смогли бы вы задержать созыв Императорского совета дня на два?»

Судзуки возразил: «Сейчас дорог каждый день, Анами. Мы не должны упускать возможности. Прошу меня извинить».

Анами понял, что продолжать разговор бесполезно, и, откланявшись, молча вышел.

Доктор Кобаяси был озадачен и спросил: «Почему такая спешка? Разве это имеет столь важное значение?»

Старый адмирал вздохнул: «Любая задержка опасна».

«Но, господин премьер-министр, генерал Анами может покончить самоубийством», — заметил Кобаяси.

«Да, — задумчиво проговорил Судзуки. — Мне очень жаль, но все возможно».

Военный министр старался успокоить нервы стрельбой из японского лука в своем саду.

Того в это время ехал по улицам Токио, направляясь на открытие новой резиденции министра иностранных дел. Старое здание сгорело во время воздушного налета. Того рассчитывал немного отдохнуть на этом приеме после восемнадцатичасового заседания, где он то хитростью, то убеждением пытался заставить военные круги изменить свою позицию.

Суровый и сдержанный, Того на этот раз с удовольствием предвкушал возможность отдохнуть среди друзей. Однако не успел министр иностранных дел пробыть на приеме непродолжительное время, как его вызвали к телефону. Умедзу и Тойода хотели немедленно видеть его. Того уже несколько недель ждал этого приема, и его

совсем не радовала предстоящая поездка через весь город ради продолжения споров с генералом и адмиралом. Он выразил сомнение в необходимости этой встречи, однако начальники штабов были настойчивы. Того из осторожности решил не давать военным повода утверждать, что он против сотрудничества, и после колебаний все же согласился встретиться с ними в резиденции премьера.

Умедзу и Тойода, по-видимому, хотели, чтобы Того изменил свою позицию. Два часа они обсуждали сложившуюся обстановку, но это не дало видимых результатов. Положительным был лишь сам факт совместного совещания. Подчиненные Умедзу и Тойода в генеральных штабах, узнав об этом, воспрянули духом, надеясь, что будут разработаны мероприятия, которые спасут военных от унижения, а нацию — от бесчестья.

Было почти одиннадцать часов вечера, когда Того, Умедзу и Тойода собрались разъезжаться. Неожиданно в комнату ворвался вице-адмирал Ониси, заместитель начальника морского генерального штаба. Он схватил Тойода за руку и, едва сдерживая волнение, рассказал, что только что был у принца Такамацу, младшего брата императора. Ониси пытался уговорить принца оказать влияние на монарха и адмирала Ионаи в вопросе о решительном сражении на своей территории. Он и не предполагал, что окажется в положении провинившегося школьника, выслушивающего суровые нравоучения. «Наоборот, — заявил принц, — это вы должны пересмотреть свою позицию, а не Ионаи. У вас нет реального плана спасти положение. Вы не в состоянии выиграть решающее сражение, а после того как донесения о результатах военно-морских действий оказались не соответствующими действительности, вы вообще потеряли доверие императора».

Ониси, основатель корпуса камикадзе, был в отчаянии. Он обратился к обоим начальникам штабов: «Приемлемо заявление американцев или нет, это уже не имеет значения. Гораздо важнее вопрос, как восстановить утраченное вооруженными силами доверие императора, своего верховного главнокомандующего. Мы должны представить императору план достижения победы. Если мы полны решимости и готовы пожертвовать двадцатью миллионами камикадзе, победа будет за нами».

Умедзу и Тойода смотрели на Ониси так, словно он явился из другого мира. Их молчание, по существу, было красноречивее любого ответа. Ониси обратился к Того: «Что вы скажете, господин министр иностранных дел?»

Того спокойно ответил: «Если б мы имели какой-нибудь реальный шанс на победу, ни один из нас не допустил бы и мысли о принятии условий Потсдамской декларации. Однако даже успех последнего сражения не принесет нам победы в войне».

С этими словами министр иностранных дел вышел. Вскоре он уже был в министерстве иностранных дел и разбирал поступившие из-за границы телеграммы и тексты передач зарубежных радиостанций. Тучи над Японией сгущались. Былой международный авторитет, которым еще недавно пользовалась Япония, быстро таял, и главным образом из-за волокиты с принятием решения о капитуляции.

По дороге домой Того размышлял: «Даже если мы решим пожертвовать двадцатью миллионами жизней, это явится лишь легкой добычей для пулеметов и артиллерии. Мы пошли бы на все, если бы это могло что-то дать. Одними же стрелами и бамбуковыми пиками ничего не добьешься».

А в это время Анами принимал делегацию заговорщиков.

Секретарь кабинета Сакомидзу все еще оставался на службе, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Он надеялся получить согласие начальников штабов на немедленный созыв Императорского совета, однако Умедзу и Тойода отказались даже обсуждать это предложение, полагая, что, чем дольше будет затягиваться обмен мнениями, тем лучше.

Сакомидзу читал переводы иностранных радиопередач. Они были полны сарказма по поводу уклонения Японии от принципиального решения проблемы.

Понимая, что до утра все равно ничего нельзя предпринять, секретарь кабинета стал собираться домой. В это время появился взволнованный Ониси, старый друг Сакомидзу. Когда он заговорил, на его глазах появились слезы.

«Мы пытались сделать все во имя победы. Однако те-

перь я вижу, что одной убежденности недостаточно. Если мы все еще полны решимости, то должны предусмотреть меры, чтобы извлечь из войны пользу. — Взяв руки Сакомидзу в свои, Ониси воскликнул: — Неужели нельзя найти иной выход из войны?»

Сакомидзу слишком хорошо знал, что Япония не может добиться победы, которой так жаждал Ониси. Япония, скорее, походила на жертву, над которой занесен топор.

В то время когда Ониси и Сакомидзу вели этот разговор, в сотнях километров от них бомбардировщики союзников принимали груз — множество пачек небольших листков бумаги величиной с ладонь. Утром этим листкам предстояло разрешить проблему, угнетавшую обоих собеседников.

ГЛАВА 16

ПАНИКА

Ранним утром 14 августа некоторые офицеры управления военных дел военного министерства уже были на службе. Предстоял необычный день. Переворот был назначен на десять часов утра. В семь утра военный министр Анами и полковник Арао должны были встретиться с начальником генерального штаба армии генералом Умедзу и привлечь его к участию в перевороте.

Заговорщики, заранее предвкушая благословение Умедзу, направили вызов командиру гвардейской дивизии, командующему войсками Восточного военного округа и начальнику военной жандармерии, предложив им прибыть в военное министерство в кабинет Анами после семи часов утра. Таким образом, когда военный министр вернется, заручившись согласием Умедзу и командования войсками округа, он сможет отдать приказ гвардии, войскам округа и военной жандармерии о взаимодействии. И как только пробьет десять часов, события начнут развиваться строго по плану.

Такесита, Инаба, Хатанака, Сиидзаки, Ида, Арао — все уже были на ногах, готовя приказы, обеспечивающие захват власти и диспозицию войск. Планировалось также провести аресты сторонников заключения мира. Основной приказ (уже готовый к подписи) предусматривал введение в стране военного положения. Под этим приказом недоставало только подписи Анами.

Пока офицеры готовили государственный переворот, человек, которому они отводили руководящую роль в своих грандиозных планах, как обычно в этот ранний час, занимался стрельбой из лука. Лицо его было спокойно. И все же Анами понадобилось выпустить четыр-

надцать стрел, чтобы добиться пяти необходимых попаданий. Покинув безмятежную обстановку аккуратно подстриженного и любовно ухоженного сада, военный министр поспешил к завтраку, на который был приглашен маршал Хата, командующий войсками Западного военного округа. Анами вызвал Хата из его штаба в Хиросиме, чтобы тот доложил о результатах взрыва атомной бомбы и попытался убедить Хирохито отвергнуть предложения союзников.

Затем военный министр поспешил в военное министерство на встречу с полковником Арао. В кабинете Анами сразу окружили нетерпеливые почитатели. Они горели желанием как можно скорее приступить к спасению Японии от позора. Арао напомнил Анами, что уже почти семь часов и что у них назначена встреча с Умедзу. Сопровождаемые пожеланиями успеха, они покинули здание военного министерства. В эти минуты престиж Анами достиг своего зенита. Военный министр был всемогущ. Если бы сейчас он приказал покрасить здание парламента в пурпурный цвет, «молодые тигры» вышли бы на улицу с ведрами и кистями.

Анами и Арао потребовалось немного времени, чтобы добраться до здания генерального штаба, оно было рядом. При их появлении Умедзу предложил им сесть, адъютант принес зеленый чай. Полковник Арао посвятил Умедзу в план заговора: ввести военное положение, сместить правительство и «нейтрализовать» фракцию сторонников заключения мира. Арао повторил все, что он говорил Анами предыдущей ночью. На этот раз встреча оказалась недолгой: Умедзу наотрез отказался участвовать в перевороте.

По возвращении в свой кабинет Анами сказал заговорщикам: «От государственного переворота надо отказаться. Начальник генштаба не одобряет его». (Позже военный министр сообщил своему шурину Такесита, что Умедзу сделал неодобрительный жест и заметил: «Применение вооруженной силы на священной территории дворца было бы святотатством».)

Тем временем командующий войсками Восточного военного округа генерал-лейтенант Танака, командир гвардейской дивизии генерал-лейтенант Мори и глава жандармерии генерал-лейтенант Окидо ожидали в приемной, прибыв в соответствии с вызовом.

Заговорщикам пришлось признаться Анами, что они вызвали этих начальников от его имени и, рассчитывая на согласие Умедзу принять участие в государственном перевороте, назначили на девять часов утра совещание старших офицеров министерства. Анами пригласил к себе вызванных генералов. Он указал им на необходимость принять возможные меры по поддержанию порядка в связи с тем, что обстановка не сегодня-завтра накалится до предела. Это заявление оказалось диаметрально противоположным тому, которого ожидали от Анами заговорщики.

Военному министру предстояло еще одно испытание. В девять часов утра собрались все старшие офицеры отделов военного министерства. Анами обратился к ним с краткой речью.

«Армия должна действовать как единое целое, — сказал он, — потому что Япония находится в критическом положении. Следует пресекать любые проявления недисциплинированности!»

Анами закончил речь, давая понять, что на легкий захват власти надеяться нечего. Однако подобно тлеющему угольку надежда жгла сердца заговорщиков. Такесита и Инаба обменивались мнениями с Хатанака, Ида, Сиидзаки и другими. Офицеры военного министерства сгрудились вокруг полковников Хара и Хосода, подчиненных Умедзу, — почему они не заручились согласием начальника генштаба на сотрудничество? Оказывается, они намеревались переговорить с Умедзу утром, но нигде не могли его найти. По слухам, Умедзу находился на аудиенции у императора.

Полковник Ида предполагал, что начальника генерального штаба разубедили Судзуки, Того и Сакомидзу, с которыми, как думали армейцы, Умедзу предыдущей ночью совещался в резиденции премьер-министра. Это предположение вызвало волну недоверия к Умедзу. Заговорщики не могли понять, почему начальник генштаба восстал против их планов. У Анами не было времени объяснять это, полковник Арао тоже оказался занят.

Спустя некоторое время Хосода и Хара ворвались в кабинет Такесита и сообщили, что им в конце концов удалось увидеться с Умедзу, когда он возвратился к себе на службу. Они прозондировали его настроение, и начальник генштаба заявил, что в принципе он не против государственного переворота.

Услышав об этом, Такесита поспешно вытащил «План использования войск № 2» и направился разыскивать Анами, чтобы получить его подпись. Такесита знал, что военный министр уехал в резиденцию премьера, и, вызвав штабной автомобиль, помчался вслед за Анами. Однако он опоздал: несколькими минутами раньше Анами вместе с другими министрами кабинета уехал во дворец. Такесита поспешил вдогонку.

На рассвете 14 августа с острова Сайпан взлетели семь самолетов В-29. Они были загружены миллионами листовок, которые надлежало сбросить над городами Токио, Осака, Нагоя, Кобе и Киото.

Листовки носили пропагандистский характер и имели следующее содержание: «К народу Японии! Сегодня американские самолеты сбрасывают на вас не бомбы, а листовки, потому что японское правительство предложило капитулировать и каждый японец имеет право знать условия этого предложения, а также ответ, данный на него правительствами США, Англии, Китая и Советского Союза. Ваше правительство теперь имеет возможность немедленно закончить войну. Чтобы знать, как может быть закончена война, прочтите эти два официальных заявления...»

Далее в листовке приводились послание японского правительства союзникам от 8 августа и текст ноты государственного секретаря Бирнса, датированной 11 августа.

С одной из таких листовок камергер императорского двора поспешил в комнату лорда — хранителя печати. Ложась спать накануне, Кидо верил, что завтрашний день положит конец неопределенности. Кидо не сомневался, что сумел направить премьер-министра Судзуки по правильному пути. Кидо верил, что Судзуки приложит все усилия, чтобы добиться принятия условий союзников на заседании кабинета 14 августа. Если же это не удастся, положительное решение могло вынести расширенное заседание Высшего совета по руководству войной. И хотя военное командование все решительнее выступало против проведения еще одного заседания совета в полном соста-

ве, Императорский совет мог быть созван как крайняя мера — «по высочайшему повелению».

С точки зрения консолидации сил, поддерживающих решение императора, по мнению Кидо, все было в порядке. Император лично переговорил с членами Совета старейшин и такими почтенными деятелями, как бывший лорд — хранитель печати граф Макино. Император доверительно сообщил о своих намерениях принцам крови на совещании членов императорской фамилии и получил единодушное одобрение. Были проведены консультации с различными общественными деятелями, например бывшим министром иностранных дел Сигемицу. Все они услышали из уст императора о его решении закончить войну.

В это утро Хирохито намеревался дать аудиенцию высшим офицерам военно-морского флота и армии — адмиралу флота Нагано и маршалам Сутияма и Хата.

Величинами со многими неизвестными оставались вооруженные силы (хотя Ионаи, казалось, и сохранял контроль над положением в военно-морском флоте) и японский народ. Если армия и народ не выйдут из повиновения, возмущенные принятием условий союзников, и тем более если об этом объявит по радио сам император, все сойдет благополучно. Это было большое «если», но при определенном везении все могло получиться.

Когда же рано утром камергер сунул в руки Кидо листовку, лорд понял, что везению приходит конец. Содержание пропагандистской листовки сразу же прогнало сон. Кидо бросился к телефону и условился о специальной аудиенции у императора. Ему назначили встречу на половину девятого утра. Обезумев от страха, лорд — хранитель печати уже видел Японию ввергнутой в катастрофу. Информация, содержавшаяся в листовке, могла дать толчок невероятным событиям. У Судзуки не было времени для созыва еще одного заседания кабинета министров. Вряд ли и «большая шестерка» могла в короткий срок прийти к благоприятному решению. Правительство должно действовать немедленно!

Все это Кидо и сказал императору, когда предстал перед Хирохито. «Единственный выход, — говорил он взволнованно, — твердо держаться принятого решения. Нужно созвать «большую шестерку» и членов кабинета министров и сказать, что император желает немедленного

прекращения военных действий». Хирохито повелел условиться с премьер-министром о встрече. Лорд — хранитель печати вышел из аудиенц-зала и направился в свой кабинет, чтобы вызвать Судзуки.

Кидо повезло: престарелый адмирал тоже решил начать день с визита во дворец. Они столкнулись, когда лорд — хранитель печати выходил из аудиенц-зала. Кидо и Судзуки уселись в небольшой комнате императорской библиотеки. Лорд — хранитель печати спросил премьера, назначено ли заседание Высшего совета по руководству войной. Как вспоминает Кидо, старик в ответ проскрипел: «Мне приходится очень трудно. Армейцы требуют подождать до часу дня, а моряки просят отложить заседание на неопределенный срок».

Кидо внимательно посмотрел в морщинистое лицо премьера, подал ему листовку и спросил, читал ли он ее. Судзуки листовки не видел. Лорд — хранитель печати рассказал, что американские самолеты разбросали листовки над всей Японией, и поделился своими опасениями: «Я только что имел у императора аудиенцию по этому вопросу. Я сказал его величеству, что в создавшейся обстановке необходимо срочно принять меры, и посоветовал ему созвать членов Высшего совета по руководству войной и кабинет министров, повелеть им немедленно дать ответ союзникам и добиться мира. Его величество согласился и приказал мне проконсультироваться с премьер-министром. Если у вас нет возражений, давайте наметим необходимые меры».

Судзуки пожал плечами, подняв кустистые брови.

«Хотя я и сожалею о причиняемом его величеству беспокойстве, — сказал он, — однако позиция, занятая армией и военно-морским флотом за последние два-три дня, заставляет думать, что не остается другого выхода, как просить императора предпринять именно такие шаги. Я почтительнейше просил бы немедленно пожаловать нам совместную аудиенцию, чтобы доложить об этих обстоятельствах и получить высочайшее утверждение».

Так впервые в истории Японии лорд — хранитель печати и премьер-министр получили совместную аудиенцию. Судзуки доложил Хирохито о трудностях и просил созвать Императорский совет. Ввиду срочности дела император назначил заседание совета на десять утра. Это

было первое такое заседание[1] после 1 декабря 1941 года, когда принималось решение начать войну.

До начала заседания оставалось очень мало времени. Но, поскольку члены кабинета министров должны были собраться к этому же сроку в резиденции премьер-министра, предупредить их не составляло труда. Предстояло только срочно сообщить об Императорском совете членам Высшего совета по руководству войной от армии и военно-морского флота и барону Хиранума.

После аудиенции у императора премьер-министр, вернувшись в свою резиденцию, вызвал Сакомидзу и приказал оповестить членов кабинета Высшего совета по руководству войной о созыве Императорского совета в десять часов в бомбоубежище дворца.

«Император обнародует свой рескрипт. Готов ли проект?» — спросил Судзуки.

Сакомидзу был захвачен врасплох. После заседания Императорского совета 10 августа он вместе с Тайдзири из министерства по делам великой Восточной Азии и своим другом Кихара, репортером «Асахи», работал над проектом. Текст проекта нуждался в доработке, и его невозможно было отпечатать за пятнадцать минут. Кроме того, рескрипт мог быть обнародован только после рассмотрения и одобрения кабинетом министров в полном составе и последующего утверждения императором.

«Подготовить императорский рескрипт для обнародования всего за пятнадцать минут? Невозможно! Вы, должно быть, оговорились, — пробормотал побледневший секретарь кабинета министров. — Мы еще не закончили составление проекта, и ни один член кабинета министров не видел его. Если я правильно понял вас, то это ужасно. Времени практически нет, и мне только остается покончить с собой. Вы уверены, что император обнародует рескрипт сегодня утром? Может, вас неправильно информировали?»

Вопрос был настолько важен, что Судзуки поехал во дворец к Кидо и уже без десяти десять узнал, что рескрипт будет обнародован позже. Лорд — хранитель печати порекомендовал Судзуки не затягивать дебаты на Императорском совете, чтобы быстрее закончить его.

[1] Заседание Императорского совета в присутствии кабинета министров в полном составе. — *Прим. автора.*

Премьер-министр кивнул в знак согласия и поспешил в свою резиденцию, где Сакомидзу лихорадочно работал над рескриптом.

Судзуки отвел своего помощника в сторону и, улыбнувшись, сказал: «Вы были правы. Император обнародует рескрипт позже».

Через несколько минут из дворца прислали официальный вызов на Императорский совет. Разговоры смолкли. Министры шепотом передавали друг другу: «Быть в саду Фукиаге императорского дворца в десять тридцать утра. Разрешается присутствовать в повседневной одежде».

Только Судзуки и Того оказались в придворном платье. Остальные министры из-за жары, характерной для середины лета, были одеты кто во что. Многие оказались без галстуков, с расстегнутым воротом рубашки, некоторые даже без пиджаков.

Сакомидзу и его помощники сновали среди собравшихся, уверяя, что ввиду срочности созыва совета разрешено прибыть во дворец «как есть». Однако большинство министров считало, что появиться перед лицом императора в таком неофициальном виде — значит проявить крайнюю непочтительность. По-летнему одетые министры лихорадочно застегивали вороты рубашек, менялись костюмами или пиджаками со своими секретарями или чиновниками, оказавшимися поблизости, занимали галстуки и даже брюки, пришивали церемониальные гербы на куртки цвета хаки. Анами и Ионаи, одетые в военную форму, с улыбкой наблюдали за всей этой суматохой.

Закончив сборы, министры уселись в автомобили и направились во дворец. Внушительная и мрачная, как похоронный кортеж, процессия проследовала по почти безлюдным улицам к дворцовой площади и затем через ворота в сад Фукиаге. По сырой, устланной матами лестнице министры спустились вниз и через массивные, как у банковских сейфов, двери вошли в конференц-зал. В зале, как и раньше, стояла золотая ширма, а перед ней — простое деревянное кресло и небольшой стол, покрытый парчовой скатертью. Однако на этот раз в связи с большим числом присутствующих были поставлены два ряда столов под прямым углом к столу императора. Кроме пятнадцати членов кабинета министров на заседании присутствовали директор бюро планирования генерал Сумихаса Икеда, президент Тайного совета барон Хирану-

ма, начальник токийской полиции Матимура, директор законодательного бюро Мурасе и секретарь кабинета министров Сакомидзу. Здесь были также оба начальника генеральных штабов, а также начальники управлений военных и военно-морских дел армии и военно-морского флота генерал Йосидзуми и адмирал Хосина. Все заняли места согласно старшинству при дворе, и в зале воцарилась настороженная тишина.

Эта тишина таила в себе надежды и тревожные предчувствия, скрытое волнение и явные муки. Собравшиеся умом и сердцем хорошо понимали, что наступил момент, когда между прошлым и будущим Японии пройдет глубокая межа, а значит, и в жизни каждого произойдут коренные перемены.

Такая тишина наступает обычно перед хлопаньем деревянными брусками, оповещающем о начале пьесы в театре Кабуки. Все сидели, напряженно выпрямившись, проклиная жару и духоту.

Сакомидзу, зажатый между генералами Йосидзуми и Икеда, внимательно рассматривал сидящих. У Ионаи за стеклами круглых очков, как обычно, застыла кислая гримаса. Того сидел с отсутствующим видом. Матимура обливался потом. Абе больше, чем обычно, походил на лягушку. Умедзу сидел как завороженный, подобно вырезанному из кости божку, одетому в хаки. Анами тяжело вздыхал. Тойода, уставившись в одну точку, казалось, был в забытьи.

Вот из двери слева вышел император, за ним следовал генерал Хасинума. Находившиеся в зале двадцать четыре человека встали и низко поклонились, вперив взоры в пол. Хирохито был в военной форме. Император сел, и все присутствующие также заняли свои места.

Судзуки, обращаясь к Хирохито, доложил, что только две трети кабинета министров стоят за принятие условий союзников. «Большая шестерка» также раскололась. Старый премьер суммировал взгляды сторон и попросил у императора разрешения предоставить слово тем, кто возражает против предложенных союзниками условий капитуляции Японии.

Первым слово взял Умедзу.

«Я приношу извинения за неблагоприятный оборот событий, который причинил неприятности вашему вели-

честву», — сказал он и изложил уже знакомые доводы военных кругов.

Далее Судзуки предоставил слово адмиралу Тойода, который повторил сказанное Умедзу. Тойода заявил, что Япония не может позволить себе «проглотить» американский ответ в его теперешнем виде. «Нет никакой уверенности, что мы можем добиться победы, продолжая войну, однако, раз мы решили дать последний бой на нашей территории силами всей нации, готовой к самопожертвованию, я не понимаю, почему мы не можем принять решение вести переговоры по такому вопросу, как национальная форма правления». (Позже Тойода писал, что, хотя его слова и прозвучали резко, они ни в коей мере не означали, что он стоит за продолжение войны.) Тойода заверял, что еще одно обращение к союзникам не приведет к срыву переговоров, что такое обращение обязательно следует предпринять, «иначе будущее Японии окажется очень неблагоприятным».

Затем наступила очередь Анами. Он повторил тот же мотив, только более эмоционально. Его грудь вздымалась, глаза наполнились слезами.

«Если нельзя вновь запросить союзников о гарантиях безопасности императорской формы правления, — закончил военный министр, — лучше тогда продолжать борьбу, так как шансы на победу у нас еще есть. Если не победить, то по крайней мере закончить войну на лучших условиях!»

Император сидел неподвижно, положив руки на колени. Он внимательно слушал выступавших. Их доводы были не новы. И император заговорил: «Я внимательно выслушал доводы против принятия Японией ответа союзников в таком виде, как он есть. Теперь я выскажу свое мнение. — Присутствующие затаили дыхание. — Мне тяжело говорить об этом, но, изучив условия, сложившиеся в стране и за рубежом, и особенно ход войны, я повелел принять Потсдамскую декларацию. Мое мнение не изменилось. Я считаю невозможным продолжать войну...»

Голос Хирохито дрогнул.

«Я внимательно изучил ответ союзников, — продолжал император, — и пришел к выводу, что фактически он признает нашу позицию в ноте, присланной несколько дней назад. Короче говоря, я считаю этот ответ приемлемым. И хотя некоторые по вполне понятным причинам

не доверяют союзникам, я не думаю, что их ответ скрывает недобрые намерения. По-моему, ответ союзников свидетельствует о мирных устремлениях. Если немедленно не закончить войну, наш национальный государственный строй будет уничтожен и нация погибнет. Если же народ и императорская форма правления сохранятся, мы еще сможем восстановить нацию в будущем...»

На Императорском совете 10 августа Хирохито был вне себя от ярости по поводу недостаточной готовности военных к отражению наступления противника. Теперь в речи императора не слышалось гневных нот. Он говорил срывающимся голосом, часто останавливался, как бы подыскивая нужные слова.

«Я хорошо понимаю, — хрипло продолжал Хирохито, — как унизительно для офицеров армии и военно-морского флота быть разоруженными противником, как тяжело видеть свою родину оккупированной. Мне тоже очень тяжело отдавать такой приказ и думать, что моих верных слуг могут обвинить как военных преступников. Однако, несмотря ни на что, я не могу допустить, чтобы мой народ подвергался дальнейшим страданиям. Я ценю готовность пожертвовать собой во имя императора... Однако продолжение войны принесет смерть десяткам, сотням тысяч людей. Наша страна будет полностью опустошена, и тогда для восстановления Японии потребуется длительный срок. Со своей стороны я готов сделать все, что в моих силах...»

Хирохито помолчал, собираясь с мыслями и пытаясь подавить волнение. В зале стояла гнетущая тишина.

«Я повелеваю вам присоединиться ко мне, мои государственные министры, и добросовестно выполнить мою волю. Примите условия союзников немедленно! Чтобы народ мог узнать о моем решении, я повелеваю срочно подготовить императорский рескрипт по этому вопросу. Неожиданное объявление о капитуляции может оказаться большим ударом для подданных. Если нужно, я готов выступить перед народом по радио. Я также согласен выехать куда угодно, чтобы лично переговорить с войсками, если понадобится...»

На глазах многих блестели слезы. После тяжелого молчания император продолжал: «Наконец, я возлагаю на всех вас обязанность приложить все усилия, чтобы достойно встретить испытания, выпавшие на нашу долю...»

Хирохито сам вынес себе приговор. Его заявление свидетельствовало о готовности пожертвовать своей особой. Все, находившиеся в зале, слышали и читали недвусмысленные угрозы прессы и радио противника отдать императора под суд как военного преступника или отправить его в качестве военнопленного в Китай. Неопределенные заверения союзников и успокоительная интерпретация этих условий министерством иностранных дел не могли дать гарантий, что это божество на земле, повелевшее принять капитуляцию, останется в живых. Возможно, это был последний император Японии. Хирохито сам положил голову на плаху.

Когда император закончил, премьер-министр Судзуки заверил Хирохито, что представит проект рескрипта как можно скорее. Премьер еще раз принес глубокие извинения за то, что обеспокоил его величество просьбой принять решение. Подойдя к столу, Судзуки отвесил глубокий поклон, приложив правую руку к сердцу. Император встал. Присутствующие поднялись и склонились в поклоне. Хирохито принял самое тяжелое решение и произнес самую длинную речь в своей жизни. Теперь он покидал зал в сопровождении генерала Хасинума.

Выйдя из конференц-зала, генерал Анами заметил своего секретаря полковника Хаяси, нетерпеливо ожидавшего его. Генерал дал знак Хаяси следовать за ним. Анами сообщил полковнику, что император повелел принять условия союзников.

«Хаяси, — сказал Анами, заметно волнуясь, — я хочу получить от тебя последний совет. Решение императором принято. Однако, по данным разведки, на подходах к Токийскому заливу находится большой американский конвой. Как ты относишься к идее нанести удар по конвою раньше, чем будет объявлен мир?»

Хаяси словно сразило громом. Как мог военный министр серьезно предлагать такое? Только что император лично призвал принять условия неприятеля. Неужели Анами думает отмахнуться от этого решения и сорвать переговоры, атаковав оперативное соединение противника? Или этот человек решил зло пошутить?

Хаяси серьезно ответил: «Ваша идея ошибочна! Во-первых, император уже выразил свою волю. Во-вто-

рых, слухи о появлении американского конвоя к югу от Токийского залива разведкой не подтверждены».

«И все же я думаю, — заупрямился Анами, — что нам следовало бы нанести последний решительный удар противнику, прежде чем принимать его условия».

Секретарь посоветовал военному министру переговорить об этом с генералом Умедзу.

Подполковник Такесита сидел в штабном автомобиле на стоянке около гигантских елей и древних валунов сада Фукиаге и нервно курил. Активный участник заговора, Такесита знал, какие силы стоят за переворот и как они должны действовать. Его роль в обеспечении успеха переворота была огромна, так как через него заговорщики поддерживали связь с военным министром, который являлся центральной фигурой в их планах.

Родственные связи Такесита давали ему почти неограниченный доступ к Анами, и за двадцать лет дружбы он хорошо изучил характер генерала. Такесита фактически стал ближайшим доверенным лицом Анами. Энергичный и самоуверенный, он был человеком, с которым военный министр мог отвести душу. Такесита рассказывал Анами о настроениях молодых офицеров, а «молодым тиграм» сообщал сведения из «весьма достоверных источников» о взглядах военного министра. Таким образом, Такесита являлся главным торговцем новостями. Своими действиями и интерпретацией проходившей через его руки информации Такесита фактически оказывал влияние как на Анами, так и на молодых офицеров.

Нервно выкуривая одну сигарету за другой в ожидании конца заседания, он обдумывал сложившуюся ситуацию. План переворота дал резкий крен после возвращения Анами и полковника Арао от Умедзу. Начальник генштаба заявил, что не будет сотрудничать с ними. Четко спланированная по времени встреча Анами с командующими гвардией, жандармерией и войсками Восточного военного округа казалась теперь бесцельной, так же как и выступление Анами перед начальниками отделов военного министерства. Удар, намеченный на десять часов утра, был сорван.

Два офицера из штаба Умедзу поспешили к своему начальнику и выяснили наконец, что в принципе он не против переворота. Это означало, что все опять могло

быть приведено в действие. Такесита проанализировал первоначальный план переворота и изменил кодовое название и время. В остальном план не изменился. Военному министру предстояло ввести военное положение в стране и принять на себя власть. Затем необходимо провести аресты сторонников заключения мира, взяв курс на тотальную войну. Бесславной капитуляции не будет. Национальную форму правления — власть императора — японцы будут защищать до конца. Или погибнуть, или добиться твердых гарантий сохранения императорской системы в Японии!

Те, кто верил, что погибнуть за императора и присоединиться к лику святых в храме Ясукуни, рядом с императорским дворцом, — самое высокое призвание, видели в перевороте хотя и недолгое, но славное будущее. «Не нужно бояться смерти, — говорили они. — Наоборот, к ней надо стремиться, если можно умереть, принеся пользу». Два с половиной миллиона душ, обожествленных в храме Ясукуни, оберегали священную нацию и служили предметом поклонения всей Японии, включая и императорскую фамилию. То были души погибших патриотов, обожествленные после 1869 года, когда император Мэйдзи основал Ясукуни как национальный храм. Даже само название этого храма внушало мысль пожертвовать собой во имя блага нации. Ясукуни означает оберегать мир и покой в стране.

Для Такесита переворот, кроме всего прочего, предоставлял неповторимую возможность стать ближайшим советником человека, облеченного высшей властью, — нового сегуна Корэтика Анами. Без сомнения, проведенный во имя императора переворот фактически устранил бы императора от власти. Его величество стоит за капитуляцию. И если он будет настаивать на своем, даже когда переворот сметет его «лживых советников», Анами будет вынужден игнорировать императора. Таким образом, нация возвратится к порядкам, существовавшим веками, когда сегун правил, а император выполнял религиозные обряды, фактически находясь в изоляции...

Министры показались в дверях бомбоубежища. Такесита отдал Анами честь и попросил разрешения переговорить с ним здесь же. Генерал отмахнулся, сказав, что ему нужно немедленно ехать в резиденцию премьер-министра. Такесита решил поехать вслед.

Анами и Йосидзуми долго ехали молча. Покрасневшими от утомления глазами военный министр рассеянно смотрел на крепостной ров, мимо которого они проезжали.

«Я не могу больше жить в этом мире, — наконец тихо произнес Анами. — Я высказал свою точку зрения перед его величеством в соответствии с моими убеждениями. Дела повернулись не так, как хотелось. Не знаю, как оправдаться перед императором, и не хочу больше жить на свете, потому что не перенесу поражения Японии».

«Вы должны пересмотреть свое решение, — ответил Йосидзуми. — Ваше руководство необходимо, чтобы вернуть к мирной жизни миллионы наших воинов...»

Военный министр, казалось, не слышал его.

Репортеры, ожидавшие в фойе резиденции премьер-министра, при виде поникших министров сразу поняли, что́ произошло на заседании у императора.

Министры уселись за завтрак, состоявший из черного хлеба и китового мяса. Многие были так расстроены, что не притронулись к пище, однако старый Судзуки справился с солидной порцией того и другого.

Анами не было среди завтракающих. Он находился в другой комнате со своим шурином. Такесита доложил Анами, что, как удалось узнать, Умедзу в принципе не возражает против переворота. Такесита умолял военного министра, не теряя времени, взять на себя руководство. Переворот предотвратит оккупацию и процессы над военными преступниками, спасет национальный государственный строй.

Такесита показал генералу план захвата власти. Анами еще не пришел в себя от потрясения, вызванного решением императора. Военный министр бегло прочитал план, откинулся назад и закрыл глаза. После минутного молчания он заговорил: «Ничего нельзя сделать. Император принял окончательное решение, и вскоре будет обнародован императорский рескрипт о прекращении войны».

Однако Такесита не терял надежд. Он знал, что военный министр еще может остановить механизм капитуляции. Решение императора приобретало юридическую силу после соответствующих действий кабинета. Подполковник стал уговаривать Анами выйти в отставку в знак

протеста против решения императора и тем самым сорвать действия кабинета. В результате армейские круги вновь смогли бы настаивать на своем.

Анами согласно кивнул и позвал своего секретаря полковника Хаяси.

«Дай мне чернильную палочку и бумагу. Я хочу написать прошение об отставке. Узнай также о процедуре отставки. — Хаяси был уже у двери, когда Анами остановил его: — Впрочем, не надо».

Военный министр объяснил своему шурину: «Даже если я уйду в отставку, императорский рескрипт будет обнародован и без меня. А я потеряю драгоценную возможность быть рядом с императором в такое время...»

Убедившись, что военный министр не пойдет против воли императора, Такесита пришел в отчаяние. Рухнула последняя надежда. Он оставил Анами и, охваченный мрачными предчувствиями, поехал в министерство. Итак, он потерпел неудачу. Шансов совершить переворот и продолжать сопротивление больше не оставалось.

Анами возвратился в военное министерство позже. Человеку, для которого смерть во имя божества на земле — императора — считалась высшим призванием, результаты совещания казались величайшей трагедией. Он, Анами, не оправдал надежд своих офицеров, и особенно преданных ему «молодых тигров», так как условия союзников были приняты. Не будет теперь последней битвы, которая продемонстрировала бы превосходство духа Ямато. Анами обманул и ожидания императора, не отбросив противника и не убедив его величество, что у армии есть действенный план контрнаступления. По вине Анами император потерял веру в свои войска.

В таком направлении текли мысли военного министра. И на этом пути был лишь один выход.

С того момента, как утром 14 августа лорду — хранителю печати принесли пропагандистскую листовку союзников, его охватила тревога. Поэтому, когда наконец началось заседание Императорского совета, Кидо был вне себя от радости. Перед тем как император спустился в бомбоубежище для участия в историческом заседании, Кидо успел переговорить с его величеством. Затем позвонил принц Микаса. Кидо встретился с ним в «кабинете

отдыха принцев крови». Микаса был неутомимым борцом за заключение мира и, как армейский офицер, старался повлиять в этом вопросе на военных.

В полдень Кидо вызвали к его величеству, и он поспешил в дворцовые покои узнать, чем кончилось совещание. Хирохито внешне был спокоен, хотя едва сдерживал слезы. Охваченный благоговением при виде своего суверена в таком состоянии, Кидо опустил глаза, слушая императора. 124-й император Японии сообщил своему главному советнику, что принял окончательное решение во имя жизни своих подданных и продолжения расы Ямато, поскольку священность нации дороже ему собственной жизни и своего положения.

Выйдя из императорских покоев, Кидо со всей своей незаурядной энергией принялся за работу. Он провел совещание с главным камергером и старшим адъютантом императора относительно обращения императора к вооруженным силам с целью удержать их в повиновении. Затем Кидо имел еще одну аудиенцию у императора.

Около трех часов дня агентство Домей передало в вещании на Америку: «Молния! Молния! Токио, 14 августа. Как стало известно, вскоре будет обнародован императорский рескрипт, принимающий условия Потсдамской декларации».

Получасом позже принц Микаса сообщил Кидо об обстановке в армии на данный момент. После ухода принца Кидо торопливо прошел к адъютантам. Министры армии и военно-морского флота лично заверили, что удержат в руках контроль над войсками. Затем Кидо поспешил к министру двора Исивата, чтобы посоветоваться по поводу записи императорского рескрипта на магнитную ленту для передачи в эфир.

Вскоре прибыл начальник токийской полиции Мачимура. Он сообщил, что перед рассветом в центре Токио на телеграфных столбах, у станций метро и на железнодорожных вокзалах были расклеены новые плакаты. В них назывались предателями министры, стоящие за заключение мира. Начальник полиции считал, что ультраправые элементы начали агитационную кампанию и, если они объединятся с военными кругами, возможны серьезные беспорядки.

Нанес визит Кидо и принц Коноэ, вытащив на свет свои старые опасения о «коммунистическом восстании». Затем принц поинтересовался, все ли благополучно во дворце. Он объяснил, что до него дошли слухи о мятеже в гвардейской дивизии. Кидо ничего не знал об этих слухах и отнесся к ним с пренебрежением.

«Гвардейская дивизия никогда не прибегнет к каким бы то ни было незаконным действиям», — сказал Кидо.

Через несколько часов лорд — хранитель печати понял, как глубоко он ошибался.

ГЛАВА 17

ЗАКАТ САМУРАЯ

Утро 14 августа в генеральном штабе началось сравнительно спокойно. Но, как только стало известно о заседании Императорского совета, спокойствия как не бывало.

Около часу дня по зданию пронесся слух, что генерал Анами возвратился из дворца. Военное министерство и генеральный штаб гудели, как пчелиный рой. «Молодые тигры» поспешили в кабинет военного министра.

Через некоторое время появился генерал. Он заметно побледнел, но, как всегда, был подтянут. Стоявшие ближе заметили, что он очень волнуется, хотя пытается скрыть это. Немного помедлив, министр просто и спокойно сказал: «Сегодня утром на заседании Императорского совета было решено закончить войну. Я приношу свои извинения, что не оправдал ваших надежд...»

После того как Анами сообщил эту горькую новость своим приближенным, начальник оперативного управления генштаба армии обратился к заместителю начальника генштаба генералу Кавабе и предложил предпринять что-нибудь для обеспечения согласованности действий представителей высшего командования армии. Необходимо было предотвратить разрозненные выступления, сопротивление капитуляции или попытки переворота. Заместитель начальника генштаба охотно согласился взять на себя эту миссию.

«Молодые тигры», собираясь группами, горестно обсуждали события. Предлагались и тут же отвергались всевозможные планы — реальные и фантастические. Офи-

циально было объявлено, что в 15.00 военный министр выступит перед начальниками всех отделов в конференц-зале.

Подполковник Ида содрогался при мысли, что снова услышит, как Анами произнесет эти презренные слова. Ида казалось гораздо важнее решить вопрос, как должна повести себя армия в создавшейся обстановке. «История знает немало примеров, когда побежденные своим поведением вызывали восторг последующих поколений, — думал Ида. — В час этой беспрецедентной национальной катастрофы мы должны принять все меры, чтобы с честью вынести последние дни существования японской армии».

Это было бы превосходно. Но как добиться цели? Ида решил, что военные должны принять на себя ответственность за поражение и, как один, покончить с собой в знак извинения перед императором и японским государством. Если все офицеры токийского гарнизона покончат с собой, совершив харакири, их искренность потрясет небеса... «Когда я пришел к этому решению, — вспоминал Ида, — то почувствовал облегчение. Мысли, не дававшие мне покоя с 9 августа, внезапно прояснились — я понял, что смерть принесет нам славу, и решил представить военному министру план самоубийства всего офицерского корпуса».

Подполковник Ида оставил кабинет и направился к офицерам, чтобы обсудить свое решение. Результаты оказались обескураживающими. «К моему сожалению, — признавал он, — только двадцать процентов офицеров согласились со мной. Десять процентов предлагали уйти в подполье, остальные находились в нерешительности. Многие офицеры были целиком и полностью поглощены повседневной работой, и это «будничное настроение» даже в последний день славной японской империи оставляло горькое впечатление».

Тем не менее некоторые «молодые тигры» загорелись желанием ввести в действие «План использования войск № 2». Этот план поддержал начальник отдела по подготовке военных материалов полковник Сато, еще два дня назад выступавший против переворота. Теперь Сато требовал немедленных действий. Хатанака, Сиидзаки, Хосода и Хата усиленно готовились к перевороту. Хатанака ратовал за немедленный переход к решительным действиям. Заговорщики за два дня до этого связались с офице-

рами гвардейской дивизии и установили контакт с командиром 2-го гвардейского полка.

Однако решение императора и заявление Анами охладили многих заговорщиков. Такесита и Арао вышли из игры. Инаба пытался убедить заговорщиков, что, поскольку Анами отказался участвовать в перевороте, заговор провалится. Инаба советовал действовать в соответствии с указаниями военного министра. Однако Хатанака в не меньшей степени был убежден, что люди, с которыми он установил связь, последуют за ним, как только будет дан сигнал. Он также верил, что сможет сыграть на патриотизме и самолюбии Такесита и в нужный момент привлечь Анами к участию в перевороте.

Для Хатанака путь к отступлению был отрезан. Подготавливая переворот, он вел переговоры более чем с дюжиной офицеров, занимавших важные посты. В условиях Японии страх позора всегда являлся мощным фактором, и Хатанака не решался выйти из игры, иначе он не смог бы смотреть в глаза тем, кто знал о его роли в подготовке заговора. Уж лучше погибнуть!

В семи километрах к западу от холмов Ичигая в военно-морском технологическом институте собрались руководители научно-исследовательской работы на флоте. Они должны были заслушать официальный доклад профессора Асада относительно взрыва, который смел с лица земли Хиросиму.

Приехав ночным поездом 11 августа из Хиросимы в Осаку, Асада явился в местный штаб военно-морских частей и рассказал офицерам о результатах своих наблюдений и исследований в Хиросиме: город действительно был уничтожен атомной бомбой, как заявил об этом противник. Моряки убедили Асада представить свои доказательства в морской генеральный штаб.

Асада возвратился в свою лабораторию в Осакском университете, чтобы привести в порядок дела после четырехдневного отсутствия; здесь его посетил лейтенант Сайто из военно-морского училища Этадзима. Сайто, бывший ученик Асада, рассказал профессору, что направляется в Токио в морской генеральный штаб с донесением от своего начальника, который, изучив информацию о взрыве в Хиросиме, пришел к выводу, что использован-

ная там бомба содержала смесь магния с жидким кислородом. Начальник Сайто считал, что нет оснований бояться этой бомбы больше, чем обычной.

Асада был потрясен. «Если это донесение придет в морской генеральный штаб раньше, чем мой доклад, — решил он, — там поверят начальнику военно-морского училища. Докладу рядового университетского профессора моряки не поверят. Это нужно предотвратить любой ценой. По слухам, 17-го числа атомной бомбардировке может быть подвергнут Токио, а 21 августа — Осака». Хотя Асада и сомневался в возможности массовых атомных бомбардировок, он допускал, что США имеют пять или шесть таких бомб. И если их используют, масштабы опустошений и жертв трудно себе представить.

Профессор, установив с помощью научных приборов атомный характер бомбы, попытался использовать средства связи военно-морского флота, чтобы сообщить об этом факте в Токио и осторожно высказать мысль о необходимости окончания войны. А теперь его бывший ученик вез донесение, которое фактически поощряло продолжение — самоубийственное — сопротивления. Асада рассказал Сайто о результатах своих исследований и убедил молодого офицера в необходимости срочно доставить эти выводы в морской генеральный штаб.

Сайто согласился задержаться с отъездом, предоставив, таким образом, профессору Асада возможность первым появиться в морском генеральном штабе и изложить свои выводы раньше, чем версия начальника Сайто о бомбе с зарядом из жидкого кислорода овладела бы умами флотских военачальников.

Выехав ночным поездом, Асада прибыл в Токио утром 14 августа. После полудня, представ перед аудиторией, состоявшей из адмиралов, профессор рассказал о своих исследованиях, перечислил научные доказательства и заявил, что, вне всяких сомнений, в Хиросиме была применена атомная бомба. «У нас нет средств, — сказал он, — способных противостоять этому оружию».

Асада глубоко заблуждался, думая, что его сообщение вызовет панику среди военных моряков и они немедленно побегут просить мира. Вывод военно-морского командования оказался поистине чудовищным: «Изолировать всех японских физиков в пещерах в префектуре Нагано и заставить их производить атомные бомбы».

В час дня 14 августа кабинет министров во главе с Судзуки собрался на заседание в канцелярии премьер-министра. Первым пунктом повестки дня было утверждение решения о принятии условий союзников, как повелел его величество. Каждый из пятнадцати министров уже подписал документы. Таким образом, Япония официально приняла Потсдамскую декларацию.

Когда кабинет министров утверждал это решение, министр иностранных дел Того позвонил по телефону своему заместителю Мацумото и приказал подготовить для союзников ноту о капитуляции. По указанию Того был также составлен другой меморандум, включавший пожелания военного командования. Экземпляры этого документа были представлены командованию армии и военно-морского флота для утверждения, после чего меморандум направили союзникам. Вот основные пункты этого документа.

«1. Поскольку задача оккупации — достижение целей Потсдамской декларации, японское правительство выражает пожелания, чтобы четыре великие державы положились на добрую волю Японии и облегчили выполнение ею обязательств. Во избежание осложнений желательно:

а) заблаговременно предупредить о прибытии флотов или войск в собственно Японию, чтобы можно было принять меры по подготовке к их приему;

б) ограничить до минимума число оккупированных районов; желательно оставить города неоккупированными.

2. Разоружение войск, дислоцирующихся на заморских территориях, желательно осуществлять на основе приказа императора. Желательно соблюдать положения Гаагской конвенции и уважать честь воина, разрешив офицерам ношение мечей.

3. Поскольку некоторые войсковые части находятся в отдаленных районах, желательно дать достаточный срок для прекращения военных действий.

4. Доставка продовольствия и медикаментов японским войскам, находящимся в отдаленных районах, а также перевозка раненых может быть осуществлена союзниками и японскими властями с помощью средств, предоставленных союзниками».

Это удивительное послание побежденных победителю казалось японским военным руководителям вполне логич-

ным. Они, видимо, совершенно забыли, что за последние четырнадцать лет, начиная с маньчжурского инцидента, запасы «доброй воли» у Японии значительно поистощились, а что еще оставалось, вылетело в трубу вместе с дымом пожаров в Пирл-Харборе. В этом отношении Япония была банкротом и очень боялась, что, когда начнется разоружение и союзники оккупируют страну, может вспыхнуть мятеж, с которым трудно будет справиться.

Для союзников просьба заблаговременно предупредить о прибытии флота и войск походила на западню. Однако ответственные японские руководители совершенно искренне считали, что полицейская охрана и соответствующие приготовления обязательны во избежание инцидентов в период вступления в страну оккупационных сил.

Предложение о сокращении до минимума числа оккупируемых районов и численности гарнизонов, а также о дислокации войск вдали от городов также могло показаться союзникам хитрой уловкой. Естественно, побежденная нация хотела бы иметь как можно меньше иностранных войск на своей территории и предпочла бы спрятать их подальше от глаз, в сельских районах. Иметь в столице и главных городах оккупационные силы, контролирующие воздушные, сухопутные и морские пути сообщения, не хотелось бы ни одной нации! Однако Того и военные лидеры имели для этого веские причины: они стремились свести к минимуму возможные трения и избежать демонстрации вооруженной мощи союзников, чтобы не вызвать массовых волнений.

Пункт о самостоятельном разоружении японских войск на заморских территориях был вообще смехотворным. Как можно было серьезно предлагать, чтобы союзники терпеливо ждали, пока никем не контролируемые японцы сами (вероятно, очень медленно) сложили оружие? Некоторые могли ведь и «забыть» сдать свое оружие, отложив его на черный день. Кроме того, это «добровольное» разоружение породило бы миф о том, что японская армия и военно-морской флот не дали последнего боя, к которому они в общем-то были готовы, не потому, что их разбили, а потому, что им так повелел император.

Того, будучи реалистом, считал, что вероятность принятия союзниками этих предложений ничтожно мала.

Однако, понимая деликатность вопроса, он включил в документ эти пожелания по требованию военных.

В древней Японии традиционным отличием самурая являлись его мечи. Право ношения оружия принадлежало только самураю, и это четко определяло его место в социальной структуре на вершине. Преемники самурайского духа — армия и военно-морской флот — ревниво оберегали право носить оружие, особенно заветные мечи.

Культ меча уходит своими корнями в туманную древность, когда богиня Солнца презентовала меч своему внуку. Одним из трех священных сокровищ Ниппона остается этот меч. Железные мечи были в ходу па Японских островах по крайней мере за шесть столетий до рождества Христова. Производство мечей в Японии всегда считалось одним из благороднейших дел, и им занимались с религиозным благоговением.

При заточке лезвий кузнец облачался в придворное кимоно, вывешивал «шименава» (плетеную соломенную веревку с подвесками из соломы и бумаги, символизирующую чистоту молитвы перед богами) и уединялся от всего мира для совершения таинства. Это был священный обряд. Оружейник должен был иметь незапятнанную репутацию и быть абсолютно преданным своему ремеслу. Меч считался эмблемой чистоты и справедливости. Существовало поверье, что, если кузнеца во время ковки меча обуревали недобрые мысли, они могли оказать дурное влияние на клинок и его владельца. Такой меч никогда не принесет удачи!

В древности самурай давал клятву на своем оружии, и эту клятву могла нарушить только смерть. Меч считался священным оружием, предназначенным для поражения зла и защиты справедливости. Для ковки этих мечей требовались высокое мастерство и художественный вкус. В течение столетий японские мечи славились по всему Востоку.

Парадная форма японского офицера считалась неполной без этого изысканного оружия. Более того, ради приобретения меча японский офицер, не задумываясь, мог истратить десятимесячное жалованье или даже заложить дом и землю, многие годы выплачивая долг.

Того и другие министры хорошо понимали, что в силу исторически сложившихся традиций маловероятно, чтобы самурай добровольно отказался носить свой меч. Однако

ведь во времена Сацумского восстания[1] самурай, поднявший меч против императора Мэйдзи, лишался права носить свой меч! И все же расстаться с фамильной драгоценностью самураю было не так-то легко. Поэтому Того и включил специальную просьбу об уважении чести воина и о том, чтобы военным оставили право носить мечи.

Надежды Того на положения Гаагской конвенции могли лишь вызвать раздражение союзников, поскольку Япония никогда не соблюдала эту конвенцию по отношению к военнопленным, о чем союзники не раз заявляли официальные протесты.

Третий пункт меморандума мог показаться попыткой затянуть военные действия до тех пор, пока японским командующим на местах не заблагорассудится прекратить их. Маловероятно, чтобы это условие было принято, хотя фактически оно отражало действительное положение вещей: со многими японскими гарнизонами связь оказалась утерянной, и они почти вышли из-под контроля центральной власти.

Того и другие гражданские министры хорошо понимали, что понадобится определенное время, прежде чем командующих войсками удастся убедить в подлинности желания императора капитулировать. Поэтому предусматривалось послать в отдаленные районы братьев императора, чтобы они передали его повеление считать капитуляцию законной. Достоверность приказа о капитуляции должны были подтвердить наиболее авторитетные лица.

---

[1] После иезавершенной буржуазной революции Мэйдзи развитие капиталистических отношеиий в Японии привело к усилению зкоиомических позиций буржуазии и дальнейшему ослаблению самурайства — воеиного дворянства средневековой Японии. Большинство самураев были недовольны новыми порядками.

В 70-х годах XIX века в Японии вспыхнули реакционные мятежи, ставившие своей целью свержение правительства, отмену буржуазиых реформ и восстаиовление самурайских привилегий. Поводом к мятежам было введеиие всеобщей воинской повинности, сокращение пенсий самураям, недовольство виешней политикой правительства. В 1877 году Сайго Такамори поднял крупный реакциоиный мятеж на юге Японии, в провинции Сацума. Обладая значительной (до 40 тыс. человек) и дисциплинированной армией, он несколько месяцев вел борьбу с правительствеиными войсками. Сацумское восстание было подавлено в сеитябре 1877 года. — *Прим. ред.*

Военные руководители опасались, что на это понадобится несколько недель. (Последующие события показали, насколько оправданы были эти опасения. В некоторых отдаленных и окруженных противником гарнизонах приказ о капитуляции презрительно игнорировался как грубая уловка союзников и военные действия продолжались еще несколько недель.)

Четвертый пункт меморандума взывал к гуманности союзников, моля о спасении японских солдат. Япония, некогда обладавшая третьим в мире флотом, была вынуждена унизительно просить о выделении транспортов для неотложных нужд.

Руководители армии и военно-морского флота охотно утвердили проект меморандума Того. Однако наиболее реалистичные из них понимали, что шансов на принятие этих предложений мало. Другие считали, что меморандум удовлетворительно отражает вопросы, требующие немедленного решения. Многие предлагали уточнить толкование отдельных пунктов и увеличить список частных предложений по некоторым вопросам.

Министр иностранных дел должен был знать, насколько неприемлем этот меморандум для союзников. Но, составляя его, Того, по-видимому, решил дать волю пожеланиям военных. Так или иначе, на следующее утро Того выпустил эту стрелу, и она упала где-то незамеченной и безответной. (Утвержденный текст меморандума Того послал 15 августа. Это была последняя официальная нота императорской Японии противнику. Несомненно, союзники ее получили, однако не ответили. Возможно, ее посчитали до невероятности наглой. Возможно, она просто затерялась в суматохе. О ней нет никаких упоминаний в документах, и ее судьба осталась неизвестной.)

Кабинет министров заслушал сообщение министра информации Симомура о плане передачи по радио обращения императора к народу. Руководителей правительства бросало в дрожь при мысли о том, что́ могут натворить возмущенные массы, услышав о капитуляции.

Министры единодушно подчеркивали, насколько важно, чтобы с известием о капитуляции выступил сам император. Передачу будут слушать во всех уголках империи, и выступление Хирохито не оставит сомнений в том,

что капитуляцию поддерживает его величество. Заявлению кого-то другого, кроме императора, никто бы не поверил, так как народ продолжал считать, что японские вооруженные силы одерживают победы. Введенные в заблуждение люди сочли бы такое сообщение оскорблением, сразу бы вспыхнули бунты, началась всеобщая травля организаторов передачи, по всей стране прокатились бы погромы таких масштабов, в сравнении с которыми померкли бы «рисовые бунты» [1]. Предусмотрев все это, кабинет утвердил план широковещательных радиопередач.

Тем временем министерство императорского двора вело предварительную подготовку выступления императора по радио. Около полудня камергер позвонил в министерство информации и попросил начальника первого отдела Усабуро Като прибыть во дворец для обсуждения организации выступления императора по радио, которое намечалось примерно на шесть часов вечера.

Располагая ограниченными сведениями о происходящем, Като из министерства информации предположил, что император собирается объявить об отречении от трона, как это сделал в Англии Эдуард VIII.

Возвратившись в министерство информации, Като позвонил в японскую компанию радиовещания. Президент компании, главный инженер и начальник отдела по радиовещанию внутри страны прибыли в министерство, где им объявили, что его величество зачитает свой рескрипт по радио и передачу в эфир следует произвести со звукозаписи. Группа звукозаписи прибыла в министерство императорского двора к трем часам дня.

Пока кабинет министров утверждал текст выступления императора, в неуклюжем темном здании радио Токио на улице Хибия начались приготовления к записи выступления. Инженеру Нагатомо было приказано подготовиться к проведению сеанса дистанционной звукозаписи. Нагатомо не знал, где должна происходить запись и что будет записываться, но чувствовал, что это дело важное. Он реквизировал лучший микрофон на станции, добыл два приемника, звукозаписывающую и вспомогатель-

---

[1] Массовые выступления трудящихся Японии в августе — сентябре 1918 года, явившиеся результатом обострения классовой борьбы в стране. «Рисовые бунты» способствовали росту классового сознания японского пролетариата. — *Прим. ред.*

ную аппаратуру, а также проверил каждый компонент звукозаписывающего агрегата.

Нагатомо отобрал трех помощников и доложил о готовности. Его начальники поначалу возражали против столь многочисленной группы, однако Нагатомо настоял на том, что ему необходимо четыре человека для обеспечения высокого качества записи. Четыре инженера под руководством господина Такадзиро Кондо уселись в автомобили министерства двора вместе с президентом радиокомпании Охаси и начальником отдела Ябе.

Всем им было приказано надеть рабочую одежду.

Прибыв во дворец, они поднялись на второй этаж и прошли в аудиенц-зал императора. Микрофон был установлен в служебной комнате, а записывающая аппаратура — в аудиенц-зале. Один из камергеров поинтересовался, сможет ли император прослушать потом сделанную запись. Оказалось, что у инженеров нет с собой аппарата для воспроизведения записанного.

Нагатомо, вскочив в автомобиль, помчался на секретную радиовещательную станцию, созданную на случай непредвиденных обстоятельств в подвале дома страховой компании Дайити. На шестом этаже этого здания командующий войсками Восточного военного округа генерал Сидзуити Танака разместил свой штаб. Это было одно из наиболее безопасных мест во всем городе, потому его и выбрали для размещения запасной радиовещательной станции.

В то время когда Нагатомо спускался в подвал здания Дайити, в парадные двери этого же дома решительно вошел худощавый молодой офицер со знаками различия, указывавшими на его принадлежность к военному министерству. Он направился прямо к лифту и поднялся на шестой этаж, где находился штаб Восточного военного округа. Это был майор Кендзи Хатанака.

Зная, что Такесита, Инаба и Арао отказались участвовать в перевороте, Хатанака взял инициативу в свои руки и стал действовать в одиночку, стремясь предотвратить сдачу священной земли противнику. Хатанака решил выполнить первоначальный план заговора, а если не получится, то совершить переворот по плану, возможно близкому к первоначальному. Он уже заручился поддержкой офицеров гвардейской дивизии, занимавших второстепенные и третьестепенные должности. Его друзья

обрабатывали генерала Умедзу и надеялись привлечь вместе с ним весь генеральный штаб. Хатанака думал уговорить Ида и Такесита втянуть в заговор и военного министра. Сейчас Хатанака собирался вести переговоры со штабом округа. Войска Восточного военного округа занимали ведущее место в планах переворота, так как контролировали весь район Токио.

В комнате дежурного, расположенной рядом с кабинетом командующего, Хатанака сказал, что хочет видеть генерала Танака. Дежурный посмотрел на щуплую фигуру в помятой форме и спросил у Хатанака, по какому он делу. Майор отказался сообщить дежурному цель своего визита. Вспыхнула ссора. Услышав шум, из кабинета вышел генерал.

Колючий взгляд, торчащие вверх усы и раздраженно-надменное выражение лица придавали генералу грозный вид даже в спокойной обстановке. Его голос звучал только в двух тембрах — приглушенном и мягком или громовом.

Сейчас появившийся в дверях Танака являл собой живое воплощение японского бога гнева. Услышав, что майор Хатанака хочет видеть его по сугубо секретному делу, Танака уперся руками в бока и загремел: «Ты дурак! Зачем ты пришел сюда? Я знаю, что тебе надо!.. Можешь даже не раскрывать рта... Вон отсюда!»

Очевидно, Танака был заранее предупрежден. Хатанака побледнел, поспешно поклонился и вышел. «Нужно искать другой способ привлечь на свою сторону войска округа», — подумал он. Дело было слишком важным, чтобы отказаться от задуманного только из-за этой временной неудачи. Хатанака отправился в Итигай. Он хотел заручиться поддержкой собратьев-офицеров в военном министерстве.

Анами покинул заседание кабинета министров около трех часов дня. Ему срочно нужно было поехать в министерство. Когда генерал покидал зал заседаний, работа кабинета прекращалась, так как в его отсутствие буквально ничего нельзя было решить. Вот и сейчас заседание прервалось до его возвращения.

В половине четвертого Анами собрал всех начальников отделов военного министерства, а также руководи-

телей различных органов, школ и учреждений, подчиненных непосредственно министру.

«Императором принято решение капитулировать, — сказал Анами, — и вся армия должна вести себя в полном соответствии с этим решением. Император особенно беспокоится за военных. Он сказал, что, если понадобится, направит армии специальный императорский рескрипт, чтобы его верные солдаты и подданные поняли неизбежность капитуляции. Выход только один. Армии остается подчиниться воле императора. — Генерал сделал паузу. — Японии предстоят нелегкие испытания. Но если даже придется спать на сырой земле и питаться камнями, необходимо приложить все силы во имя сохранения национального государственного строя».

После Анами выступил генерал Йосидзуми. Он коротко рассказал об Императорском совете и изложил доводы императора при принятии решения о капитуляции. Генерал Вакамацу от имени личного состава министерства заверил Анами в готовности выполнить волю императора.

Анами ушел к себе в кабинет и попросил секретаря принести ему два листа бумаги. Полковник Хаяси решил, что военный министр собирается подать в отставку. Однако Анами осторожно отложил бумагу в сторону и приказал Хаяси следовать за ним. Они поехали в резиденцию премьер-министра на заседание кабинета. Анами ни словом не обмолвился об отставке.

В импровизированной радиостудии в здании министерства двора инженеры группы записи, привыкшие к работе с точностью до секунды, томились ожиданием. Они то проверяли микрофоны, проигрыватели, проводку, усилители, то курили, то расхаживали взад и вперед. Приказаний относительно записи все не поступало. И вообще не было признаков того, что она состоится.

На это имелись достаточно веские причины. Во-первых, проект рескрипта не был получен от Сакомидзу до четырех часов дня. Во-вторых, разгорелись жаркие споры относительно того, что должно и чего не должно быть в рескрипте.

Тем временем генералы Умедзу и Анами принимали меры, чтобы удержать армию в повиновении. В генераль-

ном штабе Умедзу собрал всех офицеров, чтобы объявить им о решении императора на прошедшем совете. «Армии, — сказал он, — не остается другого выбора, как повиноваться воле императора».

Во второй половине дня Анами и Умедзу передали по радио и разослали всем командующим армейскими объединениями, непосредственно подчиненным императору, совместное сообщение. В нем, в частности, говорилось:

«1. В ходе состоявшихся переговоров с противником Япония выдвинула условие, чтобы был сохранен национальный государственный строй — императорская форма правления. Однако встречные условия противника исключительно затрудняют выполнение нашего пожелания, и в силу этих причин мы настойчиво придерживались мнения, что условия противника неприемлемы. Мы не раз докладывали императору об этом, однако его величество все же решил принять условия Потсдамской декларации...

2. В соответствии с высочайшей волей всем войскам необходимо действовать так, чтобы не посрамить наших традиций. Необходимо, чтобы каждый солдат воздержался от каких-либо необдуманных поступков как внутри страны, так и за ее пределами и не запятнал бы честь и высокую репутацию императорской армии...»

В половине пятого министр военно-морского флота Ионаи собрал старших офицеров министерства и приказал принять меры предосторожности, чтобы обеспечить выполнение высочайшей воли о принятии условий Потсдамской декларации. Ионаи также приказал главным военно-морским командованиям, находящимся на территории собственно Японии, немедленно прислать своих представителей в морской генеральный штаб для получения дальнейших указаний.

В этот бурный день 14 августа кабинету министров под председательством Судзуки предстояло сформулировать сообщение, которое могло быть передано как императорский рескрипт. Это оказалось нелегким делом, поскольку рескрипт надлежало изложить официальным придворным языком, так называемым «канбун». Этот язык, подобно латинскому на Западе, предназначался для официальной информации.

Главный секретарь кабинета министров Сакомидзу начал трудиться над проектом рескрипта сразу же, как только император принял свое решение. С помощью Кихара из «Ниппон таймс» и Такеда из министерства по делам великой Восточной Азии проект рескрипта был уже вчерне закончен. Сакомидзу знал «канбун», но, считаясь с важностью документа, дал проверить текст двум известным ученым — профессорам Кавада и Ясуока. Ученые внесли некоторые изменения и добавили ряд фраз.

Сакомидзу раздал копии проекта министрам, и те принялись горячо обсуждать стиль, терминологию и даже звучание рескрипта. Возражение военного министра вызвала фраза «военное положение с каждым днем ухудшается». Анами предлагал исключить эту фразу, так как она якобы бросала тень на воюющих японских солдат и не отражала наступательного духа на китайском фронте и островах.

Ионаи занял противоположную позицию. «Мы не должны менять зту фразу. Категорически нет», — заявил он.

Посоветовавшись с министрами, секретарь кабинета предложил другой, весьма отдаленный вариант: «Военная обстановка сложилась не в пользу Японии». Анами согласился с такой редакцией, Ионаи яростно возражал. Однако премьер-министр, опасаясь, что Анами может уйти в отставку и таким образом развалить весь карточный домик, взял сторону военного министра и согласился принять вторую формулировку.

Три или четыре министра прицепились к слову «гимей», стоявшему перед фразой «вынести невыносимое». «Гимей», древнее слово, означающее «такова воля бога» (в данном случае императора), настолько потеряло свое значение, что даже не все присутствующие смогли понять его. Слово заменили современным — «дзюн», имеющим более пассивную форму и означающим: «уже решено, и в этом заключается наша судьба». Фраза приобрела вид: «... при таких обстоятельствах мы должны вынести невыносимое...»

Очень важное изменение внес военный министр Анами. Генерал не скрывал своего отношения к оккупации Японии союзниками. Он не доверял заявлениям союзников в Потсдамской декларации и последующих нотах и потому настаивал, чтобы император употребил слова: «мы способны сохранить государственное устройство нашей

империи». Это, по мнению Анами, свидетельствовало о том, что император сохранил национальный государственный строй нерушимым, а если что случится с этим строем впоследствии, все это в глазах японцев и всего мира будет делом рук союзников.

В министерстве двора нервничавшим радиоинженерам один из камергеров предложил поужинать. Они поели в две смены, ожидая вызова каждую минуту. Но вызова не последовало. Никакой новой информации также не поступало. Причина заключалась в том, что кабинет министров не закончил редактировать рескрипт до половины девятого вечера. Только к этому времени представленный Сакомидзу пересмотренный проект был наконец утвержден в его окончательном виде.

Теперь, с плодами четырех месяцев своего премьерства, зажатыми в морщинистой руке, барон Судзуки поехал во дворец. Принятый еще раз Хирохито в императорской библиотеке, Судзуки вручил это ужасное заявление его величеству. Прошло девять часов с того момента, как император повелел предпринять этот шаг, и теперь он увидел многие свои выражения в рескрипте. Он был доволен тем, что в нем подчеркнуто его стремление к миру и нет встречных обвинений. Основной чертой этого документа было выраженное в нем желание обеспечить мир на все времена для Японии и всего мира.

В послании не упоминалось об отмщении. После японо-китайской войны 1894—1895 годов объединенное давление трех держав вынудило Японию возвратить Ляодунский полуостров Китаю. В то время дед Хирохито обнародовал императорское послание, содержавшее выражения, которые легко было истолковать как призыв отомстить за трудное положение, в которое попала Япония.

Хирохито одобрил рескрипт, собственноручно подписал его и приказал приложить свою личную печать. Он и Судзуки коротко переговорили относительно организации передачи по радио, и адмирал в надежде, что хлопоты подходят к концу, привез документ обратно на заседание кабинета.

Вскоре после десяти часов вечера завыли сирены, возвещая об окончании перерыва в стратегических бомбар-

дировках Японии. Президент Трумен распорядился прекратить налеты 10 августа, когда увидел сообщение агентства Домей о принятии Японией Потсдамских условий. Но Япония замешкалась с ответом на ноту государственного секретаря Бирнса. Президент снова выпустил бомбардировщики, чтобы помочь противнику принять решение. И теперь, когда окончательный проект декрета находился на грани утверждения и объявления, над Токио появились самолеты. При первом звуке сирен огни во всей округе погасли.

Только подписи министров требовались на документе, чтобы ратифицировать его. Пятнадцать человек приложили свои печати [1]. Анами настоятельно советовал, чтобы выступление императора с зачтением рескрипта было сделано на следующий день. Те, кто близко сталкивался с военными и хорошо знал их тактику проволочек, почуяли в этом предложении что-то зловещее. Большинство руководящих деятелей к этому времени уже знали, что обстановка на холмах Ичигая сложная, если вообще еще поддается контролю. Не выигрывает ли военный министр время, чтобы прикрыть какие-нибудь угрожающие действия?

Анами убедительно доказал, что передача по радио до начала следующего дня могла бы вызвать волнения среди гражданского населения или какие-нибудь непредвиденные выступления в воинских частях. Симомура предложил произвести передачу на следующий день в полдень, и кабинет согласился.

Но это было еще не все. Когда тактический вопрос уладили, военный министр выдвинул еще одно требование — чтобы до опубликования рескрипта вопрос о принятии условий союзников был поставлен перед Тайным советом. Он аргументировал это тем, что капитуляция является, по существу, договором между суверенными государствами.

Тайный совет был создан по императорскому указу во времена императора Мэйдзи, который распространил юрисдикцию совета на шесть сфер государственной деятельности, среди которых четвертой были названы международные договоры и соглашения. Согласно этому

---

[1] В Японии принято вместо подписи на документах и письмах ставить личную печать — факсимиле. — *Прим. ред.*

указу никакие законы не могли быть введены в действие и никакие рескрипты изданы без утверждения Тайного совета. Попытка Судзуки ловким маневром обойти Тайный совет, включив его президента барона Хиранума в состав участников заседания Императорского совета, теперь была разоблачена.

Снова возникло подозрение, что военный министр старается выиграть время для каких-то незаконных действий. Послали за экспертом по таким делам Мурасе. В качестве директора законодательного бюро он дал разъяснения о пределах юрисдикции Тайного совета, и на основании его информации министры пришли к компромиссу. Рескрипт войдет в силу после его опубликования ночью 14-го, а Тайный совет ради соблюдения формы рассмотрит вопрос утром 15 августа.

Затем текст был передан в бюро по делам печати для опубликования. Он был набран и отпечатан в качестве экстренного выпуска «Официальной газеты» в 23.00, и это время (двадцать третий час четырнадцатого дня восьмого месяца двадцатого года эры Сева) стало официальным моментом окончания Японией военных действий на Тихом океане.

На этом закончилось заседание кабинета. Пока министры еще сидели за столом заседаний, разговаривая о важных событиях этого дня, генерал Анами, одетый в полную парадную форму, со всеми орденами, при парадном мече, в белых перчатках и с головным убором в руках, торжественно подошел к Того и вытянулся перед ним. Сугубо официальным тоном военный министр обратился к своему постоянному противнику, торжествовавшему теперь победу: «Я видел проект ноты министра иностранных дел союзным державам относительно оккупации и разоружения и не нахожу слов, чтобы выразить мою благодарность. Если бы я знал, что с этим делом справятся настолько удовлетворительно, я не стал бы так резко спорить на Императорском совете».

Того, твердый до конца, ответил: «Хотя я был против выдвижения этих пунктов в качестве условий принятия предложений союзников, но не возражал, чтобы представить их как пожелания японского правительства».

Анами, держась все еще крайне официально, сказал: «Я очень обязан вам за все, что вы сделали».

«Я почувствовал, что он был чрезмерно вежлив, —

заметил Того впоследствии. — Однако расставаясь, мы улыбались и говорили друг другу, как хорошо, что все это закончилось».

У Анами оставалось еще одно дело в резиденции премьер-министра.

Было одиннадцать вечера, и официальное заявление уже отпечатали. Судзуки и Сакомидзу сидели одни в кабинете премьера, радуясь, что худшее позади, и все же страдая при мысли, что тяжелая, кровопролитная война причинила такие потери Японии.

В дверь постучали, и вошел Анами при мече и с головным убором в руках. Он остановился перед Судзуки, стал навытяжку и сказал: «Когда впервые возник вопрос об окончании войны, я представлял множество возражений против этого. Боюсь, что причинил вам много беспокойства. Сейчас я приношу вам глубочайшие извинения. Моим истинным намерением всегда было сохранить национальный государственный строй. Вот и все. У меня не было других целей. Пожалуйста, поймите это правильно».

Глаза Анами наполнились слезами. Судзуки встал и подошел к генералу. Он неуклюже положил руку ему на плечо, говоря: «Я все понимаю. Однако, Анами, я убежден, что императорский дом будет сохранен, потому что нынешний император ревностно выполняет священные обряды и ритуалы в честь своих предков». (Другими словами, потому, что император так благочестив.)

«Я также верю в это», — выдавил из себя Анами. Он низко поклонился, затем повернулся и тихо вышел из кабинета.

Сакомидзу молча проводил его до выхода из здания. Пожелав ему спокойной ночи, Анами забрался в свой автомобиль и направился в военное министерство.

Сакомидзу возвратился к Судзуки. Премьер, стоявший в этот момент у окна, повернулся к секретарю кабинета и мягко сказал: «Анами приходил прощаться».

В это время в Токио на фоне темной ночи почти везде, где находились правительственные учреждения, полыхали костры, зажженные самими японцами. Это было

пламя, пожиравшее историю и будущее императорской Японии [1].

Когда военный министр вышел из автомобиля у здания военного министерства на холмах Итигая, дрожащие блики огня заиграли на его лице. Представшая перед ним картина была как будто перенесена из парка Беппу с его сернистыми источниками на берегу Японского моря. Это зрелище могло также сойти за часть Дантова ада. Искры и огонь поднимались со всех сторон, взлетая вверх в душном воздухе с куч пылавших книг, документов, папок и бумаг — архивы министерства и генштаба улетали вместе с дымом.

Анами вошел в здание. Люди, многих из которых он узнавал, носились взад и вперед, некоторые с охапками бумаг, другие с узлами, третьи спешили за новой порцией пищи огню. Была объявлена воздушная тревога, но, казалось, никто этого не замечал.

Сознавая бесполезность всей этой суматохи и утомленный ею, Анами прокладывал себе путь в кабинет, кивая тем, кто заговаривал с ним и приветствовал его. Войдя к себе, военный министр рассеянно походил по помещениям, пошарил в ящиках стола, затем вызвал полковника Арао и спросил, где находится генерал Йосидзуми.

Арао доложил, что Йосидзуми уехал к своей семье в город Тиба, так как не спал последние пять суток. Анами угостил Арао сигарой.

В этот момент в зал приемов министра вошла группа «молодых тигров». Они были не такими, как всегда. Настроение изменилось. В их поведении уже чувствовалось замешательство, сквозил вопрос — как это могло случиться? Взгляды и фигуры выражали не оскорбленность, не возмущение или пылкую готовность отвергнуть перемирие, а неуверенность. Некоторые из офицеров говорили Анами о самоубийстве, другие утверждали, что надо уйти в горы и применить тактику выжженной земли. Лишь немногие с прежним задором предлагали переловить предателей — сторонников мира. Однако огонь, горевший на холмах Итигая, гасил последние проблески надежды. Это вздымалось пламя отчаяния, разжигавшее чувство обиды, а не стремление к действию.

[1] Сжигались архивы и текущая переписка, чтобы затруднить в будущем раскрытие истинных причин войны и расследование военных преступлений. — *Прим. автора.*

Анами тоже был слишком подавлен, чтобы долго разговаривать. Однако он собрался с силами, чтобы сказать: «Эта война проиграна. Остальное предоставьте мне». Его подавленный вид и слова заставили вспомнить о дисциплине, и офицеры вышли из кабинета.

Военный министр собрал свои вещи, не забыв и короткий парадный меч в полированных ножнах из вишневого дерева, и покинул здание. Сумасшедшая беготня с документами продолжалась по-прежнему, когда он сел в штабной автомобиль и поехал в свою официальную резиденцию в Миякедзака.

Императору хотелось поскорее записать на пленку свое выступление с рескриптом о мире, чтобы запись могла быть проверена специалистами и подготовлена к передаче по радио в следующий полдень. Однако, когда он собирался перейти из дворцовых покоев в свой служебный кабинет в министерстве двора, сирены, извещавшие о воздушных налетах, снова завыли, с отчаянием предупреждая о том, что «теки-сан»[1] опять возвращается. Существовало нерушимое правило, запрещавшее императору выходить из помещения, пока продолжается воздушный налет.

Хирохито терпеливо ждал в течение часа, но в конце концов обратился к камергеру Ирие и настоял на поездке в министерство двора. Он считал, что, чем скорее будет произведена звукозапись, тем раньше закончатся страдания его народа.

Ирие вызвал автомобиль и вместе с императором медленно поехал в кромешной тьме по дворцовой территории к громоздкому зданию министерства двора. Это было в 23.25. Хирохито поднялся на второй этаж в свой кабинет, горя нетерпением поскорее начать работу.

Микрофон на высокой подставке был установлен перед двумя ширмами с вышитыми на них львами. У окна стояли министр информации Симомура, министр двора Исивата и пять камергеров. В соседней комнате была включена аппаратура звукозаписи, и в дополнение к восьми специалистам из радиокомпании здесь находились три чиновника из министерства информации.

---

[1] Господин неприятель. — *Прим. ред.*

Хирохито спросил, нужна ли предварительная проверка. Между одним из камергеров и радиоинженером произошел короткий разговор. Решили, что голос камергера Тода похож на голос императора. Тода попросили прочесть несколько строчек из газеты для проверки.

Когда все было в порядке, Симомура поклонился императору, и Хирохито, держа перед собой копию рескрипта, прочел это беспрецедентное обращение к своим подданным. Голос у него был высокий, напряженный и слегка дрожал. Потом наступила заметная перемена, и его тон стал мягче и свободнее. Все было готово примерно за пять минут.

«Все ли в порядке?» — спросил император. Запросили инженеров, и Нагатомо решил, что технически запись прошла хорошо, но имеется несколько мест, где слова недостаточно разборчивы. Голос императора несколько дрожал, но было бы дерзостью сказать об этом богу. Хирохито обратился к Симомуре: «Мой голос был немного тих на этот раз, поэтому давайте сделаем еще одну запись». Он очень заботился о правильности интонации.

Вторая запись прошла гладко, но, когда она закончилась, император заметил, что пропустил важный союз, и потребовал провести еще одну запись. В этот, третий раз все, по-видимому, прошло хорошо. Нагатомо подтвердил, что запись удовлетворительная.

С помощью двух звукозаписывающих аппаратов в каждый сеанс были сделаны оригинал и запасной экземпляр звукозаписи. После третьего чтения рескрипта император удалился, не дождавшись проверки качества третьей записи.

Было пять минут первого ночи 15 августа, когда император уехал в своем затемненном лимузине.

Пленки с записями были осторожно уложены в коробки для кинолент, а их в свою очередь поместили в холщовые мешки. Затем последовал разговор между камергерами и радиоинженерами относительно места хранения пленок до момента передачи по радио. Камергеры предлагали служащим радиокомпании увезти пленки с собой на радиостанцию.

Радиоспециалисты, проявив больше мудрости, чем можно было от них ожидать, отказались взять пленки с собой на том основании, что хранить их на радиостанции опасно. Это упорство изменило ход истории и, весьма

вероятно, спасло десятки тысяч жизней. Наконец камергеры согласились взять на себя хранение пленок, и они были вручены господину Такеи. Было условлено, что за ними приедут в 11.00. Такеи передал пленки на хранение камергеру Токугава, и этот дотошный аристократ отнес их в комнату фрейлин императрицы, положил в сейф, стоявший на книжных полках, и закрыл затем сейф книгами.

ГЛАВА 18

«ТИГРЫ» НАНОСЯТ УДАР

Получив после полудня 14 августа язвительный отпор у командующего войсками Восточного военного округа генерала Танака, майор Хатанака помчался в здание военного министерства. Здесь он еще раз обсудил детали своего замысла вместе с тремя другими «молодыми тиграми» — его сослуживцем подполковником Дзиро Сиидзаки и двумя офицерами штаба гвардейской дивизии майорами Садакити Исихара и Хидемаса Кога. Они пришли к выводу, что еще остаются шансы втянуть армию во всеобщую последнюю схватку с противником, если удастся предупредить выступление императора по радио.

Чтобы добиться этого, необходимо было изолировать императора от внешнего мира и не допустить его выступления по радио. Это имело решающее значение — если бы в эфире раздались слова его величества, равносильные его повелению, было бы невозможно поднять армию против его воли. Поэтому Хатанака и его товарищи планировали в течение ночи развернуть в боевой порядок гвардейскую дивизию, захватить императорский дворец и его драгоценного обитателя и взять под контроль радиовещание внутри страны, захватив помещения японской радиовещательной компании в здании токийского радио.

Все они понимали, что шансы на успех невелики, но ставка была астрономически огромной. Если удастся совершить задуманное, Япония будет продолжать бороться, пока не победит или не падет в последней схватке с врагом. Если замысел сорвется, они погибнут, но нация признает их героизм и почтит их. Чего еще можно желать?

Около четырех часов 14 августа Хатанака отыскал подполковника Ида, который находился в своем кабине-

те, с тех пор как понял, какую возвышенную славу обещает ему самоубийство. Хатанака предложил ему подняться на крышу здания министерства подышать свежим воздухом и поговорить. Оказавшись наверху и поглядывая на руины столицы, на храм Ясукуни, находившийся напротив, на дворцовую территорию Акасака и черно-серые гранитные стены самого императорского дворца, Хатанака спросил Ида, каковы его планы. Подобно новообращенному верующему, подполковник пылко рассказал Хатанака о своей идее массового самоубийства офицеров военного министерства и генерального штаба в качестве искупления вины за поражение.

Широко раскрыв глаза от изумления, майор задумчиво ответил: «Харакири всех офицеров явилось бы прекрасным концом императорской армии, как вы говорите. Возможно, это был бы наилучший выход. Однако я думаю, что легче сказать, чем сделать. Интересно, все ли офицеры наберутся достаточно решимости, чтобы в последний момент выполнить этот план?»

«Достаточно, — ответил Ида, — чтобы десять или двадцать добровольцев, если не все офицеры штаба, покончили с собой одновременно».

Хатанака задумчиво кивнул. Затем, как бы под влиянием внезапно пришедшей в голову мысли, майор доверительно сказал: «Я не могу согласиться с вами потому, что ваше предложение непрактично. Однако мы не будем сидеть в бездействии. Должны ли мы принять императорский рескрипт о капитуляции ради спасения нашего национального строя? Или нам следует отвергнуть этот путь и драться до конца? Что лучше? Только конечные результаты дадут ответ. Поэтому мы должны предоставить все судьбе. Я предпочитаю избрать единственный путь, оставшийся для японцев, даже рискуя навлечь па себя клеймо предателя, чем спасать национальный строй с посторонней помощью».

У разгоряченного этим разговором Хатанака сверкали глаза, он стал красноречив и убедителен. «Мы не знаем, какой путь изберет судьба, но решение небес зависит от того, что будем делать мы. Наши действия, каковы бы они ни были, продиктованы чистейшей преданностью, и нам нечего стыдиться.

Ида-сан, я считаю, что надо занять императорский дворец, отрезать его от внешнего мира и помочь его ве-

личеству окончательно разрешить проблему. Это, я думаю, более целесообразно, чем массовое самоубийство всех офицеров.

Контакт с гвардейской дивизией уже установлен. Все необходимые приготовления закончены. Успешное выступление небольшой группы способно подтолкнуть к восстанию всю армию. Я уверен, успех будет за нами, если армия поднимется и будет действовать. Я хочу, чтобы вы, Ида-сан, присоединились к нашему плану».

Но Ида было не так легко свернуть с пути.

«Я опасаюсь, что у нас не хватит сил, чтобы сдвинуть армию теперь, когда военный министр высказался против переворота. Раньше я считал, что захват власти возможен, если военный министр решится пойти на это, но теперь любая попытка бесцельна».

У Хатанака был ответ и на это возражение.

«В конце концов, министр тоже человек. Его можно переубедить. Сегодня ночью остается последняя возможность, и мы не исполнили бы свой долг, если бы провели в праздности последние часы, которые небо дало нам. Страна наша находится в самом критическом положении. В такой ответственный момент все должны жертвовать собой и отдавать лучшее, что в них есть, и мы тоже. Если мы этого не сделаем, что скажут потомки? Несомненно, мы должны отдать все и положиться на волю провидения!»

Ида был увлечен речами Хатанака, его убежденностью.

«Конечно, человеческие силы ограничены. Теперешняя ситуация сама по себе является проблемой. Прав тот, кто защищает мир, но прав и тот, кто стоит за сопротивление. Я действительно не знаю, какой путь лучше для Японии. Поэтому не буду препятствовать выполнению вашего плана. Только боги знают, ждет вас успех или поражение. Если вы хотите сделать это, не колеблясь идите вперед. Что касается меня, то я ясно представляю себе путь, которым должен идти. Однако в зависимости от обстоятельств я, возможно, отзовусь на ваш призыв как старого товарища, с которым меня связывает десятилетняя дружба».

«Я понимаю вашу точку зрения, что же касается меня, то я сделаю все от меня зависящее, а в остальном положусь на провидение».

С этими словами Хатанака поспешил прочь.

Ида пообедал, принял ванну и рано лег спать. В десять часов вечера его разбудили Хатанака и подполковник Сиидзаки. Оба возбужденно рассказывали о плане своих действий.

«Мы вчерне закончили приготовления, но требуется еще одна вещь. Вы должны помочь нам уговорить генерала Мори, командира гвардейской дивизии. Вы должны пойти с нами и убедить его присоединиться к нам».

Подобно трем мушкетерам, они направились в штаб гвардейской дивизии. Встретились с майорами Кога и Исихара, уже подготовившими приказ по дивизии, которому не хватало только подписи ее командира генерала Мори. Этот приказ, отданный частям, должен был привести механизм переворота в действие.

Они понимали, что не так-то легко добиться сотрудничества от Мори, который мог оказаться твердым орешком. Хатанака знал Мори по военному училищу, где тот был преподавателем. Вся карьера генерала свидетельствовала о его твердом характере. Он имел репутацию человека сильной воли, сдержанного и неподкупного. В училище Мори называли Осё-сан — нечто вроде отецнастоятель или старший монах. По натуре он был аскетом, проявлял преданность службе и бескорыстно помогал молодым людям, которые казались ему серьезными и заслуживающими поддержки. Он принадлежал к армейской элите, не будучи связан ни с одной из соперничающих армейских группировок. В состав преподавателей военного училища избирались только лица, считавшиеся способными занять в будущем высшие посты в армии. Еще в большей степени это относилось к преподавательскому составу военной академии, в которой Мори служил до недавнего времени. Затем пришло назначение командующим гвардией, что являлось большой честью. Офицеры и солдаты этого соединения проходили специальный отбор. Их главной задачей и долгом было охранять императора и императорскую фамилию.

Прибыв в комнату ординарцев Мори, заговорщики почувствовали, что стоящая перед ними задача может оказаться трудно выполнимой. Сирены, оповещавшие о начале воздушного налета, захлебывались от воя. B-29 снова возвращались, чтобы выжечь еще одну частицу Японии, — возможно, районы, окружавшие дворец. Всего в

нескольких сотнях метров отсюда группа звукозаписи заканчивала последнюю проверку записывающей аппаратуры, а император готовился выехать в здание министерства двора. Километром дальше Сакомидзу передавал окончательную редакцию императорского рескрипта для опубликования в качестве официального документа.

Хатанака, Ида и Сиидзаки сидели у входа в кабинет Мори, изредка переговариваясь с Исихара и Кога. У генерала находился его зять подполковник Сираиси, который этим утром прилетел с маршалом Хата из Хиросимы. Время шло, и заговорщики все больше нервничали, опасаясь за судьбу переворота. Наконец, видя, что шансы на успех ускользают, Хатанака, Ида и Сиидзаки вторглись в кабинет генерала.

Мори поднялся из-за стола и резко спросил: «Что вы здесь делаете в такой час?»

Все трое на мгновение лишились дара речи, однако Хатанака справился с волнением и сказал: «Генерал, мы пришли просить вас поднять гвардейскую дивизию против капитуляции. Если гвардия встанет, вся армия последует ее примеру».

«Вы просите меня использовать моих солдат для недозволенных действий? — спросил Мори спокойно. — Как могу я сделать такую вещь без приказа штаба Восточного военного округа?»

Хатанака взглянул на часы. Было уже за полночь. Он отвел Ида в сторону: «Я должен выйти на короткое время, мне абсолютно необходимо кое-что сделать. Пожалуйста, присмотрите здесь, пока меня не будет». Он оставил Ида и Сиидзаки продолжать дискуссию.

Оба терпеливо уговаривали Мори. «Вначале, — рассказывал Ида, — он упорно возражал, но в конце концов сказал, что, хотя и понимает нас, хотел бы пойти помолиться в храме Мэйдзи, чтобы облегчить себе выбор правильного решения». Для того чтобы прийти к этой мысли, Мори потребовался почти час. Заговорщикам это время показалось вечностью...

В это время Такесита находился дома, вновь переживая события прошедшего дня и проклиная судьбу. Вскоре после полуночи прямо из кабинета Мори к нему прибыл Хатанака.

Такесита с гостем вышли на веранду, где их взорам предстал прелестный вид яркой, почти полной луны. Но

любоваться красотой лунной ночи не входило в ближайшие планы посетителя Такесита.

«Военный министр в своей речи сказал, что война закончена, — жаловался Хатанака. — Все закончилось! Как вы полагаете, это действительно так?»

Такесита ответил, что, по его мнению, всему действительно конец.

Хатанака не хотелось прекращать разговор на этом. Он убеждал и просил Такесита подумать о последствиях, о чести нации, об унижении, о будущем Японии. Хатанака сказал подполковнику, что они решили во что бы то ни стало произвести переворот, и убеждал его присоединиться к ним. Но бывший инициатор заговора не видел никаких надежд на успех.

«Чтобы добиться успеха, — говорил Такесита, — переворот должен быть поддержан всей армией, а не только частью ее. Но совершенно очевидно, что армия не собирается присоединяться к вам. Так как вы, несомненно, не сможете добиться успеха, вам следует оставить эту идею... Ничего больше не остается, слишком поздно».

«Хорошо, — сказал Хатанака, — я понимаю. Однако мы все-таки выступаем. Офицеры и солдаты 2-го гвардейского полка готовы принять участие в восстании на условиях, которые мы обсуждали ранее. С этого времени мы будем действовать сами».

От Такесита требовалось одного — он должен был использовать свое влияние на Анами.

«Пожалуйста, уговорите военного министра взять контроль над обстановкой после переворота», — упрашивал Хатанака.

Такесита в конце концов обещал убедить военного министра сделать это, если войска Восточного военного округа также восстанут. Хатанака сказал, что начало восстания назначено на два часа ночи. Он вышел из дома в залитый лунным светом двор, под звуки внезапно завывших сирен забрался в штабной автомобиль и поспешил прочь.

«После его отъезда, — рассказывает Такесита, — засевшая у меня в мозгу мысль о том, что генерал Анами может покончить жизнь самоубийством, не давала мне покоя, и я решил поехать повидать его».

Когда Хатанака, сопровождаемый майором Кога, появился в кабинете Мори, было уже за полночь. Слышался

отдаленный гул очередного воздушного налета. Во дворце запись выступления императора уже закончилась. Драгоценное время уходило безвозвратно. Хатанака чувствовал крайнюю необходимость действовать — и действовать быстро, — прежде чем все будет потеряно.

«Ваше превосходительство, — сказал он генералу Мори очень официально, — примирились ли вы с позором капитуляции, перед которым стоит теперь Япония? Император, несомненно, продолжал бы войну, если бы не советы немногих предателей — советников, окружающих его. Приказ, который вы отдадите дивизии, спасет страну. Он уже составлен майором Кога...»

Мори вызвал полковника Мидзутани, своего начальника штаба, и сказал ему о намерении посетить храм Мэйдзи. Он спросил полковника, что тот думает о плане переворота. Мидзутани ответил, что недостаточно знаком с планом, чтобы судить о нем. Генерал указал на Ида и приказал ему пойти с Мидзутани и посвятить его в детали переворота.

Тем временем Хатанака отметал один довод Мори за другим.

«Император обдумал и принял решение спасти расу Ямато и нашу страну, — нараспев говорил Мори. — Я командую его личной охраной — императорской гвардией и обязан уважать и выполнять только его волю. Хотя вы торопитесь, я не могу решить такой важный вопрос в короткое время. Я должен поразмыслить в храме Мэйдзи и посоветоваться с командующим войсками Восточного военного округа».

«Мы уже были у командующего, — отрезал Хатанака. —Он, по-видимому, не понимает наших намерений».

«В таком случае имеется еще больше причин, по которым я не могу согласиться».

«Мы просим вашего собственного решения, генерал. Если вы отдадите приказ, мы уверены, что командующий округом санкционирует его».

Это было слишком. Терпение Мори истощилось.

«Нет! — загремел он. — Раз императорское повеление уже дано, я не буду действовать против воли его величества!»

«В каком бы то ни было случае?» — спросил Хатанака.

«Да».

В этот момент, как рассказывает Ида, офицер со знаками различия военно-воздушных сил ворвался в кабинет Мори и спросил Хатанака, улажено ли дело.

«Нет, еще нет», — был ответ.

«Скоро начнет светать, нельзя больше медлить. — Он повернулся к генералу. — Почему вы колеблетесь?»

«Это что за нахальный выскочка?» — загремел Мори.

«Я капитан Сигетаро Уэхара из училища военно-воздушных сил. Я пришел сюда потому, что услышал, будто гвардия восстала».

«О чем вы говорите? На это нет повеления его величества!»

Не сводя глаз с генерала, Уэхара медленно сказал Хатанака: «Майор, мы должны пойти на крайние меры».

«Ваше превосходительство, — настаивал Хатанака, — я прошу вас изменить свое решение».

Генерал потерял терпение: «Вы можете просить меня сколько угодно, я не изменю своего мнения!»

«К сожалению, другого выхода нет! — вскричал Уэхара, выхватив свой меч из ножен. — Это на благо страны».

Капитан ринулся на Мори. Подполковник Сираиси бросился вперед, чтобы прикрыть генерала. Уэхара вогнал острие своего меча в грудь Сираиси. Вверх и вперед забила красная струя, и кровь толчками полилась из широко раскрывшейся раны. Потеряв равновесие, подполковник дико замахнулся на Уэхара своим длинным мечом и упал на пол у ног Мори.

Одновременно в комнате прогремел резкий звук выстрела из пистолета Хатанака. Генерал Мори схватился за грудь и рухнул на труп Сираиси.

Уэхара и Хатанака отдали честь мертвым офицерам и вышли из комнаты. Ида и полковник Мидзутани выбежали из кабинета и увидели появившегося в дверях Хатанака, бледного, застегивавшего свою кобуру.

«Я только что ликвидировал его, — признался Хатанака. — Мы могли попусту потерять здесь драгоценное время».

Уэхара вышел за ним, рассеянно вкладывая свой наскоро вытертый меч в ножны.

Мидзутани и Ида подошли к двери и заглянули в комнату. Письменный стол, стены и пол были забрызганы кровью. На полу лежали два безжизненных тела».

Мидзутани задумчиво сказал: «Об этом следует доложить в штаб округа».

Хатанака с готовностью согласился и настоял, чтобы Ида пошел вместе с Мидзутани. Ида знал, что майор посылает его, чтобы обеспечить участие войск Восточного военного округа в перевороте. Было два часа ночи. Отбоя воздушной тревоги еще не давали. Исихара и Кога, принесшие копии документа, озаглавленного «Приказ по дивизии № 584», подошли к Хатанака.

Приказ гласил:

«Августа 15 (Здесь оставили место, так как время должно было быть проставлено позже.)

Приказ по императорской гвардейской дивизии

1. Дивизия должна поддержать императора в обеспечении безопасности нашей страны.

2. 1-му пехотному полку занять дворец и обеспечить его охрану. Одной из его рот занять токийскую радиовещательную станцию.

3. 2-му пехотному полку занять территорию вокруг дворца.

4. 6-му пехотному полку нести службу как обычно.

5. 7-му пехотному полку занять ворота Нидзюбаси (двойной мост) и блокировать всякий доступ во дворец.

6. 1-му артиллерийскому полку оставаться на занимаемых позициях.

7. 1-му саперному полку оставаться на занимаемых позициях.

8. Подразделениям связи нарушить всю внешнюю связь с дворцом.

9. Механизированному батальону охранять дворец.

Мори, командир дивизии».

Хатанака, Сиидзаки и Узхара поспешно направились на территорию дворца. Майоры Кога и Исихара поставили на приказе время: 2.00, взяли личную печать Мори и приложили его подпись к фальшивому приказу. Затем они срочно разослали приказ с посыльными командирам подразделений.

К дворцу Хатанака и его спутники прибыли через сторожевой пост у ворот Нидзюбаси. Здесь стояли два батальона 2-го гвардейского пехотного полка. Хатанака

сказал командиру полка полковнику Хага, что он и Сиидзаки прикомандированы генеральным штабом армии к гвардейской дивизии и что в настоящий момент отдается приказ командира дивизии, требующий изолировать дворец и обеспечить его охрану. Через несколько минут прибыл адъютант из штаба дивизии и вручил Хага приказ.

Полковник немедленно приступил к его выполнению и отдал необходимые распоряжения своим подразделениям. Массивные дворцовые ворота с гулом захлопнулись. Охрану усилили, и части стали развертываться на дворцовой территории. Дворец был отрезан от мира.

ГЛАВА 19

ХРАНИТЕЛЬ ТРАУРА

В древних китайских летописях имеются сообщения об обычаях японских племен в III веке нашей эры. Рассказывается об одном поразительном обычае этой земли, связанном с хранителем траура.

«Назначают человека, которого называют хранителем траура. Ему запрещено причесываться, умываться, есть мясо, прикасаться к женщинам. Когда людям сопутствует удача, они делают ему ценные подарки, но если начинается мор или происходят другие несчастья, они приписывают это несоблюдению хранителем траура его обетов и сообща убивают его».

За 1600 лет, прошедших со времени этого сообщения, жизнь и обычаи японцев стали утонченнее и изысканнее. От еды с грубых деревянных подносов общество прогрессировало к деликатным ритуалам чайной церемонии. От уничтожения тысячи вассалов на похоронах умершего вождя в церемониальном жертвоприношении перешли к церемониям, демонстрировавшим скорее символическое горе, чем фактическое самоуничтожение. Из грубого обычая третьего века приносить в жертву человека родилась сложная и тонкая система самонаказания за допущенное преступление или нарушение кодекса чести самурая, сохранившаяся до XX века.

Близ Киото, вечной, не стареющей столицы Японии, есть буддистский храм, стоящий на склоне лесистого холма. Войдя в него, попадаешь в мир тишины и безмятежного покоя. Внутри прямоугольного двора, отделенного от окружающего мира стеной, находится знаменитый сад. Это не обычный сад, что Рёандзи, в котором почва покрыта песком, окружающим пять островов из мха и камней.

Из простых, имеющихся повсюду материалов мастер 1499 года создал произведение искусства, производящее такое же впечатление, как вспышка света в темноте.

Это шедевр расчета, композиции и человеческой власти над природой. Подобно бороздам распаханного поля или ритмичным и монотонным волнам, ряды камешков на песке бегут параллельно веранде храма, пока не пересекутся с концентрическими изгибами борозд из песка, окружающих пять островов. Затем прямые ряды возобновляют свой неторопливый, начавшийся в незапамятные времена бег к дальнему концу сада.

Однако именно острова и их взаимное расположение придают всей композиции эмоциональное напряжение, божественное совершенство. Взяв тему о Будде и его двух супругах, вдохновенные художники, создавшие сад, расположили выбранные ими камни так, что они выглядят вершинами пересекающихся треугольников, символизирующих указанный триумвират.

Отбирая материалы, архитекторы нашли камни, контрастирующие по фактуре, очертаниям и массе. Низкая тяжелая пирамида из камней на переднем плане привлекает взгляд к композиции и ведет к острову из двух небольших камней, расположенному справа, затем к более близкой центральной группе из трех камней. Потом взгляд привлекает длинная узкая группа серых камней, расположенных слева в глубине, и останавливается на зубчатом каменном хребте, более высоком, чем остальные.

Что касается композиции, то любознательным умам она бросает вызов, а глупых приводит в недоумение. И те, и другие, увидев сад, задают один и тот же вопрос: что это такое? Но для одних композиция наполнена богатым внутренним смыслом, для других же этот сад является воплощением недоступных пониманию загадок. Если заинтересованный зритель захочет найти наиболее приметную точку в саду, вероятнее всего, он обратит внимание на одну из центральных групп камней. Здесь можно различить фигуру монументальных пропорций, с наклоненной головой, завернувшуюся в плащ. Подобно Атласу, она поддерживает бесконечно тяжелый груз. Хотя автор скульптуры — природа, манера знакома: мы видим ее в завернувшихся в накидку персонажах картин Гойи, в скульптурах Джиованни Пизано, в Бальзаке Родена,

У подножия большой фигуры два массивных камня, склонившиеся, как два поверженных вассала.

Эта скала, этот столп — центральный. Вокруг него вздымаются и опадают окаменевшие волны. Он уравновешивает всю композицию. Без этого камня композиция распалась бы.

В 1945 году, в последние дни Японской империи, многие считали, что военный министр Коречика Анами играет такую же роль.

Незадолго до полуночи, когда Хатанака встретился со своими единомышленниками в штабе гвардии, военный министр последний раз проехал кварталы, отделявшие здание, в котором находился премьер-министр, от его официальной резиденции на Миякедзима. Он был удовлетворен тем, что выполнил свой долг, переговорив с Того и Судзуки. Был рад, что неприятная обязанность подготовки официальных документов — рескрипта и приказа войскам — завершена. Но мысль о том, что завтра в полдень император прочтет по радио это обращение к нации и всему миру, становилась невыносимой.

Анами прошел в покои с обычным серьезным видом, отнес короткий меч в свою комнату, принял горячую ванну. После этого его спросили, не хочет ли Анами, как обычно, сделать укол, снимающий усталость. Он ответил утвердительно, и ему сделали укол.

Видимо, благодаря уколам, тренировке, занятию стрельбой из лука и другим простым отвлекающим занятиям Анами в эти тяжелые дни не чувствовал напряжения и выглядел отдохнувшим и совершенно здоровым в противоположность своему шурину Такесита, который был на двадцать лет моложе его.

Подполковника заботы совершенно измотали. Он не мог спать, потерял в весе, стал нервным и раздражительным. Такесита часто бывал в доме Анами. Около часу ночи, когда он выскочил из штабного автомобиля у главного входа в резиденцию военного министра, охранявшие вход военные жандармы отдали ему честь, а горничная встретила его встревоженно. Прислуга была рада его приезду, так как все чувствовали, что его превосходительство собирается покончить с собой.

Такесита знал расположение комнат в доме. Он сбросил обувь и пошел прямо во внутренние помещения. Анами он нашел в спальне. Это была традиционная японская комната с полом из соломенных матов, с нишей такономa, в которой висела картина-свиток, стояли ваза с цветами, деревянный ящик, подставка для меча и вешалка для кимоно. Постель уже была постлана — футоны[1] лежали на полу. Анами сидел около большой противомоскитной сетки, подвешенной к потолку.

Держа кисточку[2] в руке, военный министр враждебно посмотрел и спросил хмуро: «Зачем ты пришел сюда?»

Анами скатал в трубку бумагу, на которой писал, и отложил ее на полку. Внимательно глядя на Такесита, он спокойно сказал: «Я думаю сделать сеппуку сегодня ночью».

«Возможно, вы и правы, решив покончить с собой, но ведь это не обязательно делать сегодня ночью, не так ли?» — спросил подполковник.

Очевидно, успокоенный отношением Такесита, военный министр облегченно вздохнул: «Сказать по правде, я подумал сначала, что ты собираешься докучать мне, попытаешься остановить или помешать. Я рад, что ты одобряешь мой шаг. И я рад, что ты здесь. Ты можешь помочь мне».

Рядом с Анами стоял небольшой деревянный поднос с бутылкой саке и сыром на тарелке. Он вызвал горничную и приказал принести два стакана.

Наполнив стаканы на две трети, Анами предложил один своему шурину.

«Я решил сделать это сегодня ночью, — объяснил он рассеянно, — потому что четырнадцатое число — годовщина смерти моего отца. Кроме того, я не могу пережить завтрашнего выступления императора по радио. Поэтому лучше сделать это сегодня».

Пленки с записью выступления императора были надежно запрятаны в здании министерства двора, нахо-

---

[1] Ватные подушки для сидения. — *Прим. ред.*

[2] Для письма иероглифами. — *Прим. ред.*

дившемся в 50 метрах от дворцовых ворот. Камергеры, старший адъютант и лорд — хранитель печати улеглись спать. Служащие радиокомпании и министерства информации грузили аппаратуру в автомобили. В жилых покоях, размещавшихся в здании императорской библиотеки, его величество, вероятно, уже крепко спал.

В два часа ночи министр информации Симомура и президент радиокомпании Охаси, решив, что они больше не потребуются, направились к автомобилю. Они сели в машину и с выключенными фарами медленно поехали в мягкой полутьме летней ночи. Пока ожидали открытия ворот, на подножку машины вскочили солдаты с винтовками и приказали шоферу ехать к караульному помещению, расположенному у ворот Нидзюбаси. Здесь Симомура и Охаси, к их изумлению, приказали выйти из автомашины и следовать в караульное помещение. Их обыскали. Атомобиль был внимательно проверен. И тут они поняли, что ищут пленки с записью выступления императора. Их заперли в караульном помещении и поставили часовых у дверей.

Через несколько минут к ним присоединились инженеры из радиокомпании и чиновники министерства информации. Всего набралось восемнадцать человек. Симомура волновал единственный вопрос: что теперь станется с записями выступления? Будут ли они переданы в эфир, как планировалось, или мятежники уничтожат их?

На дворцовой территории взводы развертывались для прикрытия ключевых позиций: мостов, ворот, перекрестков дорог, входов в здания, а также окружавших огромное строение министерства двора библиотеки, гаража, других сооружений и всей территории.

В затемненном здании министерства двора Хатанака, Сиидзаки и Уэхара во главе взводов, выделенных из части полковника Хага, вели поиски пленок с записью выступления императора. Они согнали в одну из комнат наиболее значительных лиц дворцового штата, включая камергеров и генерала Хасинума, и с пристрастием допросили их относительно местонахождения пленок.

Солдаты обыскали комнаты старшего камергера Фудзита, обшарили стол и выломали дверцу сейфа. Они, как саранча, прошлись по кухне и кладовой, складу мебели, кабинетам и спальням, гостиным и туалетам, громя и ломая все на своем пути.

Тем временем в резиденции военного министра, в уединении спальни генерала Анами прощальные тосты были прерваны — вскоре после двух часов ночи со стороны дворца донесся треск ружейной стрельбы. Такесита, помня о Хатанака и плане восстания, рассказал военному министру о попытке переворота, предпринятой майором и Сиидзаки. Он упомянул о том, что 2-й гвардейский полк принимает участие в восстании и что планом предусматривается поднять всю дивизию. Анами отнесся к этому со странным равнодушием и продолжал пить саке.

«Даже если гвардейская дивизия восстанет, войска округа под командованием Танаки, вероятно, не присоединятся к ней. А если этого не случится, то нечего и беспокоиться. Попытка окончится провалом, — проговорил Анами. Он был совершенно спокоен и не проявлял никаких признаков волнения. — Что бы там ни случилось, мое самоубийство искупит и это».

Анами вливал в себя рисовую водку стаканами, один за другим. Такесита остановил его: «Если вы выпьете слишком много, вы не сможете сделать то, что решили».

Анами покачал головой: «Если выпить много саке, циркуляция крови ускорится и, следовательно, усилится кровотечение. А это сделает смертельный исход более верным. Кроме того, человеку, достигшему пятой степени в фехтовании, нечего беспокоиться».

«Вы что-то писали?»

«Да, мое завещание».

Анами взял со шкатулки свиток и протянул своему собеседнику. Свиток адресовался императору, и его текст был написан в форме Вака — стихотворения из тридцати одного слога.

Звонок прервал их, и Такесита поднял трубку. Выслушав говорившего, он сказал: «Генерал Мори, командир гвардейской дивизии, убит мятежниками». Но даже эта новость не побудила Анами к действию.

«Моя смерть, — заметил он, — искупит также и его убийство».

Около трех часов ночи какой-то офицер появился у дверей императорской библиотеки и потребовал у начальника охраны, чтобы его караульные сдали свое оружие. Встревоженный начальник охраны сообщил об этом требовании камергеру Ирие. Ирие, госпожа Хосино (старшая фрейлина императрицы) и другие придворные, взволно-

ванные угрожающим требованием, приказали передать офицеру, что охрана дворца носит свое оружие — сабли — на основании приказа директора управления дворцовой охраны и любой приказ о разоружении должен исходить от него. Офицер принял объяснение и удалился. В темноте за ним послышался шорох — он был не один.

Полностью уяснив теперь, что происходит, дворцовые слуги закрыли все стальные шторы на окнах и дверях, чтобы нельзя было ворваться сюда силой. Затем последовало возбужденное обсуждение вопроса — куда спрятать императора, если мятежники придут за ним. Обсуждение окончилось ничем, решили только не будить императора — пока.

В штабе Восточного военного округа действия мятежников вначале замечены не были. Первые сообщения о том, что что-то происходит, были получены вскоре после двух часов ночи, когда один из старших офицеров штаба, генерал Танака, позвонил в штаб гвардейской дивизии по какому-то незначительному вопросу, и ему ответил офицер штаба Кога. Майор попросил поднять войска округа в знак протеста против капитуляции.

Несколькими минутами позже из штаба гвардии прибыли полковник Мидзутани и подполковник Ида. Мидзутани, бледный и задыхающийся, направился прямо к начальнику штаба округа и вместе с ним появился у генерала Танака. Тем временем Ида с двумя офицерами штаба округа полковником Фува и подполковником Итагаки вошел в пустой кабинет начальника штаба. Ида принялся страстно защищать дело восстания, приводя множество доводов в его пользу. Однако, когда он закончил, стало ясно, что его пыл и красноречие пропали даром. Офицеры штаба округа категорически сказали «нет». Видя, что игра проиграна, Ида не стал продолжать ее и заторопился во дворец, чтобы рассказать Хатанака о своей неудаче.

Примерно тогда же отряды, посланные Хатанака, одновременно нанесли удары по объектам за пределами Токио с целью предотвратить передачу по радио выступления императора. Они заняли передающие радиоцентры в Хатогая, Косигая и Нииго. На двух из занятых радиостанций передачи были прекращены. На третьей обслуживающий персонал сообщил, что передачи невозможны,

потому что не подается электроэнергия. Работники станции намеренно не упомянули, что станция имеет автономное питание, но так или иначе мятежники поверили им.

Подполковник Ида, чья попытка привлечь к восстанию войска Восточного округа не удалась, прибыл во дворец. Он нашел Хатанака перед штабом 2-го гвардейского полка. Ида признался в своей неудаче и сказал майору, что теперь, когда стало ясно, что войска Восточного округа не присоединятся к ним, не остается абсолютно никаких надежд на успех переворота.

«Покорись судьбе, — посоветовал Ида, — и прими меры к отводу войск, прежде чем случится что-нибудь серьезное. Я пойду к военному министру и доложу ему обо всем происшедшем».

Хатанака молча наблюдал, как Ида поспешно направился к дому Анами.

Военный министр попросил Такесита доставить его письма и передать слова прощания семье, родственникам, друзьям и коллегам. Такесита записал поручения и впоследствии выполнил все просьбы Анами, кроме одной, которую сознательно оставил без внимания. То было строгое указание Анами убить Ионаи!

Военный министр стал готовиться к самоубийству. Он надел новую, белоснежную рубаху. Объяснил, что это подарок императора в бытность Анами его адъютантом. Генерал поднял меч.

«Если моя попытка окажется неудачной, не откажи в любезности — закончи это дело. Но я уверен, что все получится. У меня есть два коротких меча для харакири, хотя мне, как военному человеку, правильнее было бы совершить сеппуку военным мечом... Один короткий меч я хочу дать тебе. Пусть это будет мой прощальный подарок...»

Около трех часов ночи, когда завыли сирены, объявляя отбой воздушной тревоги, заместитель министра императорского двора разбудил двух камергеров и сказал им, что министерство окружено войсками. Втроем они спустились вниз по лестнице в комнату, занимаемую

армейскими и морскими адъютантами, и сообщили одному из них вице-адмиралу Накамура, что министерство занято войсками. Комната камергера Токугава, спрятавшего драгоценные пленки, находилась поблизости, поэтому они разбудили и его и предупредили об опасности.

Вышедший с фонариком Токугава стоял в коридоре, когда появились министр двора Исивата, его секретарь и группа чиновников министерства. Понимая, что Исивата окажется в числе первых, кого схватят мятежники, Токугава побежал в комнату камергера, приказал дежурному служителю открыть вход в подвальное бомбоубежище, называвшееся «сейфом», и быстро увел туда Исивата. На пути к «сейфу» они прошли через такой лабиринт комнат, что только опытному следопыту удалось бы отыскать их. Они условились, что пять ударов в дверь будут сигналом безопасности. Исивата мог открывать, услышав этот сигнал.

В это же время камергер Тода пробрался в комнату Кидо и шепотом рассказал ему, что часть гвардейской дивизии подняла мятеж. У Кидо сон как рукой сняло. Он оделся в мгновение ока. Шансы на долгую жизнь у лордов — хранителей печати невелики. Последние годы они, как магнит, притягивали к себе убийц. Тода рассказал, что здание отрезано от внешнего мира, нет телефонной связи, электропитания, перекрыты все выходы. Императорская библиотека также окружена, и поэтому невозможно добраться до ее драгоценного обитателя — императора.

Чувствуя себя дичью в предстоящей смертельной игре, Кидо понимал, что ему надо немедленно где-нибудь спрятаться. В голову Тода пришла блестящая идея: а что, если хранителю печати превратиться в дежурного врача и спрятаться в комнате лейб-медика? Кидо поспешил в лазарет. Но не успел он дойти, как вспомнил о бумагах, которые ни в коем случае не должны попасть в руки мятежников.

Вернувшись к Токугава, Тода рассказал ему об идее с Кидо. Однако Токугава настойчиво посоветовал — настолько настойчиво, что Тода побежал обратно, — чтобы Кидо также спрятался в «сейфе». Едва Тода исчез, Токугава встретил Кидо на лестнице — хранитель печати возвращался в свою комнату, чтобы уничтожить ценные документы. Кидо просмотрел бумаги, порвал их на кусочки

и, бросив в унитаз, спустил воду. Через лабиринт комнат он последовал за Токугава в «сейф».

Присоединившись к министру двора, Кидо сказал Исивата: «Не знаю, может, нас здесь найдут и убьют, но ход истории уже не изменишь. Наша смерть ничего не даст. Войне конец».

Токугава захлопнул дверь, и беглецы остались молить бога, чтобы их преследователи не вздумали использовать для поисков собак-ищеек.

В это время камергер Токугава возвратился в свою комнату, где его встретил задыхавшийся Тода, который рассказал, что он пытался добраться до покоев императора, чтобы предупредить свиту об опасной ситуации, — Тода уже подошел к дверям, но его остановили солдаты. Токугава предложил предпринять еще одну попытку, пройдя более коротким путем вдоль крепостного рва.

У ворот стояли часовые дворцовой стражи и армейские офицеры, не привыкшие к придворной обстановке. Камергеров остановили и тщательно обыскали. Токугава сообщил, что у них есть дело к персоналу императорской резиденции. Его твердый тон и аристократические манеры сыграли свою роль — их пропустили.

Теперь Токугава и Тода достигли императорских покоев. Они доложили Ирие и мадам Хосино о захвате мятежниками здания министерства, об обыске, производившемся во всех помещениях с целью найти пленки с записью, а также о поисках Кидо и Исивата.

Возвращаясь в здание министерства из резиденции императора, Токугава и Тода заметили пулеметы, установленные у входа в здание, и сновавших там офицеров и солдат. Когда они подошли к зданию, офицеры окликнули их и, обменявшись несколькими словами, разрешили им войти.

Они направились прямо в комнату дежурных адъютантов.

Один из них, Накамура, отозвал Токугава в сторону и рассказал, что мятежники просмотрели одну важную деталь. Они перерезали все линии связи, кроме прямой телефонной линии с военно-морским министерством. Соблюдая величайшую осторожность, Накамура сообщил

туда об обстановке, не привлекая внимания мятежников. Так забрезжил проблеск надежды.

Пока отборные полки телохранителей императора обыскивали министерство двора, другие мятежные части устремились в отдаленные районы Токио. В их задачу входило найти премьер-министра Судзуки, лорда — хранителя печати Кидо и президента Тайного совета Хиранума.

Около половины пятого к дому по Нагата-чо, официальной резиденции премьер-министра, подкатили два грузовика и легковая машина. Из них выпрыгнули более сорока солдат, вооруженных пулеметами, винтовками и мечами. Вбежав в ворота, они открыли огонь, поливая пулеметными очередями фасад здания.

Секретарь кабинета министров Сакомидзу крепко спал в своей комнате верхнего этажа. Грохот пулеметной стрельбы разбудил его, и, еще не открыв глаза, Сакомидзу возмутился. «Что за упрямцы — мы уже капитулировали, а они открыли пальбу!» — негодовал он.

В этот момент испуганный голос его младшего брата, находившегося в соседней комнате, заставил окончательно проснуться: «Брат! Они пришли! Они пришли!»

«Что такое? Кто пришел?» — спросил Сакомидзу, поспешно натягивая брюки. Брат сообщил ему, что улица у ворот забита вооруженными людьми, некоторые из них в военной форме. Сакомидзу высунул голову в окно и увидел три пулемета, установленных у главных ворот. И эти пулеметы были нацелены на резиденцию премьер-министра. Очередь хлестнула по фасаду. Пуля ударила рядом с окном, из которого выглядывал Сакомидзу.

Мысли Сакомидзу обратились к прошлому, к событиям 26 февраля 1936 года. Тогда он был личным секретарем своего тестя адмирала Окада, премьер-министра в ту пору. В тот день войска окружили здание и ворвались внутрь в поисках премьера. Они покинули дом только после того, как изрешетили пулями шурина Окада, по ошибке приняв его за премьер-министра.

Сакомидзу возблагодарил бога за то, что барон Судзуки решил провести эту ночь в своем доме на Коисикава. По крайней мере, в данный момент он был в безопасности. Поспешно одевшись, секретарь кабинета позвонил Судзуки домой, чтобы предупредить о возможности

налета, затем вызвал своего помощника — начальника общего отдела секретариата, рассказал ему об обстановке и о том, что нужно попытаться спастись. Помощник предостерег его, опасаясь, что Сакомидзу схватят.

«Если я останусь, меня обязательно поймают, если поймают — наверняка убьют. Это была бы собачья смерть, бессмысленный конец». Сакомидзу наказал своему коллеге, чтобы тот подчинился нападающим и не сопротивлялся.

Сопровождаемый братом и полицейским, Сакомидзу спустился в подвал и пошел по подземному коридору, выходившему на соседнюю улицу. Помня о том, что в 1936 году войска окружили резиденцию и поставили часовых у каждого выхода, Сакомидзу попросил своего брата и полицейского разведать обстановку, прежде чем выходить. Те просигналили, что все спокойно.

Тогда они попробовали открыть калитку, чтобы выйти на поверхность. Калитка оказалась незапертой. Первым пошел полицейский, за ним Сакомидзу с братом. Во весь дух они бросились по проспекту к зданию бюро патентов. Улица была пустынна. Они завернули за угол, беспрепятственно минули еще один квартал и вскоре очутились в безопасности, в управлении полиции.

Тем временем мятежники одолели охрану резиденции премьер-министра и поняли, что Судзуки здесь нет. Обозленные, они облили бензином крыльцо и подожгли. Затем влезли в свои машины и укатили прочь. Находившиеся в здании чиновники и прислуга принялись сбивать пламя. Повреждения оказались небольшими.

В пяти километрах от места происходивших событий в доме премьер-министра разыгралась комедия ошибок.

Телефонный звонок Сакомидзу поднял на ноги всех обитателей дома. И пока капитан Такео Сасаки из штаба дивизии 3-й армии ехал во главе своего отряда головорезов по извилистым, усеянным воронками улицам от официальной резиденции к собственному дому премьера, в доме все пришло в смятение. Здесь находились адмирал с женой и братом, господин Сато из кабинета министров, два клерка, горничная, шофер и полицейский.

Фигуры в кимоно носились взад и вперед, выскакивая из дверей и вновь исчезая в них, размахивая руками, как ветряные мельницы, едва удерживая равновесие при столкновении друг с другом. Судзуки, оказавшийся в цен-

тре этой толчеи, поднял вверх руки, пытаясь установить порядок. «Пожалуйста, успокойтесь, — упрашивал он. — Я уцелел во время японо-китайской и русско-японской войны, пережил инцидент 26 февраля. Пока я с вами, пожалуйста, придите в себя, успокойтесь». Призывы возымели действие. Все быстро оделись и направились к автомобилю.

Втискиваясь в служебный лимузин, госпожа Судзуки вспомнила, что не упаковали фрак адмирала. А он необходим на заседаниях кабинета и во дворце. За фраком послали горничную. Затем господину Сато пришло в голову, что он не взял портфель с важными документами, пришлось бежать и за ним. Наконец все были в машине. Старый лимузин набрал на спуске скорость, и мотор, ожив, зафыркал.

Тем временем мятежники подкатили к парадному въезду во двор дома. Несколько человек, размахивая мечами, ринулись в дом в поисках премьера. Запугав прислугу, они перерыли дом сверху донизу.

Барон Судзуки ехал к своей сестре, которая жила примерно в полутора километрах в районе Хонго. Как только они прибыли на место, один из клерков позвонил по телефону в дом премьера, чтобы сказать прислуге, что они благополучно приехали. Когда на звонок ответили, клерк, не узнав, с кем говорит, выпалил: «Мы здесь, в Хонго». Голос на другом конце провода спросил: «Вы Судзуки?» Охваченный страхом, клерк побежал к Судзуки с известием, что убийцам стало известно, где они находятся.

Автомобиль снова загрузили вещами, пассажиры втиснулись в него и направились к брату Судзуки — Такао. На этот раз они решили никому не звонить по прибытии.

Не найдя премьера и решив на чем-нибудь сорвать злобу, мятежники выгнали прислугу, облили дом бензином и подожгли. Он мгновенно вспыхнул.

Рассевшись по своим грузовикам, мятежники направились по новому адресу — еще за одной жертвой. На этот раз их интересовал скальп президента Тайного совета барона Хиранума.

Лидер правого крыла ультранационалистов вышел из семейного бомбоубежища в три часа ночи, когда прозвучал сигнал отбоя, и улегся спать. Утром, когда раздал-

ся сигнал новой воздушной тревоги, внучатая племянница старика — Сецуко, с семьей которой жил Хиранума, решила не идти в убежище. Неожиданно поблизости послышались гудки автомобиля, шум моторов и голоса. Посмотрев в окно, Сецуко окаменела от ужаса. У ворот ограды толпа военных выпрыгивала из грузовиков. Некоторые входили во двор, другие наставили на полицейских охраны дула винтовок.

К полицейским, стоявшим с поднятыми вверх руками, обратился армейский капитан: «Знаете ли вы, какое ничтожество этот Хиранума? Не знаете? Так я вам скажу! Он предатель — известный главарь проамериканской группы, стремящейся уничтожить нашу священную землю. Охранять такого архипредателя — это позор!»

Сецуко вспомнила, что один из охранников несколько дней назад говорил о вероятности подобного инцидента. А вчера японские военные самолеты кружились на малой высоте над домом, пугая охрану. Теперь же несколько мятежников, неся бутылки с бензином, спешили к дому. Женщина потянула за собой детей, разбудила няню и приказала ей вывести малышей, затем бросилась в комнату Хиранума. Его там не было...

Пламя и дым вырывались из дома, как при взрыве. Кто-то из погромщиков прокричал: «Мы не можем найти его». Сецуко, выбегая из дому, услышала, как другой мятежник ответил: «Это не имеет значения, через минуту он сгорит живьем». Она надеялась и верила, что старику удалось спастись. Полицейские из охраны по-прежнему стояли, подняв руки вверх, и Сецуко поспешила в сад соседнего дома. Ее дети уже находились там. Полицейский, охранявший помещавшееся в этом доме управление «Общества бессмертия», шепнул ей, что Хиранума, президент этого общества, скрывается внутри. Он бежал из своего дома через выход, который мятежники просмотрели, — калитку, соединявшую два сада.

Дом Хиранума сгорел дотла, и банда, удовлетворенная тем, что на этот раз добилась своего, забралась в машины и поехала дальше.

На рассвете, пока Кидо еще сидел в «сейфе» в здании министерства двора, банда фанатиков, состоявшая из штатских, связанных с Хатанака, обрушилась на дом лор-

да — хранителя печати. Они окружили здание и, вооруженные мечами, гранатами и револьверами, атаковали его, надеясь прикончить Кидо. Полицейские охраны вступили в бой и отбили атакующих.

На следующее утро эти же ультрапатриоты снова пытались захватить Кидо. На этот раз они ворвались в дом его брата, подозревая, что хранитель печати находится там. Его племянница открыла дверь, и ей вручили церемониальный поднос с небольшим, похожим на меч предметом. Это подношение символизировало «приглашение» Кидо совершить харакири. Убийцам пришлось удалиться, когда им сказали, что Кидо здесь нет.

Лучи солнца чуть освещали резиденцию военного министра. Генерал Анами только что надел свой парадный мундир со всеми наградами, как вдруг ему пришла в голову новая мысль. Он расстегнул мундир, снял его и тщательно свернул, затем бережно положил мундир в алькове. «После сеппуку, — сказал Анами Такесита, — пожалуйста, надень мундир на меня».

В это время горничная доложила, что в приемной находится начальник военной жандармерии генерал Окидо.

«Поговори с ним, — приказал Анами Такесита. — Человеку, подготовившемуся к церемонии самоубийства, вряд ли пристало принимать посетителей». Он не намеревался менять одежду и выходить из комнаты на этой стадии церемонии.

Такесита вышел в приемную, где лишь двумя ночами ранее он, Арао, Инаба, Хатанака, Сиидзака и Ида, полные возвышенных надежд, излагали свой план Анами. Окида прибыл с исчерпывающей информацией о перевороте, убийстве Мори и Сираиси и о попытке задержать передачу по радио выступления императора. Встревоженный этими новостями, Такесита поспешил выпроводить шефа жандармерии.

Пока Такесита слушал генерала Окидо, полковник Хаяси направлялся по коридору в комнату военного министра с новостями о восстании гвардейской дивизии. Подбежав к дверям, Хаяси остановился как вкопанный... Военному министру было уже не до подавления мятежа. Полковник повернул назад и, войдя в приемную, сказал Такесита, что Анами совершает харакири...

Обычай харакири возник в период японского средневековья. Это был способ для аристократов избежать плена или унижения со стороны врага. Наибольшее распространение этот вид самоубийства получил в XV веке. Сообщают, что в течение последующих столетий ежегодно около полутора тысяч японцев кончали жизнь таким образом.

Существовало два типа харакири — добровольное и обязательное. Добровольное харакири — более древний способ, в нем искали выход люди, попавшие в неоплатные долги, протестовавшие против действий чиновников или правительства или выражавшие свою преданность умершему сюзерену.

Обязательное харакири было отменено в 1868 году, но на протяжении столетий оно было признанным способом расправы с чиновниками или дворянами, преступившими закон. Виновный получал от правителя составленное в изысканных выражениях письмо, намекавшее, что его смерть была бы встречена доброжелательно. Чтобы быть уверенным в том, что адресат понял смысл письма, с посланием он получал богато отделанный кинжал.

Для выполнения этого «пожелания» устраивался помост высотой около десяти сантиметров, который устанавливали во дворе замка осужденного или храма и покрывали красным ковриком. Виновный, одетый в парадные придворные одежды, усаживался на этот коврик вместе со своим секундантом или помощником. Его друзья и правительственные чиновники садились около него, образуя полукруг. Виновному с почтительным поклоном подносили кинжал. Он публично признавал свою вину, брал оружие и разрезал себе живот поперек слева направо, затем вверх.

В обязанности секунданта входило следить, чтобы самоубийца не остался в живых и не слишком медлил. Его действия бывали различными — в зависимости от обстоятельств и от личности. Обычно он дожидался, пока самоубийца вспорет себе живот, а затем одним взмахом большого меча обезглавливал его. В доказательство смерти нарушителя правитель получал окровавленный кинжал.

В некоторых случаях осужденному протягивали поднос с веером, и, когда он наклонялся и протягивал руку за веером, его секундант взмахивал коротким мечом и отсекал ему голову.

...Войдя в комнату министра, Хаяси и Такесита увидели, что Анами сидит скрестив ноги в предписанной позе, но не в комнате, а на деревянном полу веранды, окаймлявшей комнату, за раздвижными дверями. Церемониал сеппуку придавал этой детали очень важное значение. Обычно харакири совершали в доме. Однако согрешивший, как правило, обязан был совершать харакири, сидя на земле. Если преступление было совершено из бескорыстных побуждений или власти симпатизировали преступнику, ему разрешалось отделить себя от земли, усевшись на соломенном мате или низком помосте.

Веранда традиционного японского дома в сущности представляла собой деревянное крыльцо, являвшееся продолжением комнат и уходившее в сад на несколько метров с каждой стороны дома. Веранду дома Анами отделяли от сада деревянные ставни, поставленные для уединения и защиты. Эти ставни выставлялись только ночью и убирались с наступлением дня.

В саду непрерывно патрулировали часовые, охранявшие военного министра. Поэтому Анами отказался от мысли выйти в сад. Стараясь показать, что он считает себя грешником, но таким, мотивы которого чисты, он разместился на веранде, которая считается частью сада. Она-то и явилась для генерала наиболее близким олицетворением положения грешника вне дома, но отделенного от земли.

Анами попал в сложный переплет. Он искупал ошибки, допущенные им самим и другими, занимавшими этот пост ранее. Он принимал на себя вину за проигрыш войны армией, за неспособность выполнить повеление его величества и сопротивление его желаниям, за упорное непослушание армии с времен маньчжурского инцидента в 1931 году. Он также признавал себя виновным в связи с попыткой переворота, хотя не мог знать, удастся она или нет. Перед своими офицерами и солдатами он был виновен в том, что не смог достичь невозможного — начиная с победы в войне и кончая взятием власти в качестве сегуна.

Его самоубийство, особенно в глазах «молодых тигров», являлось уклонением от роли, которую они решили навязать ему. И все же церемониальное самоубийство Анами было своеобразной попыткой принять на себя ответственность за их ошибки.

В момент когда потребовалось принять решение, военный министр просто не смог заставить себя возглавить переворот. Он понимал, вероятно, лучше, чем заговорщики могли оценить, что принять участие в перевороте означало бы навлечь на себя клеймо предателя. Более того, это пятно легло бы также и на его сыновей, дочерей и их детей. Само имя Анами предали бы анафеме. Для человека, с любовью и преданностью служившего своему императору на самых высоких постах, доступных для военного, это было просто невыносимо...

Военный министр сидел лицом ко дворцу, крепко сжав рукоять короткого меча в правой руке. Он только что закончил мучительный процесс вспарывания живота. По этикету харакири следовало вонзить меч непосредственно под левое нижнее ребро, потом распороть живот слева направо, а затем резко дернуть клинком вверх, повернув его под прямым углом.

Такесита поспешил поддержать Анами под локоть. Военный министр пальцами левой руки ощупывал правую сторону шеи, пытаясь найти сонную артерию. Даже в этой обстановке оставаясь солдатом, Такесита спросил, должен ли он выполнить обязанности секунданта.

«Нет», — задыхаясь, ответил Анами.

Он вонзил кинжал в правую часть горла и повалился вперед в направлении дворца. Заливая полированную поверхность пола веранды, хлынул поток красной вязкой крови.

14 августа в здании японской радиокомпании царило сильное возбуждение. Носились слухи, что император намеревается выступить по радио не то 14, не то 15 августа. Все, до кого дошел этот слух и кто мог уйти из дому, весь день и вечер околачивались в японском радиогороде. Некоторые, потеряв надежду дождаться, ушли домой, но многие остались, убежденные, что его величество прибудет даже ночью, если обстоятельства так важны. Они хотели стать свидетелями этого исторического события. Поэтому, когда взбунтовавшиеся солдаты ворвались в здание, все диваны, мягкие кресла, даже стулья и столы были заняты спящими людьми.

Окружив здание, мятежники двинулись внутрь и, согнав всех служащих внутренней и международной редак-

ций, работавших и зашедших случайно, заперли их в студии № 1 — огромной комнате, предназначенной для передач концертов и театральных представлений. Здание было захвачено в четыре часа утра.

В караульное помещение вошел офицер и отыскал среди арестованных главного инженера радиокомпании. Он приказал ему следовать в ожидавший автомобиль. Проехав ворота, они медленно двинулись по дворцовой площади, затем по проспекту к зданию радио.

Офицер-мятежник спросил, где кабинет начальника радиовещания. Кабинет был наверху. Инженера провели туда и заперли вместе с другими, арестованными ранее.

В это время одному молодому служащему удалось выскользнуть из здания через боковой выход и добраться до гостиницы Дайити, находившейся в двух кварталах. Там он нашел начальников отделов радиокомпании. Новость о захвате радиостанции вызвала замешательство. Было решено, что самое важное — связаться с президентом компании, который, по-видимому, после сеанса звукозаписи остался на ночь во дворце. О том, что дворец также захвачен, они не подозревали. Во дворец отправили курьера с известием для президента компании. Однако курьер был пойман у ворот дворца, и записка так и не была получена никем из представителей радиокомпании.

В пять часов утра майор Хатанака в сопровождении двух солдат вошел в студию № 12, расположенную на втором этаже дома радио. Майор держал в руках бумагу, на которой был написан «манифест», и приказал дежурному инженеру подготовиться к передаче. В это время передавались военные известия. Инженер сказал Хатанака, что во время сообщения сводок с фронта не разрешено вести никаких других передач. Майор пришел в ярость и, хлопнув дверью, выскочил из комнаты. Инженер, опасаясь возможных последствий, скрылся.

Хатанака пошел в редакцию последних известий и потребовал дать ему выступить по радио. Но помощник главного редактора, поддержанный присутствовавшими, отказал ему. Возвратясь в студию № 12, Хатанака нашел здесь диктора Татено. Майор вытащил пистолет и, размахивая им перед носом Татено, потребовал от бедняги включить микрофон. Диктор медлил. Хатанака яростно спорил с ним, требуя включить микрофон.

Тем временем дежурный инженер в главной диспетчерской получил распоряжение отключить линию, соединявшую студию с передатчиками. Таким образом, даже если бы Хатанака и его сообщники заполучили микрофон, выйти в эфир они не смогли бы.

Однако мятежники не подозревали о том, что линия отключена. Они попусту тратили драгоценное время, несколько раз вызывая штаб Восточного военного округа и стараясь получить разрешение на передачу. И хотя каждый раз переговоры велись со все более высокой инстанцией, ответ был отрицательным. Хатанака напрасно размахивал своим листком с текстом «манифеста», который начинался словами: «Наша армия, охраняющая дворец...»

Когда над столицей вновь появились американские самолеты, в комнате военного министра полковник Хаяси и Такесита оцепенело смотрели, как белая рубаха генерала Анами, подобно промокательной бумаге, пропитывается кровью.

Такесита взял мундир генерала и накинул его на плечи Анами. Возле его тела он положил свиток, подаренный Анами принцем Кан-ин в бытность последнего начальником генштаба армии; рядом с этим свитком Такесита бережно положил два завещания, оставленные Анами...

Лишенная балансира, военная машина могла теперь оказаться во власти никому не ведомых случайностей. Сейчас, когда не стало объединявшей ее фигуры, центробежные силы могли разнести ее вдребезги.

ГЛАВА 20

ТАНАКА

Из здания страховой компании Дайити открывается вид на Хибия-дори — широкий, с трамвайными линиями проспект, отделяющий дворец от токийского торгового и банкового центра. За Хибия-дори тянется заболоченный ров, дальше начинается дворцовая площадь с ее парком и плац-парадом, низкими стенами из черного камня, идущими вдоль внутреннего рва. Прямо за зелеными водами, заполняющими этот ров, возвышаются парапеты дворцовых стен, окружающих само здание.

Вход на территорию дворца — через главные ворота, массивные сооружения около пяти метров в высоту и семи метров в ширину. Ворота увенчаны черепичной крышей в стиле древней пагоды. От ворот перекинуты мосты, по которым во дворец въезжает транспорт.

В 2.30 15 августа в штаб Восточного военного округа прибыл командир 7-го полка императорской гвардии. В руке он держал рапорт и приказ по дивизии за номером 584. Командир полка уже развернул свои части, как было приказано, но решил проверить достоверность приказа. Сейчас этот документ был приложен к письменному рапорту командира.

Начальник штаба Восточного военного округа генерал Такасита сразу же попытался связаться по телефону с каждым из полков гвардии, но ему удалось дозвониться только во 2-й полк. Он передал одному из офицеров штаба полка, что приказ за номером 584 — фальшивка и выполнять его не следует.

Офицеры штаба округа полковник Фува и подполковник Итагаки отправились в штаб гвардейской дивизии, чтобы расследовать сообщение об убийстве генерала Мо-

ри. Когда они попытались войти в кабинет генерала, из темноты выросла фигура часового. Часовой отказался признать их документы и не разрешил войти в кабинет. Тогда они попросили вызвать кого-нибудь из офицеров, и тут неожиданно появился майор Исихара. Несколько дней назад он был назначен в штаб дивизии и сейчас вел себя очень неуверенно.

Майор Исихара разрешил Фува и Итагаки войти в кабинет и осмотреть трупы генерала Мори и полковника Сираиси. Майор так нервничал, что Фува все время казалось, что он вот-вот выхватит из ножен меч и изрубит их. Исихара сказал, что намерен убрать трупы и отправить их во дворец.

Зазвонил телефон. Полковнику Фува приказали немедленно возвратиться в штаб округа. Там, в здании Дайити, Фува явился на доклад к генералу Танака. Он подтвердил предположения о том, что генерал Мори убит и что заговор вступил во вторую фазу — началась реализация плана переворота. Генерал Танака хотел было сразу отправиться во дворец, но начальник штаба отговорил его. «Скоро рассвет. Пожалуйста, подождите немного, ваше превосходительство. В темноте будет трудно разобраться в обстановке». «Да, вы правы», — согласился Танака и уселся в кресло, обдумывая дальнейшие действия.

Как командующий войсками Восточного военного округа, Танака имел в своем распоряжении достаточно сил, чтобы в случае необходимости подавить сопротивление гвардейской дивизии. Однако генералу не хотелось прибегать к насилию. Дворец был слишком видным объектом, а император слишком ценной фигурой, чтобы подвергать его опасности во время боя. Кроме того, при том критическом положении, в котором находилась Япония, не хватало только вооруженного столкновения японских войск между собой.

Нет, придется подавить сопротивление другими средствами. К счастью, Танака был знаком с несколькими гвардейскими офицерами. В разное время они были его подчиненными. Он попытается установить с ними контакт и убедить не оказывать вооруженного сопротивления.

Генерал Сидзуки Танака являлся живым анахронизмом. Он, казалось, пришел из эпохи японского рыцарства, когда все настоящие люди были самураями и самураи

господствовали над человеческим родом. Однако в характере Танака было стремление к мелочной опеке над подчиненными, и это усложняло его отношения с людьми.

В юности Танака окончил Оксфордский университет. Это он гарцевал на гнедом жеребце во главе колонны войск на параде победы в Лондоне после первой мировой войны. Позднее он был военным атташе в Вашингтоне. Служба в США и Англии неблагоприятно повлияла на карьеру Танака в армии, руководители которой старались во всем походить на нацистов и использовали свою политическую власть, чтобы добиться вступления Японии в союз с диктаторскими фашистскими режимами. Как и большинство других офицеров, ориентировавшихся в тридцатые годы на США и Англию, Танака оказался не у дел. Ключевые посты заняли офицеры, имевшие опыт службы в Германии или России.

Будучи проамерикански настроенным, Танака был решительно недоволен вмешательством армии в политические дела и противодействовал мероприятиям, направленным на поддержку держав оси.

8 декабря 1941 года, когда Танака еще спал, в спальню вбежал его младший сын и сообщил о начавшейся войне. Танака с головой укрылся одеялом, а сын продолжал кричать: «Отец, Япония одержала большую победу, атаковав Пирл-Харбор». Генерал повернулся на другой бок и еще плотнее натянул на себя одеяло. «Объявлена война! — сказал сын. — Ты слышал новое сообщение о великой победе в Пирл-Харборе?» Высунув голову из-под одеяла, Танака проворчал: «Я уверен, что Япония поступила глупо. Разве можно рассчитывать, что мы победим Америку? Думаю, нельзя. Что станет с Японией?» И Танака снова укрылся одеялом.

Танака имел репутацию твердого и решительного солдата и занимал ответственные посты, требовавшие именно такой твердости и решительности. Дважды ему довелось быть начальником военной жандармерии. Благодаря этому опыту он получил назначение на пост командующего японскими войсками на Филиппинах в 1944 году, когда под влиянием пресловутой «благожелательной» политики сопроцветания народов Восточной Азии на этих островах появились признаки беспокойства. Заболев малярией, Танака вынужден был вернуться в Японию для лечения, а затем занял пост, на котором находился сейчас.

Здесь его громовые разносы принесли ему такую же известность, как и его знаменитые усы.

Танака снова попытался связаться с полковником Ватанабе, командиром 1-го гвардейского полка, но телефон не работал. Танака позвал своего адъютанта полковника Цукамото. «Я еду во дворец. Приготовьте машину и принесите мой пистолет. Боюсь, не случилось бы чего-нибудь серьезного с императором».

«На улице еще темно, — пробормотал Цукамото, — и восставшие солдаты могут не заметить флага командующего на вашей машине».

Танака нетерпеливо ходил по комнате. Наконец он решительно потребовал пистолет и вышел. Было четыре часа утра.

Танака, Цукамото и Фува сели в штабной автомобиль, военные полицейские последовали за ними в другой машине. Генерал приказал водителю ехать к штабу 1-го полка. Командир этой части Ватанабе когда-то служил под начальством Танака, и поэтому можно было начать с него, даже если бы полк и участвовал в мятеже.

Когда они подъехали к воротам, только начинало рассветать. В предрассветной дымке они увидели выходившую из ворот колонну солдат в полном боевом снаряжении.

Подъезжая к штабу, Танака заметил командира полка Ватанабе в полной походной форме, с оружием, застегивавшего ремешок каски. Танака окликнул его: «Ватанабе! Рад, что не опоздал. Полученный вами приказ — ложный. Верните полк и пойдемте в штаб».

Ватанабе выполнил приказ, и благодаря его распоряжению заговорщики в мгновение ока лишились тысячи штыков. Когда полковник вошел в комнату, его сопровождал майор Исихара — офицер штаба гвардии, один из сподвижников мятежника Хатанака. Об этом сказали Танака, который сразу обрушился на Исихара. «Это один из тех, кто заварил кашу. Арестовать его». Он приказал вызвать военных жандармов и стал снова ругать майора за участие в заговоре. Фува сел рядом с Исихара и был готов схватить его, если бы тот попытался что-нибудь сделать. Однако майор сидел спокойно, хотя и с мрачным видом, до прибытия жандармского фельдфебеля. Вместе с арестованным Фува отправился в управление военной жандармерии.

Уладив все в 1-м полку, Танака снова позвонил полковнику Хага, командиру 2-го гвардейского полка. На этот раз ему удалось связаться с полковником. Танака рассказал ему о ложном приказе и распорядился, чтобы Хага встретил его у ворот. Затем Танака и адъютант сели в машину. Огромные ворота были заперты. Вокруг стояла тишина, но обстановка казалась угрожающей. Когда автомашина остановилась, к ней подошли два караульных. Водитель сказал, что это машина командующего военным округом, и солдаты сразу взяли на караул. Цукамото, адъютант генерала, заподозрил неладное. Вокруг было слишком тихо. Возможно, предатели только и ждут, чтобы генерал вошел внутрь, и тогда схватят его. Цукамото приказал открыть ворота настежь.

Когда огромные створки со скрипом распахнулись, Танака и Цукамото увидели у караульного помещения полковника Хага и других офицеров. Генерал вышел из машины и прошел через ворота. Он знал, что во 2-м полку не хватало опытных офицеров и многими ротами командовали молодые капитаны и поручики, которых мятежники могли легко завербовать на свою сторону. Подозвав к себе Хага, Танака узнал, что полковник уже сообщил майору Хатанака о том, что 2-й полк с этого момента не станет выполнять распоряжения мятежников.

Танака потребовал, чтобы Хага вернул свои подразделения и приступил к несению обычной караульной службы. Хага направил посыльных в подразделения с приказом покинуть территорию дворца и вернуться в свои казармы.

Затем Танака в сопровождении командира одного из батальонов 2-го полка поспешил на командный пункт охраны дворца, расположенный у моста Нидзюбаси. Здесь он лицом к лицу столкнулся с руководителями мятежа — Хатанака, Сиидзаки, Кога и Уэхара. Танака буквально ошеломил их своим появлением, приказав собрать войска у дворцовых ворот. Выступая перед солдатами, Танака говорил о положении страны и особенно подчеркнул, с какой болью в сердце император принял решение окончить войну. Сказав, что заговор провалился, он призвал мятежников признать свою ошибку и добровольно сложить оружие.

Слова генерала вызвали слезы у этих людей, которые еще совсем недавно хотели подавить сторонников заклю-

чения мира и толкнуть Японию на путь самоуничтожения. Мятежники должны были смыть позорное пятно, которое нанесли своим неповиновением воле императора. Танака не оставил сомнений в том, что единственным приемлемым путем расплаты за прегрешения должна стать смерть в подлинном духе «бусидо». Поскольку главари мятежа согласились произвести акт чести, Танака не арестовал их и дал самим совершить харакири.

Теперь Танака был уверен, что у ворот все налажено. Вскочив в автомобиль, он помчался к резиденции императора, чтобы убедиться, что император в безопасности, и доложить о нормализации положения.

В осажденном здании министерства двора с помощью телефонной линии, скрытой от мятежников адъютантом, стало известно, что около четырех часов утра Танака отправился к частям гвардии, чтобы подавить мятеж. Камергер Токугава, побывавший у Накамура около четверти шестого, был очень обрадован и вернулся в свою комнату в половине шестого. Когда он выходил из кабинета Накамура, то заметил, что часового в коридоре уже нет. Это было хорошим признаком.

Около шести часов утра Токугава обнаружил еще один действующий телефонный аппарат, находившийся в бомбоубежище. Камергер Мицуи отправился в покои императора, где и нашел старшего камергера и главного дворецкого. Позвонив по телефону, они узнали, что Танака уже находится на территории дворца, ликвидируя мятеж.

Решили разбудить императора. Было шесть сорок, то есть на двадцать минут раньше, чем обычно вставал его величество.

Нет никаких сведений о том, как реагировал император, изменилось ли выражение его лица и что он сказал, когда ему доложили, что гвардия взбунтовалась, заняла дворец, устроила обыск в здании министерства двора, ищет лорда — хранителя печати и министра двора, а также пластинки с записью текста императорского манифеста. Возможность мятежа его величество обсуждал с Кидо. В этом был определенный риск. Наступал рассвет того дня, которого император так опасался. Неужели мирные переговоры будут сорваны?

Хирохито приказал, чтобы генерал Хасинума немедленно явился к нему. Камергер Мицуи бросился искать адъютанта императора.

Машина генерала Танака, который направлялся на территорию дворца, чтобы убедиться в невредимости Хирохито и выразить ему свое уважение, чуть не сбила камергера, бежавшего по дороге навстречу. Это был Мицуи, разыскивавший генерала Хасинума.

Танака выпрыгнул из машины и низко поклонился камергеру, который ответил с несколько подозрительным видом. Танака извлек из кармана визитную карточку и изящным жестом вручил ее удивленному камергеру. Спросив о здоровье его величества, он сообщил, что мятеж подавлен, и поинтересовался, где найти старшего адъютанта императора Хасинума.

Поскольку Мицуи также разыскивал адъютанта, Танака пригласил его в свою машину, и они направились к зданию министерства двора. Группы солдат уже убирали пулеметы и ящики с патронами, ликвидируя огневые точки, поспешно сооруженные несколько часов назад.

Камергер провел Танака в комнату, где находился Хасинума. Вместе с адъютантом Танака поспешил на доклад к императору. Однако камергер, увидев в предрассветной мгле фигуры двух военных, решительно направлявшихся к резиденции императора, запер дверь на засов. Даже выглянув в окошко и увидев Хасинума, которого он должен был знать, камергер продолжал считать их мятежниками. В конце концов личность преданных престолу генералов была установлена, и их принял император. Танака рассказал о событиях минувшей ночи, о принятых мерах и получил благодарность своего повелителя.

Мятежники, занявшие токийскую радиостанцию, неожиданно покинули ее. Сразу же после их ухода в здание вошел небольшой отряд военной полиции для охраны радиостанции.

Самым важным делом был ремонт поврежденной трансляционной сети. Когда его закончили, в эфире в семь часов двадцать одну минуту прозвучал голос диктора Татено:

«Передаем специальное сообщение. Император милостиво обнародует свой манифест. В полдень его величество лично выступит по радио. Это милостивейший акт. Просим с уважением выслушать императора. Электроэнергия будет подаваться во все районы, которые обыч-

но не снабжаются в дневное время. Мы просим правительственные и частные учреждения, предприятия, железнодорожные станции и почтовые отделения включить все имеющиеся приемники, чтобы население могло слушать выступление императора по радио. Передача состоится в полдень. Кроме того, в некоторых районах после часу дня последует специальный выпуск газет».

Теперь внимание всей страны сосредоточивалось на беспрецедентном и невероятном явлении.

Тем временем генерал Танака в сопровождении Хасинума продолжал осмотр огромного здания министерства двора. Он убедился, что пластинки с записью выступления императора целы, и приказал восстановить все линии телефонной связи и освободить тех, кто был заперт в помещениях министерства мятежниками. К восьми часам утра камергер Мицуи удостоверился, что спокойствие и порядок во дворце восстановлены, и выпустил из убежища лорда — хранителя печати Кидо и Исивата.

Генерал Танака вернулся в свой кабинет, возвратил Цукамото пистолет и, сев за стол, занялся текущими делами.

ГЛАВА 21

СВЯЩЕННЫЙ ЖУРАВЛЬ

Поскольку опасность военного переворота уменьшилась, перед теми, кто поддерживал решение императора, встала проблема организации передачи его речи по радио. Предстояло доставить пленки с записью речи Хирохито из министерства двора в радиостудию. Однако кто-нибудь из инакомыслящих мог устроить засаду, чтобы перехватить и уничтожить эти пленки. Ночные события показали, что звукозапись речи императора для некоторых была дороже собственной жизни.

В 8.30 чиновники министерства внутренних дел — Такеи и камергеры Мисуи и Окабе — встретились, чтобы обсудить план действий на случай попытки помешать доставить записи.

Пленки извлекли из потайного сейфа в кабинете императрицы и поместили в металлические коробки для кинолент. Лимузин министерства двора подъехал к зданию. Из подъезда вышел Такеи, бережно неся перед собой поднос с императорским гербом. На подносе, покрытые парчовой накидкой, лежали металлические коробки с записями.

Такеи сел в машину и выехал на проспект Хибия-дори. У здания Дай Ичи он покинул дворцовый лимузин и, приняв вид, достойный столь важной миссии, поднялся в холл. Такеи назвал себя и попросил провести его в цокольный этаж. Таким образом, безо всяких происшествий драгоценная коробка с записями попала в руки представителя радиокомпании, заведовавшего резервной секретной радиостанцией. Освободившись от ответственной ноши, Такеи вернулся во дворец.

В это же время машина полицейского управления остановилась у входа в министерство. Из здания вышел че-

ловек в простой рабочей одежде и неуклюже проследовал к машине, неся под мышкой какой-то сверток. Этого человека доставили прямо к зданию радиокомпании. В сопровождении двух полицейских он прошел в кабинет президента компании. Здесь человек в рабочей одежде — камергер Окабе — вручил президенту Охаси сверток. В нем оказалась металлическая коробка с пленками наилучшего варианта записи выступления императора.

Пленки, привезенные Такеи, были запасными, с менее удачным вариантом записи.

Министерство двора доставило рескрипт работникам радио. Оставалось передать речь императора народу.

В этот день предстояло завершить еще одну формальность — провести заседание Тайного совета и получить одобрение мер, направленных на заключение мира.

Заседание было назначено во дворце на десять часов утра, однако мятежники наделали столько разрушений, что работы по расчистке к этому времени не были закончены.

Наконец в одиннадцать часов тринадцать членов Тайного совета во главе с президентом бароном Хиранума спустились по сырым ступенькам в бомбоубежище под садом Фукиаге. Они вошли в историческую комнату, где император дважды принимал наиважнейшие решения, и уселись за столы — точно так же, как сутки назад здесь сидели участники Императорского совета. Кроме членов Тайного совета на этом заседании присутствовали премьер Судзуки, министр иностранных дел Того и директор законодательного бюро. Вскоре в комнату вошел император в сопровождении своего старшего адъютанта, и совещание началось.

Барон Хиранума зачитал послание императора совету:

«Я приказал правительству сообщить союзному командованию о принятии нами условий декларации... И хотя такое решение следовало принять, предварительно согласовав с тайными советниками, я ввиду крайней срочности вопроса обменялся мнением только с президентом Тайного совета. Надеюсь, вы одобрите мои действия».

Затем барон Хиранума дал слово Того, который вновь сформулировал всю ту печальную цепь событий, которая привела к создавшемуся положению. Между тем приближалось время передачи выступления императора по ра-

дио. Хирохито встал и вышел из комнаты. Совещание было прервано.

Как железные опилки к магниту, верноподданные потянулись к репродукторам. Для расширения зоны надежного приема была предусмотрена подача дополнительной электроэнергии. Даже поезда остановились, чтобы пассажиры могли услышать никогда раньше не транслировавшийся голос императора. У японцев бытовала легенда, будто Священного журавля можно лишь услышать, и вот эта возможность действительно представилась — услышать голос императора, причем с помощью средств, не предвиденных ни одной легендой.

Но о чем он будет говорить?

Строились всевозможные догадки. Когда в токийском католическом университете святой Софии отец Джозеф Роггендорф спросил своих друзей и студентов, о чем, по их мнению, будет говорить император, большинство считало, будто его величество объявит о том, что Япония в отместку сбросила на Вашингтон атомную бомбу.

Некоторые предполагали, что противник высадился на священную японскую землю. Никто не ожидал от монарха заявления об окончании войны. Многие думали, что его обращение к народу вызвано войной с Россией. Нет, настаивали другие, это будет призыв бороться до конца. А вдруг это отречение Хирохито? А может быть, объявят о слиянии армии и флота?

Служащие в государственных учреждениях сгрудились вокруг радиоприемников. Крестьяне и жители провинциальных городков, преодолев десятки километров, пришли на площади, чтобы услышать голос Священного журавля.

Тем временем в радиокомпанию позвонили из министерства информации, рекомендуя произвести передачу с резервной секретной радиостанции, расположенной в подвале здания страховой компании Дайити. Однако главный инженер Аракава считал, что здание радиокомпании надежно охраняется; кроме того, в импровизированной студии в Дайити имеются запасные экземпляры записи, и все это надежно гарантирует от каких-либо случайностей.

Великое событие решено было осуществить в студии № 8, так как оказалось слишком много желающих присутствовать при этом. Ответственные чиновники министерства информации, министерства двора, правления ком-

пании и все до одного сотрудники токийского радио заполнили студию. Двери студии тщательно охраняли военные полицейские, перепроверявшие каждого входящего. Даже контрольная комната была набита битком. Все хотели присутствовать при историческом моменте.

В 11.45 президент радиокомпании Охаси извлек из сейфа деревянный ящичек, внутри которого находилась завернутая в изысканный шелк металлическая коробка с пленками.

Охаси с низким поклоном преподнес ее начальнику отдела последних известий, который с теми же знаками почтения передал коробку одному из журналистов. Пленки торжественно принесли в контрольную комнату, и вдруг внезапное смятение охватило студию. Ворвавшийся поручик закричал: «Если эта передача кладет конец войне... я каждого располосую здесь своим мечом!» Офицер ринулся к контрольной комнате, обнажая меч, но какой-то служащий схватил его в дверях. Поручик был обезоружен и передан военным жандармам.

Инженеры проверили звучание записи и признали его удовлетворительным. По цепочке был передан знак в студию, и по всей стране остановилось всякое движение. Ровно в полдень диктор Вада объявил об исполнении национального гимна «Кимигайо». Когда стихли звуки гимна, диктор известил нацию, что сейчас будет говорить император. Слова Хирохито — исторические, эпохальные, беспрецедентные — настолько удивили всех, что многие оказались в шоковом состоянии.

«Нашим добрым и верным подданным, — начал император. — Глубоко обдумав общие тенденции мирового развития и сложившиеся в настоящее время в нашей империи условия, мы решили нормализовать положение в стране, прибегнув к чрезвычайным мерам. Мы повелели нашему правительству передать правительствам Соединенных Штатов, Великобритании, Китая и Советского Союза сообщение о принятии нашей империей условий их совместной декларации».

Это ошеломило тех, кто был знаком с условиями Потсдамской декларации, однако большая часть населения страны пока еще не понимала, о чем идет речь.

Хирохито продолжал:

«Война длится почти четыре года. Однако, несмотря на все усилия, приложенные каждым, военная обстановка

сложилась не в пользу Японии, поскольку общая тенденция в мире направлена против ее интересов. Более того, враг применил новую ужасную бомбу, способную произвести поистине неисчислимые разрушения и уничтожить множество невинных людей.

Если мы будем продолжать борьбу, это приведет не только к окончательному краху и уничтожению японской нации, но и к полной гибели мировой цивилизации. Не предотвратив это, мы не сможем спасти миллионы наших подданных. Как оправдаемся мы тогда перед святыми душами наших императорских предков?

Думы о тех, кто пал на полях сражений, кто погиб на своем посту или встретил безвременную смерть, думы о сиротах и вдовах до боли сжимают наше сердце и днем и ночью. Мы проявляем постоянную заботу о тех, кто пострадал от войны. Нашей нации предстоят огромные трудности и лишения... Однако во имя будущих поколений мы приняли решение проложить дорогу к великому миру. В этих обстоятельствах мы должны вынести невыносимое...»

Далее Хирохито напутствовал свой народ:

«Мы способны сохранить государственное устройство нашей империи и, полагаясь на вашу искренность и единство, мы всегда будем с вами, наши добрые и верные подданные. Остерегайтесь взрывов эмоций. Это может привести к ненужным осложнениям, к братоубийственным раздорам. Может привести к потере доверия всего мира... Будьте честными, воспитывайте благородство духа, трудитесь, чтобы возвысить славу империи и идти в ногу с мировым прогрессом...»

Слушать выступление Хирохито на дворцовой площади собрались сотни людей. Став на колени, они устремили взоры к невидимому Священному журавлю, укрывшемуся где-то за седыми древними стенами. Одни рыдали и бились головой о камни мостовой. Другие, как загипнотизированные, молча уставились в одну точку. Слезы текли по их щекам.

Для некоторых фанатиков острые клинки или пистолеты становились единственным выходом из положения. Глядя на взбудораженную толпу, они в порыве отчаяния кончали с собой. Среди таких оказались майор Хатанака и подполковник Сиидзаки. Возвратившись в штаб генерала Мори, застрелился майор Кога — в знак покаяния в

своей вине и неудаче. Двумя днями позже в авиационном училище покончил жизнь самоубийством капитан Уэхара.

Совершенно очевидно, что созванное на следующий день заседание Тайного совета для санкционирования решения императора о принятии условий Потсдамской декларации оказалось пустой формальностью.

Одним из членов совета, хотя его назначение и не являлось типичным, был семидесятилетний генерал барон Сигеру Хондзе. Командуя Квантунской армией, он добился в 1931 году успеха в ходе маньчжурского инцидента. Хондзе создал японское марионеточное государство Маньчжоу-Го, а в 1936 году после увольнения из армии стал членом Тайного совета. Это было подходящим вознаграждением за службу в условиях того времени.

Тайный совет при участии президента, вице-президента и двадцати пяти членов, назначаемых пожизненно императором, заседал раз в месяц.

В это критическое время трезвые умы считали благоразумным соблюдать при обнародовании капитуляции все предписываемые меры. Поступить так — значило избежать в последующем необходимости хитрить и обманывать.

Заседание открыл барон Хиранума. Затем премьер Судзуки предложил министру иностранных дел Того изложить основания, побудившие правительство принять решение о капитуляции. Того рассказал о японо-советских отношениях, о первоначальном отказе Японии принять условия Потсдамской декларации, о двух атомных ударах и наступлении русских. Министр иностранных дел сообщил далее о результатах заседания Высшего совета по руководству войной 10 и 14 августа.

Генерал Хондзе и некоторые его сторонники осудили оккупацию, идею выборов в национальное правительство, а также требование предоставить компартии право на легальное существование. Они были недовольны тем, что император принял условие о подчинении верховному командованию союзных войск, и доказывали, что японская экономика будет подорвана необходимостью платить военные репарации.

Того выдержал все эти удары и спокойно ответил на каждый вопрос. Затем выступил член совета Фукаи. По-

нимая сложность обстановки, он в противовес негодованию некоторых своих коллег заявил: «Для того чтобы принять решение, мы должны сравнить последствия продолжения войны с последствиями немедленного принятия Потсдамской декларации. Я одобряю мудрое решение императора и политику премьер-министра, министра иностранных дел и всех, кто поддерживает это решение».

Выступление Фукаи сыграло свою роль: Тайный совет одобрил решение императора. Президент совета Хиранума закрыл заседание.

В два часа дня на последнее заседание собрал свой кабинет министров старый адмирал Судзуки.

Открыв заседание, он предоставил слово Того. Министр иностранных дел доложил: «Наши требования переданы Соединенным Штатам сегодня рано утром, но мы пока еще не получили никакого ответа. Однако через японское посольство в Швейцарии нам передали американское предложение о прекращении огня...»

Следующим взял слово военно-морской министр Иопаи. «Всем военно-морским базам, — сказал он, — передан приказ императора и мое распоряжение о прекращении огня. Союзники заявили в своем коммюнике, — продолжал Ионаи, — что мы должны прекратить огонь в течение двадцати четырех часов. Однако они не учли, что нам необходимо два дня, чтобы оповестить все части в Японии, шесть дней — на оповещение частей в Маньчжурии, Китае и южных заморских территориях и двенадцать дней, чтобы распоряжение дошло до войск на Новой Гвинее и Филиппинах».

Было решено обо всем этом сообщить союзникам во избежание каких-либо недоразумений и инцидентов.

Вскинув свои густые брови, Судзуки перешел к следующему вопросу. Он начал говорить об Анами.

«Военный министр Анами честно исполнял поручения кабинета. Если бы военный министр ушел в отставку, кабинет немедленно бы пал. Анами не сделал этого, и кабинет министров смог достичь своей главной цели — прекращения войны. За это я всегда буду благодарен военному министру. Генерал Анами был преданным и твердым человеком, настоящим солдатом. Он был отличным министром, и я глубоко скорблю по поводу его смерти».

Упоминание об Анами заставило министров задуматься, однако дела не ждали. Самым популярным мероприя-

тием правительства Судзуки оказалось, вероятно, последнее. Кабинет решил предметы широкого потребления, накопленные в большом количестве для нужд армии, немедленно распределить между жителями страны. Продукты питания, одежду было приказано раздать народу. Это, как признавал позже Судзуки, оказалось настоящей находкой и способствовало установлению спокойствия.

И наконец, премьер перешел к последнему вопросу повестки дня — отставке кабинета.

Старик считал необходимым провести четкую грань между войной и миром, и этой гранью должна была стать смена правительства. Если двадцать четыре часа назад это сочли бы преступной безответственностью, то теперь кабинет мог, вернее, ему следовало уйти в отставку.

Судзуки сказал: «Мне стыдно вспоминать, что я дважды беспокоил его величество просьбой принять всемилостивейшее решение. Я подаю в отставку. Теперь, когда война окончена, кабинет должен смениться. Сейчас, кажется, самое подходящее время. Жаль, что военного министра уже нет с нами...»

Японцы, привыкшие к смене правительств по причине ошибок в политике или раскола в рядах министров, имели все основания недоумевать по поводу отставки кабинета Судзуки. Но редакторы газет предусмотрительно объяснили своим читателям, что отставка не является следствием политических ошибок кабинета Судзуки. Она ни в коей мере не говорит об отсутствии уважения или доверия со стороны народа. Ее ни в коем случае не следует связывать с недовольством каких-либо кругов по поводу окончания войны... Отставка носит исключительно моральный характер...

Таким образом, Судзуки довольно успешно дослужился до конца. Он был принят его величеством и официально подал просьбу об отставке. Император, чей престиж и власть деятельностью премьера были возведены на должную высоту, поблагодарил его: «Вы очень хорошо потрудились, Судзуки». Хирохито повторил эту фразу, на случай если премьер не уловил его слов. Для старого адмирала они прозвучали как благословение. Судзуки пока оставили на службе — до назначения нового премьера. А выбор премьера был специальностью Кидо.

Приступая к делу, маркиз Кидо попросил разрешения у его величества проконсультироваться только с прези-

дентом Тайного совета, избежав процесса согласования со всеми старейшинами.

Хирохито дал свое согласие.

В 16.30 Хиранума встретился с Кидо и долго беседовал с ним. В результате было принято решение рекомендовать на пост премьера принца Хигасикуни (дядю Хирохито), а в качестве его советника — принца Коное. Предполагалось, что кабинет, состоящий из принцев, будет несравненно более сильным, чем любое предыдущее правительство.

Во-первых, в состав правительства в лице Хигасикуни впервые войдет представитель императорской фамилии. Новый премьер будет вне упреков и, конечно, вне опасности. Судзуки и другие лица простого происхождения были подвержены риску пасть жертвой террора. Ожидать же применения силы к члену императорской фамилии — вряд ли возможно.

Во-вторых, опыт и пока еще высокий авторитет принца Коное явились бы неоценимой поддержкой для нового правительства.

В 18.30 Кидо посетил императора и на основе заключения, к которому пришли они с Хиранума, официально рекомендовал двух принцев в качестве лидеров будущего правительства. Император согласился с этими предложениями, и Кидо приступил к подготовке необходимых мероприятий.

В это время десятки тысяч людей, стекавшиеся к площади дворца, били низкие поклоны, обливались слезами и кончали жизнь самоубийством. Этим они приносили свои извинения императору за непростительное унижение, причиненное поражением Японии.

Итог критического дня подвел тот, кто в качестве кормчего привел Японию к финалу. В этот вечер с речью к народу обратился барон Судзуки, премьер-министр.

«С этого момента мы перестанем горевать, — говорил Судзуки своим соотечественникам. — Мы должны взять себя в руки и забыть прошлые испытания. Мы должны отказаться от честолюбивых устремлений и позаботиться о сохранении нации. Мы будем строить новую Японию на основе самоуправления, творчества и труда. Наш народ должен обратить особое внимание на развитие научной

мысли в Японии, отсталость которой продемонстрировала эта война...»

Судзуки старался успокоить своих соотечественников и призывал их примириться с неизбежностью поражения. Люди реагировали на эти призывы по-разному. Многих не успокоили даже увещевания Священного журавля. Некоторые так далеко зашли, что начали угрожать новому премьеру принцу Хигасикуни. И хотя война окончилась, мир в самой Японии еще предстояло завоевать.

ГЛАВА 22

ХИТОБАСИРА

В августе 1945 года управление стратегических служб США выпустило секретный меморандум о результатах исследований реакции японцев на капитуляцию. В документе говорилось: «Неоднократно наблюдалось, что в непредвиденной или новой обстановке многие японцы проявляют такую неуверенность, какая представляется почти ненормальной большинству европейцев. Их поведение в этих условиях может варьироваться от крайней апатии и физической прострации до безудержного неистовства, направленного против самих себя или любого объекта из окружения. Капитуляция представляет именно такую обстановку, в возможность которой японцам на протяжении многих лет внушали ни при каких обстоятельствах не верить».

Это положение удивительно точно отражало ход событий в Японии в тот период, когда руководители правительства США получили данный меморандум.

Генерал армии Дуглас Макартур, верховный главнокомандующий союзными войсками, через два месяца после выступления Хирохито с гордостью заявил, что оккупация Японии прошла без единого выстрела. Это была правда, и весьма впечатляющая. Макартур втайне гордился собой: ведь он отважился на одну из самых рискованных в истории операций — с небольшими силами десантироваться на аэродром Ацуги, вблизи Токио, т. е. в сердце государства, которое к тому времени еще имело почти четырехмиллионную боеспособную армию в собственно Японии, не говоря уже о вооруженных силах на заморских территориях.

Расчет оказался точным, и Макартур блестяще вышел из игры. Никаких инцидентов и покушений на победителя и его войска не было.

Однако за видимым спокойствием нация клокотала, и, чтобы вывести ее из кажущегося равновесия, достаточно было лишь слегка затронуть больные места.

Сознавая свою ответственность за то, чтобы капитуляция 80-миллионного народа прошла спокойно, император понимал, что мир и порядок неустойчивы и любое военное столкновение может вызвать волну новых неприятностей.

Первая и важнейшая задача состояла в разоружении армии. Было абсолютно необходимо, чтобы армия сложила оружие и подчинилась приказу. Поэтому 16 августа Хирохито поручил трем принцам довести свой приказ до войск на заморских территориях.

Радиопередачи и послания могли оказаться недостаточными. Наиболее отчаянные из военных легко дискредитировали бы и то и другое как фальшивки «предателей, стоящих у трона». Только непосредственное обращение близких родственников императора могло убедить скептиков, что Хирохито сам, без принуждения, по собственной воле принял роковое решение. Принц Такеда вылетел в штаб Квантунской и корейской армий, принц Канин отправился в штабы южной армии и 10-го морского района, принц Асака был послан в китайскую экспедиционную армию и штаб флота Китайского района. За некоторым исключением их миссии закончились благополучно.

Стремясь скорее покончить с этим и продемонстрировать свое отношение к верным солдатам и матросам, император на следующий день опубликовал специальное обращение к вооруженным силам — приказ о прекращении войны. Оно было преисполнено восхищения преданностью и храбростью японских войск. Император ни словом не обмолвился об атомных бомбах, но зато наступление советских войск преподнес как основную причину окончания войны:

«Советский Союз вступил в войну, и, принимая во внимание положение дел в стране и за границей, мы полагаем, что продолжать борьбу — значит служить дальнейшему бедствию, значит, в конце концов, вести к разрушению основ, на которых зиждется наша империя. Поэтому, несмотря на высокий боевой дух императорской

армии и флота, мы намерены начать переговоры о мире... во имя спасения нашего государственного строя...»

В армии и военно-морском флоте в развитие этого специального обращения были изданы инструкции для офицеров, солдат и матросов.

Командующий военно-морским флотом, стремясь рассеять сомнения своих подчиненных, заявил:

«Я хочу пролить свет на случившееся. Я абсолютно убежден, что это решение император принял по собственной воле. Поэтому если вы втайне сомневаетесь в обстоятельствах, которые привели к такому заявлению, или верите всевозможным слухам, то действуете опрометчиво. Если вы будете волновать общественное мнение безответственными предположениями, то это не только затруднит нормализацию обстановки, но будет на руку противнику, поскольку вы пойдете вразрез с желанием его величества. Я требую, чтобы все офицеры и матросы, находящиеся под моим командованием, преисполнились сознания, что и сейчас, перед лицом серьезного кризиса, переживаемого нами, они остаются преданными воинами его величества. Я требую, чтобы все офицеры — командиры частей и кораблей — призвали своих подчиненных исполнить волю императора».

18 августа по армии и на следующий день по военно-морскому флоту были отданы приказы, смягчающие удар. В них, в частности, указывалось: «Военнослужащие и гражданские лица, прикомандированные к вооруженным силам, попадая под контроль войск противника после обнародования императорского рескрипта, не будут считаться военнопленными. Сдача оружия и другие действия, направленные на выполнение директив противника, сообщенных через японское командование, не будут считаться капитуляцией».

Судзуки призывал народ к спокойствию. Министр внутренних дел, министр информации, глава политического общества великой Японии и другие видные деятели говорили о том же. Однако в стране то тут, то там вспыхивали бурные инциденты.

Какой-то унтер-офицер потребовал от своего командира поклясться, что он вопреки воле императора даст последний бой американским войскам, когда те высадятся на берег. Когда командир отказался, унтер-офицер выхватил у него меч и убил на месте.

Случалось также, что японские летчики атаковали позиции союзников или их корабли. Многие летчики-смертники не хотели пережить позора, тем более что они поклялись своим погибшим товарищам кончить жизнь так же, как они.

17 августа лорду — хранителю печати Кидо позвонили из дворца и попросили немедленно прибыть. Во дворце Кидо узнал, что отряд в составе более 200 солдат из учебного центра связи армейской авиации, расположенного вблизи города Мито, поднял мятеж. Прибыв в Токио, отряд направился к парку Уэно в центре города и расположился в захваченном им императорском музее искусств.

Этой новостью Кидо поделился с министром внутренних дел. Армейское командование двинуло на подавление повстанцев части из состава гвардейской дивизии и 12-й территориальной армии. Однако потребовалось двое суток переговоров, угроз и боевых действий, чтобы подавить бунт. В конце концов 19 августа мятежники были возвращены в Мито. Их офицеры, конечно, покончили с собой, сделав харакири. Таким образом, они искупили свою вину за беспорядки.

Инциденты были связаны не только с действиями военных. Утром 15 и 16 августа группа фанатиков пыталась ликвидировать Кидо. Вооруженные гранатами, пистолетами и мечами, мятежники с 18 по 22 августа отбивались от полиции. В заключении мира эти люди видели результат заговора политиканов. Двенадцать из них, написав завещания, подорвали себя гранатами в знак протеста против капитуляции.

Беспорядки имели место и в провинции. В префектуре Симане на западе острова Хонсю население организовало налет на учреждения местной власти. Нападению подверглись почта, здание префектуры, электростанция, редакция газеты и радиоцентр.

Наиболее серьезные инциденты произошли сразу же после назначения нового премьер-министра.

17 августа в 11.45 утра принц Нарухико Хигасикуни стал преемником Судзуки и одновременно министром обороны. Принца Коноэ назначили его заместителем.

Хигасикуни имел звание армейского генерала и был авторитетен среди военных. Как принц и дядя императрицы, он пользовался доверием двора и общества. Это

была выдающаяся фигура, вокруг которой, по теории Кидо, должны были сплотиться все группировки.

Хирохито обязал нового премьер-министра «полностью соблюдать конституцию и приложить все усилия для нормализации обстановки путем поддержания дисциплины в армии, соблюдения законов и порядка во всей стране». Однако глубоко ошибались те, кто думал, что титул нового премьера успокаивающе подействует на противников капитуляции. Не успел Хигасикуни появиться в резиденции премьера, как ему пришлось принимать гостей.

«Только я сформировал свой кабинет, как ко мне прибыла группа армейских офицеров, вооруженных пистолетами и мечами. Офицеры заявили, что они против окончания войны, и потребовали, чтобы я отменил решение о капитуляции. Я ответил, что не могу этого сделать. Один из них повторил, что все военные, особенно молодые офицеры, настроены против окончания войны... Они намеревались ночью собрать все части, расположенные в Токио и его окрестностях, на дворцовой площади перед мостом Нидзюбаси и под угрозой смерти требовали от меня прибыть туда. Они намеревались проникнуть во дворец и убедить императора отказаться от капитуляции», — писал впоследствии Хигасикуни.

Путч был назначен на 20 августа. В полночь у императорского дворца должен был осуществиться тот грандиозный замысел, который делегация офицеров изложила Хигасикуни во время визита. Однако когда принц отверг это предложение, офицеры, оценив обстановку, попросили нового премьер-министра распорядиться передавать по радио его речь о причинах окончания войны через каждые полчаса, начиная с полуночи.

Речь Хигасикуни передавалась каждый час. Это был яркий образец благих намерений и беспочвенных обещаний. Новый премьер заверял: «Что касается сохранения национальной целостности, я разработал позитивный и вполне определенный план, поэтому вы должны вести себя в высшей степени спокойно, чтобы не разгорались ненужные страсти».

Тысячи людей, слушавших речь принца по радио, были глубоко озадачены. Все это время цензоры старались, чтобы ни одного слова о выступлениях недовольных или о бесчинствах не появилось в газетах и не было передано по радио.

Эта речь адресовалась недовольным капитуляцией, и они вняли призывам. На площади в полночь появились лишь малочисленные, разрозненные и никем не руководимые группы наиболее отчаянных. Путч провалился.

На следующий день офицеры, накануне посетившие Хигасикуни, снова приехали, чтобы засвидетельствовать свое почтение. «Эти офицеры вновь пришли ко мне сказать, что войска, которые собирались на площади, рассеяны; они просили меня не волноваться, так как от всех своих планов, в частности от планов захвата дворца, отказались».

Очередной путч потерпел фиаско, и тем не менее отдельные выступления продолжались во многих районах страны. Обстановка оставалась напряженной.

Поговаривали о том, что китайцы высаживаются в Осаке. Уверяли также, что более 50 тыс. американских солдат высадились на берег в Иокагаме и двинулись в глубь страны. Слух о том, что американские корабли с войсками находятся в заливе Сагами (на входе в Токийский залив), был самым правдоподобным. Однако корабли, о которых шла речь, сосредоточивались для проведения церемонии подписания акта о капитуляции, а не для высадки десанта.

Нелегко было апеллировать к здравому смыслу людей, ставших жертвой нелепых слухов и засыпавшихся «правительственными» сообщениями и листовками, которые сбрасывались с некоторых военных самолетов и призывали сопротивляться капитуляции. В некоторых из них говорилось даже об организации «правительства сопротивления».

Быстрые действия армейского командования позволили вскоре прекратить такие полеты. 14 августа генерал Йосидзуми приказал разоружить все военные самолеты и снять с них баки для горючего. В основном приказ был выполнен.

Иначе обстояли дела на флоте. 302-я авиагруппа на аэродроме Ацуги, который был предназначен для базирования авиации, участвовавшей в системе обороны Токио, и подготовки морских летчиков-смертников, отказалась признать поражение. Ее командир капитан 2 ранга Ясуна Кодзоно поднял в воздух группу летчиков. Самолеты с угрожающим ревом пролетели над Ацуги и Токио и сбросили листовки. В них говорилось, что сообщение о капи-

туляции — ложь, придуманная старыми болтунами, что в действительности капитулировать решил не император, а «предатели, окружающие трон и желающие сдаться».

Люди, ведомые Кодзоно, были настолько экзальтированы и полны решимости разбить противника, где бы он ни находился, что угрожали даже торпедировать корабли союзников в Токийском заливе.

Кодзоно был одним из самых способных морских летчиков. В обстановке общего развала ему удалось сохранить в отличном состоянии самолеты и высокую боеготовность летчиков в Ацуги. Кодзоно наотрез отказался выполнить приказ о запрещении полетов. Он игнорировал распоряжения военно-морского министра.

Ацуги, как ближайший к Токио военный аэродром, приобретал весьма важное значение. Макартур распорядился подготовить этот аэродром к принятию своего личного самолета, выбрав его для высадки авангарда оккупационных войск. Однако Кодзоно отказался вывести свою часть с аэродрома. Даже угроза направить против него подразделения морской пехоты с расположенной по соседству военно-морской базы Иокосука не поколебала решимости Кодзона. Однако вскоре все это кончилось тем, что мятежный капитан лишился рассудка.

Чтобы положить конец неповиновению, император послал своего брата капитана 2 ранга принца Такамацу и вице-адмирала принца Куни в штабы соединений военно-морского флота, дислоцировавшихся в метрополии. Их задача заключалась в том, чтобы разъяснить командирам и войскам, что необходимо повиноваться решению императора о капитуляции.

Все это было прелюдией к высадке оккупационных сил союзников. За триумфальное появление завоевателей во главе с Макартуром без единого выстрела и без единой капли крови было заплачено дорогой ценой. Цену эту уплатили побежденные, и стоила она многих человеческих жизней.

Более тысячи японских армейских офицеров (без учета сотен военных моряков и гражданских лиц) от военного министра до командиров рот покончили жизнь самоубийством. Ониси, Анами, Сугияма из числа высокопоставленных лиц покончили с собой в момент краха императорской Японии. Однако ими далеко не исчерпывается

список тех, кто предпочел смерть жизни. Все они стали хитобасира.

В давние времена перед началом постройки большого здания приносили в жертву человека, закапывая его живым в землю на месте будущего сооружения. Жертву приносили, чтобы умиротворить духа этого места и помочь зданию устоять. Отныне оно покоилось на плечах хитобасира.

Жертвы последних дней второй мировой войны, эта ужасная кульминация длительной и упорной борьбы, также могут рассматриваться как хитобасира, положившие себя в основание нового государства, которому предстояло подняться.

ГЛАВА 23

УЦЕЛЕВШИЕ

Какова судьба людей, которые решили «перенести невыносимое» и опустили занавес над императорской Японией?

Когда барон Судзуки, став на позицию невмешательства в дела управления страной, ушел с поста премьер-министра в отставку, он верил, что осуществил волю императора. Сам он ничего так не хотел, как мира и спокойствия. Но это было недостижимо. Прошлое не оставляло его. До самой смерти его преследовали экстремисты, осыпавшие старого адмирала проклятиями и требовавшие, чтобы он покончил с собой за свои «великие злодеяния».

Желая уединиться, барон вернулся в городок Секиядо, где он родился. Однако вскоре старик обнаружил, что его дом стал местом паломничества друзей и знакомых, корреспондентов, которые стремились разузнать, «как все было на самом деле», а также американских офицеров, желавших просто познакомиться с ним.

До переезда в провинцию Судзуки охраняли, где бы он ни находился (он часто менял местожительство, опасаясь покушения). В Секиядо же Судзуки чувствовал себя в безопасности.

Отец Судзуки умер от рака желудка, и старый моряк был убежден, что то же самое ожидает и его. 16 апреля 1949 года в возрасте 81 года Судзуки умер от рака печени.

Принц Хигасикуни предложил министру иностранных дел Сигенори Того остаться на своем посту в составе его кабинета. Того, естественно, отказался. Мотивы его отказа были вескими и обоснованными: причины отставки премьера Судзуки относились в равной степени и к нему,

Того. Кроме того, хотя роль его в трагических событиях 1941 года была минимальна, он предвидел, что может быть привлечен к ответственности как военный преступник, а это, несомненно, вызвало бы затруднения у нового правительства. Таким образом, Того вернул своему предшественнику, Мамору Сигемицу, бразды правления министерством иностранных дел и заявил, что навсегда уходит от общественной деятельности.

Предчувствия не обманули Того — он был привлечен к суду международным военным трибуналом по Дальнему Востоку, больше известным японцам как токийский судебный процесс над военными преступниками. Суд заседал в течение двух с половиной лет — с 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года.

Того обвинялся как участник тайного заговора по развязыванию агрессивной войны и привлекался к ответственности за совершенные японцами зверства. По обвинению в ответственности за зверства его оправдали, но признали виновным в «преступлениях против мира» в период пребывания его на посту министра иностранных дел с октября 1941 года по сентябрь 1942 года. Как установил суд, он играл ведущую роль в подготовке Японии к агрессивной войне. И тем не менее, когда дело дошло до приговора, только Того, в отличие от других осужденных на этом процессе, не получил пожизненного заключения. Его приговорили к двадцати годам тюрьмы, считая с момента привлечения к суду.

Но срок значения не имел. Здоровье его было подорвано, и с момента ареста вплоть до смерти половину срока тюремного заключения он провел в госпиталях.

Генерал Йосидзиро Умедзу, суровый и мрачный военный чиновник, за одну ночь стал самым известным, если не самым знаменитым, японским солдатом в мире.

Во время церемонии подписания капитуляции на палубе «Миссури» 2 сентября 1945 года, когда наступил его черед, Умедзу, представляя императорскую ставку, подписал акт о капитуляции. Генерал был в помятом кителе, сапогах и кавалерийских бриджах, грудь украшали аксельбанты и орденские планки, на голове — полевое кепи. Ему пришлось даже позаимствовать ручку для этой унизительной церемонии, ибо его собственная оказалась неисправной. Фотографии Умедзу, снятые в этот момент, обошли весь мир как свидетельство того, что фа-

натичная японская военщина признала наконец свое поражение.

Немного нашлось бы людей, которые с бо́льшим отвращением, чем Умедзу, отнеслись к этой обязанности. Удостоверять документ о том, что Япония фактически признает свое поражение, должен был почему-то представитель армии, а не военно-морской министр Ионаи. Умедзу выдвигал для этой цели последнего по той причине, что он был старшим из присутствовавших представителей вооруженных сил.

Когда Умедзу впервые услышал, что он выделен для подписания акта о капитуляции от имени армии, он взбунтовался и заявил, что, если ему прикажут подписать акт, он сделает харакири. Но, как многие его заявления, и это было рассчитано на публику. Оно аннулировалось прямым приказанием императора выполнить эту унизительную миссию. И не только унизительную, но и опасную. Члены японской делегации ехали на церемонию подписания в строжайшей тайне, опасаясь покушения со стороны экстремистов.

Позже Умедзу оказался одной из «крупных рыб», попавших в сети трибунала, который судил военных преступников.

Суд признал Умедзу виновным в заговоре с целью подготовки агрессивной войны, так как он принимал активное участие в планировании военных операций против Китая в 1937 году, в осуществлении планов национальной политики армии в 1936 году, а также в разработке плана промышленной мобилизации в 1937 году. Все это, как заключил суд, привело к развязыванию боевых действий на Тихом океане. Умедзу приговорили к пожизненному заключению. 8 января 1949 года в возрасте 67 лет он умер в тюрьме Сугамо от рака.

Адмирал Митусумаса Ионаи остался военно-морским министром в кабинете Хигасикуни как единственный представитель правительства Судзуки. Это указывало на официальное одобрение твердого курса его политики. Ионаи доказал свою стойкость в трудный период.

Характерно, что Ионаи не счел себя обязанным сделать харакири в связи с неудачными действиями военно-морского флота во время войны. Достойно внимания и то, что ему не предъявили обвинения в военных преступлениях. Его послужной список остался чист.

Причины поражения Японии он оценивал так: «Я до сих пор считаю, что основной военный план не соответствовал общему уровню нашей военной мощи. Я думаю, что его вообще не следовало приводить в действие, и считаю, что, если бы я был премьером в то время, этой войны, вероятно, не было бы».

Хотя Анами и приказал подполковнику Такесита убить Ионаи, адмирал остался в живых. На него не покушались ни флотские экстремисты, ни армейские горячие головы.

Закончив расформирование флота, Ионаи все свое внимание обратил на Хоккайдо — самый северный и недостаточно развитый остров Японии. 20 апреля 1948 года в возрасте 68 лет он умер от пневмонии.

Начальник морского генерального штаба адмирал Тойода в бытность Судзуки премьер-министром был рекомендован на эту должность Ионаи. Очень часто, особенно на заседаниях «большой шестерки», Тойода вел себя так, словно ему было поручено добиться продолжения, а не окончания войны. Однако Ионаи, по-видимому, сквозь пальцы смотрел на это сопротивление Тойода.

Поскольку Тойода являлся главнокомандующим Соединенным флотом с первых месяцев 1944 года до назначения его начальником морского генерального штаба в 1945 году, в Токио на военном процессе его судили за преступления и зверства, совершенные личным составом японского флота. Однако, единственный из лидеров Японии, он был полностью оправдан.

Тойода пережил всех членов «большой шестерки». Умер он от сердечного приступа в 1957 году в возрасте 72 лет.

Из тех, кто планировал государственный переворот и видел в военном министре Анами нового сегуна, в живых остались четверо. Когда писалась эта книга, все они здравствовали.

Подполковник Масатакэ Ида, который от намерения сделать харакири с легкостью перебросился к решению участвовать в заговоре, затем выступил против него, потом снова решил покончить жизнь самоубийством, в конце концов остался жить.

За участие в заговоре его предали военному суду. Но Ида убедил суд в искренности своих попыток исправить ошибку: ведь он пытался уговорить Хатанака отказаться

от выступления, когда увидел, что войска Восточного военного округа под командованием Танака не собираются поддерживать переворот.

В наши дни он изменил свое имя на Ивата. Прежний смутьян превыше всего почитает приличия и законность. Одетого с иголочки, его часто можно видеть в крупнейшем японском рекламном агентстве, где он заведует общим отделом.

Он явно преуспевает и является олицетворением среднего японского бизнесмена, вплоть до фирменного значка на отвороте пиджака.

Полковник Окикацу Арао, который, как старший по званию среди участников переворота, являлся условным его руководителем, тоже приспособился к «ужасам» коренным образом изменившейся Японии. Подобно Ида — Ивата он похоронил свое прошлое. Преуспевающий бизнесмен, Арао является директором крупного автомобильного агентства в центральном районе Токио.

Однако, как только разговор заходит о Японии в период окончания второй мировой войны, он становится другим человеком. И хотя хорошо помнит события тех последних лихорадочных дней войны, в нужных случаях память изменяет ему. Он, например, «забыл» о вечере 13 августа 1945 года, когда пришел к военному министру Анами с планом переворота, о полуночной встрече с Анами в военном министерстве. Однако с удовольствием вспоминает, как накануне вечером его пригласили к принцу Микаса, а также свое участие в подготовке соглашения, подписанного высшим военным руководителем утром 14 августа.

Лицо Арао — это маска. Широкая, плоская, невыразительная маска, обтянутая пористой восковой кожей. Волосы жесткие и редкие. И только глаза всегда живые. И наблюдают, наблюдают... Возможно, он приобрел эту непроницаемость в армии, но она пригодилась ему и в автомобильном бизнесе.

Подполковник Масао Инаба, как и Такесита, являлся одним из тех, кто готовил переворот. Он отказался от участия в заговоре утром 14 августа, как только узнал, что генерал Умедзу пошел на попятную. Живой и энергичный, Инаба легко мог бы переменить свою военную профессию на гражданскую. У него хватало умения возглавлять отделение военного бюджета министерства и состав-

лять речи для военного министра. Можно было предположить, что он обоснуется в какой-нибудь современной корпорации, где требуются именно такие способности. Однако до сегодняшнего дня он продолжает заниматься событиями второй мировой войны. И это не уход от реальности, а профессиональный интерес. Он является гражданским сотрудником отдела истории при штабе сил самообороны. Работает над окончательным вариантом истории участия Японии во второй мировой войне.

Однако выразительные глаза Инаба начинают бегать, когда речь заходит о столкновении политических взглядов в последние дни второй мировой войны. Инаба не прочь посеять сомнения в отношении соучастников мятежа. Он говорит, что еще жив человек, участвовавший в убийстве генерала Мори, и отвергает версию, согласно которой оставшийся в живых участник группы не находился в комнате в момент выстрела. Он также считает, что этот человек позднее переложил вину за убийство на своего умершего соучастника.

Увлеченный работой, Инаба снует взад и вперед между пыльной приемной и переполненными залами, в которых хранятся документы и печатные издания. Анами остается одним из его героев. Инаба сомневается в правильности версии, согласно которой военный министр сделал харакири, чтобы незамедлительно уйти из жизни после подписания императорского рескрипта и из опасения, что «молодые тигры» восстанут и силой заставят его быть их руководителем.

Подполковник Масахико Такесита, чьи слова ранили военного министра и чья рука нанесла ему последний удар, когда Анами совершал харакири, остался военным человеком. Когда речь заходит об Анами и об окончании войны, он оживляется. Этот период интересует его со всех точек зрения, поскольку в то время он находился в центре событий. Он написал об Анами книгу и адресовал ее будущим офицерам сухопутных войск национальной самообороны.

Такесита, сын армейского генерала и шурин военного министра, теперь сам генерал сухопутных сил самообороны. Он начальник командно-штабного колледжа, который находится в историческом здании бывшей императорской ставки на холмах Итигая.

Япония идет вперед. В беспокойной, полной забот

повседневной жизни самой богатой и развитой страны Азии бывшие заговорщики незаметно отошли на задний план.

Большинство тех, кто в последние критические дни империи боролся за власть, отошли в небытие. Остались живы лишь двое — бывший главный секретарь кабинета министров и последний из лордов — хранителей печати.

Хисацуне Сакамидзу, правая рука премьера Судзуки, выдержал испытания военного времени. Человеку с его умом, опытом, энергией и политическим кругозором заранее было уготовано блестящее будущее. Не лишними оказались и огромные связи, приобретенные с помощью тестя адмирала Окада.

Во время последнего заседания кабинета премьер Судзуки, следуя установившейся традиции, назначил членами палаты пэров людей, которые, по его мнению, имели значительные заслуги перед нацией. Их оказалось пятеро. Сигемицу был первым, Сакомидзу — вторым.

Члены кабинета министров одобрили назначение единогласно. Но эта честь без власти была не для честолюбивого молодого чиновника. Он отказался от назначения, желая получить место в парламенте, и был избран туда. В 1967 году он все еще сохранял за собой это место, и тем, кто посещал парламент, были хорошо знакомы густая копна его непослушных волос и темные, изогнутые дугами брови.

Сакомидзу сыграл важную роль в истории Японии. Он, пожалуй, первый предал гласности «тайну» конца войны. Его записки появились в печати в виде серии статей, которые затем вышли отдельной книгой.

А что же с Кидо? Один из самых противоречивых и сложных по натуре японцев, маркиз Коити Кидо, ближайшее доверенное лицо императора, более пяти лет занимал пост лорда — хранителя печати.

(В одном из первых распоряжений времен оккупации союзники упразднили этот пост. Придворные титулы, как и дворянские звания, были ликвидированы. Поэтому Кидо за одну ночь оказался не только не у дел, но и лишился своего сана.)

Мнения о его деятельности в период пребывания на этом посту крайне противоречивы.

Например, Хирохито 27 августа 1945 года выразил ему свою благодарность и глубокое уважение. В этот день

хранителя печати навестил министр императорского двора Исивата. Это был официальный визит. Исивата сообщил Кидо о решении императора наградить его за службу. Неожиданная радость: 20 000 иен, ящик консервов и бочонок саке высшего сорта.

Иначе отнесся Кидо к обвинениям в военных преступлениях, в частности использовании своего влияния для поддержки усилий военщины, которые в конечном счете привели к войне.

В предварительном обвинительном заключении содержалось много обвинений, всего — пятьдесят четыре, то есть на четыре больше, чем у Тодзио. Интересно, что лорд — хранитель печати не был признан виновным в совершении военных преступлений, но осужден по другим пунктам обвинительного акта и приговорен к пожизненному заключению.

Жестокая кара врага-победителя? Судите сами.

Кидо закончил свои обширные показания на процессе военных преступников следующим заявлением:

«Я чувствовал внутреннее удовлетворение оттого, что благодаря мне от разрушительного действия войны были спасены двадцать миллионов моих невиновных соотечественников; кроме того, я избавил американцев от миллионных потерь... если бы Япония продолжала войну до последнего солдата.

Единственное мое утешение в том, что в конце войны я смог развернуть бурную деятельность под августейшим руководством императора, предотвратил превращение Японии в поле боя и тем самым спас жизнь сотням миллионов людей».

Трудно сказать, закончилась ли война благодаря Кидо. Во всяком случае, он был изъят из общества и заключен в тюрьму для отбывания пожизненного заключения. Он находился там, пока Япония не освободилась от оккупации и не стала снова независимой.

В 1956 году Кидо вышел из тюрьмы. С тех пор он живет тихо и уединенно, часто встречается со своими друзьями.

Когда союзные войска высадились в Японии, в правящих кругах сильно возросло беспокойство за судьбу императора.

Было ясно, что победители арестуют самых видных японцев и подвергнут их суду за военные преступления.

В Соединенных Штатах сторонники «жесткого» мира требовали судебного процесса над Хирохито либо высылки его в Китай.

Генерал Макартур пишет в своих воспоминаниях: «Сознавая трагические последствия подобного шага... я сообщил, что мне в таком случае потребовались бы подкрепления численностью не менее миллиона солдат. Я полагал, что если бы император был осужден и, возможно, повешен как военный преступник, то потребовалось бы установить в Японии военное положение; вероятно, вспыхнула бы партизанская война».

Поэтому, когда несколько недель спустя император сообщил, что желает нанести визит верховному командующему войсками союзников, Макартур предположил, что, вероятно, он будет «пытаться защитить себя от обвинений в военных преступлениях».

В визите Хирохито все было необычным. Он оставил свой дворец. Сам поехал на встречу с Макартуром в американское посольство. Император предстал перед победителем в цилиндре, стоячем воротничке, полосатых брюках и визитке. Его сопровождали главный камергер, переводчик и врач. Недели бессонницы давали себя знать.

На этот раз слова Хирохито не были подсказаны ему ни Кидо, ни Того. Макартур так вспоминает их: «Я пришел к вам, генерал Макартур, чтобы отдать себя на суд держав, которые вы представляете, как единственный человек, несущий ответственность за все политические и военные решения и все действия, предпринятые моим народом в ходе войны». Слова эти привели командующего войсками союзников в замешательство.

Император — бог берет на себя полную ответственность за войну! Как и многие из его подданных, отдавших жизнь ради него, он предлагал сейчас свою жизнь ради подданных и в память о тех, кто пожертвовал собой ради него. На Императорском совете он сказал, что не сможет вынести того, что люди, так преданно служившие ему, будут схвачены победителями и наказаны как военные преступники. Он не мог помешать союзникам проявить власть, однако мог предложить себя вместо них...

Император не был осужден как военный преступник.

Достаточно дальновидный человек, Хирохито предвидел, что влияние оккупации, какой бы мягкой она ни была, глубоко отразится на жизни его страны, однако

считал, что японский образ жизни не будет предан забвению или извращен под воздействием всепроникающего иностранного влияния.

Вновь, как в период после первой мировой войны, демократические веяния взволновали страну. И Хирохито, будучи инициатором заключения капитуляции, подвел свой народ к признанию ее.

Он выезжал в свет, посещал угольные шахты и фабрики, школы, госпитали и новостройки. Он встречался с представителями прессы и народом.

В новогодний день 1946 года он в соответствии с пожеланиями оккупационных властей издал императорский рескрипт, который потряс древнейшие основы страны и уничтожил один из основных элементов в системе императорской Японии. В рескрипте говорилось: «Мы стоим вместе с народом и желаем всегда разделять с ним и радость и горе. Узы, связывающие нас, всегда покоились на обоюдном доверии и привязанности, а не только на легендах, мифах и ложных концепциях о божественности императора и о том, что японская нация поставлена выше всех остальных и ей суждено править миром».

Так он отказался от своей божественности. Он не без страха возвращал себя в лоно простых смертных, но утверждения об особой роли и расовом превосходстве японской нации отверг без колебаний.

Его сомнения в отношении необходимости публично объявить о своем отказе от статуса живого бога были основаны не на вере в то, что он действительно бог, а на боязни смятения и реакции, которые мог бы вызвать такой поступок.

Император с исключительным интересом следил за сообщениями прессы, стараясь определить реакцию, вызванную этим заявлением. Зарубежные отклики были единодушно благоприятными. В них сообщалось, что этот акт развеял некоторые немаловажные сомнения, вызывавшие недоверие к Японии, и, будучи логически доведен до конца, ликвидирует убеждения о каком-то исключительном характере японской расы, которые в прошлом являлись идеологической основой японских экспансионистских авантюр.

В ноябре 1946 года была провозглашена новая японская конституция. Она отменила конституцию Мэйдзи и ограничила власть императора.

Однако император продолжал оставаться главой японской нации как единой семьи. В торжественных случаях, таких, как открытие парламента, богослужение в храме Ясукуни, император появлялся для выполнения установленных ритуалов.

Свою точку зрения о современной Японии император не высказывал. Несомненно одно — у него нет сожалений о том, что он сделал решительный шаг в те роковые дни августа 1945 года.

В какой-то момент истории обстоятельства сделали Хирохито всемогущим императором — богом, и в этот момент он действовал решительно, как должны, но редко делают боги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Брукс

ЗА КУЛИСАМИ ЯПОНСКОЙ КАПИТУЛЯЦИИ

Редактор *Е. М. Соминский*
Литературный редактор *А. Г. Кобозева*
Художник *В. М. Ширшаков*
Художественный редактор *Г. В. Гречихо*
Технический редактор *Н. Я. Макарова*
Корректор *А. Н. Алексеева*

Сдано в набор 4.8.70 г. Подписано в печать 23.10.70 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 10¹/₂. Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 18,014
Бумага типографская № 2. Тираж 30.000 экз.
Цена 82 коп.

Изд. № 10/2459. Зак. 201.

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР. Москва, К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

82 к.

